91(47)
С37

Р
75948

Сибирь, её современное состояние и её нужды.

91(57) С 34. 91.47 С-34 75943 Р

СИБИРЬ

ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ и ЕЯ НУЖДЫ.

Географическій очеркъ Сибири **В. Сапожникова.**

Пути сообщенія въ Сибири **М. Соболева.**

Населеніе Сибири **Д. Клеменца.**

Земельный вопросъ и переселеніе **А. Кауфмана.**

Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири **М. Соболева.**

Торговля въ Сибири **М. Боголѣпова.**

Ссылка и каторга въ Сибири **В. Сѣрошевскаго.**

Города Сибири **Г. Н. Потанина.**

Нужды Сибири **Г. Н. Потанина.**

12087

Сборникъ статей

подъ редакціей

І. С. Мельника.

БИБЛІОТЕКА ТЮМЕНСКАГО ПРИКАЗЧИЧЬЯГО КЛУБА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе **А. Ф. Девріена.**
1908.

2933

Х-161

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Сибирь

ея современное состояніе

и ея нужды.

СИБИРЬ

ЕЯ СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ И ЕЯ НУЖДЫ.

✲

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

І. С. Мельника.

✲

Географическій очеркъ Сибири **В. Сапожникова.** — Пути сообщенія **М. Соболева.** — Населеніе **Д. Клеменца.** — Земельный вопросъ и переселеніе **А. Кауфмана.** — Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири **М. Соболева.** — Торговля въ Сибири **М. Боголѣпова.** — Ссылка и каторга въ Сибири **В. Сѣрошевскаго.** — Города Сибири **Г. Н. Потанина.** — Нужды Сибири **Г. Н. Потанина.**

Б-39

БИБЛІОТЕКА ТЮМЕНСКАГО ПРИКАЗЧИЧЬЯГО КЛУБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. Девріена.

1908.

Оглавленіе.

Стран.

Отъ редактора VII

Географическій очеркъ Сибири:
В. Сапожникова 1

1. Западная Сибирь 2
2. Восточная Сибирь 11
3. Амурско-Приморская окраина 16

Пути сообщенія въ Сибири:
М. Соболева 24

Населеніе Сибири:
Д. Клеменца 36

1. Ознакомленіе русскихъ съ Сибирью 38
2. Колонизація 42
3. Инородцы 54

Земельный вопросъ и переселеніе:
А. Кауфмана 79

Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири:
М. Соболева 141

Торговля Сибири:
М. Боголѣпова 169

Ссылка и каторга въ Сибири:
Вацлава Сѣрошевскаго 201

Города Сибири:
Г. Н. Потанина 235

Нужды Сибири:
Г. Н. Потанина 260

Отъ редактора.

Святая тревога, охватившая за послѣдніе годы Россію и населяющіе ее народы, духъ обновленія, повѣявшій надъ великой и неизмѣримой страной, вызвали необходимость лучше и глубже узнать экономическія и духовныя силы, таящіяся въ русской землѣ и призванныя создать новыя формы соціальнаго и политическаго развитія. Можно безъ преувеличенія сказать, что Россія, просыпающаяся отъ вѣкового оцѣпѣненія и стремящаяся опредѣлить свои культурныя задачи и міровое значеніе, недостаточно себя знаетъ. Жалобы Гоголя, полныя огненной боли и пророческой дальновидности, о томъ, что русскій человѣкъ мало интересуется настоящимъ положеніемъ своей родины, изученіемъ ея, сохранили свою обвинительную силу и по сей день. Эти, часто повторяющіяся, жалобы Гоголя были вдохновенны той-же печалью, какъ и знаменитое изреченіе Пушкина: „Мы лѣнивы и нелюбопытны".

Главная задача настоящаго сборника — познакомить читателя съ важнѣйшими вопросами Сибири, имѣющими глубокое значеніе для культурной и экономической жизни Россіи, и выдвинуть тѣ нужды, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ дальнѣйшее развитіе этого обширнаго края. „Острогъ и рудникъ — этимъ исчерпывается значеніе Сибири для Россіи", пишетъ одинъ изъ сотрудниковъ этого сборника. Дѣйствительно съ именемъ Сибири до сихъ поръ связано представленіе о большой каторжной тюрьмѣ, въ которую отправляютъ „преступные" элементы всей необъятной Россіи. А, между тѣмъ, Сибирь является страной, обладающей неисчерпаемыми природными богатствами и своеобразнымъ населеніемъ, способнымъ къ самостоятельному культурному творчеству. Вся печальная исторія Сибири какъ бы подтверждаетъ мнѣніе многихъ иностранныхъ ученыхъ о Россіи, что она умѣетъ

завоевать новыя территоріи, но не умѣетъ колонизовать, что медленная, упорная, сознательная и цѣлесообразная культурная работа ей не по силамъ.

Настоящій сборникъ чуждъ всякой политической тенденціозности. Если же въ красочной, яркой и содержательной статьѣ „Нужды Сибири“ маститаго Г. Н. Потанина иногда прорывается рѣзкая и глубоко продуманная критика по отношенію къ сибирской политикѣ нашей правительственной системы, то она неразрывно связана съ важной и животрепещущей темой статьи. Картина современной Сибири была бы не полна, если бы не хватало въ ней одной детали—идеи сибирскаго сепаратизма, защитникомъ и глашатаемъ которой является глубокоуважаемый и заслуженный Г. Н. Потанинъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что русско-японская война придала Сибири международное значеніе, что культурный подъемъ Сибири необходимъ для Россіи и по соображеніямъ внѣшней политики. Будемъ надѣяться, что великій и сложный прогрессъ обновленія Россіи явиться новой эрой и для Сибири.

І. Мельникъ.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Географическій очеркъ Сибири.

В. Сапожникова.

Сибирь занимаетъ площадь въ 12.000.000 кв. верстъ. Она протянулась отъ Уральскаго хребта до Великаго океана на 130° долготы. Съ юга Сибирь ограничена непрерывной цѣпью горныхъ хребтовъ. Начинаясь ничтожными возвышенностями водораздѣла между системой Оби и Арало-Каспійскаго бассейна, горные кряжи переходятъ въ высокій Тарбагатай и мощный Алтай, откуда на востокъ и сѣверо-востокъ идетъ сплошная гряда Саянскаго хребта, который дальше къ берегу Великаго океана переходитъ въ Яблоновый и Становой хребетъ. Только на крайнемъ Востокѣ Сибири ея южная граница сходитъ съ гребня хребтовъ и приближается къ Великому Океану по Амуру и Уссури, а хребетъ почти по берегу тянется на сѣверо-восточную оконечность Азіи, къ Берингову проливу. Сѣверная окраина Сибири омывается холоднымъ Ледовитымъ Океаномъ, большую часть года затянутымъ льдами. Самый южный пунктъ Сибири лежитъ около 45° сѣверной широты, а самый сѣверный (мысъ Челюскинъ) *) — около 77°. Понятно, что при такой протяженности по широтѣ и долготѣ Сибирь вмѣщаетъ въ себѣ самыя разнохарактерныя мѣстности и картины природы, отъ снѣжныхъ вершинъ до знойныхъ степей, отъ угрюмыхъ умановъ до унылой безграничной тундры. Кромѣ господствующей, предпріимчивой славянской расы, здѣсь разселилось множество инородческихъ племенъ съ различною рѣчью и различнымъ происхожденіемъ.

Въ административномъ отношеніи территорія Сибири раздѣляется на Западную Сибирь, Восточную Сибирь и Амурско-Приморскую окраину.

---

*) Или Сѣверо-Восточный.

1. Западная Сибирь.

Западная Сибирь вмѣщаетъ въ себѣ двѣ губерніи: Тобольскую и Томскую и Степное Генералъ-Губернаторство, состоящее изъ двухъ областей: Акмолинской и Семипалатинской. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ площадь около 3 милліоновъ квадратныхъверстъ.

Отъ Европейской Россіи Западная Сибирь отграничена Уральскимъ хребтомъ, хотя административная граница проходитъ по хребту лишь въ сѣверной половинѣ, а къ югу отъ 62 сѣверной широты она сходитъ съ хребта и проведена восточнѣе водораздѣловъ Европейскихъ и Сибирскихъ рѣкъ. Восточная граница пролегаетъ отъ Тазовской губы на югъ приблизительно по водораздѣлу Оби и Енисея, отсѣкая лишь нѣкоторыя верховья притоковъ Оби. На югѣ Западная Сибирь, частью упирается въ возвышенности Алтая и Тарбагатая, частью переходитъ въ обширныя сухія степи Семирѣчья и Туркестана; но въ послѣднемъ районѣ она болѣе или менѣе придерживается водораздѣла Иртыша и рѣкъ Балхашскаго бассейна, обозначеннаго невысокими кряжами хребтовъ Чингисъ, Аркатъ и др. Съ сѣвера Западная Сибирь омывается водами Сѣвернаго Ледовитаго Океана.

Въ этихъ границахъ залегаетъ обширная площадь, суженая на сѣверѣ около Орской губы и значительно уширенная къ югу; она охватываетъ бассейны рѣкъ Оби и Иртыша въ его среднемъ и нижнемъ теченіи. Юго-восточный уголъ Западной Сибири занятъ Алтайской возвышенностью и Тарбагатаемъ, а все остальное разстилается на тысячи верстъ въ видѣ низменной равнины отъ южной окраины вплоть до Ледовитаго океана.

Русскій Алтай вмѣстѣ съ юго-восточнымъ продолженіемъ его—Монгольскимъ Алтаемъ, является главнымъ собирателемъ влаги для Западной Сибири; здѣсь формируются двѣ артеріи края: Обь и Иртышъ, впослѣдствіи лишь пополняемыя притоками съ Урала и изъ таежныхъ болотъ.

Алтай занимаетъ пространство больше 500 верстъ въ длину и ширину. Онъ состоитъ изъ многихъ хребтовъ, протянувшихся главнымъ образомъ, по параллелямъ; только западная и сѣверо-западные его отроги развертываются на подобіе вѣера, причемъ нѣкоторые направляются даже по меридіану, какъ, напр., Кузнецкій Алатау. Главная ось русскаго Алтая, Катунско-Чуйская гряда, сдвинута къ югу; по обѣ стороны ея хребта постепенно понижаются, притомъ въ южномъ направленіи быстрѣе, чѣмъ въ сѣверномъ. Только въ юго-восточномъ углу горы вновь подымаются

и, образовавъ высокій снѣжный узелъ Табынъ-Богдо-Ола, уходятъ на юго-востокъ широкой грядой Монгольскаго Алтая уже въ Китайскихъ предѣлахъ.

Катунско-Чуйскій хребетъ имѣетъ среднюю высоту до 10 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, а отдѣльныя вершины его поднимаются значительно выше; такъ Бѣлуха, или Катунскіе столбы, въ западномъ крылѣ достигаютъ высоты 14.800 футовъ, а гора Іикту въ восточномъ крылѣ около 14.000 фут. Главныя вершины хребта покрыты постоянными снѣгами, откуда и возникло названіе Алтайскихъ горъ—„бѣлки“. Снѣжная линія въ Алтаѣ проходитъ, приблизительно, на высотѣ 9.000 футовъ надъ уровнемъ моря. Снѣга образуютъ довольно много ледниковъ, которые по общему характеру и размѣрамъ приближаются къ швейцарскимъ глетчерамъ. Многіе изъ Алтайскихъ ледниковъ достигаютъ 8—10 верстъ длины и спускаются до абсолютной высоты около 7.000 футовъ, т. е. до верхней границы лѣса. На различныхъ склонахъ двуглавой Бѣлухи залегаетъ семь большихъ ледниковъ перваго ряда и свыше 10 малыхъ во второмъ ряду. Общая поверхность оледенѣнія на склонахъ Бѣлухи достигаетъ 60 квадратныхъ верстъ. Крупные ледники спускаются также съ сѣвернаго склона Чуйскаго хребта и образуются изъ снѣговъ вершинъ Іикту, Джанъ-Іикту, Ирбисту и цѣлаго ряда другихъ. Одинъ изъ ледниковъ Чуйской гряды въ истокахъ Чеганъ-Узуна достигаетъ 18 квадратныхъ верстъ поверхности. Кромѣ двухъ упомянутыхъ, есть и меньшіе ледниковые узлы въ предѣлахъ высокаго Алтая.

Современные Алтайскіе ледники являются небольшими остатками отъ громадныхъ древнихъ ледниковъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ ясные слѣды прежняго оледенѣнія въ видѣ моренныхъ холмовъ и шлифованныхъ скалъ, которыя находятся въ долинахъ верстъ на 40—50 ниже современныхъ ледниковъ.

Другіе хребты Алтая едва достигаютъ снѣжной линіи, но многіе изъ нихъ далеко выдаются за верхнюю границу лѣса и по верхамъ покрыты альпійскими лугами; таковы хребты: Теректинскій, Коргонскій, Курайскій въ сѣверномъ Алтаѣ, Нарымскій и Бухтарминскій въ южномъ Алтаѣ. Ближе къ краю Алтайскаго нагорія хребты значительно понижаются и постепенно таютъ въ прилегающихъ широкихъ степяхъ.

Въ большей части нагорія хребты раздѣлены узкими долинами, которыя лишь кое-гдѣ расширяются въ горныя степи съ раскинутыми по нимъ поселками; такова, напримѣръ, населенная Уймонская степь въ среднемъ теченіи Катуни. Юго-восточная часть нагорія развиваетъ обширныя высокія плоскогорія пустыннаго харак-

тера, по природѣ напоминающія сосѣднюю Монголію; таковы Чуйская степь и плоскогорія Укокъ; здѣсь по климатическимъ условіямъ земледѣліе невозможно, и плоскогорія населены лишь кочевниками-скотоводами.

Хребты Алтая сложены на большей части площади изъ кристаллическихъ сланцевъ, мѣстами пересѣченныхъ широкими полосами гранита; осадочныя породы встрѣчаются только по предгоріямъ (напр., известняки сѣвернаго Алтая или третичныя отложенія Бухтармы). Рудныя мѣсторожденія расположены по невысокимъ окраинамъ нагорія; какъ, напр., серебряныя руды Зыряновскаго и Змѣиногорскаго рудниковъ или желѣзныя мѣсторожденія Салаира. Сѣверные склоны Алтайскихъ хребтовъ покрыты хвойными лѣсами, тогда какъ южные остаются обнаженными отъ лѣса. Въ Алтаѣ встрѣчаются всѣ пять хвойныхъ породъ. Главная порода Алтая—лиственница, образуетъ свѣтлыя сплошныя насажденія съ цвѣтистыми лугами между деревьями. Рѣднѣе представлены кедръ, пихта и ель и то преимущественно въ сѣверной черневой полосѣ, по рѣкѣ Біи и ея притокамъ. Сосна растетъ только по предгоріямъ и глубокимъ долинамъ, не заходя въ горы выше 2.500 футовъ. Верхнюю границу образуютъ то кедръ, то лиственница, которыя поднимаются до высоты отъ 7 до 8 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Выше раскидывается полоса низкорослыхъ кустарниковъ (полярныя березки, приземистыя ивы и др.). Еще выше, вплоть до скалъ и снѣговъ, простираются цвѣтистые сочные альпійскіе луга.

Алтай, какъ и всякая горная страна, покрыта цѣлой сѣтью рѣчекъ и потоковъ, частью ледниковыхъ съ молочнобѣлою водой, частью родниковыхъ и озерныхъ съ водою совершенно прозрачной. Большая часть Алтайскаго нагорія принадлежитъ истокамъ Оби; изъ нихъ въ центральной части Алтая формируется Катунь, а въ восточной—Бія съ живописнымъ Телецкимъ озеромъ. Сѣверо-восточныя хребты Алтая даютъ нѣкоторые притоки Енисею (Абаканъ), а южная окраина — Иртышу (Бухтарма, Ульба, Курчумъ и др.). Горныя рѣки въ верхнемъ теченіи стремятся въ тѣсномъ руслѣ пѣнистыми потоками и шумными каскадами, иногда образуя высокіе водопады. Успокоившись въ среднихъ долинахъ, онѣ часто вновь наталкиваются на каменныя загражденія и образуютъ непроходимые для судовъ пороги, черезъ которые лишь съ большимъ рискомъ можно проходить плотамъ. Пополняясь боковыми притоками со всѣхъ окрестныхъ хребтовъ, горныя рѣки усиливаются все больше и больше и мощнымъ русломъ плавно вытекаютъ изъ горныхъ долинъ въ широкія степи.

Катунь, начинаясь ледникомъ на южномъ склонѣ Бѣлухи, на

протяженіи 600 верстъ вьется между горными кряжами; протекая то тѣсными ущельями, то степными долинами, она собираетъ дань со всѣхъ пролегающихъ хребтовъ болѣе или менѣе сильными притоками. Самыми крупными притоками Катуни являются Аргутъ и Чуя съ правой стороны; первый начинается на крайнемъ юго-востокѣ русскаго Алтая, въ горной группѣ Табынъ-Богдо-Ола, а вторая въ пограничномъ хребтѣ Сайлюгемъ, питаясь, кромѣ того, ледниками Чуйскаго хребта. Къ устью Катунь превращается въ тихую покойную рѣку до 150 саж. ширины и въ 15 верстахъ отъ города Бійска сливаетъ свои молочнобѣлыя воды съ прозрачной синей Біей.

Второй крупный истокъ Оби—Бія по ширинѣ приближается къ Катуни, но отличается отъ послѣдней меньшей протяженностью, если считать ея началомъ выходъ изъ Телецкаго озера. Впрочемъ, если принять во вниманіе, что само озеро питается, главнымъ образомъ, Чулышманомъ, который можно считать за верхнее продолженіе Біи, то длина послѣдней немного уступаетъ Катуни. Въ водосборномъ районѣ Біи пѣтъ ледниковъ, такъ какъ горы здѣсь значительно ниже, а прозрачности воды Біи способствуетъ еще отстаиваніе въ такомъ обширномъ озерѣ, какъ Телецкое. Чулышманъ начинается въ хребтѣ Сайлюгемъ; пройдя тѣсную долину и пополнившись Башкаусомъ, онъ впадаетъ въ Телецкое озеро.

Телецкое озеро вытянулось между высокими хребтами около 75 верстъ длины при ширинѣ отъ 2 до 6 верстъ; глубина его доходитъ до 170 саж.; вслѣдствіе чего температура воды въ средней части озера не поднимается выше 9° Ц. Горные хребты, окаймляющіе озеро со всѣхъ сторонъ, поднимаются до 8.000 фут. абсолютной высоты. Скалистыми обрывами и крутыми лѣсистыми гривами они падаютъ къ синей глади озера, придавая ему сходство съ самыми красивыми озерами Швейцаріи. По выходѣ изъ Телецкаго озера Бія протекаетъ по лѣсистой черневой части Алтая и усиленная нѣсколькими притоками, сливается съ Катунью, образуя рѣку Обь.

Тарбагатай съ горнымъ узломъ Сауръ только сѣверными склонами принадлежитъ Сибири, тогда какъ южные склоны падаютъ частью въ Семирѣчье, частью въ Монголію. Этотъ горный кряжъ во многомъ сходенъ съ Алтаемъ, но значительно уступаетъ ему, какъ своей площадью, такъ и возвышеніемъ надъ уровнемъ моря. Его главныя вершины Мусъ-Тау едва переходятъ 12 тысячъ футовъ и лишь въ восточной части образуютъ небольшіе ледники. Зародившіяся въ нихъ рѣчки лѣтомъ теряются въ степи и почти не доходятъ до Иртыша.

Упомянутые выше южные пограничные хребты Чингисъ, Аркатъ и др. представляютъ собою сухіе скалистые кряжи, почти совершенно не дающіе рѣчекъ.

Отъ описанной горной окраины къ сѣверу вплоть до Ледовитаго Океана разстилается Западно-Сибирская низменность. При средней высотѣ около 400 футовъ надъ уровнемъ моря, она незамѣтно падаетъ къ сѣверу, не имѣя почти нигдѣ сколько-нибудь выдающихся горъ. Возвышенности по правому берегу Иртыша близъ его устья и по правому же берегу Оби въ ел нижнемъ теченіи едва поднимаются на 2 десятка саж. надъ уровнемъ рѣки. Только въ сѣверо-западномъ углу отроги Уральскаго хребта вновь дѣлаютъ мѣстность холмистой, но и эта возвышенность занимаетъ лишь ничтожную часть всей площади.

Южная киргизская степная полоса въ Акмолинской и Семипалатинской области представляетъ изъ себя сухую безлѣсную равнину. Усыпанныя мелкимъ щебнемъ площади, мѣстами прерываемыя безплодными солончаками, едва прикрыты ничтожной травкой. На протяженіи 200—300 верстъ вы здѣсь не встрѣтите ни одного поселка, а вслѣдствіе отсутствія воды лѣтомъ здѣсь нѣтъ и кочевниковъ, и лишь одинокіе станціонные домики по тракту немного разнообразятъ общую унылость ландшафта.

По мѣрѣ приближенія къ Иртышу, мѣстность замѣтно оживаетъ, появляется влага, а вмѣстѣ съ ней растительность. Та же ровная степь вдоль Иртыша и въ верхнемъ теченіи Оби плотнѣе одѣвается травянистымъ покровомъ. Вдоль береговъ узкой полосой протянулись сосновые боры; но они не заходятъ сколько-нибудь глубоко въ материкъ. Подгорная полоса волнистой пріалтайской степи въ Змѣиногорскомъ и Барнаульскомъ уѣздахъ, также нѣкоторыя пространства около Семипалатинска и Павлодара, славятся своими тучными почвами и урожаями озимой пшеницы. Тѣмъ не менѣе эти открытыя степи, при несомнѣнномъ запасѣ плодородія почвы, страдаютъ отъ недостатка орошенія и на значительныхъ пространствахъ пригодны лишь для скотоводства, а не для земледѣльческой культуры.

Безлѣсныя степи къ сѣверу постепенно переходятъ въ лѣсостепь, гдѣ среди обширнаго травяного покрова разбросаны отдѣльные колки березоваго лѣса. На пространствѣ между Обью и Иртышемъ лѣсо-степь называется Барабой, а къ западу отъ Иртыша—Ишимскою степью. Бараба не представляетъ совершенной равнины, а пересѣчена невысокими гривами отъ 2 до 4 саж. высоты. Гривы протянулись съ юго-запада на сѣверо-востокъ и частью заходятъ въ область лѣсовъ. Лѣсо-степь раскинулась ши-

рокой полосой по обѣ стороны Сибирской желѣзной дороги и въ настоящее время довольно быстро заселяется. Богато развитое скотоводство въ этой полосѣ сказывается, между прочимъ, въ тѣхъ милліонахъ пудовъ масла, которые вывозятся отсюда за границу. Впрочемъ недостатокъ хорошей воды и здѣсь даетъ себя чувствовать. Весной притоки Иртыша разливаются на цѣлыя версты, а лѣтомъ пересыхаютъ до размѣровъ ничтожныхъ рѣчекъ. Обиліе озеръ, порою довольно крупныхъ (Чаны), мало выручаютъ, такъ какъ многіе изъ нихъ имѣютъ солоноватую воду, негодную для питья, а нѣкоторые настолько богаты солями, что служатъ для лѣчебныхъ цѣлей (Карачи). Почва, мѣстами солоноватая, также не вездѣ благопріятна для земледѣльческой культуры; тѣмъ не менѣе общая площадь распашки сильно возрастаетъ вмѣстѣ съ расширеніемъ переселенія.

Слѣдующая къ сѣверу полоса, таежная или урманная, начинается верстъ на 100—150 сѣвернѣе линіи желѣзной дороги и только на востокѣ соприкасается съ нею. На широкомъ водораздѣлѣ Оби и Иртыша на сотни верстъ раскинулось малоизвѣданное Васюганское болото, поросшее непролазнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Этотъ низкій водораздѣлъ также представляетъ равнину, гдѣ только береговые яры изрѣдка поднимаются на десятокъ саж., а верховья рѣкъ „исходятъ травой“, теряясь въ необъятныхъ болотахъ и озерахъ, лѣтомъ совершенно непроходимыхъ. Рѣдкіе путешественники проникали сюда на лодкахъ по Оби со стороны Иртыша или по Васюгану со стороны Оби, и только зимой промышленники проходятъ водораздѣлъ на лыжахъ. Весною болота сливаются вмѣстѣ съ истоками рѣкъ, и образуется сплошное Васюганское море. Угрюмый урманъ, состоящій изъ хвойныхъ породъ, да низкорослый „рямъ“ *) поросли эту тоскливую равнину и надолго она останется достояніемъ звѣрей, рѣдкихъ охотниковъ и еще болѣе рѣдкихъ путешественниковъ. Темныя заросли состоятъ преимущественно изъ кедра, ели и пихты, и только по сухимъ берегамъ и гривамъ селится сосна и лиственница.

Нѣкоторое подобіе Васюганья въ миніатюрѣ представляетъ болото Таганъ на водораздѣлѣ Оби и Томи. На десятки верстъ раскинулась трясина, заросшая болотными травами и рямовой сосной; на ровной поверхности болота возвышаются пригорки—острова, и все болото по сухимъ берегамъ окаймлено густымъ хвойнымъ насажденіемъ. Изъ болота въ сторону Томи течетъ Черная рѣчка, а въ Обь ея правый притокъ—Таганъ. Повышеніе

*) Карликовая сосна.

водораздѣла совершенно не чувствуется, и лишь по направленію вытекающихся рѣчекъ можно судить объ уклонѣ.

Много сходнаго въ обликѣ мѣстности съ описаннымъ Васюганьемъ мы находимъ сѣвернѣе—въ Сургутскомъ и Нарымскомъ краѣ. Та же безъисходная равнина, тѣ же болота и многочисленные протоки Оби, поросшіе и не поросшіе лѣсомъ, тѣ же истоки, исходящіе травою. Но чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ больше мельчаетъ лѣсъ, переходя въ рѣдкое, чахлое криволѣсье; наконецъ около 64° сѣверной широты и оно исчезаетъ, и до береговъ холоднаго Океана разстилается ровная, унылая тундра. Плотный покровъ изъ мховъ и лишайниковъ съ примѣсью немногихъ полярныхъ травъ затягиваетъ собою вѣчную мерзлоту. Въ короткое лѣто почва оттаиваетъ сверху едва на 1/2 аршина, и бѣдный растительный покровъ долженъ спѣшить своимъ ростомъ, чтобъ его не захватили ранніе августовскіе морозы. Длинный день, безъ ночного перерыва, освѣщаетъ эту убогую, пустынную равнину безъ признаковъ звѣря и человѣка, потому что „гнусъ“ *), свойственный и урманной полосѣ, гонитъ отсюда на сѣверъ оленя, а за нимъ и бродячаго человѣка.

Западная Сибирь на всемъ протяженіи съ юга на сѣверъ пересѣкается Обью и ея главнымъ притокомъ—Иртышемъ. Общая длина Оби простирается больше 4.000 верстъ, считая ея началомъ истокъ Катуни. Отъ сліянія Катуни и Біи, Обь сразу дѣлается судоходной вплоть до устья, т. е. на протяженіи до 3.500 верстъ. Сначала она проходитъ степную полосу, и здѣсь ея русло около 1 версты ширины хорошо очерчено высокими берегами. На этомъ участкѣ стоитъ городъ Барнаулъ. Близъ гор. Ново-Николаевска, т. е. близъ линіи желѣзной дороги, Обь вдается въ полосу лѣсовъ. Берега ея дѣлаются все ниже, появляется много острововъ, рѣка дѣлается шире и часто разбивается на протоки. Особенно много протоковъ въ нижнемъ теченіи. Весенній разливъ часто держится до конца іюня, и тогда низменные берега заливаются водой на десятки верстъ; отъ потонувшихъ острововъ остаются на виду только верхушки тальниковъ. Но и въ малую воду ширина Оби въ среднемъ теченіи простирается отъ 2—6 верстъ, а къ устью и до 20 верстъ. Она впадаетъ въ Обскую губу, которая имѣетъ до 750 верстъ длины; глубина Обской губы—болѣе 6 саж., но вслѣдствіе нахожденія въ устьѣ Оби мелкаго бара (10 футъ.) морскіе пароходы не могутъ заходить изъ губы въ рѣку.

Значительные притоки, не считая Иртыша, Обь получаетъ съ правой стороны; упомянемъ изъ нихъ: Томь, Чулымъ, Кеть и Вахъ.

---

*) Комары и др. насѣкомыя.

Каждый изъ нихъ представляетъ значительную рѣку, на нѣкоторомъ протяженіи судоходную. Кеть посредствомъ Обь-Енисейскаго канала сообщается съ бассейномъ Енисея.

Иртышъ начинается на юго-зап. склонѣ Монгольскаго Алтая въ предѣлахъ Китая и вступаетъ въ Россію уже судоходной рѣкой подъ именемъ Чернаго Иртыша. Пройдя озеро Зайсанъ (болѣе 100 верстъ длины), Иртышъ поворачиваетъ на сѣверъ и отсѣкаетъ юго-западную окраину Алтая (Колбинскія горы). Горная часть теченія Иртыша между устьемъ Бухтармы и гор. Устькаменогорскомъ очень живописна. Дальше онъ выходитъ въ степь и постепенно принимаетъ сѣверо-западное направленіе Въ степной части на Иртышѣ стоятъ города Семипалатинскъ, Павлодаръ и Омскъ (пересѣченіе желѣзной дороги). Близъ города Тары онъ входитъ въ полосу урмановъ, но берега его остаются по большей части высокими, и протоковъ онио бразуютъ мало. Главные притоки Иртыша приходятъ съ лѣвой стороны: таковы Ишимъ и Тоболъ съ Турой. Иртышъ судоходенъ отъ Китайской границы до устья.

Особенно живое пароходное сообщеніе поддерживается между Барнауломъ и Томскомъ съ одной стороны и Тюменью—съ другой по Оби, Иртышу, Тоболу и Турѣ. Съ проведеніемъ жел. дор. путь этотъ много потерялъ въ своемъ значеніи.

Климатъ Западной Сибири вообще отличается большей суровостью и континентальностью, чѣмъ климатъ Европейской Россіи на соотвѣтствующей широтѣ. Континентальность сказывается въ меньшемъ количествѣ осадковъ и въ большей разности лѣтнихъ и зимнихъ температуръ, а суровость—вообще въ болѣе низкихъ среднихъ температурахъ года. Только въ южной полосѣ средняя годовая температура поднимается немного выше 0 (около 0,4 С.) а на южной окраинѣ Урманной полосы она уже нѣсколько ниже 0. (Томскъ—0,6 С.); въ полосѣ же тундры спускается до—5 С. и того ниже. Отсюда понятно, что земледѣліе ведется съ успѣхомъ только въ южной полосѣ Сибири, приблизительно до параллели Томска, сѣвернѣе же оно встрѣчается небольшими островками, совершенно исчезая въ Нарымскомъ краѣ.

Въ большой зависимости отъ климатическихъ условій находится растительный покровъ страны. Западная Сибирь въ этомъ отношеніи стоитъ довольно близко къ сопредѣльнымъ областямъ Европейской Россіи. Степи и лѣсные луга Западной Сибири во многомъ повторяютъ флору Уфимской и Пермской губерній, но пріобрѣтаютъ и нѣкоторыя новыя формы, какъ, напр., розовые піоны, оранжевые огоньки, желтыя фіалки, новые генціаны и др. Больше наблюдается разницы въ лѣсномъ покровѣ. Западная Сибирь почти лишена

формъ широколиственнаго лѣса; здѣсь нѣтъ ни дуба, ни вяза, ни клена; липа лишь въ Тобольской губерніи переходитъ Уралъ, да еще осталась небольшимъ вымирающимъ островкомъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ Томской губерніи. Изъ лиственныхъ деревьевъ здѣсь богато встрѣчаются осина да береза, не считая рябины, черемухи, калины и др. Зато хорошо представлены всѣ пять породъ хвойныхъ. По сухимъ гривамъ и въ особенности въ прибрежной полосѣ тянутся сосновые боры иногда вмѣстѣ съ лиственницей; сырая тайга поросла кедромъ, пихтой и елью. Кедровники мѣстами сохранились въ видѣ прекрасныхъ парковъ около селъ и по болѣе сухимъ мѣстамъ. Къ сожалѣнію, лѣсные пожары и человѣкъ быстро уничтожаютъ хвойные лѣса и особенно въ населенныхъ мѣстностяхъ. Особымъ богатствомъ и оригинальностью формъ отличаются альпійскіе луга Алтая; ихъ пестрый коверъ состоитъ изъ ярко раскрашенныхъ лютиковъ, анемонъ, хохлатокъ, астрагаловъ, генціанъ и другихъ. Виднымъ украшеніемъ Алтайскихъ скалъ является особая порода альпійской розы, такъ называемый маральникъ, цвѣтущій весной ярко-фіолетовыми цвѣтами. Многія формы Алтая весьма сходны съ удаленными отсюда формами Карпатъ и Альпъ, а въ юго-восточномъ Алтаѣ по высокимъ нагорьямъ есть немало видовъ эндемическихъ или общихъ съ сосѣдней Монголіей.

Фауна позвоночныхъ въ Сибирской низменности представляетъ мало особенностей: тѣ же медвѣди, волки, рыси изъ хищниковъ, лоси, олени, косуля изъ травоядныхъ; тѣ же глухари, тетерева, рябчики и породы утокъ, что въ Европейской Россіи. Больше отличія мы находимъ въ сибирскихъ рыбахъ, среди которыхъ весьма распространены породы сиговыхъ: пельма, муксунъ, харюсъ, сырокъ, и др. Высокій Алтай приноситъ нѣкоторое разнообразіе фауны; въ скалистыхъ горахъ въ обиліи сохранились каменные козлы и дикіе бараны, среди камней посвистываютъ сурки и сѣноставки, поетъ горная индѣйка и клохчетъ каменная куропатка.

Западная Сибирь, раньше другихъ областей занятая русскими, населена плотнѣе. Русское разселеніе распространялось прежде всего по большимъ рѣкамъ, и здѣсь расположены главные города и села: Семипалатинскъ, Омскъ и Тобольскъ на Иртышѣ, Томскъ въ 70 верстахъ отъ Оби на ея притокѣ Томи. Инородческія племена частью вкраплены между русскими, если они приняли осѣдлый образъ жизни (татары), частью оттѣснены на окраины: киргизы въ южныхъ степяхъ, алтайцы въ Алтаѣ, остяки и самоѣды на сѣверѣ. Общая цифра населенія Западной Сибири въ описанныхъ выше границахъ въ 1900 г. опредѣляется около 5 милліоновъ или меньше 2 чел. на 1 кв. версту.

2. Восточная Сибирь.

Восточная Сибирь занимаетъ площадь около $6^1/_2$ милліоновъ квадратныхъ верстъ между 51^0 и 77^0 $33'$ сѣверной широты и 47^0 и 141^0 восточной долготы. Она состоитъ изъ двухъ губерній—Енисейской и Иркутской и Якутской области.

Съ запада Восточная Сибирь граничитъ съ Тобольской и Томской губерніями. Южной окраиной она опирается на Саянскій хребетъ, образующій здѣсь выпуклую къ сѣверу дугу (Эргикъ-Таргакъ-Тайга). На востокѣ она соприкасается съ Амурской окраиной по Становому и Яблоновому хребту, на сѣверѣ омывается тѣмъ же Ледовитымъ океаномъ.

Общій характеръ мѣстности въ предѣлахъ Западной Сибири смѣняется въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ Западной. Также на южной окраинѣ протянулись горные хребты, къ которымъ съ сѣвера прилегаютъ степи, переходящія дальше въ полосу тайги; также сѣверная окраина занята обширной тундрой. Но есть и существенная разница. Большая часть площади возвышеннѣе и суше; такихъ обширныхъ болотъ, какъ Васюганье, здѣсь нѣтъ. Степи занимаютъ сравнительно весьма небольшую площадь. Тундра также обширнѣе и дальше задается на сѣверъ.

Саянскій хребетъ въ общемъ протянулся съ запада на востокъ и собранъ тѣснѣе, чѣмъ Алтайская возвышенность. Простираясь на западѣ все-таки еще довольно широкимъ массивомъ, Саяны въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ отдѣляютъ отъ себя массу невысокихъ отроговъ, раздѣленныхъ низменностями. Отроги выдвигаются къ сѣверу дальше 60^0 и придаютъ всей площади видъ горной страны. Ближе къ Байкальскому озеру хребетъ уширяется и состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ грядъ, между которыми особенно замѣчателенъ ближайшій къ Иркутску Тункинскій хребетъ. Наибольшаго возвышенія Саяны достигаютъ въ вершинѣ Мунку-Сардыкъ, близъ озера Коссоголъ на китайской границѣ (11.430 футовъ надъ уровнемъ моря). Остальныя вершины Саянъ не переходятъ высоты 8.000 футовъ и потому лѣтомъ совершенно обнажаются отъ снѣга. Вслѣдствіе этого алтайское названіе бѣлокъ здѣсь замѣняется словомъ „голецъ“. Хребетъ, окружающій озеро Байкалъ, также не достигаетъ снѣжной линіи. Саяны, особенно на сѣверномъ склонѣ, покрыты густыми хвойными лѣсами, гдѣ преобладаютъ сырыя насажденія кедра, пихты и ели. Лиственница есть только по сухимъ южнымъ склонамъ, а сосна по предгоріямъ и низкимъ долинамъ. Кое-гдѣ горные хребты вдаются въ область альпійскаго луга, развитаго здѣсь небогато. Одной изъ особенностей кустарной

флоры хребта является кашкара (Rhododendron chrysanthum), низкіе стелющіеся стебли котораго съ плотнымъ покровомъ блестящихъ листьевъ и золотистожелтыми цвѣтами затягиваютъ десятки квадратныхъ саженъ. Небольшія лѣсныя прогалины, часто болотистыя, затянуты пушистымъ покровомъ лишайниковъ.

По правымъ притокамъ Енисея: Маны, Кана и др. таежныя насажденія спускаются въ низы и здѣсь, какъ и въ горахъ, даютъ пріютъ медвѣдю, соболю, сѣверному оленю, косулѣ и другимъ звѣрямъ.

Продолженіемъ Саянскаго хребта къ сѣверо-востоку служатъ Круго-Байкальскія горы, достигающія 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря, въ широкой долинѣ которыхъ расположено одно изъ колоссальнѣйшихъ озеръ земного шара—Байкалъ.

На сѣверо-востокъ отъ Байкала до самой Камчатки больше чѣмъ на 3.000 верстъ протянулся Становой и Яблоновый хребетъ, служащій водораздѣломъ между водами, текущими въ Ледовитый и Тихій океаны.

Всѣ главные гребни Саянскаго хребта, его отроги и Яблоновый хребетъ сложены изъ кристаллическихъ породъ: гранитовъ, сіенитовъ, діоритовъ, порфировъ и кристаллическихъ сланцевъ. Въ восточной части Саянскаго хребта, а также въ невысокихъ кряжахъ, пересѣкающихъ восточно-сибирскую равнину между Ангарою и Подкаменной Тунгуской, встрѣчаются настоящія вулканическія породы и остывшія лавы. Осадочныя породы на склонахъ Саянъ и въ другихъ мѣстностяхъ области состоятъ преимущественно изъ песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ. Многіе кряжи Восточной Сибири заключаютъ въ себѣ значительныя минеральныя богатства, серебряныя, свинцовыя и мѣдныя руды, желѣзныя мѣсторожденія и мощные пласты каменнаго угля; но болѣе всего Восточная Сибирь богата золотыми розсыпями, расположенными по горнымъ кряжамъ и плоскогоріямъ, а главнымъ образомъ по системѣ рѣкъ Витима и Олекмы.

По р. Енисею склоны Саянъ переходятъ въ возвышенную Минусинскую степь, житницу Енисейскаго края. Она раскинулась между отрогами Саянъ на востокѣ и хребтомъ Кузнецкаго Алатау съ запада. Степь образована девонскими осадками, которые вслѣдствіе тектоническихъ причинъ приняли волнообразную форму. Подходя къ берегу Енисея, эти волны обрываются красивыми красными утесами (Туранъ, Оюкъ, Оглахты и др.). Кое-гдѣ въ степи еще сохранились остатки Девонскаго моря въ видѣ соленыхъ озеръ; между ними особенно знаменито своими цѣлебными качествами оз. Шира. Минусинскія степи представляютъ прекрасныя пастбища и хорошія условія для земледѣлія, особенно въ южной полосѣ.

Сѣверная часть Восточной Сибири по низовьямъ Енисея, Лены и другихъ рѣкъ, текущихъ въ Сѣверный океанъ, представляетъ изъ себя почти такую же равнину, какъ и въ Западной Сибири, только въ Якутской области горные отроги дальше заходятъ на сѣверъ и оставляютъ для тундры сравнительно узкую полосу.

Восточная Сибирь охватываетъ собою бассейны Енисея, Хотанги, Анабары, Оленека, Лены, Яны, Индигирки, Колымы и другихъ рѣкъ, но первенствующее значеніе между ними принадлежитъ, конечно, Енисею и Ленѣ.

Енисей орошаетъ своимъ бассейномъ Енисейскую и часть Иркутской губерніи. Онъ беретъ свое начало на южномъ склонѣ Саянъ двумя истоками Бейкхемъ и Улукхемъ и протекаетъ сначала на западъ между Саянами и хребтомъ Таннуола. Послѣ впаденія въ него рѣки Кемчикъ Енисей круто поворачиваетъ на сѣверъ и узкой полосой пробивается черезъ нѣсколько сдвинутыхъ складокъ Салнъ. Общая длина горной части Енисея болѣе 150 верстъ. Круто извиваясь между надвинувшимися утесами, Енисей стремится со скоростью 10 верстъ въ часъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ русло Енисея прерывается порогами; изъ нихъ самый опасный для плаванія—Большой Порогъ, черезъ который рискуютъ пускаться только плоты, нагруженные въ Монголіи кожами и шерстью. Кромѣ пороговъ пловцамъ грозятъ подводные камни, обнажающіеся при низкомъ уровнѣ воды. Впрочемъ, на верхнемъ Енисеѣ есть опытные сплавщики лоцмана, которые благополучно проводятъ плоты черезъ самыя опасныя мѣста

Передъ городомъ Минусинскомъ, который является исходнымъ пунктомъ для судоходства, Енисей выходитъ въ широкую степь. Передъ Красноярскомъ надвинувшіяся горы опять сжимаютъ рѣку въ тѣснинахъ. Пороговъ здѣсь нѣтъ; послѣдній Казачинскій порогъ находится ниже Красноярска, но для судоходства онъ не представляетъ серьезнаго препятствія. Удерживая сѣверное направленіе и усиливаясь многими притоками, Енисей черезъ пустынную полосу тайги и еще болѣе пустынную тундру достигаетъ бухты Ледовитаго океана, которая считается болѣе удобной для стоянки морскихъ судовъ, чѣмъ Обская губа.

Общая длина Енисея около 4.000 верстъ. Судоходная на всемъ своемъ протяженіи отъ Минусинска до устья, мощная рѣка принимаетъ съ востока главнѣйшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый важный по своему экономическому значенію для Восточной Сибири притокъ—Верхнюю Тунгуску или Ангару; послѣдняя открываетъ судоходный путь къ Иркутску и Байкалу. Изъ другихъ правыхъ притоковъ Енисея нужно отмѣтить Большой Питъ, Подкаменную

Тунгуску, въ системѣ которой расположены богатые золотые пріиски и Нижнюю Тунгуску. Эти притоки протекаютъ по мало населеннымъ пространствамъ и потому, несмотря на обиліе воды, не имѣютъ особеннаго значенія для края.

Иркутская губернія съ юго-восточной стороны на значительномъ протяженіи омывается водами озера Байкала, которое вытянуто съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Оно имѣетъ протяженіе до 600 верстъ и ширину 80 верстъ. При глубинѣ около 700 саж. озеро остается все лѣто холоднымъ, не успѣвая прогрѣваться, но зато замерзаетъ оно только къ Рождеству, а вскрывается въ маѣ. Теперь вполнѣ доказано вулканическое происхожденіе Байкала, и слѣдовательно онъ представляетъ громадную расщелину, наполненную водою. Недосягаемая глубина озера, грозный скалистый характеръ береговъ придаютъ Байкалу особенную внушительность и таинственность, что отражается на суевѣрныхъ воззрѣніяхъ, живущихъ по его берегамъ якутовъ. Весной и осенью здѣсь свирѣпствуютъ бури, затрудняющія плаванье мелкихъ судовъ, и суевѣрные пловцы, боясь злого бога, бросаютъ въ воды Байкала хлѣбъ и деньги. Въ покойномъ состояніи вода Байкала необыкновенно прозрачна, такъ что каменистое дно, нерѣдко покрытое водорослями ясно видно на глубинѣ 5—6 саж. Ледяной покровъ Байкала въ холодные зимы достигаетъ 2 метровъ толщины, при чемъ останавливаются рейсы ледоколовъ. Во льду образуются широкія трещины, которыя значительно затрудняютъ ѣзду на лошадяхъ.

Горы, окружающія Байкалъ образуютъ скалистыя гривы, иногда обрывающіяся надъ самой водой. Верхніе склоны Круго-Байкальскихъ горъ покрыты лѣсами изъ хвойныхъ деревьевъ и кустарниковъ; между послѣдними бросается въ глаза уже знакомый намъ маральникъ.

Фауна озера представляетъ интересныя особенности; кромѣ осетровъ и тайменей, тамъ ловится омуль, а на поверхности воды иногда всплываетъ маленькая бѣлая рыбка голомянка, водящаяся только въ Байкалѣ. Она необыкновенно богата жиромъ, потому употребляется вмѣсто ворвани. Въ Байкалѣ водится также особая порода тюленей, называемая нерпой. Изъ многочисленныхъ притоковъ, питающихъ Байкалъ, самыми значительными являются Верхняя Ангара, Баргузинъ и Селенга. Съ другой стороны, Байкалъ даетъ начало могучему притоку Енисея—Ангарѣ, которая могла бы считаться съ полнымъ правомъ главной рѣкой, а не притокомъ. Выходъ ея изъ озера обозначенъ скалой, которая называется Шаманскій Камень и служитъ предметомъ поклоненія шаманистовъ бурятъ. Пройдя порожистое русло выше Иркутска,

рѣка принимаетъ сѣверное направленіе и при этомъ какъ бы раздваиваетъ горные хребты. На границѣ Енисейской и Иркутской губерній. Ангара круто поворачиваетъ на западъ и удерживаетъ это направленіе вплоть до устья. Почти на всемъ протяженіи Ангара течетъ между скалистыми берегами и иногда образуетъ пороги; между послѣдними особенное затрудненіе для судоходства представляетъ знаменитый Падунъ. Изъ многочисленныхъ притоковъ Ангары отмѣтимъ Иркутъ, Оку, Чупу и друг.

Обширный бассейнъ Енисея и Ангары имѣетъ весьма важное значеніе для населенія Восточной Сибири; помимо значенія удобныхъ путей сообщенія эти рѣки для крестьянскаго и инородческаго населенія являются постояннымъ источникомъ промысла, а именно рыболовства. Къ сожалѣнію ловля рыбы и ея засолъ производятся самыми примитивными способами, а потому продукты рыболовства не имѣютъ такого распространенія, какъ на Оби и Иртышѣ.

Обширная Якутская область орошается главнымъ образомъ бассейномъ рѣки Лены. Лена беретъ свое начало въ горахъ западнаго берега Байкала въ верстахъ 20 отъ озера. На протяженіи 1.600 верстъ она протекаетъ по Иркутской губерніи, а на всемъ остальномъ пространствѣ принадлежитъ Якутской области. Изъ большихъ притоковъ ея слѣдуетъ отмѣтить справа Витимъ, Олекму и Алданъ, а слѣва Вилюй. Общая длина Лены простирается до 4.300 верстъ. При своей многоводности и тихомъ теченіи Лена является естественнымъ путемъ сообщенія, но крайне рѣдкое населеніе края обезпечиваетъ правильное судоходное сообщеніе лишь въ верхнемъ и среднемъ теченіи, тогда какъ нижнее теченіе посѣщается судами очень рѣдко.

Климатъ Восточной Сибири отличается еще большей суровостью и континентальностью, чѣмъ въ Западной Сибири. Сравнительно мягкимъ климатомъ отличается лишь Минусинскій край, гдѣ не только прекрасно созрѣваютъ хлѣба, но даже производятся удачныя попытки культивировать яблоню. Здѣсь средняя годовая температура опредѣлена въ +0,7 С., тогда какъ въ болѣе сѣверныхъ пунктахъ она вездѣ ниже 0, такъ напр. въ Капскѣ—1,6, а въ Енисейскѣ—2,4. Въ южной половинѣ Якутской области средняя годовая падаетъ до—8 С, а въ сѣверной половинѣ даже до—17. При такихъ условіяхъ само собою разумѣется, что только южная полоса Енисейской и Иркутской губерніи вполнѣ пригодна для земледѣльческой культуры, тогда какъ большая часть таежной полосы и весь сѣверъ Восточной Сибири для этого совершенно непригоденъ. Сѣверная приморская тундра характеризуется тѣми же чертами, что и и въ Западной Сибири, съ тою впрочемъ разницей,

что сѣверъ Енисейской губерніи значительно дальше простирается по направленію къ сѣверному полюсу, чѣмъ Западная Сибирь. Мысъ Сѣверо-Восточный выдвинутъ почти до 80° и служитъ вообще самой сѣверной оконечностью материка Азіи.

Лѣса Восточной Сибири по составу своихъ породъ почти не отличаются отъ лѣсовъ Западной Сибири, но зато въ травянистой флорѣ сказывается большая разница съ Европейской Россіей, и появляются совершенно новыя формы, которыхъ нѣтъ и въ Западной Сибири. Здѣсь между прочимъ бросается въ глаза еще одно интересное обстоятельство, а именно: нѣкоторыя высоко-горныя формы Алтая спускаются въ степи, напримѣръ Эдельвейсъ и альпійскій макъ.

Фауна Восточной Сибири мало отличается отъ Западной Сибири, впрочемъ многія мѣстности сѣвера остаются еще мало изслѣдованными. Населеніе Восточной Сибири значительно меньше, чѣмъ въ Западной. На губерніи Енисейскую и Иркутскую и на Якутскую область приходится меньше 1½ милл. чел., причемъ рѣже всего населеніе, конечно, въ Якутской области. Главныя инородческія племена: тунгусы, якуты и буряты.

3. Амурско-Приморская окраина.

Амурско-Приморская окраина—одна изъ самыхъ богатыхъ и мало культурныхъ областей Сибири. Она занимаетъ пространство около $2^1/_2$ милліоновъ квадратныхъ верстъ. Раскинувшись къ востоку отъ озера Байкалъ и къ югу отъ Станового хребта, эта область тянется узкой береговой полосой отъ хребта Сихото-Аллинъ до Чукотскаго Носа, включая сюда и сѣверную половину острова Сахалина. Охватывая такимъ образомъ всю лѣвую сторону Амурскаго бассейна, Забайкальскую часть Енисейскаго, русскую прибрежную полосу Японскаго моря, побережье Охотскаго моря, острова, разбросанные у русскихъ береговъ, полуостровъ Камчатку и сѣверо-восточную часть Азіатскаго материка, Амурско-Приморская окраина въ административномъ отношеніи дѣлится на три области: Забайкальскую, Амурскую и Приморскую, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ Пріамурское Генералъ-Губернаторство. Однако, административныя границы страны не совпадаютъ съ границами, рѣзко проведенными естественными условіями. Природа раздѣлила эту часть Сибири на четыре края: Забайкальскій, Амурскій, Уссурійско-Приморскій и Охотско-Камчатскій.

Первый изъ нихъ, Забайкальскій край, совпадаетъ съ площадью Забайкальской области и занимаетъ около 548 тысячъ

квадратныхъ верстъ. Становой хребетъ, пересѣкающій описываемый край посерединѣ, образуетъ водораздѣлъ между водами, текущими съ сѣверо-западнаго склона въ Байкалъ и Витимъ, а съ юго-восточнаго склона въ Шилку. Ни одна изъ вершинъ Станового хребта, даже высочайшая гора Чокопда (8.200 фут.) не достигаетъ предѣловъ вѣчнаго снѣга. Забайкальскій край гористъ, за исключеніемъ степной полосы между Онономъ и Аргунью. Главное направленіе горныхъ цѣпей—съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Горный кряжъ, отходящій отъ Хамаръ-Дабана. слѣдуетъ тому же направленію и служитъ водораздѣломъ между Шилкой и Аргунью. Высота горныхъ перевваловъ нигдѣ не достигаетъ 3.400 футовъ, чѣмъ значительно облегчаются пути сообщенія. Главная масса горныхъ кряжей Забайкалья сложена изъ гранитовъ, гнейсовъ, слюдяныхъ сланцевъ, между которыми мѣстами попадаются грюнштейны, трахиты и базальты. Въ осадочныхъ породахъ, имѣющихся здѣсь, отмѣчено присутствіе палеозойскихъ и третичныхъ формацій. Наряду съ разнообразіемъ горныхъ породъ замѣчается такое же разнообразіе минеральныхъ богатствъ Забайкальскаго края. Часто попадающіяся золотыя розсыпи, серебро-свинцовыя, мѣдныя и желѣзныя, оловянныя и ртутныя руды заставляютъ предполагать, что этотъ край со временемъ будетъ золотымъ дномъ Сибири.

Орошеніе страны весьма обильно. Селенга съ притоками, верховья Амура, Ингода, Ононъ, Шилка и Аргунь хорошо увлажняютъ почву долинъ и дѣлаютъ ихъ удобными для земледѣльческой культуры. Долины Витима, Баргузина верхней Ангары орошаются не менѣе хорошо. 196 тысячъ квадратныхъ верстъ равнинныхъ мѣстъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, представляютъ земли удобныя для осѣдлой колонизаціи. Климатическія условія также весьма благопріятны. Температура колеблющаяся между +17 лѣтомъ и —28 зимой, указываетъ, правда, на большую континентальность климата сравнительно съ Восточной Сибирью, однако благодаря южному положенію Забайкальскаго края и часто безоблачной атмосферѣ, хлѣба созрѣваютъ хорошо и на почвѣ, подъ которой есть вѣчная мерзлота. Атмосферные осадки, которыхъ въ теченіе года выпадаетъ около 290 миллиметровъ, распредѣляются въ году такимъ образомъ, что въ лѣтнее время ихъ выпадаетъ въ два раза больше, чѣмъ зимой,—обстоятельство весьма важное для земледѣлія.

Въ зависимости отъ орографическихъ и климатическихъ условій растительный покровъ Забайкалья отличается большимъ разнообразіемъ. Между сѣверо-западнымъ склономъ Станового хребта и Байкаломъ мы находимъ всѣ типичныя породы Восточной

75943

Сибири; здѣсь между хвойными лѣсами встрѣчаются кустарники: сибирскій барбарисъ, маральникъ, нѣкоторые виды таволги, тамарискъ, смородина и др. Альпійскихъ травъ, свойственныхъ Алтайско-Саянской системѣ, въ краѣ очень много. Съ переходомъ на юго-восточный склонъ хребта, флора рѣзко измѣняется; появляются дубъ, вязъ, орѣшникъ, дикая яблоня, которыхъ въ Сибири не встрѣчается отъ самаго Урала. Даурская крушина и калина, одинъ видъ смородины и одна изъ малорослыхъ березъ, появляющіяся впервые въ Забайкальѣ, относятся къ Амурской флорѣ, тогда какъ другія растительныя формы общи съ формами сосѣдней Монголіи. Родство мѣстной флоры сказывается и съ остальной Сибирью: сибирская сосна и даурская лиственница, сибирская ель, пихта и кедръ изъ хвойныхъ, бѣлая и даурская береза, осина, душистый тополь—изъ лиственныхъ породъ, встрѣчаются по обѣимъ сторонамъ Байкала. Травянистый покровъ также представляетъ пестрое разнообразіе, потому что здѣсь встрѣчаются сибирскія, амурскія и монгольскія формы.

Фауна края, по разнообразію, не уступаетъ флорѣ. Очень много формъ, отсутствующихъ въ Сибири, появляются впервые здѣсь, какъ, напр., рѣчные раки въ верховьяхъ Амурской системы. Фауна позвоночныхъ животныхъ вообще мало отличается отъ фауны Сибири; впрочемъ, кромѣ горныхъ формъ Алтайско-Саянской системы появляются степныя формы Монголіи или свойственныя Пріамурскому краю. Кабарга, косуля, барсукъ, хорекъ, сусликъ, сѣноставъ, корсакъ, степная кошка, тушканчикъ, бабакъ, толай, кулапъ, изюбръ и кабанъ, вмѣстѣ съ формами, свойственными остальной Сибири, почти исчерпываютъ фауну звѣрей Забайкальскаго края. Птицы, имѣющія вообще обширныя области распространенія, не представляютъ особенныхъ отличій по сравненію съ другими сибирскими мѣстностями. Отмѣтимъ также богатство Забайкальскаго края змѣями и другими гадами.

Забайкальскій край имѣетъ болѣе 600 тысячъ жителей, изъ которыхъ до 30% составляютъ буряты и тунгусы. Главное занятіе населенія, кромѣ земледѣлія—скотоводство и охота.

Амурскій край, вторая составная часть нашей области, занимаетъ все лѣвое пространство Амурскаго бассейна, отъ сліянія Шилки съ Аргунью до Станового хребта, и по своимъ физическимъ условіямъ довольно рѣзко отличается отъ Забайкалья. Значительная часть края гориста; отроги Станового хребта, Малый Хинганъ и другіе горные кряжи протянулись съ сѣвера на югъ. Горный кряжъ Джигъ-Дыръ, соединяющій Становой хребетъ съ Малымъ Хинганомъ, служитъ водораздѣломъ между Удой и Амуромъ. Средняя

высота Малаго Хингана около 2.500 футовъ, но отдѣльныя вершины достигаютъ до 5 и даже 6 тысячъ футовъ. Среди гранитовъ, составляющихъ главную массу Хинганскихъ гребней, встрѣчаются и осадочныя породы палеозойскихъ, вторичныхъ и третичныхъ формацій. Волнообразныя равнины или лѣсныя пространства, годныя для расчистки, занимаютъ немного больше 100 тысячъ квадратныхъ верстъ. Однимъ изъ такихъ равнинныхъ пространствъ, представляющихъ теперь колонизаціонный районъ Амурской области, является Зейско-Бурейская равнина, которая протянулась вдоль по Амуру отъ впаденія рѣки Зеи до Хингана и выступаетъ какъ бы островомъ среди сплошной массы лѣсистыхъ горъ.

Орошеніе края опредѣляется бассейномъ Амура — одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ Азіи. Описавъ громадную дугу и охвативши съ южной стороны весь русскій Амурскій край, рѣка направляется къ сѣверо-востоку, а съ приближеніемъ къ Татарскому проливу уклоняется къ сѣверу. Протянувшись на разстояніи 4.600 верстъ, Амуръ впадаетъ въ Татарскій проливъ близъ того мѣста, гдѣ соединяются воды пролива и Охотскаго моря. Притоки Амура: Зея, Бурея и Аргунь являются главными питательными артеріями края. Амуръ судоходенъ отъ Срѣтенска до устья.

Амурскій климатъ отличается большей влажностью, чѣмъ климатъ Западной Сибири. Средняя температура лѣта +15, а зимой — 22. Несмотря на сравнительно суровыя климатическія условія Пріамурскаго края, пятимѣсячный растительный періодъ болѣе благопріятенъ для мѣстной культуры, чѣмъ въ Забайкальѣ. Особенно характернымъ для мѣстнаго климата является обиліе осадковъ (до 500 миллиметровъ). Избытокъ влаги настолько великъ, что многія мѣстности носятъ болотистый характеръ и мало пригодны для земледѣлія.

Своеобразность климатическихъ условій Пріамурья отразилась на растительномъ покровѣ страны. Хвойныя породы, свойственныя западной и восточной окраинѣ, сталкиваются здѣсь съ Манчжурскимъ кедромъ, Аянской пихтой, тиссомъ.

Двѣ породы липы, пять породъ клена, Манчжурскій грецкій орѣхъ, ясень, бархатное дерево, двѣ мѣстныхъ черемухи и многія другія—все это породы, которыя не встрѣчаются до Пріамурья. Флора кустарниковъ еще разнообразнѣе и богаче; изъ нихъ 24 породы встрѣчаются только здѣсь. Отмѣтимъ также Амурскій дикій виноградъ, который, на подобіе ліанъ, окутываетъ деревья въ здѣшнихъ лѣсахъ. Разнообразный травянистый покровъ, въ которомъ до 110 формъ, свойственныхъ только Пріамурью, дополняетъ богатство мѣстной флоры.

Рядомъ съ разнообразной флорой бросается въ глаза пестрота и многочисленность формъ мѣстной фауны; особенно богато представлены насѣкомыя и другія безпозвоночныя. Міръ позвоночныхъ животныхъ имѣетъ много общаго съ Забайкальемъ, отличаясь отъ послѣдняго лишь появленіемъ такихъ звѣрей, какъ тигръ, барсъ, горный волкъ и тибетскій медвѣдь. Изъ рыбъ отмѣтимъ два вида бѣлуги, осетра, стерлядь, горбушу, два вида лососей, даурскаго сома и кету, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ рѣдкое рыбное богатство страны.

Населеніе Амурскаго края, въ 1893 году состоявшее всего изъ 90.000 человѣкъ, въ послѣдніе годы быстро возрастаетъ. И здѣсь около 30% населенія приходится на туземцевъ вмѣстѣ съ выходцами изъ Кореи и Китая. Къ числу туземцевъ принадлежатъ: орочены, мангунцы, бирары, гиляки, манчжуры и др.

Уссурійско-Приморскій край, охватывая собою пространство между Амуромъ, Уссури, съ одной стороны, Татарскимъ проливомъ и Японскимъ моремъ, съ другой, занимаетъ около 300.000 квадратныхъ верстъ, если сюда же причислить и сѣверную часть острова Сахалина. Горный характеръ страны дѣлаетъ этотъ край нѣсколько похожимъ на Забайкалье и Амурскій край, но болотистость междугорныхъ равнинъ и другія природныя особенности кладутъ на эту страну особенный отпечатокъ, свойственный приморскимъ странамъ. Самостоятельный горный хребетъ Сихото-Алинъ отдѣляетъ узкую береговую полосу, изрѣзанную заливами и бухтами, удобными для стоянки судовъ. У южнаго края береговой полосы на полуостровѣ, заключенномъ между заливами Амурскимъ и Уссурійскимъ, расположенъ почти незамерзающій портъ города Владивостока, соединенный желѣзной дорогой съ Хабаровскомъ на Амурѣ и съ Забайкальской линіей. Хребетъ Сихото-Алинъ, при высотѣ около 3.600 футовъ, служитъ рѣзкой климатической границей между мѣстностями къ востоку и западу отъ него. Вѣчные туманы и вообще морской климатъ отличаютъ береговую полосу отъ Уссурійской долины. Хотя и въ послѣдней количество атмосферныхъ осадковъ въ среднемъ простирается до 700 мм. Такое обиліе влаги было бы благопріятно для земледѣлія, если бы излишняя влажность почвы, способствующая образованію болотъ, не ограничивала площадь, пригодную для земледѣльческой обработки. Русскіе переселенцы, приходящіе въ край, долго не могутъ приспособиться къ этому избытку влажности и не всегда умѣютъ сохранять отъ порчи уже собранный хлѣбъ.

Уссурійскій край по своей растительности мало отличается отъ Амура; только одна порода граба, дикій виноградъ и особенный

барбарисъ отличаютъ мѣстную флору. Найдено также до 17 видовъ травянистыхъ растеній, не встрѣчающихся на Амурѣ, между которыми упомянемъ жень-шень, растущій по тѣнистымъ поляпамъ, на лѣсныхъ склонахъ Сихото-Алинъ.

Фауна также мало отличается отъ Амурской, если не считать одпого вида оленя, нѣсколько грызуновъ и рыбъ Японскаго моря.

Совсѣмъ не такова природа острова Сахалина, который отдѣленъ отъ Уссурійскаго края мелкимъ Татарскимъ проливомъ. Протянувшись узкой полосой по меридіану, съ невысокимъ продольнымъ хребтомъ по средней линіи, онъ вдается сѣверпой половиной въ холодное Охотское море, нерѣдко посѣщаемое полярпыми льдами. Вслѣдствіе этого средняя годовая температура здѣсь недостаточна для вызрѣванія хлѣбовъ, и флора острова уже не имѣетъ южныхъ формъ, свойственныхъ Уссурійскому краю. Будущность острова заключается въ богатствѣ полезныхъ ископаемыхъ: каменномъ углѣ, нефти, рудахъ, а также въ развитія рыболовства вдоль его береговъ.

Охотско-Камчатская окраина совершенно непохожа по своей природѣ на Амурскій и Забайкальскій край. Обнимая пространство по лѣвую сторону Амура и узкую полосу между Охотскимъ моремъ и Яблоновымъ хребтомъ, а также всю сѣверо-восточную часть материка вмѣстѣ съ полуостровомъ Камчаткой, Охотско-Камчатскій край занимаетъ площадь въ 1.323 тысячъ кв. верстъ. Сюда же нужно отнести и острова Охотскаго и Берингова моря.

Береговая полоса Охотскаго моря гориста и мѣстами обрывисто падаетъ въ море. Самый лучшій уголокъ этого края—бассейнъ рѣки Уды и Шантарскіе острова. Относительно остального пространства надо сказать, что вслѣдствіе суроваго климата и мѣстныхъ условій—это мѣсто совершенно непригодно для заселенія. Въ горномъ кряжѣ встрѣчаются кристаллическія породы гранита, діориты, порфиры, лабрадоры и вулканическія породы.

Большой научный интересъ представляетъ полуостровъ Камчатка. По срединѣ полустрова тянется горный хребетъ. Почти въ центрѣ хребта возвышается Ичинская сопка въ 16.900 фут. высоты. Вдоль восточнаго берега Камчатки располагается полукругъ потухшихъ и дѣйствующихъ вулкановъ.

Замѣчательнѣйшія изъ камчатскихъ сопокъ Авачинская и Тупановская постоянно дѣйствуютъ. Самый высокій изъ дѣйствующихъ вулкановъ—Ключевская сопка, достигаетъ 17.000 фут. высоты. Всего дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ насчитывается до 38. Командорскіе острова, разбросанные у береговъ Камчатки въ Беринговомъ морѣ и состоящіе изъ вулканическихъ породъ,

извѣстны богатыми котиковыми и другими морскими промыслами. Относительно Чукотской земли, обнимающей бассейнъ Андыра, слѣдуетъ сказать только, что гористость и масса фіордовъ мыса напоминаетъ суровую скандинавскую природу. Климатъ Охотско-Камчатскаго края очень суровъ. Средняя температура зимы колеблется здѣсь между —20° и —28°, температура лѣта—между +11° и +13°. Средняя температура растительнаго періода въ +5° и —10° дѣлаетъ земледѣліе почти невозможнымъ. Неравномѣрное выпаденіе атмосферныхъ осадковъ (до 1.240 въ Петропавловскѣ и около 190 въ Охотскѣ) отражается на здѣшнемъ органическомъ мірѣ. Муссоны, дующіе лѣтомъ съ моря, а зимой черезъ Становой хребетъ съ суши, приносятъ съ собой то сухость, то холодъ, сырость и туманы. Здѣсь нѣтъ того разнообразія въ растительномъ покровѣ, которое бросается въ глаза въ описанныхъ уже частяхъ Приморско-Амурской окраины. Все лѣсное богатство края состоитъ изъ сибирской ели, кедра, березы, ольхи, тополя, рябины, ивы и нѣсколькихъ кустарниковъ. Нѣсколько видовъ травъ, здѣсь встрѣчающихся, исчерпываютъ всю растительность страны, за исключеніемъ Чукотской земли, флора которой вполнѣ напоминаетъ флору полярно-тундровой полосы. Фауну Охотско-Камчатскаго края можно раздѣлить: на сухопутную, сходную съ фауной остальной Сибири и на морскую, представляющую серьезный научный интересъ. Охотское море является типомъ полярнаго моря. Лѣтомъ въ южной части моря скопляются плавучіе льды. Здѣсь встрѣчается до 53 видовъ водоросли, до 70 видовъ моллюсковъ, около 21 вида ракообразныхъ, изъ рыбъ въ громадномъ количествѣ встрѣчается кета и мальма. Тюлени, дельфины и киты въ Охотскомъ морѣ—не рѣдкость. Другое море этого края — Берингово, омывающее берега Камчатскаго и Чукотскаго мыса, представляется типичнымъ океаническимъ моремъ. Флора этого моря похожа на флору Охотскаго, но фауна морскихъ звѣрей (напр., морская корова, морской левъ, кошка, морской бобръ) сильно отличается отъ животнаго царства Охотскаго моря. Въ силу суровой природы населеніе края очень немногочисленно. Изъ 35 тысячъ жителей 20% приходится на русское населеніе; остальные 80% состоятъ изъ чукчей, коряковъ, камчадаловъ, ламутовъ и оленныхъ тунгусовъ.

Все сѣверное побережье Сибири, отъ острововъ Новой Земли до мыса Дежнева у Берингова пролива, омывается Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ. Береговая линія имѣетъ до 15 тысячъ верстъ протяженія, причемъ Сибирскій материкъ вдается въ океанъ большими полуостровами и изрѣзанъ глубокими бухтами въ устьяхъ рѣкъ. Въ самомъ океанѣ есть довольно крупные острова: Ново-

Сибирскіе, Земля Врангеля и др. Большую часть года океанъ затянутъ полярными льдами. Нагромождаясь другъ на друга, льдины образуютъ „торосы“ до 70 футовъ высоты, а снѣжные бураны наметаютъ высокія снѣжныя гряды—„заструги“. По сплошному покрову льда инородцы перебираются на острова для сбора мамонтовой кости и ради другого промысла. Только во второй половинѣ лѣта океанъ нѣсколько очищается отъ льда, и тогда открывается доступъ для европейскихъ судовъ въ устье Оби и Енисея; но это бываетъ не каждый годъ. При благопріятныхъ условіяхъ пароходы успѣваютъ въ то же лѣто вернуться назадъ. Случалось и такъ, что уже въ проливахъ у Новой Земли (Югорскій шаръ, Карскія ворота и Маточкинъ шаръ) пароходы наталкивались на непреодолимую стѣну льдовъ и должны были возвращаться назадъ.

Ледовитый океанъ, несмотря на громадные холода, имѣетъ свое населеніе, растительное и животное. Въ сублиторальной полосѣ со дна моря поднимается довольно много морскихъ водорослей. Кромѣ рыбъ (нельма, муксунъ, навага и др., здѣсь водятся бѣлые медвѣди, киты, моржи, тюлени и др. ластоногія животныя, а берега заселены различной водоплавающей птицей.

Оцѣнивая географическое положеніе Сибири, по сравненію съ другими аналогичными странами, мы приходимъ къ убѣжденію, что съ точки зрѣнія міровой производительности, оно далеко не блестяще. Главное неблагопріятное обстоятельство—отсутствіе естественныхъ путей сообщенія въ направленіи культурныхъ странъ. Почти непроходимый Сѣверный океанъ вмѣстѣ съ рѣками, текущими въ него, создаетъ замкнутость Сибири, увеличиваемую еще хребтами южной и западной границы. Большая часть побережья Тихаго океана, съ холодными морями Охотскимъ и Беринговымъ, немного лучше въ этомъ отношеніи. Если къ этому придать весьма рѣдкую населенность прибрежной полосы и то обстоятельство, что по климатическимъ условіямъ, только южная полоса пригодна для земледѣльческой культуры, то мы получаемъ полное объясненіе громадной запоздалости въ культурномъ и экономическомъ развитіи Сибири. Конечно, Сибирь—громадный резервъ для размножающагося человѣчества, и съ возникновеніемъ фабричной и расширеніемъ заводской промышленности, она со временемъ очень оживится, но потребно большое напряженіе въ созданіи искусственныхъ путей сообщенія, чтобы поставить ее въ уровень съ другими сѣверными странами.

ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Пути сообщенiи въ Сибири.

М. Соболева.

Долгое время Сибирь была обречена на пользованіе естественными путями сообщенія—сухопутными и водными. Среди первыхъ главное значеніе принадлежало московскому тракту, по которому происходилъ товарный обмѣнъ Сибири съ Европейской Россіей и транспортъ пассажировъ и ссыльныхъ арестантовъ. Этотъ трактъ шелъ черезъ Тюмень, Ялуторовскъ, Ишимъ, Тюкалинскъ, Каинскъ на Томскъ, Красноярскъ, Нижнеудинскъ и Иркутскъ. Кромѣ того существовали и другія колесныя дороги, соединявшія отдѣльные торговые города.

Съ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія возникаетъ по сибирскимъ рѣкамъ пароходство. Въ 1843 г. пошелъ первый пароходъ по Оби. Пароходство привлекаетъ къ себѣ часть товаровъ и пассажировъ, которые транспортируются по Камѣ къ Перми, отсюда сухопутнымъ способомъ до Тюмени, а отъ Тюмени въ сибирскіе города, расположенные по рѣкѣ Оби и ея притокамъ. Въ теченіе второй половины XIX вѣка главное товарное движеніе европейскихъ товаровъ въ Сибирь и сибирскаго сырья въ Европу сосредоточивалось по рѣкамъ Сибири. Въ 1862 г. открылось пароходство по Ленѣ, въ 1863 г. по Енисею. Если въ 1860 г. насчитывалось на западносибирскихъ рѣкахъ всего 10 пароходовъ, то въ 1890 г. ихъ было уже 65, а въ 1892 г. — 145. Сообразно условіямъ транспорта, складывалась и вся система сибирской торговли, о чемъ говорится въ другой статьѣ даннаго Сборника. Товары доставлялись главнымъ образомъ по рѣкамъ въ теченіе навигаціи въ торговые центры, откуда они перераспредѣлялись въ мѣста потребленія и отправлялись зимнимъ саннымъ путемъ. Болѣе цѣнные товары, какъ чай, пушнина, мануфактурныя издѣлія, перевозились и зимой по московскому тракту.

Было бы интересно опредѣлить количество грузовъ, шедшихъ изъ Сибири. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія о нихъ весьма разнорѣчивы.

По сообщенію министерства путей сообщенія въ 80-хъ годахъ, это количество равнялось $6^1/_2$ милл. пудовъ, по даннымъ генералъ-губернаторъ Западной Сибири отъ 1873 г., оно составляло $15^1/_2$ милл. пуд., по заявленію пермскаго купца Любимова въ 1870 г.—$11^3/_4$ милл. пуд., а по свѣдѣніямъ 13 торговыхъ фирмъ, опрошенныхъ въ 1882 г.—8 мил. пудовъ. Что же касается сбыта европейскихъ товаровъ въ Сибири, то цѣнность ихъ исчислялась въ 1892 г. около 15 милліоновъ рублей.

Несовершенными и дорогими путями сообщенія опредѣлялся весь строй хозяйственной жизни Сибири XIX вѣка: господство натуральнаго хозяйства, отсутствіе широкаго и оживленнаго обмѣна, замкнутый строй быта. Для того, чтобы пробудить къ жизни Сибирь, нужно было связать ее живыми нитями съ центрами европейской культуры. Это сдѣлала Сибирская желѣзная дорога. Проведеніе послѣдней произвело настоящую экономическую революцію края.

Вопросъ о проведеніи желѣзнодорожнаго пути возникъ еще въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія. Но многочисленные проекты 70-хъ и 80-хъ годовъ не получали практическаго разрѣшенія вплоть до 90-хъ годовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что обсужденіе проектовъ сибирской дороги въ третью четверть XIX вѣка происходило, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ Европейской Россіи и государства въ цѣломъ. Впервые министръ Посьетъ въ 1882 г. подчеркнулъ ту мысль, что „правильное рѣшеніе вопроса о Сибирской желѣзной дорогѣ можетъ исходить исключительно изъ разсмотрѣнія тѣхъ нуждъ и потребностей сибирскаго края, удовлетвореніе которыхъ должно составлять задачу правительства при устройствѣ улучшенныхъ путей сообщенія, какъ внутри самой Сибири, такъ и для соединенія ея съ Европейской Россіей". „Всѣ стороны жизни въ Сибири, писалъ Посьетъ, находятся въ застоѣ почти исключительно по причинѣ отсутствія удобныхъ путей сообщенія. Рѣки, текущія къ Ледовитому океану, не связанныя между собой каналами, и одинъ почтовый трактъ, пролегающій черезъ всю Сибирь, — единственные первобытные пути этого обширнаго края, а потому понятно, что населеніе Сибири развивается медленно, что большая часть естественныхъ богатствъ остается непроизводительной". Министръ Посьетъ высказался за направленіе Сибирской дороги на Самару-Челябинскъ. Это мнѣніе было поддержано Петербургскимъ биржевымъ обществомъ и обществомъ содѣйствія русской промышленности и торговли. Согласно этому плану въ 1886—1890 гг. была проведена желѣзная дорога отъ Самары до Златоуста.

15 и 21 февраля 1891 г. было Высочайше утверждено положеніе Комитета министровъ объ одновременной постройкѣ сплошной

Сибирской дороги съ запада отъ Уфы и съ востока отъ Владивостока. 19 мая 1891 г. была заложена въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича Уссурійская дорога и въ томъ же году приступлено къ изысканіямъ отъ Челябинска до Томска, а въ 1892 г. была начата и самая постройка пути. Дорога была закончена до Иркутска къ 1898 г., а до Великаго океана къ 1900 году. Стоимость Сибирской магистрали до Иркутска опредѣляется въ 385 милл. руб., а всей линіи отъ Урала до Великаго океана въ 635 милл. руб.

Проведеніе Сибирской дороги произвело, какъ мы сказали, радикальный экономическій переворотъ Сибири. Оно привело къ окончательному крушенію натуральный строй хозяйства сибирскаго населенія и соединило послѣднее неразрывными мѣновыми связями съ міровымъ рынкомъ. Желѣзная дорога прежде всего удешевила транспортъ товаровъ и пассажировъ. Раньше провозъ пуда груза отъ Томска до Иркутска стоилъ около $^1/_8$ коп. за версту, а по желѣзной дорогѣ онъ обходится около $^1/_{13}$—$^1/_{15}$ и менѣе коп. Удешевленіе транспорта вовлекло въ мѣновой оборотъ такіе товары, которые раньше никогда не попадали на рынокъ, а потреблялись въ собственномъ хозяйствѣ или даже вообще не производились. Благодаря возможности доставки грузовъ въ промышленные центры Европейской Россіи и въ морскіе порты, усиливается въ поразительной степени вывозъ разнообразныхъ сырыхъ произведеній Сибири. Нижеслѣдующая таблица даетъ картину роста экспорта по годамъ въ пудахъ:

	1897 г.	1899 г.	1903 г.	1905 г.
хлѣбные грузы .	13.743.497	13.056.255	10.745.227	18.340.540
мясо	514.202	1.352.409	1.406.446	1.144.517
масло топленое .	324.661	512.029	428.276	370.331
масло сливочное .	—	—	14.239	73.838
сѣмя конопляное, льняное, рапсовое и сурѣпное . . .	123.421	445.235	528.351	189.597
сало баранье и говяжье . .	350.125	428.216	343.496	286.880
шерсть	197.424	191.756	370.337	418.671
кожи и шкуры невыдѣланныя .	94.022	164.054	224.678	299.493
овчины простыя и невыдѣланныя	143.182	161.572	249.876	147.138
кедровые орѣхи .	13.259	101.774	184.368	154.497

	1897 г.	1899 г.	1903 г.	1905 г.
свинина и свиное сало . .	28.512	73.797	55.769	106 972
битая дичь . .	207	66.171	67.981	37.858
рыба	70.881	47.908	78.874	119.778
щетина, перо, пухъ	17.266	17.234	26.722	26.334

Приведенныя цифры показываютъ, что не только стали вывозиться продукты, уже производившіеся въ Сибири, но что въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ дороги стало увеличиваться и самое производство сырья, какъ, напр., зерновыхъ хлѣбовъ и продуктовъ скотоводства, стала увеличиваться добыча естественныхъ продуктовъ, въ родѣ рыбы, дичи, пушнины, кедровыхъ орѣховъ и пр.

Такимъ образомъ, Сибирская дорога открыла расширяющійся источникъ денежныхъ доходовъ для мѣстнаго населенія. Благодаря возможности сбыта, увеличивается сельскохозяйственная промышленность, скотоводство, расширяются разныя отрасли добывающей промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются денежныя суммы, поступающіе въ распоряженіе хозяйствъ сибиряковъ. Это въ свою очередь вызываетъ усиленіе спроса на такіе предметы потребленія, которые отсутствуютъ въ собственномъ хозяйствѣ сибиряковъ и которые пріобрѣтаются покупкой. Начинаетъ увеличиваться ввозъ обработанныхъ издѣлій въ Сибирь. Насколько значителенъ этотъ ввозъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

	1897 г.	1899 г.	1903 г.	1905 г.
		въ пудахъ		
сахаръ	257.233	795.658	1.102.902	1.012.468
желѣзныя, жестяныя, стальныя и чугунныя издѣлія .	для ж. д.	195.290	729.249	842.070	2.005.660
	прочія	188.435	634.455	1.179.385	1.276.143
желѣзо, чугунъ и сталь не въ дѣлѣ . .	303.542	565.447	1.026.542	970.995
мануфактурные товары	210.358	538.770	651.040	388.352
керосинъ	117.458	448.495	925.321	882.823
каменный уголь и антрацитъ	25.072	341.631	2.474.664	4.165.753
соль	15 339	240.092	216.759	243.046
земледѣльческія орудія	51.132	235.794	1.061.539	545.295
машины и машинныя части	85.655	200.135	225.812	204.694
известь	35.187	154.820	516.577	238.398
табакъ и табачныя издѣлія	29.101	103.141	226.247	189.014

Итакъ, товарообмѣнъ Европы съ Сибирью обоюдно сильно растетъ. Сибирь увеличиваетъ благодаря желѣзной дорогѣ свой сбытъ на западъ и, слѣдовательно, свои покупательныя средства, а Европа,

такимъ образомъ; пріобрѣтаетъ все большее число покупателей въ Сибири.

Въ характерѣ торговли Сибирская желѣзная дорога произвела радикальное измѣненіе въ томъ смыслѣ, что значительно сократила потребность въ крупныхъ оптовыхъ посредникахъ, которые раньше держали всю Сибирь въ своихъ рукахъ, диктуя свои монопольныя цѣны. Прежде, при отсутствіи усовершенствованныхъ путей сообщенія, было необходимо дѣлать годовой запасъ товаровъ въ крупныхъ центрахъ (Томскѣ, Иркутскѣ), перераспредѣлявшихъ свои запасы между болѣе мелкими мѣстными рынками. Оборотъ былъ медленный, кредитъ долгосрочный. Теперь для каждаго средняго и даже мелкаго торговца явилась возможность непосредственныхъ сношеній въ теченіе всего года съ продавцами изъ первыхъ рукъ въ Европейской Россіи и даже за границей. Товаръ доставляется непрерывно въ теченіе всего года по желѣзной дорогѣ мелкими партіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ торговля стала болѣе мелкой, стала требовать меньше оборотнаго капитала и менѣе продолжительныхъ сроковъ кредита.

Товарообмѣнъ желѣзной дороги вызвалъ въ Сибири развитіе ряда городовъ, представляющихъ узловые центры транспорта. Въ особенности быстро стали расти города, лежащіе на пересѣченіи желѣзной дороги рѣками, какъ Омскъ, Ново-Николаевскъ, Красноярскъ, Срѣтенскъ, Канскъ. Ново-Николаевскъ, бывшій небольшимъ поселеніемъ съ 3.000 жителей, разросся теперь въ крупный городъ съ 30.000 жителей и является средоточіемъ торговыхъ операцій для Барнаульскаго и Бійскаго уѣздовъ Томской губерніи. Омскъ превратился изъ небольшого административнаго центра въ большой торговый городъ, къ которому тяготѣетъ вся степная область. Оживленные обороты торговыхъ рядовъ московскихъ мануфактуристовъ, появленіе новыхъ банковъ, агентуръ, торговыхъ конторъ и комми-вояжеровъ доказываютъ жизнеспособность и широкія перспективы города въ коммерческомъ отношеніи. Около многихъ станцій желѣзной дороги разростаются большія поселенія, служащія центромъ торговыхъ операцій для окружающей мѣстности, напр., около станцій Ижморской, Судженки, Боготола, Берикульской, Мысовой. Наоборотъ, города, оказавшіеся внѣ желѣзнодорожной жизни, быстро приходятъ въ экономическій упадокъ, торговля въ нихъ сокращается, заработки населенія уменьшаются, населеніе тоже. Такова печальная судьба Енисейска, Тулуна и др.

Весьма важнымъ является облегченіе благодаря желѣзной дорогѣ пассажирскаго движенія въ Сибирь и обратно. Общее число перевезенныхъ пассажировъ возрастало такимъ образомъ:

1897 г.	352.202	1902 г.	1.115.958
1898 „	909.268	1903 „	1.259.803
1899 „	1.017.778	1904 „	1.752.285
1900 „	1.124.302	1905 „	1.843.877
1901 „	926.976		

Мѣстное сообщеніе составляетъ около $^1/_3$ общаго числа пассажировъ. Наибольшее значеніе имѣетъ притокъ населенія въ Сибирь, обогащающій край новыми рабочими силами. Въ 1902 г. превышеніе ввоза пассажировъ надъ вывозомъ составляло 13.558 чел., въ 1903 г. 36.455 чел., въ 1905 г. 83.673 чел.

Кромѣ обслуживанія мѣстныхъ нуждъ, Сибирская дорога можетъ явиться транзитнымъ путемъ для цѣнныхъ грузовъ, отправляемыхъ изъ Европы на Дальній Востокъ и обратно. Желѣзнодорожная перевозка не ляжетъ на такіе товары непосильнымъ бременемъ, а между тѣмъ обезпечитъ быструю и безопасную доставку товаровъ на рынокъ (чая, табаку, винъ, шелка, мануфактурныхъ и галантерейныхъ издѣлій). Фрахтъ за пудъ товара отъ Москвы до Владивостока моремъ равенъ 82 коп., а по желѣзной дорогѣ по самому дешевому тарифу 76 коп., а для болѣе дорогихъ грузовъ—1 руб. и дороже. Но зато морская перевозка продолжается 60 дней, а желѣзнодорожная отъ 30 до 40 дней.

Сибирской дорогой все болѣе начинаютъ пользоваться путешественники, ѣдущіе изъ Европы на Востокъ и обратно. По сравненію съ морскимъ путемъ черезъ Великій и Индѣйскій океаны этотъ путь имѣетъ всѣ преимущества скорости и дешевизны. Поѣздка изъ Лондона до Шанхая моремъ продолжается 34—36 дней и стоитъ въ I классѣ 700—900 руб., а во II классѣ 400—500 руб. Черезъ Сибирь поѣздка при посредствѣ скорыхъ сибирскихъ поѣздовъ продолжается 15—16 сутокъ и обходится съ продовольствіемъ въ I классѣ 400 руб., а во II классѣ 275 руб. Къ этимъ выгодамъ присоединяется отсутствіе морской качки, которая многими не переносится, и возможность въ теченіе всего путешествія имѣть телеграфныя сношенія со всѣмъ міромъ. По вычисленіямъ г. Селихова возможно привлеченіе транзитныхъ пассажировъ до 50.000 ч. въ годъ въ оба конца. Если даже признать эту цифру преувеличенной, то во всякомъ случаѣ, когда сибирскій транзитъ сдѣлается достаточно извѣстнымъ въ Европѣ, онъ можетъ привлечь до 20—30 тысячъ пассажировъ иностранцевъ. Наконецъ, было бы возможно привлечь на Сибирскую желѣзную дорогу и перевозку почты Европы и Дальняго Востока. Тотъ же г. Селиховъ исчисляетъ размѣръ возможнаго почтоваго транзита въ 2—3 вагона ежедне-

вно въ каждый конецъ. Выгоды такого направленія почты—скорость и большая безопасность, два обстоятельства, которыя вполнѣ окупили бы спеціальный тарифъ для этой перевозки.

Сибирская желѣзная дорога совершенно убила извозный промыселъ притрактоваго населенія, а также производство шорныхъ издѣлій и экипажей и другія занятія (напр., содержаніе постоялыхъ дворовъ—„дворничество"), связанныя съ движеніемъ грузовъ и пассажировъ по Московскому тракту. Насколько значительны были эти промыслы, видно изъ цифръ, приводимыхъ г. Головачевымъ. Въ оборотѣ между Иркутскомъ и Томскомъ было занято до 16.000 ямщиковъ Въ 3 округахъ Иркутской губерніи насчитывалось въ концѣ 80-хъ годовъ около 600 постоялыхъ дворовъ, дававшихъ въ среднемъ по 500—1.000 руб. годового дохода. Въ Енисейской губерніи въ 1890—91 гг. статистиками было зарегистровано 6.852 хозяйства, занятыхъ извозомъ и содержаніемъ постоялыхъ дворовъ. Прежніе ямщики, „дворники" и пр. оказались вынужденными перейти къ другимъ занятіямъ, главнымъ образомъ къ земледѣлію и отчасти къ скотоводству. Этотъ переходъ былъ, конечно, для многихъ очень рѣзкимъ, болѣзненнымъ и тяжелымъ. Но изъ этого частнаго результата проведенія желѣзной дороги нельзя умозаключать о ея вредномъ вліяніи на экономическую жизнь мѣстнаго населенія. Желѣзная дорога, въ свою очередь создавъ большой спросъ на рабочія руки, вызвала къ жизни многіе промыслы (лѣсной промыселъ, каменноугольную промышленность и пр.) и вообще оживила мѣстную хозяйственную жизнь. Въ общемъ итогѣ значеніе Сибирской желѣзной дороги безусловно положительное.

Какъ мы видѣли, желѣзная дорога пріобрѣла въ Сибири въ нѣсколько лѣтъ значеніе важнѣйшаго экономическаго фактора и сосредоточила у себя главное движеніе грузовъ всей области. Насколько строители дороги были далеки отъ пониманія ея будущей роли, видно изъ характера первоначальныхъ строительныхъ работъ. Рельсы прокладывались болѣе легкіе, чѣмъ какіе существуютъ на дорогахъ Европейской Россіи. Всѣ станціонныя зданія возводились изъ дерева и простѣйшаго типа; были введены отступленія отъ установленныхъ нормъ уклоновъ и радіусовъ закругленій; даже мосты были по большей части деревянные. Въ первые же 2 мѣсяца движенія въ 1896 г. отъ Челябинска до Оби образовалась залежь хлѣбныхъ грузовъ въ 3.000 вагоновъ. Первоначальная пропускная способность дороги была $3^1/_2$ пары поѣздовъ въ сутки, а скорость товарныхъ поѣздовъ—отъ 12 до 14 верстъ въ часъ.

Черезъ первые же 2—3 года желѣзнодорожное управленіе увидѣло необходимость поставить рельсы нормальнаго типа, расширить и перестроить станціонныя зданія, выстроить металлическіе мосты и вообще привести дорогу въ такой видъ, какой соотвѣтствуетъ движенію поѣздовъ.

Вмѣстѣ съ экономическимъ ростомъ Сибири, связаннымъ съ усовершенствованіемъ транспорта, возникъ вопросъ о созданіи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ по Сибири. Районъ экономическаго вліянія существующей дороги простирается въ среднемъ на 200 верстъ въ стороны при сухопутныхъ способахъ сообщенія и на 700—800 верстъ при водныхъ путяхъ. Громадныя пространства Сибири остаются, такимъ образомъ, внѣ вліянія желѣзнодорожнаго транспорта. Возникаетъ необходимость связать ихъ съ главной сибирской магистралью. За послѣдніе годы возникла масса проектовъ желѣзныхъ дорогъ. Одни изъ нихъ создаютъ боковыя подъѣздныя линіи, имѣющія задачей перевозку грузовъ съ магистрали и обратно. Другіе проекты задаются цѣлью проложить пути, болѣе или менѣе независимые отъ Сибирской дороги. Къ числу первыхъ относятся: проектъ соединенія Тюмени съ Томскомъ, проектъ Ташкентской дороги, выходящей на сибирскую магистраль, проектъ вѣтви отъ Минусинска на Красноярскъ. Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ детальный анализъ всѣхъ этихъ проектовъ, обосновываемыхъ данными производительности мѣстностей, по которымъ предполагается проложеніе дороги, и количествомъ ожидаемыхъ грузовъ.

Одно представляется несомнѣннымъ: проложеніе боковыхъ желѣзнодорожныхъ путей составляетъ задачу ближайшаго будущаго. При рѣшеніи этого важнаго вопроса необходимо выработать твердыя руководящія начала, которыя могли бы быть положены въ основаніе разрабатываемой сѣти дорогъ. Нельзя рѣшать проведеніе той или иной дороги безъ соображенія съ такимъ общимъ планомъ. Поэтому настоятельной задачей является созывъ въ Сибири спеціальнаго съѣзда изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, дѣятелей науки, представителей мѣстныхъ учрежденій и мѣстныхъ общественныхъ организацій, которые съ фактами въ рукахъ, съ знаніемъ условій мѣстной жизни могли бы установить указанныя руководящія начала и намѣтить соотвѣтственный имъ планъ сѣти желѣзныхъ дорогъ. Въ противномъ случаѣ правительство будетъ всегда находиться подъ властью случайныхъ вліяній и вѣяній, будетъ рѣшать вопросъ въ зависимости отъ большей или меньшей энергіи представителей отдѣльныхъ городовъ или частныхъ интересовъ.

Прежде всего необходимо рѣшить, слѣдуетъ ли развивать сѣть дорогъ, расположенныхъ перпендикулярно сибирской магистрали,

или нужно проложить еще одну параллельную ей линію въ болѣе сѣверномъ районѣ. Если первая комбинація представляется болѣе раціональной, то каждая линія должна быть обусловлена тѣмъ развитіемъ экономическаго оборота, какое она можетъ создать, и характеромъ движенія будущихъ грузовъ. Напр., вѣтка въ Минусинскій край представляется весьма желательной, такъ какъ она дастъ выходъ многообразнымъ естественнымъ продуктамъ этой богатой мѣстности. При рѣшеніи вопроса о направленіи Ташкентско-сибирской линіи надо выяснить, по какому пути она соберетъ наибольшее количество мѣстныхъ грузовъ; ибо выходъ для среднеазіатскихъ товаровъ въ Европу уже данъ Ташкентско-Оренбургской дорогой и потому не долженъ являться цѣлью этого пути. Эти соображенія склоняютъ насъ къ убѣжденію, что Ташкентская дорога должна итти не на Павлодаръ-Омскъ, а на станцію Поломошная Сибирской желѣзной дороги.

Въ числѣ проектовъ желѣзнодорожныхъ линій слѣдуетъ упомянуть о двухъ—инженера Гетте и француза Лонкъ-де-Лобель.

Гетте проектировалъ соединить рельсовымъ путемъ протяженіемъ въ 360 верстъ Обь (нѣсколько южнѣе Обдорска) съ самоѣдскимъ берегомъ Ледовитаго океана, именно съ Бѣлковской губой, гдѣ, благодаря вліянію Гольфштрема, море рано очищается отъ льдовъ и гдѣ нѣтъ тѣхъ затрудненій судоходства, какія присущи Карскому морю. По свѣдѣніямъ знающихъ лицъ, плаваніе въ Бѣлковской губѣ можетъ продолжаться до 5 мѣсяцевъ въ году; столько же продолжается и судоходство по Оби. Этимъ путемъ Гетте предполагалъ создать болѣе удобный торговый путь черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ. Сибирскіе товары могли бы идти по западно-сибирскимъ рѣкамъ къ устью Оби, оттуда передвигаться по желѣзной дорогѣ къ Бѣлковской губѣ, отъ которой уже транспортироваться морскими судами въ Западную Европу. Съ точки зрѣнія удешевленія стоимости транспорта, ускоренія послѣдняго и уменьшенія риска отъ льдовъ Ледовитаго океана, этотъ планъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества. Весь вопросъ заключается въ томъ, возможно ли проложеніе дороги въ условіяхъ полярнаго климата и тундровыхъ почвъ сѣвера и окупятся ли расходы по постройкѣ и эксплоатаціи дороги движеніемъ сибирскихъ грузовъ за границу и европейскихъ товаровъ въ Сибирь. Рѣшеніе этихъ вопросовъ требуетъ обстоятельныхъ мѣстныхъ изслѣдованій.

Другой гораздо болѣе грандіозный проектъ принадлежитъ представителю американскихъ капиталистовъ Лонкъ-де-Лобелю. Послѣдній представилъ русскому правительству проектъ желѣзной дороги отъ Канска, станціи Сибирской дороги, до Берингова залива (5.000 верстъ).

Дорога проектировалась отъ Канска на Киренскъ, Якутскъ, Верхне-Колымскъ, Анадырь и на Аляску до Берингова пролива. Проектъ, представленный въ 1906 г., не требовалъ гарантіи дохода на затрачиваемый капиталъ, но устанавливалъ важныя привилегіи экономическаго характера. Русское правительство должно было предоставить обществу, представителемъ котораго былъ де-Лобель, на 90 лѣтъ безвозмездно территорію на 12 километровъ въ каждую сторону отъ рельсоваго пути для промышленной разработки нѣдръ и поверхности. Это условіе представляется съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ настолько опаснымъ, что правительственная комиссія высказалась противъ проекта. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирско-Аляскинская дорога, проходя по пустыннымъ мѣстностямъ съ малымъ развитіемъ производительности, не можетъ окупить своихъ расходовъ. Очевидно, что американская компанія и предполагала извлекать главные доходы изъ эксплоатаціи не желѣзной дороги, а отмежеванныхъ территорій, которыя должны были бы составить грандіозную площадь въ 115.000 кв. верстъ. Если мы и защищаемъ притокъ иностранныхъ капиталовъ, какъ животворящій факторъ экономической жизни, то не въ такихъ условіяхъ, гдѣ эти капиталы являются монополистами и чудовищными эксплоататорами какъ естественныхъ богатствъ края, такъ и самого населенія.

Наряду съ Сибирской желѣзной дорогой сохраняютъ свое значеніе и водные пути сообщенія. Какъ извѣстно, послѣдніе вообще не теряютъ своего экономическаго значенія даже и при существованіи желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ представляютъ собой значительно болѣе дешевое средство сообщенія. Въ Сибири же они играютъ тѣмъ бо́льшую роль, что почти всѣ текутъ перпендикулярно къ сибирской магистрали и, слѣдовательно, представляютъ собою естественные подъѣздные къ нему пути. Наибольшее значеніе принадлежитъ въ Сибири Оби съ ея притокомъ Иртышемъ, Енисею, Ленѣ и Амуру.

До проведенія Сибирской желѣзной дороги рѣчная система Оби служила главнымъ путемъ для товарнаго обмѣна Европейской Россіи и Сибири. Товары двигались по Волгѣ и Камѣ черезъ Уральскій хребетъ на Тюмень и затѣмъ по Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби. До проведенія Уральской желѣзной дороги, соединившей систему Волги съ системой Оби (Пермь-Тюмень), грузовъ по рѣкамъ Турѣ и Тоболу передавалось до $2^1/_2$ милл. пудовъ, а послѣ проведенія этой дороги количество ихъ увеличивается до 18 милл. пудовъ. Несмотря на значительное отвлеченіе грузовъ Сибирской дорогою,

этотъ смѣшанный водно-желѣзнодорожный путь сохраняетъ свое значеніе до настоящаго времени. По нему слѣдуютъ сибирскіе малоцѣнные товары, направляющіеся въ восточную и сѣверо-восточную часть Европейской Россіи, грузы, отправляемые за границу черезъ Архангельскъ, по нему же ввозятся въ Сибирь металлы и металлическія издѣлія съ Урала.

За послѣдніе годы рѣчное судоходство стало расширяться по Иртышу къ Омску изъ Тюкалинскаго и Ишимскаго уѣздовъ и изъ Семипалатинской области, по Оби отъ Барнаула и Бійска до Томска и Ново-Николаевска, по Енисею между Минусинскомъ и Красноярскомъ, по Амуру между Срѣтенскомъ и Хабаровскомъ. Стало оживляться заглохшее было пароходное сообщеніе по Оби между Тюменью и Томскомъ. Возникло движеніе по Чулыму и верхнему теченію Иртыша (дальше Семипалатинска).

По переписи 1896 г. въ Сибири насчитывалось 339 пароходовъ съ 22.000 силъ и 1.033 непаровыхъ судовъ съ подъемной способностью 27,9 милл. пуд., а въ 1906 г. 415 пароходовъ съ 90.600 индикаторныхъ силъ и 840 непаровыхъ судовъ съ подъемной способностью въ 25,8 милл. пудовъ.

Содѣйствіе развитію рѣчного судоходства въ Сибири должно составить серьезную задачу правительства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ образованъ западно-сибирскій округъ путей сообщенія, вѣдающій упорядоченіе рѣчныхъ сообщеній, обслѣдованіе и обстановку фарватеровъ, устраненіе перекатовъ и т. п. Но до сихъ поръ въ этой области сдѣлано очень немного. Персоналъ служащихъ по управленію слишкомъ недостаточенъ для надлежащаго обслуживанія большихъ пространствъ Западной Сибири; землечерпательныя работы по углубленію фарватера ведутся въ очень ограниченныхъ размѣрахъ; фарватеры обставляются предохранительными знаками далеко не всдѣ, гдѣ это требуется.

Одной изъ затѣй вѣдомства путей сообщенія явился проектъ соединенія рѣчныхъ системъ Оби и Енисея посредствомъ канала. Этимъ путемъ предполагалось создать сплошной водный путь съ запада Сибири на востокъ. Проектъ получилъ осуществленіе, причемъ было затрачено 4 милл. руб. и въ результатѣ появился каналъ въ 7 верстъ. Однако, проходъ большихъ судовъ черезъ систему канала невозможенъ вслѣдствіе узости канала и мелководія рѣкъ Малаго и Большого Касса. Кромѣ того, судоходство до Иркутска остается невозможнымъ, вслѣдствіе существованія пороговъ на рѣкѣ Ангарѣ. По каналу двигаются въ настоящее время только небольшія суда, да и то лишь весной въ періодъ половодія. Милліоны народныхъ денегъ оказались затраченными непроизводительно. Очевидно,

дѣло было поставлено въ самомъ началѣ неправильно и неумѣло. Между тѣмъ идея воднаго соединенія западной и восточной Сибири имѣетъ за себя много данныхъ въ смыслѣ обезпеченія безперегрузочнаго дешеваго сообщенія.

Еще въ первой половинѣ XIX вѣка дѣлались попытки достигнуть Сибири черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ. Въ 1877 г. купцы Сидоровъ и Сибиряковъ впервые съ успѣхомъ осуществили плаваніе черезъ Сѣверный океанъ и Карское море и довели пароходъ до устья Оби. Съ этого времени плаваніе пароходовъ въ сѣверныхъ моряхъ участилось, хотя и было затруднено отсутствіемъ картъ и незнаніемъ фарватера. Для облегченія плаванія въ 90-хъ годахъ были сдѣланы надлежащія съемки и промѣры. Для устраненія сплошныхъ льдовъ былъ заказанъ ледоколъ „Ермакъ“. Однако, послѣдній оказался не въ силахъ бороться со льдами въ такіе холодные года, какъ, напр., 1899 годъ. Послѣ многихъ опытовъ выяснилось, что, благодаря частымъ скопленіямъ льдовъ въ Карскомъ морѣ, нѣтъ возможности обезпечить правильное и регулярное сообщеніе. Достаточно сказать, что за періодъ съ 1877 до 1886 г. изъ 27 пароходовъ, отправившихся въ Сибирь, достигло цѣли всего 12. Въ 1899 г. было заготовлено на сѣверѣ Сибири для экспорта масса хлѣба и лѣса, однако, пароходы изъ-за льдовъ не могли войти въ Енисейскую губу, и торговцы потерпѣли большіе убытки. Между тѣмъ этотъ путь отличается дешевизной; напр., фрахтъ отъ Енисейска до Лондона былъ опредѣленъ въ 1897 г. въ 1 р. 40 к. за пудъ. Благодаря дешевизнѣ провоза изъ Сибири могло бы итти этимъ путемъ малоцѣнное сырье, лѣсъ, руда, металлы, хлѣбъ и пр. Единственнымъ способомъ возмѣщенія огромнаго риска мореплаванія черезъ Карское море могло бы явиться право безпошлиннаго привоза иностранныхъ товаровъ, за которое энергично ратовали всѣ сибиряки. Но правительство, подчиняясь интересамъ промышленныхъ центровъ Европейской Россіи, отказалось отъ этой системы поощренія сѣвернаго судоходства. Другой способъ осуществленія сѣвернаго пути — проведеніе полярной желѣзной дороги по плану Гетте.

Какъ Сибирская желѣзная дорога, такъ и рѣки Сибири обслуживаютъ только прилегающія къ нимъ мѣстности. Внѣ ихъ вліянія остаются громадныя пространства, которыя вынуждены довольствоваться грунтовыми дорогами — почтовыми трактами и простыми проселочными дорогами. Почтовые тракты въ Сибири поддерживаются

въ исправномъ состояніи натуральной дорожной повинностью крестьянъ. Эта повинность ложится тяжелымъ бременемъ на крестьянъ и составляетъ одно изъ крупнѣйшихъ золъ сибирской деревни. Завѣдываніе дорогами находится въ рукахъ мѣстной администраціи, мало вникающей въ интересы населенія. Сплошь и рядомъ крестьяне принуждаются выходить на исправленіе дорогъ въ періодъ полевыхъ работъ, гдѣ для нихъ безконечно дорогъ каждый часъ. Нерѣдко они обязываются чинить дороги за десятки верстъ отъ своихъ жилищъ и терять массу времени на переходы. Единственнымъ исходомъ изъ этого тяжелаго и непормальнаго положенія является введеніе земскаго самоуправленія. Послѣднее, вѣдая мѣстные пути сообщенія, сумѣетъ внести въ эту область бо́льшую справедливость, замѣнить натуральную повинность денежной формой и возложить тяжесть содержанія дорогъ въ исправности на всѣ слои населенія безъ исключенія.

При бюрократической системѣ управленія дорогами тракты все же находятся въ плохомъ состояніи и дѣлаются прямо малопроѣзжими весной и осенью, въ періодъ дождей. Зимой на нихъ образуются, благодаря снѣжнымъ мятелямъ и большому движенію, глубокіе ухабы, затрудняющіе ѣзду. Изъ крупныхъ трактовъ, соединяющихъ торговые центры, можно назвать слѣдующіе: Ишимъ-Петропавловскъ-Кокчетавъ-Атбасаръ, Омскъ-Павлодаръ-Семипалатинскъ (737 верстъ), Томскъ-Кузнецкъ (664 в.), Барнаулъ-Кузнецкъ (198 в.), Томскъ-Нарымъ (зимой—442 в.), Томскъ-Барнаулъ (только зимой) Ачинскъ-Минусинскъ (зимой—330 в.), Иркутскъ-Якутскъ (2.743 в.), Якутскъ-Вилюйскъ (710 в.), Якутскъ-Средне-Колымскъ (2.195 в.).

Въ особенно печальномъ положеніи находятся дороги на сѣверо-востокѣ Сибири. Въ Якутской области лѣтнее сообщеніе совершается по рѣкамъ обычно при помощи лодокъ. Въ сторону же отъ рѣкъ во многихъ тундровыхъ мѣстностяхъ лѣтнее сообщеніе вообще невозможно. Зимой движеніе совершается на саняхъ при помощи оленей и собакъ. И такіе первобытные способы сообщенія практикуются на протяженіи тысячъ верстъ. Весьма понятно, что не только такіе пункты, какъ Нижнеколымскъ, но и южнѣе расположенные города и поселенія чувствуютъ себя совершенно отрѣзанными отъ міра.

Заканчивая нашъ очеркъ путей сообщенія, мы должны сказать, что возможно болѣе широкое развитіе ихъ составляетъ одну изъ основныхъ задачъ момента. Отъ усовершенствованія путей сообщенія Сибири зависитъ и ростъ ея производительныхъ силъ, и развитіе ея духовной культуры. Это утвержденіе блистательно подтверждается вліяніемъ проведенной Сибирской желѣзной дороги.

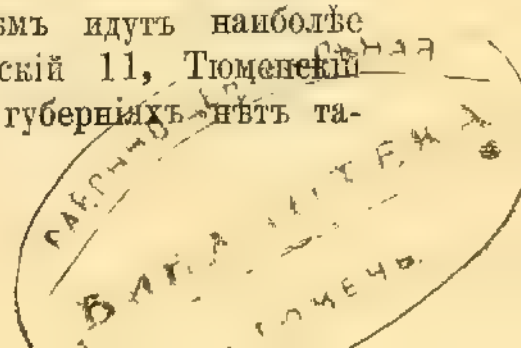
БИБЛІОТЕКА
ТОМСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Населеніе Сибири.

Д. Клеменца.

По приблизительному исчисленію, при площади въ 11.831.000 квадратныхъ верстъ, Сибирь обладаетъ 8.383.600 душъ населенія обоего пола. Цифра эта, конечно, не претендуетъ на достовѣрность, такъ какъ постоянные приливы новыхъ переселенцевъ и возвращающихся оттуда не даютъ возможности дать болѣе точную цифру. Впрочемъ, она для нашего очерка не можетъ имѣть большого значенія. Еслибъ, напримѣръ, ошибка была даже въ милліонъ, то на всю Сибирь она не дала бы одного лишняго человѣка на квадратную версту, и общая картина распредѣленія населенія по всей территоріи измѣнилась бы довольно мало. Горныя глухія тайги, тундры крайняго сѣвера врядъ ли испытали на себѣ вліяніе потока переселенцевъ, никогда совершенно не прекращавшагося и принявшаго въ послѣдніе тридцать лѣтъ характеръ непрерывной колонизаціи, которая въ нѣкоторые годы достигала очень крупныхъ цифръ.

Сопоставляя площадь съ населеніемъ, мы уже прямо видимъ, насколько пуста эта громадная страна. Въ ней приходится менѣе одного человѣка на версту. Однако же при такомъ громадномъ пространствѣ нельзя ограничиться одной общей цифрой. Мы видимъ часто, что рядомъ съ плотнымъ населеніемъ въ странѣ бываютъ значительныя пространства, въ которыхъ никто не живетъ и поэтому приведемъ нѣкоторыя максимальныя и минимальныя указатели плотности населенія. Для упрощенія выбросимъ всю Сибирь къ сѣверу отъ 60° с. ш., гдѣ максимальная плотность населенія 0,2 челов. на версту, а минимальная 0,01. Начиная съ запада, съ Тобольскаго уѣзда Тобольской губерніи, мы въ немъ находимъ плотность населенія въ 1,3 на версту, затѣмъ идутъ наиболѣе плотные уѣзды Курганскій (14,8), Ялуторовскій 11, Тюменскій и Ишимскій 8,1 и 8,2. Во всѣхъ другихъ губерніяхъ нѣтъ та-



кихъ высокихъ цифръ. Въ Томской maxim. плотности населенія въ Барнаульскомъ уѣздѣ (6,9), minim. Томскій (1,3). Въ Енисейской max. Красноярскій уѣздъ (5,4), minim. Енисейскій (0,2) и Туруханскій (0,01). Въ Иркутской max. Балагапскій уѣздъ (4,1), minim. Киренскій (0,2). Въ Забайкальской области max. Нерчинскій уѣздъ (3,1), minim. Баргузинскій (0,2). Въ Акмолинской max. Омскій уѣздъ (3,3), minim. Атбасарскій (0,4). Въ Семипалатинской max. Зайсанское приставство (2,9), minim. Каркаралинскій уѣздъ (1,0). Въ Амурской области дана одна цифра (0,4) въ Приморской Южно-Уссурійскій край (0,8), max. Петропавловскій 0,02. Въ Якутской области max. Якутскій уѣздъ (0,2), minim. Колымскій (0,01).

Вмѣсто введенія мы выписали эти цифры для того, чтобы въ самомъ началѣ дать понятіе о распредѣленіи населенія Сибири. Сравнивъ ихъ съ картой страны, мы увидимъ, что поражающее безлюдье ея, кромѣ гигантскихъ размѣровъ, обусловливается также и крайне неблагопріятными суровыми физическими условіями не только въ ея околополярныхъ районахъ, но и на крайнемъ югѣ, который отграничивается отъ прилежащихъ странъ, дикими, непроходимыми хребтами.

1. Ознакомленіе русскихъ съ Сибирью.

Уже подъ 1032 годомъ отмѣченъ неудачный походъ новгородцевъ въ Югру за желѣзныя ворота, а Гюрята Роговичъ (1096 г.) разсказываетъ уже о мѣновой торговлѣ пушниной на желѣзныя издѣлія; въ концѣ XII вѣка Югры уже были объясачены новгородцами. Въ ту же пору новгородскіе воеводы Александръ Абакумовичъ и Ляпа спровѣдали рѣку Обь въ нижнемъ и среднемъ теченіи. Въ 1483 году, послѣ удачнаго похода новгородцевъ за „камень“, Иванъ III вписалъ въ свой титулъ „Князь земли Югорской“. Бывали примѣры посылки дани сибирскими князцами въ Москву, напр., отъ князца Едигера въ 1555 году. Важнѣйшими шагами въ поступательномъ движеніи русскихъ на Востокъ было завоеваніе Казанскаго и Астраханскаго царствъ и устройство прочныхъ поселеній съ промышленной цѣлью въ Пріуральѣ братьями Строгановыми. Эти предприниматели были въ сущности владѣтельными особами, вассалами царскими: они имѣли право держать войско, приглашать и сажать на землю охочихъ людей. Они дѣлали попытки своими средствами утвердиться среди Югры; но эти предпріятія имѣли только временный успѣхъ. Нужна была талантливая личность, обладающая характеромъ и военными административными способностями для того, чтобы взяться за покореніе Сибири, и достаточное количество людей, готовыхъ на

рискованное предпріятіе. Такая личность нашлась въ лицѣ Ермака; но и онъ ничего не могъ бы сдѣлать, еслибъ явился въ эпоху силы Золотой орды. Разгромъ двухъ татарскихъ царствъ, неистовства Ивана Четвертаго въ Новгородѣ и Псковѣ, самоуправство и взяточничество воеводъ тронули неосѣвшую Русь на Волгу и за Волгу и въ дальнюю сторону за „камень", гдѣ по слухамъ были привольныя земли, много соболей и всякаго добра и гдѣ нѣтъ ни воеводъ, ни приказныхъ. Покореніе Казани, терзаемой внутренними раздорами показало слабость нѣкогда страшныхъ татаръ. Они встрепенулись, ожили только въ предсмертный часъ своей независимости и оказали геройское, но уже безполезное сопротивленіе. Одряхлѣвшая Астрахань ждала только толчка, чтобы разсыпаться. Новгородцы, до разгрома татарскихъ царствъ, подвергались большимъ опасностямъ отъ поддапныхъ Казанскаго хана при экскурсіяхъ своихъ въ Югру за добычей закамскаго серебра и пушнины. Послѣ паденія двухъ царствъ, путь въ Сибирь былъ чистъ; мало того, на этомъ пути были уже и мѣста роздыха и спаряженія —факторіи и поселки Строгановыхъ. Татарское царство на Ишимѣ не могло представить крупнаго отпора завоевателямъ. Это были не монголы суровой школы Чингисхана и его преемниковъ, а такіе избалованные интригапы, какъ и астрахапскіе мурзы. Отношенія здѣсь были совсѣмъ не тѣ, какія нѣкогда были между Москвой и татарами. Посланцы сибирскихъ князей просились подъ высокую руку царя и посылали дань въ Москву. Это было въ 1556, а въ 1579 году начался походъ Ермака въ Сибирь. Мы не будемъ описывать завоеваній казаковъ, напомнимъ только, что въ 1571 году 26-го октября Ермакъ вступилъ въ столицу Сибирскаго царства. Вмѣсто набѣга для сбора дани русскіе рѣшили занять страну. На мѣстѣ города Чинги-Тура былъ построенъ городъ Тюмень, при впаденіи въ Иртышъ Тобола — Тобольскъ (1588 г.), въ 1592 Пелымъ и Нарымъ, затѣмъ Березовъ и Обдорскъ, а также Тара въ 1594 и въ 1600 году Мангазея и Туринскъ. Въ 1603 году было первое столкновеніе съ киргизами, что и вызвало основаніе Кузнецкаго городка. Затѣмъ началось устройство цѣлыхъ линій для защиты отъ киргизовъ и особенно калмыковъ, которые въ то время, послѣ образованія Ойратскаго союза, значительно усилились. Для устройства этихъ острожковъ, линій и городовъ необходимы были люди. Въ началѣ XVII вѣка русскіе были уже на верхнемъ Енисеѣ и заложили тамъ Абаканскій городокъ. Это военно-колонизаціонное движеніе русскихъ заставило многія племена, послѣ упорнаго, но безплоднаго сопротивленія, покинуть паспженныя мѣста и бѣжать на востокъ и на юго-востокъ въ глубь тайги, тундры и степей отъ

новаго завоевателя, который принесъ съ собой огненныя стрѣлы и новые пріемы военнаго искусства. Можно сказать, что русскіе шли по пятамъ за бѣжавшими въ глубь страны инородцами. Потомки этихъ бѣглецовъ частью до сихъ поръ сохранились въ Ачинскомъ и Минусинскомъ уѣздахъ Енисейской губерніи, но уже смѣшавшись съ мѣстнымъ населеніемъ.

Чулымскіе инородцы, кизыльскіе татары, а также и инородцы мелецкіе, качинцы, несомнѣнно выселенцы изъ Западной Сибири. Достовѣрно также, что востокъ нынѣшней Томской губерніи, весь югъ Енисейской губерніи былъ во владѣніи енисейскихъ киргизовъ. Этотъ сильный и энергичный народъ сумѣлъ покорить себѣ мелкія племена финно-угорскаго корня, какъ, напримѣръ, аринцевъ, ассановъ, тубанцевъ, моторовъ, бельтиръ, бирюсовъ, койбаловъ, а также такъ называемыхъ черневыхъ татаръ, обитавшихъ въ лѣсахъ по Кондомѣ, Мрассѣ, Лебедю, Томи и ея притокамъ. Большинство этихъ народцевъ состояло кыштымами (данниками и работниками) киргизовъ. Вышло такъ, что киргизы съ перваго столкновенія съ русскими, возненавидѣли ихъ, и у русскихъ почти все XVII столѣтіе прошло въ борьбѣ съ этимъ врагомъ. Кромѣ того, у киргизовъ были споры съ ойратами, которые, овладѣвъ алтайцами, пробовали и не безъ успѣха объясачить бельтировъ. Изъ перечисленныхъ здѣсь народцевъ, однако же, многіе погибли. Остатки аринцевъ растворились среди пришельцевъ изъ Западной Сибири; койбалы забыли свое исконное самоѣдское нарѣчіе и заговорили по-турецки, а послѣ этого забыли и этотъ языкъ и теперь говорятъ только по-русски. Моторовъ въ видѣ жалкихъ остатковъ нашелъ Кастренъ, но уже, двадцать лѣтъ спустя, вымерли послѣдніе изъ нихъ. Бирюссы тоже исчезли, но остатки ихъ, каргинцы, до сихъ поръ еще существуютъ въ бассейнѣ Абакана. Тубинцы тоже потурчились, а отчасти, вѣроятно, ушли вмѣстѣ съ киргизами къ своимъ сородичамъ на верхнемъ Енисеѣ сойотамъ. Остатки ассановъ и котовъ, жившихъ въ нынѣшнемъ Канскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи встрѣчаются кое-гдѣ на Енисеѣ подъ именемъ енисейскихъ остяковъ. Это остатокъ какой-то древней рассы, говорившей какимъ-то совершенно особеннымъ языкомъ. Оба берега Ангары вверхъ отъ устья Тасѣевой находились подъ властью бурятъ. Имъ же принадлежала нынѣшняя Иркутская губернія и все Забайкалье.

Русское наступательное движеніе изъ нынѣшней Тобольской губерніи на югъ и юго-востокъ сдѣлало громадные успѣхи въ XVII ст. Оно дошло до Телецкаго озера, по Енисею почти до Саянскаго хребта; но русскіе землепроходы заходили много дальше. Извѣстный португальскій путешественникъ, Пинто, встрѣтилъ русскихъ, торгующихъ

на р. Кемчинѣ въ нынѣшней Уряпхайской землѣ за Саянами. Пинто говоритъ, что всѣ русскіе—народъ рослый, носятъ большія сабли, исповѣдуютъ христіанскую вѣру. Насколько обширны были свѣдѣнія русскихъ людей о Сибири и прилегающихъ къ ней странахъ, достаточнымъ свидѣтельствомъ служитъ атласъ боярскаго сына Ремезова. Мы видимъ въ немъ, что русскимъ были хорошо извѣстны источники Ха-кема, одной изъ вершинъ Енисея, а также озеро Тери-норъ, со старинными развалинами на его островахъ. Точно также извѣстно было и Забайкалье и дороги въ Монголію. Былъ также довольно извѣстенъ и далекій якутскій сѣверъ. Несмотря, однако же, на громадность освѣщеннаго пространства на югѣ—подвиги сѣверныхъ партій были несравненно труднѣе, чѣмъ южныхъ, благодаря суровости климата и крайне дикой, негостепріимной мѣстности и малолюдству, а также непривычной для русскихъ борьбѣ съ океаномъ.

Въ 1600 году Шаховскимъ и Хрипуновымъ былъ основанъ острогъ Мангазея. Здѣсь же впервые встрѣтились русскіе съ юраками. Этотъ народъ оказался очень воинственнымъ и долго сопротивлялся русскому господству. Ясакъ они начали вносить только въ началѣ XIX столѣтія. Въ 1607 году отъ Мангазеи же русскіе прошли на Енисей къ устью Туруханa и заложила тамъ Туруханскій острогъ. Въ 1610 году русскіе дошли уже до устья Енисея. На этомъ пути первыхъ сильныхъ противниковъ встрѣтили русскіе развѣдчики въ тунгусахъ; но это не помѣшало имъ заложить, кромѣ Кетскаго, существовавшаго раньше, острога, Енисейскій и Маковскій въ 1618 и 1619 годахъ. На слѣдующій годъ дошли до русскихъ слухи о великой рѣкѣ Ленѣ; но первая попытка проникнуть туда была сдѣлана только въ 1627 году. Изъ Енисейска были отправлены въ этомъ году двѣ партіи, одна съ казакомъ Василіемъ Бугромъ для провѣданія рѣки Лены, другая съ Максимомъ Перфильевымъ для приведенія въ подданство бурятъ. Перфильеву не удалось исполнить намѣченной задачи, и онъ ограничился только взятіемъ ясака съ ангарскихъ тунгусовъ. Бугоръ дѣйствовалъ успѣшнѣе и достигъ верховій Лены. Въ 1639 г. Галкинъ выходитъ на Илимъ и черезъ волокъ спускается въ Лену и въ томъ же году закладываетъ Никольскій погостъ, впослѣдствіи городъ Киренскъ. Самымъ важнымъ шагомъ русскихъ въ бассейнѣ Лены было основаніе сотникомъ Бекетовымъ Якутскаго острога. Послѣ этого, несмотря на сопротивленіе воинственныхъ якутовъ, казаки вскорѣ дошли до устья Лены.

Послѣ открытія устья Лены, были вскорѣ открыты устья Яны, Индигирки и Колымы. На Индигиркѣ русскіе встрѣтились съ не-

вѣдомымъ племенемъ юкагировъ, очень многочисленнымъ и воинственнымъ. Они долго и упорно бились съ русскими. Въ 1643 году Василій Поярковъ изъ Якутска по Алдану и его притокамъ перебрался на Амуръ, дошелъ до его устья, вышелъ въ море и вернулся въ Якутскъ въ 1646 году, привезя съ собой двухъ живыхъ гиляковъ. По поводу этой поѣздки Пояркова, во время которой русскіе въ первый разъ увидали Охотское море и совершенно новымъ путемъ вернулись въ Якутскъ, кстати будетъ напомнить о другихъ географическихъ открытіяхъ русскихъ казаковъ, сдѣланныхъ вскорѣ послѣ экспедиціи Пояркова. Въ 1647 г. казакъ Семенъ Дежневъ обогнулъ сѣверо-востокъ Азіи и прошелъ проливомъ между Азіей и Америкой, такъ что по всей справедливости этотъ проливъ слѣдуетъ назвать проливомъ Дежнева, а не Беринга, который прошелъ по немъ 70 лѣтъ спустя. Черезъ годъ послѣ экспедиціи Дежнева, на Охотскомъ морѣ уже былъ заложенъ Косой острожекъ, переименованный впослѣдствіи въ городъ Охотскъ. Въ томъ же 1647 году Стадухинъ по Индигиркѣ выплылъ въ Ледовитый океанъ и въ два лѣта дошелъ до Шелагскаго мыса. Въ 1650 г. казакъ Моторовъ прошелъ отъ Анюя до Анадыря; это было первое знакомство русскихъ съ чукчами. Въ 1697 г. Атласовъ и казакъ Морозко съ 120 человѣками команды прошли въ Камчатку и заложили тамъ Верхне-Камчатское зимовье. Этимъ и закончилась первоначальная рекогносцировка Сибири, дальше по твердой землѣ итти было некуда. Первая экспедиція по Амуру Пояркова не дала большихъ результатовъ, такъ что наиболѣе важная роль въ дѣлѣ развѣдыванія Амура принадлежитъ казацкому атаману Ерофѣю Хабарову; ему же принадлежитъ честь занятія Амура. Начавъ свое завоеваніе съ разрушенія даурскихъ городовъ, онъ занялъ почти все теченіе Амура; онъ же основалъ Албазинъ, сперва острогъ, а потомъ городъ, на лѣвомъ берегу Амура, противъ устья рѣки Албазихи. Этотъ городокъ послужилъ яблокомъ раздора между русскими и китайцами; въ теченіе сорока лѣтъ онъ нѣсколько разъ былъ осаждаемъ и китайцами и манджурами, пока, наконецъ, по Нерчинскому договору въ 1689 г. не рѣшено было его уничтожить.

2. Колонизація.

Московское правительство очень хорошо понимало, что одними казачьими наѣздами и постройкой укрѣпленныхъ городковъ невозможно будетъ удержать въ своей власти такую обширную страну, какъ Сибирь, поэтому оно и стремилось заселить новый край пашенными людьми. Въ 1590 г. было отправлено туда 30 хлѣбо-

пашенныхъ семей. Эти первые переселенцы были снабжены довольно изобильно средствами для устройства на новомъ мѣстѣ; кромѣ земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ, имъ даны были еще лошади, коровы и даже куры и деньгами по 50 р. на семейство. Однако же, вести такую колонизацію въ широкихъ размѣрахъ московское правительство было не въ состояніи и прибѣгло къ штрафной колонизаціи. Въ 1593 г. туда сослано было 300 человѣкъ изъ Углича послѣ убійства царевича Дмитрія, причемъ у каждаго было отсѣчено ухо; вмѣстѣ съ ними попалъ въ ссылку въ Тобольскъ и угличкій церковный колоколъ, въ который звонили въ Угличѣ, когда разнеслась вѣсть объ убійствѣ царевича. Кромѣ того, велѣно было переселять въ Сибирь тѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, которыхъ сами помѣщики отказывались держать у себя, а въ 1597 г. вышелъ указъ, по которому велѣно было оставлять въ Сибири бѣглыхъ людей, которые прожили тамъ не менѣе шести лѣтъ. Но правительство, помимо штрафной ссылки, старалось заселить страну и охочими людьми; эта мѣра была принята въ 1609 г. и называлась она „приборъ на пашню охочихъ людей“. Въ 1645 г. сослано было $1^1/_2$ тысячи человѣкъ, большая часть которыхъ состояла изъ плѣнныхъ поляковъ, шведовъ и литовцевъ; по главную массу новоселовъ въ Сибири представляли бѣглые помѣщичьи люди. По Россіи ходили слухи о необыкновенныхъ богатствахъ Сибири пушниной и земельнымъ привольемъ. Дѣйствительно, въ ту пору при воеводскомъ управленіи всякому предпріимчивому и неразборчивому на средства человѣку нажиться въ Сибири было легко. Подъ именемъ сбора ясака, а иногда просто безъ всякаго предлога, русскіе охочіе люди грабили инородцевъ; дѣло не ограничивалось грабежемъ имущества,—русскіе забирали не стѣсняясь инородцевъ въ рабство. Къ какимъ мѣрамъ русскіе прибѣгали въ своемъ обращеніи съ инородцами, достаточно упомянуть хотя бы одинъ примѣръ. Съ русскими, конечно, и воеводы и казенные приказчики держали себя гораздо осторожнѣе, чѣмъ съ безотвѣтными туземцами, однако же въ Мангазеѣ воевода Савлукъ Пушкинъ запыталъ до смерти приказчика Василія по одному подозрѣнію, что онъ утаилъ часть ясака. Положимъ, за это умершій приказчикъ былъ и признанъ святымъ подъ именемъ Василія Мангазейскаго, но можно съ увѣренностью сказать, что такихъ жертвъ было крайне много и они не удостоились даже этой посмертной награды. Инородцы Западной Сибири, помнившіе разгромъ Кучумова царства и убѣдившіеся въ превосходствѣ русскаго оружія, соглашались вносить ясакъ; были и такіе, которые соглашались давать ясакъ почти что безъ сопротивленія, но жестокости и злоупотребленія при

сборѣ ясака доводили инородцевъ до отчаянія и поэтому рѣдкій годъ проходилъ безъ того, чтобы какіе-нибудь инородцы не возставали противъ русскихъ. Примѣровъ подобныхъ возстаній крайне много, и всѣ они буквально были потоплены въ крови. Были примѣры, что воеводы зазывали къ себѣ въ гости вліятельныхъ инородцевъ, князьковъ, якобы для угощенія, и вмѣсто этого иногда избивали ихъ, а, въ другихъ случаяхъ, заковывали и отсылали за Уралъ, въ Москву, гдѣ они и пропадали безъ вѣсти. Сибирь обогащала московскую казну соболями и чернобурыми лисицами, но отправляла въ этотъ далекій край, очевидно, такихъ служакъ, которые въ самомъ Московскомъ царствѣ были неудобны. Вскорѣ послѣ основанія города Томска явился туда князь енисейскихъ киргизовъ съ женой и просилъ принять киргизскій народъ подъ высокую руку Московскаго царя. Объясачить безъ боя и безъ сопротивленія такой энергичный народъ, какъ киргизы, было бы находкой для Московскаго государства; киргизовъ тѣснили съ одной стороны Алтынъ—ханы халхаскіе, съ другой—калмыки джунгарскіе. Воеводѣ стоило только приличнымъ образомъ принять это предложеніе, и тогда для русской колонизаціи открылся бы свободный доступъ въ одну изъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей Сибири; но воевода началъ съ того, что велѣлъ съ плечъ киргизской княжны стащить соболью шубу. Киргизскіе депутаты прекратили всякіе переговоры, уѣхали назадъ и съ тѣхъ поръ сдѣлались непримиримыми врагами русскихъ. Въ теченіе всего 17-го столѣтія шли непрерывные набѣги киргизовъ; они осаждали Кузнецкъ, подходили къ Красноярску и сожгли Ачинскій острогъ. Безпощадное истребленіе инородцевъ русскими гулящими людьми, казаками, воеводами и промышленниками, не прошло даромъ для самой Россіи. Постоянный приливъ бѣглыхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Сибирь, которыхъ не удерживали заставы на Уралѣ, имѣвшія обязанностью имать и обращать назадъ бѣглыхъ, заставилъ правительство, а главнымъ образомъ, помѣщиковъ, принимать мѣры на мѣстѣ противъ убѣга крѣпостныхъ; мѣры эти заключались въ расширеніи власти помѣщика надъ крестьянами и въ уничтоженіи послѣднихъ остатковъ самостоятельности крѣпостныхъ людей. Казанскій профессоръ Фирсовъ, много занимавшійся вопросомъ о колонизаціи восточной Россіи, первый и, кажется, единственный изъ историковъ отмѣтилъ этотъ результатъ хищничества и жестокостей, царствовавшихъ въ Сибири. Мысль свою объ этомъ вопросѣ онъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „полудикій инородецъ, погибая среди грабежей, жестокостей и насилій, отмстилъ своему притѣснителю, русскому, лишивъ его свободы“.

Безпрерывно и регулярно двигалась и росла только штрафная колонизація, и почти не проходило десятилѣтія безъ того, чтобы какая-нибудь новая категорія преступниковъ не попадала въ Сибирь. Обыкновенно въ Сибирь переправлялись лица, которыя, по старымъ законамъ нашимъ, подвергались изувѣченію. Въ этомъ смыслѣ, конечно, ссылка была нѣкоторымъ шагомъ по пути гуманности; но несмотря на это, и здѣсь, какъ и повсюду, штрафная колонизація принесла только одни горькіе плоды. Если свободный переселенецъ часто не могъ устроиться какъ слѣдуетъ въ Сибири несмотря на правительственное пособіе, то чего же можно было ждать отъ пересыльнаго преступника, разорвавшаго всякую связь съ семьей, ограниченнаго выборомъ мѣста жительства и занятій. Что могъ, напримѣръ, найти для себя въ Якутской области уроженецъ Черноморья, или уроженецъ Костромскихъ лѣсовъ въ степяхъ Акмолинской области? Большинство поселенцевъ коротали свой вѣкъ въ работникахъ у старожиловъ, не малое число ихъ обращалось въ бродягъ и нерѣдко они гибли подъ пулей старожила-сибиряка. Несмотря на это, штрафная колонизація держалась и держится крѣпко до сихъ поръ. Это элементъ, насильно навязанный Сибири. Количество штрафныхъ новоселовъ обусловливалось не нуждами страны, а количествомъ совершенныхъ въ Россіи преступленій. Порядокъ этотъ длится и до сихъ поръ, несмотря на то, что громадный рядъ примѣровъ штрафной колонизаціи западной Европы уже давно доказалъ, что подобный способъ увеличенія населенія ведетъ прямо къ погибели колоніи. Свободная колонизація то поощрялась, то сдерживалась, штрафная же непрерывно шла своимъ темпомъ. Теперь, при усиленномъ поощреніи переселеній, когда запасъ свободныхъ земель постепенно истощается, для ссыльнопоселенца все менѣе и менѣе остается возможности устроиться на новомъ мѣстѣ. И прежде поселенецъ, онъ же и бродяга, былъ бичемъ страны, а теперь онъ несомнѣнно наградитъ страну толпой бездомныхъ скитальцевъ. Примѣръ на лицо. Въ первые годы своего существованія городъ Николаевскъ на Оби не зналъ, что такое замокъ на двери. Теперь же, когда послѣ Японской войны туда перебралась цѣлая стая бродягъ съ Сахалина, тамъ невозможно ходить въ одиночку поздно вечеромъ по улицамъ, и ни одинъ извозчикъ не откликнется на зовъ поздняго путника, опасаясь, что вмѣсто сѣдока встрѣтится съ шайкой грабителей.

Обратимся теперь къ свѣдѣніямъ о ростѣ русскаго населенія въ Сибири. Свѣдѣнія эти очень скудны, неточны, и по нимъ можно только съ очень далекимъ приближеніемъ судить о дѣйствительномъ

увеличеніи населенія страны. Самое древнее свѣдѣніе даетъ историкъ Сибири Словцовъ. Оно относится къ началу 1622 года:

Духовенства бѣлаго съ причтомъ и дѣтьми мужск. пола было	300	мужч.
Духовенства чернаго	50	„
Подъячихъ	200	„
Воинскихъ людей, казаковъ съ новокрещенными .	6.500	„
Промышленниковъ, считая 60 семей угличанъ .	4.000	„
Промышленниковъ, ходившихъ въ партіяхъ съ казаками	2.000	„
Архіерейскихъ служителей, монастырскихъ, дворовыхъ, господскихъ и дѣловыхъ людей . .	1.000	„
Ямщиковъ и присоединившихся къ нимъ бобылей	1.000	„
Итого . .	14.750	мужч.

Цифра эта конечно слишкомъ мала, да и она вмѣстѣ съ тѣмъ не касается пашенныхъ людей, крестьянъ, которыхъ уже несомнѣнно было не мало въ ту пору въ Сибири.

Дальнѣйшія свѣдѣнія имѣются съ 1719 года. Тогда во всей Сибири считалось 37.096 дворовъ.

Въ 1766 году по сю сторону Енисея считалось .	257.452	души
Въ томъ же году, по ту сторону Енисея было .	37.509	„
Всего . .	295.051	душа

Въ 1785 въ до-Енисейской Сибири	514.700	душъ
въ за-Енисейской Сибири	375.150	„
Всего . .	889.850	душъ.

Итоги 1766 и 1785 годовъ ясно доказываютъ, что цифрамъ этимъ довѣрять трудно. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что за двадцать лѣтъ населеніе вмѣстѣ съ приростомъ и колонизаціей ежегодно увеличивалось приблизительно на 11.500 чел.; по какимъ образомъ за этотъ же періодъ за-Енисейская Сибирь увеличила свое населеніе въ 10 разъ?—Очевидно, дѣло въ томъ, что въ 1785 году нѣсколько болѣе тщательно были просчитаны восточно-сибирскіе инородцы.

Обращаясь къ штрафной колонизаціи, мы тоже не находимъ данныхъ о количествѣ ссыльныхъ, несмотря на то, что каждый

ссылаемый заносился въ реестръ отправляющейся партіи; онъ былъ казеннымъ пенсіонеромъ и до нѣкоторой степени казеннымъ имуществомъ. Въ началѣ XIX стол., съ 1807 года появляются нѣкоторыя опредѣленныя данныя о ссыльныхъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что до 1823 года ежегодно ссылалось 2.000 человѣкъ, а послѣ 1823 года число ссыльныхъ возросло до 6.667 человѣкъ. Къ 1877 году ссыльныхъ набралось въ Сибири до 393.914 человѣкъ. Эта колонизація, какъ и слѣдовало ожидать, принесла гораздо больше отрицательныхъ, чѣмъ положительныхъ результатовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, сумѣли осѣсть на землю, другіе—ремесленники не рѣдко даже составляли себѣ состояніе; но значительная часть изъ нихъ коротала жизнь въ батракахъ у старожиловъ и въ бродяжествѣ, а, со времени открытія золотопромышленности, на пріискахъ.

Что касается до свободной колонизаціи, то свѣдѣнія о ней начинаютъ пріобрѣтать достовѣрный характеръ послѣ освобожденія крестьянъ. Само рѣшеніе крестьянскаго вопроса наталкивало на мысль о переселеніи. Не говоря уже о принявшихъ четверть надѣла въ даръ, можно было заранѣе видѣть, что къ концу срока уплаты выкупныхъ платежей установленные полные надѣлы будутъ недостаточны для крестьянскихъ нуждъ, благодаря одному естественному приросту населенія. Къ этому прибавились новые налоги и повинности и ухудшеніе земли, вслѣдствіе выпашки. Изслѣдованіе покойнаго Карышева о внѣнадѣльныхъ арендахъ ясно указываетъ на то, что, если надѣлы и обезпечивали быть освобожденныхъ крестьянъ, то лишь на короткое время. Вздорожаніе арендныхъ цѣнъ на землю само собой уже указывало на недостаточность надѣльныхъ земель. Дальновидные люди уже давно чувствовали, что къ нимъ близко подходитъ грозный аграрный вопросъ. Три пути представлялись для болѣе или менѣе прочнаго обезпеченія крестьянства. Первый—улучшеніе самаго крестьянскаго хозяйства, введеніе въ культуру новыхъ элементовъ, которые дали бы возможность увеличить продуктивность земли. Второй—періодическія прирѣзки земли по мѣрѣ роста населенія и частичное переселеніе. Третій самый, повидимому, простой, но самый дорогой и крайне трудный—массовыя переселенія въ малонаселенныя мѣста, у насъ, главнымъ образомъ, въ Сибирь.

Дороговизна этого способа совершенно попятна: до желѣзной дороги, изъ средней Россіи переселенецъ могъ дойти до Томской губерніи не ранѣе, какъ въ шесть мѣсяцевъ, и потому съ каждой тысячью переселенцевъ терялось 180.000 рабочихъ дней. Не меньше полугода нужно было для того, чтобы устроиться и взяться за дѣло. Кромѣ того, уходящій ликвидировалъ свое имущество за безцѣнокъ и долженъ былъ всѣмъ обзаводиться за-ново. Помимо этого, цѣлые полгода

переселенецъ съ семьей долженъ былъ кормиться, почти ничего не зарабатывая. Придя на мѣсто съ пустыми руками, онъ и тамъ сначала могъ быть только работникомъ за самую низкую плату. Мѣръ къ улучшенію хозяйства крестьянскаго на старомъ мѣстѣ не принималось, а потому несомнѣнно годъ отъ году увеличивалось утѣсненіе въ землѣ.

Это обостреніе земельной нужды уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ заставило говорить о себѣ и поднять вопросъ объ облегченіи переселеній малоземельнымъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, минуя другіе пути улучшенія крестьянскаго хозяйства, съ самаго начала остановились на переселеніи. Конечно, толковали о другихъ мѣрахъ и винили во всемъ общину. Графъ Орловъ-Давыдовъ находилъ, что безъ общины разовьется большой контингентъ безземельныхъ, которые пойдутъ въ работники къ крупнымъ землевладѣльцамъ и у насъ разовьется интенсивное хозяйство. Забывали только при этомъ, что вѣковой институтъ, общину, нельзя отмѣнить указомъ. Отмѣненный формально, онъ будетъ продолжать жить, а, можетъ быть, и окажется способнымъ къ развитію. Забыли также и о томъ, какой неустойчивый элементъ представляетъ собою оторванный отъ земли крестьянинъ. Результатомъ этого явилось бы развитіе бродячаго элемента, котораго у насъ и безъ того не мало. Но до разоренія общины не дошло, и если бы эти мечты осуществились—врядъ ли крестьяне удовлетворились бы батрачествомъ у землевладѣльцевъ. Слѣдуя исконной своей привычкѣ, безземельные тронулись бы массами на новыя мѣста, такъ же, какъ отцы и дѣды ихъ уходили на Кубань, въ Анапу, гдѣ, какъ слышно было, даютъ много денегъ, или на фантастическую Дарю-рѣку.

И на счетъ переселеній взгляды были весьма различные. Черниговское земство возбудило ходатайство о распространеніи права переселенія на всѣхъ крестьянъ; это ходатайство пошло по министерствамъ. Здѣсь, однако же, прежде всего былъ поднятъ вопросъ не объ организаціи а объ ограниченіяхъ переселенія. Пройдя всѣ инстанціи въ Государственномъ Совѣтѣ, ходатайство это получило совершенно противоположное направленіе. Высшее законодательное учрежденіе выработало для переселенія столь стѣснительныя правила, что колонизація должна была свестись къ минимальнымъ размѣрамъ. Главнымъ поводомъ къ такому рѣшенію вопроса были, конечно опасенія, какъ бы не оставить помѣщиковъ безъ работниковъ, а главное безъ арендаторовъ, которые подняли цѣны на кортомъ земли почти-что до покупной ея стоимости.

Необходимо было получить увольненіе отъ общества и уплатить подати за годъ впередъ. При такихъ условіяхъ могли переселиться

только зажиточные люди, которымъ въ этомъ не было настоятельной надобности. Насколько легко смотрѣли въ ту пору на переселенческій вопросъ, видно уже изъ того, что на устройство переселенцевъ отпущено было въ 1884 году на все и про все 40.000 рублей въ годъ, а въ послѣдующіе годы только по 20.000.

Сравнивая эти суммы съ тѣми, которыя расходуются на переселеніе теперь, можно только удивляться, до какой степени оптимистично смотрѣли въ концѣ XIX ст. на положеніе земледѣльческаго труда въ Россіи наши администраторы. Жизнь, однако же, не оправдала теоретическихъ соображеній, и число самовольныхъ переселеній начало быстро расти. Можетъ быть, это положеніе затянулось бы надолго, и Сибирь продолжала бы колонизироваться украдкой; но тутъ вмѣшалось новое обстоятельство, заставившее обратить серьезное вниманіе на переселенческое дѣло. Этимъ толчкомъ, измѣнившимъ установившійся воззрѣнія, была постройка желѣзной дороги.

Ужасное положеніе, въ которомъ находился передъ постройкой желѣзной дороги большой сибирскій трактъ, ясно указывало, что страна страдала отъ бездорожья и безлюдья. Придорожное населеніе не въ силахъ было поддерживать дорогу въ исправности ни зимой, ни лѣтомъ. Въ странѣ было настолько мало рабочихъ рукъ, что собственно сибирскаго населенія не хватало даже и для работы на золотыхъ пріискахъ. Съ Олекмы и Витима ежегодно ѣздили нанимать рабочихъ въ Томскъ, за четыре съ половиною тысячи верстъ. Давно чувствовавшаяся нужда въ людяхъ, работникахъ, давала себя знать все сильнѣе и сильнѣе. Итакъ, съ одной стороны Сибирь страдала отъ недостатка въ людяхъ, а въ Россіи самая лучшая ея часть, черноземная область, бѣднѣла, голодала отъ малоземелья. Все это подвинуло вопросъ о переселеніи, выяснило его важность и заставило Комитетъ Сибирской желѣзной дороги обратить серьезное вниманіе на усиленіе колонизаціи Сибири.

Какъ ни интересна исторія переселенческаго движенія, мы можемъ только въ общихъ чертахъ коснуться ея. Мы уже говорили о затрудненіяхъ, которыя встрѣчали переселенцы со стороны администраціи, упоминали о самовольномъ переселеніи и о неосуществившихся попыткахъ остановить его, пока наконецъ рѣшено было не гнать переселенцевъ назадъ, такъ какъ никакой пользы отъ этого не предвидится. Мы ограничимся сказаннымъ и перейдемъ къ результатамъ переселенія.

По свѣдѣніямъ оффиціальнаго изданія—Переселеніе въ Сибирь — вып. XVIII, Л. Ф. Ставроскаго и В. В. Алексѣева 1906 г., съ 1885 по 1892 годъ включительно прошло въ Сибирь 258.154 челов., или, въ среднемъ 32.248 челов. въ годъ. Это

почти минимальная цифра. Общая же сумма за 10 лѣтъ переселеній выразилась въ 1.114.649 чел., а за 20 лѣтъ (1885—1904 гг.)—1.488.048 ч. *).

Какія земли, губерніи и области послали въ Сибирь отъ себя новоселовъ? Сѣверная черноземная область, семь губерній средней Россіи, дали 554.137 человѣкъ; изъ нихъ пальма первенства принадлежитъ Курской губерніи, давшей 151.573 души. Изъ остальныхъ одна только Черниговская дала 123.876 переселенцевъ и Тамбовская 100.483; Пензенская, Орловская, Тульская и Рязанская дали 173.800, а весь районъ 554.137; средне-черноземный районъ (губерніи Полтавская, Харьковская и Воронежская) выселилъ 320.975; черноземная полоса юго-западныхъ губерній (Кіевская, Подольская и Волынская)—42.762; весь черноземный край 927.071. При этомъ наиболѣе густо населенный районъ, юго-западный, далъ всего 42.762 переселенца. Въ суммѣ наиболѣе плодородныя области, средне-русская и юго-западная, дали гораздо болѣе половины переселенцевъ. Результатъ этотъ, съ виду весьма парадоксальный фактъ, не представляетъ на дѣлѣ ничего необыкновеннаго, такъ какъ весь этотъ обширный край обладаетъ большимъ количествомъ крупныхъ частныхъ владѣльцевъ. Въ недостаточности собственныхъ надѣльныхъ земель кроется, по признанію самихъ оффиціальныхъ статистиковъ, коренная причина, выбрасывающая ежегодно по сотнѣ тысячъ переселенцевъ на поиски свободныхъ земель.

Побережье Чернаго моря вмѣстѣ съ Астраханской губерніей дали 90.702.

Поволжье вмѣстѣ съ Европейской стороной Приуралья, десять губерній, дали 233.654 человѣка. Промышленный районъ, въ который вошли двѣ поволжскихъ губерніи, далъ всего 21.595 чел.; Сѣверо-западная область (Петербургская, Новгородская, Псковская губерніи) колонизировала въ Сибирь 8.378, Западный край (Гродненская, Виленская, Ковенская, Могилевская, Витебская и Минская губерніи) выслали сравнительно значительную изъ нихъ цифру колонистовъ, потому что жители этого края не надѣялись найти лучшихъ условій жизни къ Сибири по сравненію съ родиной. Всего переселенцевъ изъ этого края было за 20 лѣтъ 175.979. По количеству переселенцевъ эта область занимаетъ третье мѣсто; даже и три сѣверныхъ губерніи съ ихъ неизмѣримыми пространствами, съ на-

*) Статистич. ежегодникъ за 1905 годъ (новѣйшій изъ выпущенныхъ) насчитываетъ, не указывая, съ какого времени, всего пришлаго народа въ Сибири 4.889.052 души, изъ нихъ русскихъ 4.650.444 души, остальные инородцы Россіи и иностранцы. (Стат. ежегодникъ, стр. XXVIII—XXIX).

селеніемъ первая—0,5, вторая—4,0 и 3,3 на кв. версту увеличили населеніе Сибири на 4.601 жит.

Всѣ эти отдѣльныя группы за 20 лѣтъ по 1904 годъ включительно, дали Сибири 1.488.048 *), что даетъ въ среднемъ 74.402 чел. въ годъ.

Какъ ни интересно было бы прослѣдить колебанія числа переселенцевъ въ различныхъ районахъ выселенія, мы должны отказаться отъ этой работы, такъ какъ не имѣемъ возможности по самымъ размѣрамъ нашего очерка углубляться въ переселенческій вопросъ. Намъ, такъ какъ вопросъ идетъ о населеніи Сибири, достаточно указать, каковы были результаты этой колонизаціи и какъ размѣстилась вся эта масса въ Сибири.

Ближайшая къ Европейской Россіи Тобольская губернія за 10 лѣтъ 1894—1904 гг. приняла 135.809 переселенцевъ, сосѣдняя съ ней Томская 509.523 чел., въ томъ числѣ 303.895 на кабинетскихъ земляхъ. Это явленіе знаменательное: переселеніе на кабинетскія земли не сопровождается выдачей пособій и, кромѣ того, обставлено особыми условіями; но крестьянинъ все-таки старается попасть туда, не льстится на пособіе и на заранѣе заготовленный участокъ, такъ какъ кабинетскій Алтай—одна изъ лучшихъ мѣстностей Сибири. Енисейская губернія дала мѣсто 119.454 колонистамъ; но зато въ ней запасъ годныхъ для хлѣбопашества земель можно считать почти исчерпаннымъ. Иркутская губернія служитъ предѣльнымъ пунктомъ массоваго передвиженія на востокъ—она приняла всего 14.970 человѣкъ. Если оборотимся къ сѣверу и потомъ къ востоку, то встрѣтимся съ цифрами, которыя трудно принять результатомъ непрерывной колонизаціи: Забайкальская область получила 1,087 новоселовъ, а Якутская—67!

Чтобы покончить съ югомъ Сибири, мы должны дать свѣдѣнія о переселенцахъ въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской. Въ первую переселилось 245.537, а въ Семипалатинскую 7.266.

Въ концѣ концовъ слѣдуетъ упомянуть о переселеніяхъ на Дальній Востокъ, которыя вплоть до окончанія Сибирскаго пути шли, главнымъ образомъ, кругосвѣтнымъ путемъ и дали 28.578; Приморская область приняла 25.595, изъ которыхъ 4.085 слѣдуетъ отнести на Уссурійскій край.

Коснемся теперь въ общихъ чертахъ коренного русскаго населенія, которое другіе русскіе называютъ сибиряками. Кого же,

*) Эта сумма изображаетъ собой вообще все переселенческое движеніе; но изъ него слѣдуетъ вычесть число переселенцевъ въ губерніи и области Семирѣченскую, Тургайскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую—всего 84,795, такъ что на Сибирь останется 1.403.343.

однако, мы признаемъ сибирякомъ? Сколько лѣтъ давности или поколѣній даютъ право называться туземцемъ, кореннымъ сибирякомъ? Судя по извѣстнымъ намъ примѣрамъ, одиночные переселенцы, мелкія группы, приписавшіяся къ старожиламъ, уже во второмъ поколѣніи „осибирячиваются“. Крупныя группы, образовавшія особые поселки, довольно долго придерживаются въ жизненномъ обиходѣ свычаевъ и обычаевъ старой родины, удерживаютъ свой говоръ, помнятъ о своемъ происхожденіи. Среди нѣкоторыхъ группъ, особенно сектантовъ, долго держатся стародавніе обычаи. Семейскіе старовѣры вмѣстѣ съ религіей сохранили свой костюмъ, свою кухню, свою манеру строиться. Это, впрочемъ, совершенно понятно, такъ какъ они живутъ среди бурятскаго населенія. То-же можно сказать объ алтайскихъ полякахъ, уймонцахъ, бывшихъ каменщикахъ; но рядомъ съ этимъ встрѣчаются и совершенно осибирячившіеся, даже забывшіе, гдѣ была ихъ старая родина. Во всякомъ случаѣ я думаю, что всѣхъ, переселившихся не болѣе двадцати пяти лѣтъ назадъ, можно еще считать новоселами, и къ нимъ несомнѣнно можно причислить всѣхъ переселенцевъ съ 1885 до 1904 г., т. е. 1.488.048 человѣкъ.

О сибирякахъ писалось не мало, но къ сожалѣнію больше въ фельетонномъ стилѣ. Можно прямо сказать, что въ Сибири интересовались гораздо больше инородцами, чѣмъ русскимъ населеніемъ, хотя и въ этой области еще сдѣлано очень немного. Намъ припоминаются замѣтки и отзывы разныхъ лицъ, особенно являвшихся въ Сибирь налетомъ, и изрекавшихъ свои приговоры.

Въ сущности, сибирякъ обладаетъ тѣми отличительными свойствами, которыя вырабатываются вообще у колонистовъ въ дальнихъ странахъ среди суровой природы. Онъ во многомъ напоминаетъ американскаго скватера былыхъ временъ, съ тою только разницей, что послѣдній увезъ съ собой изъ метрополіи гораздо большій запасъ культуры, чѣмъ русскій ссыльный съ урѣзаннымъ ухомъ или охочій человѣкъ, „прибранный на пашнѣ“. Кромѣ этого, сибирскій колонистъ попалъ въ гораздо менѣе благопріятную среду чѣмъ американскій новоселъ. Природа Сибири гораздо суровѣе, условія жизни труднѣе. Американецъ послѣ войны за независимость постепенно самъ выработалъ тотъ строй жизни и общественную организацію, какая ему казалась удобнѣе. Въ Сибири же вплоть до Сперанскаго бытовали тѣ порядки, которые практиковались въ допетровской Руси. Несмотря на все это, уже само изслѣдованіе Сибири, требовавшее гигантской энергіи, развило въ сибирякѣ духъ предпріимчивости, привычку полагаться на себя. Земельный просторъ далъ ему возможность развернуть его силы, но природа была сурова,

и онъ долженъ былъ напрягать ихъ до крайности, чтобы не пасть въ борьбѣ съ ней. Это была черная, грубая, опасная работа. Чтобы исправлять ее, онъ долженъ былъ усвоить себѣ пріемы борьбы съ природой туземнаго инородца. Надобно прибавить еще, что и туземецъ Сибири, въ случаѣ борьбы, былъ болѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ индѣецъ. Сибирскіе инородцы, тюрки, монголы все-таки хватили кое-какой культуры, и справляться съ ними при враждебныхъ столкновеніяхъ было не легко. Щаповъ одной изъ причинъ отсталости Россіи считаетъ, что вся сила и энергія русскаго народа тратилась на колонизацію дикихъ мѣстъ. Когда русскій перебрался въ Сибирь, ему досталась та же работа, которую онъ велъ искони въ Россіи, но только болѣе трудная. Эта борьба, развивъ предпріимчивость сибиряка, наложила на него извѣстный отпечатокъ суровости и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не давала ему досуга для умственной и эстетической культуры. У него были въ памяти нѣсколько пѣсенъ да сказокъ, изъ религіи своей онъ зналъ о пострадавшемъ Христѣ, нѣсколько молитвъ и обрядовъ. Это въ лучшемъ случаѣ. Общественной жизни онъ не вѣдалъ; безпрерывный трудъ то на пашнѣ, то на промыслахъ часто отрывалъ его надолго отъ своей семьи и даже просто отъ людей. При всѣхъ этихъ трудныхъ условіяхъ онъ воспользовался однимъ великимъ преимуществомъ передъ своими собратьями въ Европейской Россіи. Въ домашней жизни, въ занятіяхъ его ему никто не указывалъ, какъ поступать; инициатива его не была такъ стѣснена, какъ у крѣпостного крестьянина. Сама суровая природа, съ которой такъ трудно бороться, заставляла сибиряка искать знаній и средствъ, какъ бороться съ ней. Это развило въ немъ любознательность и уваженіе къ знающимъ людямъ и знанію. Обиліе сибиряковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, учрежденія для развитія въ Сибири начальнаго образованія, университетъ, котораго сто лѣтъ упорно добивались сибиряки, милліонные капиталы, служащіе среднему образованію, являются выраженіемъ этихъ стремленій къ знанію. Однако же, сибирякъ не чуждъ и тѣхъ несимпатичныхъ чертъ, которые свойственны колонистамъ. Онъ крайне суровъ, нерѣдко проявляетъ большую жестокость въ характерѣ и поступкахъ, въ чемъ онъ опять-таки напоминаетъ скватера,—за кражу лошади въ Америкѣ подвергали суду Линча или просто убивали, а убійство человѣка не всегда влекло за собой смертную казнь. До сихъ поръ завѣтная мечта почти всякаго сибиряка разбогатѣть; но типы Плюшкина въ Сибири рѣдки; сибирякъ ищетъ богатства для того, чтобы пользоваться имъ во-всю, заставить говорить о себѣ, удовлетворить своему честолюбію. Надобно отмѣтить здѣсь, однако же, и очень рѣдкую

черту въ правахъ сибиряка. Онъ, хотя и считаетъ себя выше инородца, но у него нѣтъ того отвращенія къ нему, которое мы видимъ въ западно-европейскихъ колонизаторахъ. Сибирякъ видитъ въ немъ человѣка, водитъ съ нимъ хлѣбъ соль, заимствуетъ кое-что отъ инородца и не только не считаетъ неприличнымъ знать языкъ инородца, но ставитъ себѣ это въ заслугу. Весьма часто упрекаютъ сибиряка въ сухости, въ отсутствіи поэтической складки, любви къ изящному. Зачатки этихъ склонностей есть. Развѣ любовь къ комнатнымъ растеніямъ не стремленіе къ изящному, развѣ старинный сибирскій обычай расписывать стѣны избъ масляными красками не указываютъ на то же. Откуда было развиться художественному вкусу сибиряка, когда во всей Сибири всего одна хорошая картинная галлерея—въ Иркутскѣ, но это явленіе новое, результатъ труда одного человѣка.

Скажемъ опять-таки, что это недостатокъ всѣхъ новыхъ колоній. Пусть назовутъ намъ великихъ художниковъ, скульпторовъ и поэтовъ Америки. Лонгфелло, нѣсколько талантливыхъ прозаиковъ, которыхъ даже сами американцы не рѣшатся сравнить съ корифеями какой бы то ни было европейской страны, и только; но зато какая безвкусица журнальной беллетристики! Страшные разсказы, описаніе подвиговъ сыщиковъ; но даже и это все по остроумію замысла, интересу сюжета, только блѣдныя копіи съ французскихъ бульварныхъ романовъ, которые никто не считаетъ настоящей литературой.

3. Инородцы.

Обращаясь къ нерусскому населенію Сибири, мы оставимъ въ сторонѣ европейцевъ, американцевъ, китайцевъ, вообще весь тотъ нерусскій элементъ, который опредѣляется терминомъ иностранцы и остановимся только на коренныхъ обитателяхъ Сибири. Проживающіе въ Сибири поляки, латыши, нѣмцы, романскіе народы находятся въ томъ же положеніи, какъ и иностранцы, проживающіе въ Россіи, за исключеніемъ поляковъ и литовцевъ укоренившихся въ Сибири. Между ними первыхъ насчитывается 30.535 а вторыхъ 2.080, имѣвшихъ весьма значительное вліяніе на развитіе искусствъ и ремеслъ въ странѣ. Эти подневольные колонисты Сибири не только насадили въ странѣ цѣлый рядъ повыхъ видовъ промышленности, но и были піонерами изученія Сибири. Мы также не остановимся на инородцахъ волжской вѣтви финновъ и даже зырянъ, такъ какъ это, въ сущности, инородцы повоселы. Число ихъ всѣхъ невелико и оно составлено изъ мелкихъ группъ; перепись 1897 г. опредѣляетъ всѣхъ пришлыхъ инородцевъ 238.508. Первыя циф-

ровыя данныя объ инородцахъ мы встрѣчаемъ въ VI народной переписи, бывшей въ 1791 году. Она даетъ свѣдѣнія не о всей Сибири, а только о западной и объ уѣздахъ Туруханскомъ, Енисейскомъ и Красноярскомъ нынѣшней Енисейской губерніи. Общая цифра ясачныхъ, конечно, не полная, такъ какъ въ ней нѣтъ ни Иркутской, ни Якутской, ни Забайкальской областей, достигала тогда до 134.438 душъ. Черезъ 100 лѣтъ, въ 1897 году перепись опредѣлила численность инородцевъ въ 871.117 душъ.

Въ грубыхъ чертахъ распредѣленіе инородцевъ въ Сибири можетъ принять такую схему: прежній большой сибирскій трактъ стянулъ къ себѣ большую часть населенія страны; но, такъ какъ прежде онъ шелъ черезъ Тюмень на Тюкалинскъ, на Томскъ, то отчасти, въ этой полосѣ отъ Тюменя до Томска, онъ, хотя проходилъ по мало населенной мѣстности, однако, населеніе стягивалось и ютилось около тракта и кормилось доставкой товаровъ на Востокъ; только въ Приуральи и въ предѣлахъ Томской губерніи трактъ вступалъ въ болѣе населенную область. Отъ Томска трактъ, какъ и желѣзная дорога, идутъ въ полосѣ русскаго населенія до Красноярска, а отъ Красноярска до Иркутска лѣвый берегъ Ангары можетъ служить почти предѣломъ русскаго населенія на сѣверѣ. За Байкаломъ старый трактъ проходитъ главнымъ образомъ по бурятскимъ землямъ, такъ что русское населеніе расположено довольно неправильно. На дальнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ инородцевъ больше, чѣмъ въ средней полосѣ.

Общепринятая классификація инородцевъ лингвистическая, по группамъ языковъ, которой мы не будемъ придерживаться, такъ какъ она соединяетъ, руководясь только родствомъ языковъ, крайне разнообразные народы съ культурной точки зрѣнія. Кромѣ того, она и не можетъ быть послѣдовательно выдержана, такъ какъ среди сибирскихъ инородцевъ, благодаря лингвистической классификаціи, создалась особая группа, названная палеазіатской, носящая чисто искусственный характеръ. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ соединять ихъ въ одну семью ни по языку, ни по происхожденію. Такъ какъ наиболѣе достовѣрныя данныя о составѣ населенія въ Россіи и Сибири даетъ намъ перепись 1897 года, то и мы, несмотря на десятилѣтнюю давность, остановимся на ней, будемъ пользоваться данными, сгруппированными въ Ежегодникѣ центральнаго статистическаго комитета, выпущенномъ въ свѣтъ въ 1906 году.

Изъ данныхъ Ежегодника мы видимъ, что наименѣе инородцевъ проживаетъ въ губерніяхъ Тобольской 6% (абс. число 85.509), въ Томской 6% (абс. число 116.497) и минимальное количество въ Амурской 4,5% при абсолют. числѣ 5.412. Енисейская 8,8%

при 50.065. Въ Иркутской губерніи инородцевъ 22,6% при абс. числѣ 116.361, Забайкальская область имѣетъ 31,6% при населеніи въ 212.587 душъ, Приморская 20% при 44.682 душахъ населенія, островъ Сахалинъ (до раздѣла) имѣлъ 15% при 4.381 душахъ населенія.

Максимальный процентъ инородческаго населенія даютъ три области, изъ которыхъ одна, Якутская, лежитъ на дальнемъ Сѣверовостокѣ, а двѣ другія Акмолинская и Семипалатинская на Юго-западѣ Сибири. Въ первой 235.623 инородца, составляющихъ 87,5% населенія, въ Акмолинской 47.763 или 62,3% всего населенія. Относительный и абсолютный максимумъ инородческаго населенія падаютъ на Якутскую область; къ ней близко стоитъ Семипалатинская 88,3% при 64.017 инородцевъ. Относительно двухъ послѣднихъ областей мы приняли въ расчетъ только киргизовъ, такъ какъ количество остальнаго населенія инородческаго въ этихъ областяхъ крайне ничтожно, и большинство изъ нихъ пришлое, а, можетъ быть, и временно проживающее.

Главная масса инородцевъ Сибири кочевники; всѣхъ ихъ, кромѣ оленеводовъ 837.501 человѣкъ обоего пола; но и эта цифра мала, такъ какъ въ Забайкальѣ считается 30.000 тунгусовъ, изъ которыхъ многіе перешли на положеніе кочевыхъ скотоводовъ, приняли буддизмъ и сильно обурятились. Въ общихъ чертахъ кочевой бытъ всѣхъ инородцевъ характеризуется слѣдующими признаками: главнымъ источникомъ существованія ихъ служитъ скотоводство на подножномъ кормѣ, при чемъ владѣльцы его переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ одного пастбища на другое, и для этой цѣли устраиваютъ себѣ подвижныя жилища. На сухихъ степяхъ, мало пригодныхъ или совершенно непригодныхъ для хлѣбопашествъ, эта форма хозяйствъ до сихъ поръ самая выгодная. Два кардинальныхъ пункта существуютъ у кочевниковъ въ среднихъ широтахъ—лѣтникъ и зимникъ. Лѣтникъ обыкновенно представляетъ самый дальній пунктъ перекочевки. На лѣтникѣ самая длинная остановка. Это любимое время кочевника. Обиліе молока, сытый скотъ, теплое время, досугъ вызываютъ взаимныя посѣщенія ауловъ, пѣсни, увеселенія, охоты, скачки, праздники идутъ другъ за другомъ. Обратный путь къ зимнику идетъ другой дорогой; при благопріятной погодѣ задерживаются иногда подольше на осенникахъ пастбищахъ, затѣмъ переходятъ къ зимнику. Зимникъ—краеугольный камень кочевого хозяйства. Весна и лѣто дадутъ возможность поправить скотину, которую трудно продержать зимой. Необходимо, чтобы при зимникѣ были убѣжища отъ вѣтра и мятели. Гуляя по степи, отоплялись кизякомъ, зимой кочевникъ устраивается около лѣсовъ, въ ущельяхъ горъ, открытыхъ къ югу,

вообще въ закрытыхъ отъ вѣтра мѣстахъ. Зима тяжелое время для кочевника; часто скотъ, гонимый вѣтромъ, убѣгаетъ за десятки верстъ. Нужно его собирать и заворачивать, что иногда занимаетъ нѣсколько сутокъ. Больше всего страдаетъ мелкій скотъ—бараны; лошади и верблюды держатся лучше; но и эти животныя доходятъ до полнаго истощенія къ веснѣ. Весенніе пастбища и лѣтники бываютъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ лѣтникѣ самое главное хорошій кормъ; ради него не постѣсняются пройти лишнихъ сотню верстъ, зимникъ же всегда на одномъ почти мѣстѣ. Это постоянное жилище; около него дѣлаются постройки, загоны для скота, здѣсь складываются запасы на зиму. Постоянныхъ лѣтниковъ почти что не бываетъ при таборномъ кочеванін; но главный зимникъ всегда переносится крайне рѣдко, хотя скотъ иногда отгоняютъ отъ него довольно далеко; ставятъ тамъ юрты и только за запасомъ пищи ѣздятъ въ главное стойбище. Можно сказать, что земледѣлецъ трудится лѣтомъ, и у него больше свободнаго времени зимой. У кочевника, наоборотъ—страда зимою, особенно въ концѣ ея. Скотъ истощенъ, все по близости вытравлено, нужно стеречь скотъ, чтобы онъ не ушелъ куда-нибудь въ даль и пріискивать для него теплое кормовище.

Картину подобнаго кочеванія можно теперь встрѣтить очень рѣдко. Даже киргизы начинаютъ кое-гдѣ дѣлать присѣвки. Въ предѣлахъ Сибири такой типъ кочеванія сохранился еще только въ Юго-восточномъ Забайкальѣ на границахъ Монголіи. Мы ограничимся здѣсь этими общими замѣчаніями о кочевомъ бытѣ, а нѣкоторыя варьяціи его мы отмѣтимъ при обзорѣ отдѣльныхъ народностей. Изъ всѣхъ Сибирскихъ кочевниковъ, кромѣ вышеупомянутыхъ Юго-восточныхъ (Агинскихъ) бурятъ, всего ближе къ описанной нами формѣ кочеванія подходятъ киргизы.

Всѣ сибирскіе кочевники до сихъ поръ болѣе или менѣе полно сохранили у себя родовой, патріархальный бытъ, который въ сущности представляетъ одну изъ важнѣйшихъ формъ общежитія. Считая себя кровными родственниками, члены одного рода не могутъ вступать въ бракъ со своими сородичами и, какъ родственники, они должны оказывать помощь другъ другу. У киргизовъ каждый родъ имѣетъ свой призывный кличъ у р а н ъ; эти ураны существовали у бурятъ и у другихъ инородцевъ. Обычная взаимная помощь родовичамъ теперь практикуется рѣдко, такъ какъ роды въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно размножились и взаимная солидарность практикуется теперь болѣе между мелкими группами, образовавшимися внутри родовъ; у тюрковъ онѣ называются с е ё к ъ, у монголовъ я с с у, и на обоихъ языкахъ это слово обозначаетъ „кость“. Прежде каждый родъ образовалъ одно цѣлое, пыпѣ въ нихъ появилась мѣстами

значительная пестрота. Главной причиной этого смѣшенія были брачные союзы: женщина уходитъ въ чужой родъ. Если мужъ чужеродки умиралъ, она переходила къ родственнику мужа; но теперь этотъ обычай выводится. Обыкновенно вдова съ ребятишками уходитъ въ родъ своего отца, гдѣ у нея ближайшіе родственники и родовичи, которые ей окажутъ помощь; но дѣти ея причисляются къ роду отца, хотя и живутъ въ родѣ матери. Эти чужеродцы растутъ, женятся, плодятся, такъ что въ материнскомъ роду выростаетъ цѣлая колонія чужеродцевъ; но, несмотря на раздробленность родовъ, родовая и племенная связь жива. Она выражалась въ представителяхъ родовъ, въ степной думѣ, центральномъ органѣ племени, нынѣ уже не существующемъ. Земля во всемъ вѣдомствѣ считалась, до введенія волостного устройства, общей. Это давало возможность, въ случаяхъ неурожая травъ въ одной мѣстности, найти какому-либо роду или сеоку пріютъ въ другомъ мѣстѣ. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, волостное устройство является только видимостью, хотя, какъ мы увидимъ, во многихъ мѣстахъ на мѣсто родового принципа выступаетъ территоріальный. Переходя къ отдѣльнымъ племенамъ, мы не будемъ говорить о киргизахъ, несмотря на ихъ многочисленность, такъ какъ въ Сибири мы видимъ небольшую только часть двухмилліоннаго народа, при томъ крайне интереснаго, энергичнаго и талантливаго и высоко стоящаго въ умственномъ отношеніи *). Въ общемъ по образу жизни сибирскіе киргизы близко подходятъ къ той общей схемѣ кочевого быта, которую мы очертили.

Сосѣдями киргизовъ на Алтаѣ являются алтайцы (алтайкижи—алтайскіе люди), коренные аборигены мѣстности, которыхъ русскіе называютъ еще бѣлыми калмыками. Въ XVIII столѣтіи весь южный Алтай былъ въ рукахъ ойратовъ (калмыковъ); алтайцы были подчинены имъ, и, благодаря этому, алтайцы получили это новое названіе бѣлые калмыки. Алтайцевъ считается 20.295 душъ, а если къ нимъ причислить мало въ чемъ отличающихся 9.264 душъ теленгитовъ, то всего 29.559. Алтайцы раздѣлены на 7 дючинъ, или административно-хозяйственныхъ отдѣловъ, а у теленгитовъ успѣли уже ввести почему-то столь любимыя нашей администраціей волости. Теленгиты живутъ около восточной границы Алтая съ Монголіей, по рѣкамъ Башкаусу и Чулышману, около Телецкаго озера и по р. Чуѣ, притоку Катуни. Алтайцы нѣкогда занимали гораздо болѣе значительную площадь, нежели теперь. Они живутъ къ западу отъ теленгитовъ по Катуни и ея притокамъ, а также между

*) Литература о киргизахъ громадна. Одни семипалатинскіе и акмолинскіе киргизы не дадутъ представленія даже о самихъ себѣ. О нихъ будетъ достаточно сказано въ моей работѣ о кочевомъ бытѣ.

Біей и Катунью; но не дальше параллели Бійска. Со степныхъ равнинъ ихъ вытѣснила русская колонизація и загнала ихъ въ горы; такъ, что теперь даже и въ нѣкоторыхъ междугорныхъ долинахъ устроились обширныя русскія селенія. У алтайцевъ всегда преобладалъ вертикальный способъ кочеванія: весну проводилъ кочевникъ въ теплыхъ и широкихъ равнинахъ и долинахъ между горъ, лѣтомъ угонялъ свой скотъ на альпійскія пастбища и самъ уходилъ со стадами въ прохладныя мѣста. Но, какъ и вездѣ въ Сибири, съ земельными правами инородцевъ не церемонились. Была когда-то какая-то калмыцкая межа, куда не полагалось селить русскихъ; но одинъ губернаторъ, экскурсируя по Алтаю, ничтоже сумняшеся, назначилъ основать внутри этой межи 17 поселковъ. Изъ этихъ поселковъ остались до сихъ поръ только 7, а для остальныхъ губернаторъ выбралъ мѣста, совершенно негодныя для хлѣбопашества; но и эти мѣста не остались послѣ исчезновенія поселковъ за алтайцами. Теперь мы часто видимъ, что у хозяина стоятъ двѣ юрты почти рядомъ, чаще одна въ долинѣ, другая въ горахъ на лѣтникѣ; районъ кочеванія свелся къ зимнику и лѣтнику. Прежняя переносная войлочная юрта замѣнилась коническими бревенчатыми шалашами, а у болѣе зажиточныхъ избами. Здѣсь умѣстно будетъ замѣтить, что вообще ходячее мнѣніе объ отвращеніи кочевниковъ къ земледѣлію является чистѣйшимъ предразсудкомъ: съ давнихъ поръ, еще во времена двоеданства, калмыки сѣяли просо, и теперь у алтайцевъ мы видимъ земледѣліе, даже съ искусственнымъ орошеніемъ; но что же дѣлать инородцу, когда въ спорѣ о земельномъ участкѣ почти всегда преимущество отдается русскимъ. Алтайцы, дорожа зимними пастбищами, ограждаютъ ихъ, а русскіе ломаютъ изгороди, косятъ луга, запускаютъ туда скотъ, оставляя инородца безъ корма для скота на зиму. Такія насилія мнѣ приходилось видѣть лично. Если бы такъ попробовали русскіе поступать съ киргизами или урянхайцами, то, по всей вѣроятности, дѣло не обошлось бы безъ кровавыхъ столкновеній; но алтайцы—народъ миролюбивый и кроткій и вообще далеко не воинственный. Кроткій и уступчивый съ людьми, алтаецъ безстрашный охотникъ и первоклассный наѣздникъ. Добродушный и гостепріимный, онъ отличается большой смышленностью. Онъ охотно перенимаетъ все полезное, и между ними уже начинаетъ развиваться маслодѣліе, тогда какъ русскіе начали съ того, что ломали у первыхъ піонеровъ этого дѣла маслодѣльные снаряды. Замѣчательно также, что алтаецъ обладаетъ художественными вкусами и способностями. Покойный Шишкинъ высоко цѣнилъ способности молодого художника Гуркина, мечталъ о томъ, что онъ будетъ его преемникомъ. На одной станціи на р. Чуѣ я видѣлъ правдиво набросанный

карандашемъ видъ на Чуйскія Альпы. Оказалось, что это дѣлалъ четырнадцатилѣтній мальчикъ калмыкъ, окончившій начальную школу.

Подвигаясь изъ южнаго Алтая на сѣверъ, за Телецкое озеро, мы, въ бассейнѣ Томи, встрѣчаемся съ такъ называемыми чернѣвыми татарами, живущими по Кондомѣ, Лебеды, Мрассѣ, Томи и ихъ притокамъ. По происхожденію они представляютъ весьма пеструю массу. Несомнѣнно среди нихъ преобладающей стихіей были тюрки, двинувшіеся изъ Тобольской губерніи; но лучшій знатокъ сибирскихъ тюрковъ, академикъ Радловъ, уже давно высказалъ, что тамъ осталась громадная примѣсь аборигеновъ, можетъ быть, самоѣдскаго, а также и иного, нынѣ трудно опредѣлимаго происхожденія. Большинство ихъ звѣропромышленники. Живя въ тайгѣ, они мало держатъ скота, нѣкоторые изъ нихъ, какъ лебединцы, занялись земледѣліемъ, другіе, на Мрассѣ, напримѣръ, дѣлаютъ небольшіе присѣвки ячменя; но его рѣдко хватаетъ на цѣлый годъ; обыкновенно при этомъ собираютъ съѣдобные корепья Erithronium, dens canis, Lilium martagon и другіе. Если въ совершенно нетронутыхъ тропическихъ лѣсахъ дикарь нерѣдко голодаетъ, то сибирскому звѣролову въ тайгахъ, гдѣ уже развились поселенія, гдѣ лѣса безпощадно сводятся золотопромышленниками, звѣря становится годъ отъ года меньше, жить гораздо труднѣе. Покойный Ядринцевъ написалъ цѣлый этюдъ „Лѣса, какъ начала осѣдлости“. Въ немъ онъ доказываетъ, что эти полуголодные татары все-таки являются элементомъ прогресса. Почему? Потому что лѣса—начала осѣдлости. Это была дань оригинальнаго писателя вѣковому предразсудку, до сихъ поръ еще безраздѣльно господствующему. Въ сущности въ осѣдлой жизни нѣтъ какого-либо таинственнаго начала, вызывающаго способность къ культурѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тайга разступается, образуетъ широкіе прогалины, можно напахать столько хлѣба, чтобы хватило на годъ, но такихъ мѣстъ мало, и тамъ можно сѣять только ячмень, другіе хлѣба гибнутъ отъ таежной сырости, а передъ уборкой отъ инея. На большихъ рѣкахъ, какъ Томь, Кондома, Мрасса, Абаканъ есть рыба, но глухія тайги до того дики, что инородцы тамъ не живутъ, а являются временно собирать орѣхи, кандыкъ, черемису (allium ursinum), охотиться за козой, за бѣлкой или за мараломъ. Для этихъ промысловъ чернѣвой татаринъ уходитъ за сотни верстъ. Въ виду всего этого, мы въ противность Ядринцеву считаемъ лѣса порабощителями человѣка. Первое условіе культуры—общеніе съ себѣ подобными; но для звѣролова нужны громадныя пространства для того, чтобы можно было кормиться одной охотой. Лѣсъ давитъ человѣка. Бывали не разъ примѣры, что поселившіеся въ тайгѣ

русскіе новоселы уходили изъ нея. Перебравъ всю исторію культуры, мы нигдѣ не найдемъ примѣра, чтобы въ тайгѣ возникла культура — будь это въ Старомъ или въ Новомъ Свѣтѣ. Остатки древнихъ культуръ въ Сибири только и встрѣчаются на свѣтлыхъ и чистыхъ мѣстахъ. Тотъ же самый народъ дальше къ востоку, близъ границы Енисейской губерніи, гдѣ начинаются чистыя мѣста и степи, живетъ иначе. Всѣ эти приграничныя племена въ административномъ отношеніи уже находятся подъ управленіемъ учрежденія, носящаго весьма характерное названіе Аскызской степной думы соединенныхъ разнородныхъ племенъ. Если мы исходимъ всѣ черни Кузнецкаго округа, мы врядъ ли найдемъ въ нихъ десятокъ минусинскихъ татаръ, да и то случайно попавшихъ, между тѣмъ, какъ на степяхъ мы видимъ громадное число переселенцевъ, и одни названія „костей“ указываютъ, что это все переселенцы изъ томской тайги. Въ Аскызской думѣ есть цѣлые ряды улусовъ, населенные томскими (по-татарски — томъ-перъ, т. е. переселенцы изъ томскихъ таежныхъ мѣстъ). Въ Минусинскомъ округѣ мы видимъ уже настоящее земледѣліе около р. Таштыпа, притока Абакана и по Аскызу. Ядромъ этихъ соединенныхъ разнородныхъ племенъ, общая сумма которыхъ достигаетъ 18.093 душъ, являются сагайцы, коренные насельники Сибири, по преданію вмѣстѣ съ киргизами ходившіе на войну съ Чингисханомъ. Къ нимъ, кромѣ переселенцевъ изъ Томской губерніи, причислены каргинцы (потомки бирюссовъ, которыхъ видѣлъ Палласъ) и бельтиры. У койбаловъ имѣется своя дума. Койбалы во времена Палласа говорили по-самоѣдски, а теперь забыли мало-по-малу и татарскій языкъ, который они усвоили, и говорятъ только по-русски. Это несомнѣнно вымирающее племя. Прежде весь правый берегъ Абакана былъ заселенъ койбалами, а теперь они ютятся на двухъ притокахъ Абакана — Біѣ и Уту. Здѣсь перекочевка также уже ограничивается зимникомъ и лѣтникомъ. Зимнимъ жилищемъ раньше служили обыкновенно бревенчатыя юрты многоугольной формы, съ конической крышей изъ теса или изъ бересты; въ послѣднемъ случаѣ крыша дѣлается полушаровая, а не коническая; но теперь часто вмѣстѣ съ юртой у богатыхъ людей встрѣчается изба; на лѣтникахъ встрѣчаются юрты изъ тальниковаго плетня, прикрытыя войлокомъ. Сагаецъ, кромѣ скотоводства и земледѣлія, страстный охотникъ. Я самъ видѣлъ, какъ слѣпой старикъ, лѣтъ семидесяти, лежа на войлокѣ, плакалъ и кричалъ: дайте мнѣ ружье, дайте мнѣ ружье! Онъ слышалъ и замѣтилъ, что люди помоложе его собрались и ушли на промыселъ,— сердце промышленника тосковало, онъ бился и метался, пробовалъ ночью уползти изъ юрты и его держали подъ домашнимъ карауломъ.

Онъ напомнилъ мнѣ перелетную птицу, запертую въ клѣтку. Къ аборигинальному типу сагайца примѣшалось много тюркской крови; типъ его часто монголовидный; но все-таки у сагайцевъ встрѣчаются чаще субъекты съ густою растительностью на лицѣ, съ вьющимися волосами, чего мы не видимъ у ихъ сосѣдей, качинцевъ. Сагайцы занимаютъ западную часть Минусинскаго округа и восточные отроги Кузнецкаго Алату, доходящіе почти до Енисея. Качинцы живутъ отъ нихъ къ востоку по обѣимъ берегамъ Абакана и его притокамъ. Здѣсь вплоть до Енисея идутъ неровныя, безлѣсныя часто солончаковыя степи. Качинцы—тюрки, сдвинутые изъ Тобольской и Томской губерніи въ Енисейскую. Пока на верхнемъ Енисеѣ жили киргизы, новые пришельцы жили на р. Качѣ и на Енисеѣ, около того мѣста, гдѣ теперь стоитъ Краснолрскъ. Когда киргизы ушли оттуда, качинцы, получившіе это названіе отъ рѣки Качи, двинулись вглубь степей нынѣшняго Минусинскаго округа. Въ противоположность сагайцамъ, качинецъ исключительно скотоводъ. Изъ этого не одинъ разъ дѣлали выводъ, что сагаецъ болѣе способенъ къ культурѣ; но секретъ здѣсь весь въ томъ, что въ сухихъ степяхъ сама почва менѣе способна къ воздѣлыванію и безъ искусственнаго орошенія врядъ ли что дастъ. Трудно думать, чтобы хлѣбъ росъ хорошо тамъ, гдѣ для сѣнокосовъ нужно орошеніе. Качинецъ прежде жилъ въ войлочной юртѣ, а теперь живетъ въ деревянныхъ или въ избахъ. Перекочевки, по новымъ свѣдѣніямъ, прекратились совершенно. Сохранился только отгонъ скота на лѣтнія пастбища. У качинцевъ замѣтна труднообъяснимая особенность, совершенно исключительная. Обыкновенно кочевники пользуются молокомъ отъ всѣхъ видовъ скота; доятъ даже и верблюдовъ въ пригобійскихъ мѣстностяхъ Монголіи, а качинецъ не утилизируетъ для молока лошадей, не знаетъ кумыса и довольствуется айрянчикомъ изъ коровьяго молока и, какъ всѣ тюрки скотоводы, гонитъ изъ кислаго молока водку. Всѣхъ качинцевъ насчитывается по переписи 1897 года 11.889. Не разъ высказывалось предположеніе, что сагайцы быстрѣе размножаются, нежели качинцы, но провѣрки этой догадки до сихъ поръ сдѣлано не было.

Третью группу инородцевъ образуютъ обитающіе въ Юго-западномъ углу Ачинскаго округа, по Бѣлому и Черному Чюсамъ кизильцы. Они мало отличаются отъ качинцевъ; но у нихъ свѣжѣе въ памяти преданіе о тобольской родинѣ. Кизильцевъ тоже нельзя назвать чистой расой *), и, кромѣ того, въ нихъ замѣчается одна

*) Я не привожу ни численнаго состава, ни названія частей (сеоковъ) разныхъ племенъ по недостатку мѣста. Одна номенклатура, безъ объясненій, безполезна, объясненія же требуютъ длинныхъ разсужденій. Можно назвать нѣкоторыя

особенность, указывающая на сильное культурное вліяніе мѣстныхъ аборигеновъ. У сагайцевъ и качинцевъ, а также и у алтайцевъ очагъ всегда устраивается по срединѣ юрты, а у черныхъ татаръ жилища четыреугольныя и, не очагъ, а камелекъ ставится въ углу, направо отъ входа. При томъ важномъ значеніи, которое имѣетъ очагъ у большинства первобытныхъ народовъ, такая особенность имѣетъ важное значеніе. Кизильцы—небольшое племя—въ 5.608 душъ. По образу жизни они болѣе сходны съ сагайцами, чѣмъ съ качинцами, но ближе къ качинцамъ по языку. Кромѣ того, благодаря близости золотыхъ промысловъ, они имѣютъ много посторонныхъ заработковъ, помимо своихъ коренныхъ занятій. Къ сѣверу, отчасти въ Ачинскомъ, отчасти, въ Маріинскомъ округѣ обитаютъ, такъ называемые, чулымскіе инородцы, названные такъ по рѣкѣ Чулыму. Всѣхъ ихъ насчитывается 10.471. Въ нихъ несомнѣнна примѣсь тюрковъ изъ Тобольской и Томской губерніи съ исконными, нынѣ исчезнувшими аринцами, народомъ самоѣдскаго корня. Часть этихъ инородцевъ перешла на земледѣліе и живетъ, какъ русскіе крестьяне, въ деревняхъ. Ниже по Чулыму живетъ группа, занимающаяся скотоводствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣліемъ, а также рыболовствомъ и звѣриными промыслами. По изслѣдованію г. Ярилова, одного изъ лучшихъ знатоковъ Южно-Енисейскаго края, наиболѣе благопріятное экономическое положеніе среднихъ, такъ какъ оно по выраженію нашего изслѣдователя „даетъ возможность, смотря по удобству, мѣнять точку приложенія своего труда“. Земледѣльцы часто страдаютъ отъ недородовъ, звѣроловы при уменьшеніи звѣря въ тайгахъ не могутъ обезпечить себя своимъ промысломъ; скота въ болотистыхъ тайгахъ держать невозможно, о земледѣліи нечего и думать. Этому много способствуетъ и конкуренція нарымскихъ остяковъ, тоже звѣролововъ. И тѣ и другіе страдаютъ отъ уменьшенія промысловаго звѣря въ тайгѣ, и между ними вѣчныя ссоры изъ-за нарушенія границъ владѣній. Кстати сказать, и зажиточность и домовитость сибирскаго крестьянина обусловливалась тѣмъ, что онъ во всѣ времена года находилъ для себя промыслы и занятія.

Перейдемъ теперь къ далекой группѣ, причисляемой къ тюркскимъ племенамъ, якутамъ. Число ихъ вмѣстѣ съ долганами 226.739.

Отличаясь по языку отъ другихъ тюрковъ, живя изолированно отъ сородичей, они представляютъ единственное турецкое племя, такъ

указывающія на сложный составъ енисейскихъ тюрковъ. У нихъ есть роды киргизъ, ойоратъ (калмыки), тува (сооп). Желающимъ ознакомиться съ этимъ рекомендую „Übersicht der türkischen Stämme des Sud-Sibiriens“ v. Radlof. Мною былъ сдѣланъ переводъ этой брошюры и изданъ П. И Макушинымъ.

далеко заброшенное на сѣверъ. При ихъ громадной численности, они являются настоящими хозяевами сѣверо-востока. Этотъ народъ, интеллигентный, стойкій и мужественный, въ неизвѣстную эпоху продвинулся на сѣверъ и сумѣлъ акклиматизироваться въ околополярномъ районѣ, который сталъ его второй родиной. Можно предполагать, что первымъ этапомъ на ихъ пути на сѣверъ былъ нынѣшній Олекминскій округъ и потомъ Якутскій. Главная масса населенія, болѣе половины, 128.072 человѣка, сосредоточено въ послѣднемъ. Олекминскій округъ не обладаетъ многочисленнымъ якутскимъ населеніемъ, вторымъ по численности стоитъ Вилюйскій округъ съ 54.115 жителями; такъ что на громаднѣйшіе округа Верхоземскій, Козымскій и Олекминскій остается 42.616 челов.

Въ общемъ населеніе якутовъ дѣлится на улусы. Якутскій улусъ не соотвѣтствуетъ общепринятому у другихъ инородцевъ понятію. Вообще улусомъ называется поселокъ, а у якутовъ это территорія, на которой разселился какой-нибудь родъ или часть его, а отдѣльные поселки называются наслегами. Рядомъ съ улусами мы встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ документахъ термины „Общество“ и „Управа“. Многія данныя указываютъ на то, что якуты прежде были народомъ исключительно коннымъ и только впослѣдствіи обзавелись рогатымъ скотомъ. Холодный климатъ заставилъ якута обзавестись теплымъ зимнимъ жилищемъ. Онъ теперь живетъ въ бревенчатой юртѣ съ наклонно стоящими стѣнами и двускатной крышей; сверхъ того, якутская зимняя юрта одѣвается съ внѣшней стороны толстымъ слоемъ дерна. Тотъ же холодъ заставилъ якутовъ устраивать на зиму теплое помѣщеніе для рогатаго, дойнаго скота и молоди. Теперь рогатый скотъ является главной хозяйственной статьей якута. Если у него на зиму имѣются дойныя коровы, и удалось собрать запасы масла—онъ обезпеченъ. Остались яловыя коровы—молочныя скопы начинаютъ замѣняться суррогатами. Въ голодное время въ Вилюйскомъ округѣ питаются лиственичной заболонью, почему Ричардъ Маакъ и назвалъ ихъ *дендрофагами*. Лошадь у якутовъ ходитъ круглый годъ на подножномъ кормѣ. Это тоже дендрофагъ. Она жадно поѣдаетъ примерзлыя вѣтви тальника зимою и не брезгаетъ имъ и лѣтомъ. Якутъ давно уже забылъ о таборномъ кочеваніи: у него есть зимникъ съ теплой юртой и лѣтникъ съ берестяной юртой. Кромѣ этого, якутъ въ благопріятныхъ мѣстахъ занимается и хлѣбопашествомъ; но хлѣбъ часто гибнетъ отъ холодныхъ тумановъ, инея и засухи. Несмотря на существующее кое-гдѣ хлѣбопашество, якута все-таки слѣдуетъ считать кочевникомъ, такъ какъ скотъ является основой его существованія.

Якутъ, кромѣ того, при своей смышленности и практичности,

является образцовымъ коммерсантомъ. Расчетливый, экономный, онъ сталъ хозяиномъ другихъ инородцевъ: тунгусовъ, ламутовъ и юкагировъ. Въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе ловокъ чѣмъ русскіе торгаши. Эту черту, конечно, нельзя назвать симпатичной; но суровая борьба за существованіе способствуетъ развитію кулачества и жажды пріобрѣтенія не у однихъ полярныхъ кочевниковъ; достаточно упомянуть о колонизаціонной политикѣ культурныхъ народовъ, чтобы простить якуту его стремленіе къ благосостоянію, особенно въ той странѣ, гдѣ деньгами можно добиться, если не всего, то очень многаго такого, что по справедливости не должно бы покупаться за деньги. Вообще, какъ всюду безъ исключенія, тюрки всегда одерживали верхъ надъ другими инородцами, за исключеніемъ монголовъ. Якутъ —одинъ изъ наиболѣе культуроспособныхъ тюрковъ. Кромѣ умѣнья торговать и барышничать, онъ научился высоко цѣнить образованіе. Обученіе дѣтей для нѣкоторыхъ невольныхъ жителей Якутской области было источникомъ существованія и пріобрѣтенія уваженія среди туземцевъ.

Крупную группу кочевниковъ представляютъ буряты Забайкалья, численность которыхъ достигаетъ 177.688 человѣкъ. Они говорятъ разными нарѣчіями монгольскаго языка, хотя различія между ними правильнѣе назвать говорами. Какъ ближайшій родственникъ монгола, бурятъ подобно первому, кочевникъ-скотоводъ, хотя иркутскіе буряты уже давно превратились въ земледѣльцевъ, а кударинскіе буряты, живущіе на устьяхъ Селенги, кромѣ земледѣлія и рыбной ловли, ничѣмъ не занимаются. Только у богатаго кударинца найдется сѣдло; лошадей держатъ мало, верхомъ ѣздятъ рѣдко. Земледѣліе не новость для бурятъ; уже въ 1796 году хоринскіе буряты доставили въ Иркутскъ до 14.000 четвертей хлѣба, въ 1839 году у бурятъ числилось 85.000 десятинъ подъ посѣвомъ. Если во многихъ мѣстностяхъ земледѣліе заброшено, то въ этомъ буряты не виноваты. Правительство отдало родовыя земли бурятамъ въ навсегдашнее владѣніе; но вмѣстѣ съ этимъ отдавало хлѣбопахатныя земли русскимъ, а затѣмъ со времени учрежденія казенныхъ палатъ развилась манія создавать казенно-оброчныя статьи и, изъ-за двухсотъ, трехсотъ рублей, лишали коренныхъ обывателей необходимыхъ угодій. Если показать планъ бурятскихъ земель, не давая объясненій, свѣжему человѣку и спросить, что изображаетъ этотъ чертежъ, онъ непремѣнно скажетъ, что это какой-то невѣдомый архипелагъ. На востокѣ онъ увидитъ большой островъ, соединенный узкимъ перешейкомъ съ другимъ такимъ же островомъ, но съ крайне изрѣзанными краями; къ югу отъ второго острова вырѣзана длинная полоса тянущаяся дугой вдоль по теченію р. Хилка

а за нимъ цѣлый рядъ мелкихъ острововъ къ югу. Вся картина носитъ видъ чего-то безсистемнаго, случайнаго, наводящаго на мысль, что во всякомъ случаѣ все это дѣлалось ради какихъ-то иныхъ цѣлей, а не для упроченія благосостоянія населенія, какъ русскаго такъ и бурятскаго. Эта раздробленность вызывала и теперь вызываетъ массу погемельныхъ споровъ, портящихъ взаимныя отношенія русскихъ и инородцевъ и разоряющихъ населеніе. Обращаясь къ образу жизни бурятъ, мы встрѣчаемъ здѣсь такое разнообразіе формъ хозяйства, которое трудно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ.

На юго-востокѣ, въ такъ называемыхъ агинскихъ степяхъ, мы видимъ чистое таборное кочеваніе, переходъ съ одного пастбища на другое отъ зимника до лѣтника и обратно. Нерѣдки были случаи откочевокъ на зиму за границу, въ Монголію. Подвигаясь къ сѣверу и западу, мы встрѣчаемъ уже огораживаніе сѣнокосныхъ луговъ, водяныя арыки для орошенія и удобренія покосовъ. Перебравшись за р. Ингоду и черезъ Яблоновый хребетъ, мы постепенно отъ стародавней кочевой культуры переходимъ къ современной: все чаще и чаще встрѣчаются посѣвы хлѣбовъ, орошеніе совершенствуется, рядомъ съ поливными лугами начинаютъ встрѣчаться орошаемыя и огороженныя пашни. На востокѣ господствуетъ войлочная юрта, дальше она замѣняется деревянной и, наконецъ, деревяннымъ домомъ. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что на рѣкахъ Хилкѣ и Тугнуѣ прежде жило больше народа; но, когда рѣшено было отнять у бурятъ часть ихъ покосовъ и пашенъ, за Хилкомъ значительное число бурятъ переселилось за Еравнинскія озера къ границѣ Якутской области, на Витимъ и его притоки. Нынѣ буряты раздѣлены на волости, а вмѣстѣ съ этимъ было подорвано и ихъ самоуправленіе. За бурятами имѣется то преимущество, что они какъ никакъ все-таки обладаютъ извѣстной культурой и исповѣдуютъ религію, которая незнаніе считаетъ смертнымъ грѣхомъ, навсегда закрывающимъ путь къ спасенію. Конечно, наука ихъ носитъ средневѣковой, схоластическій характеръ; но, вѣдь, такая же точно наука въ средніе вѣка поддерживала едва тлѣвшую умственную жизнь въ Европѣ. До сравнительно недавняго времени бурятская интеллигенція, за такими исключеніями, какъ Дорджи Банзаровъ, только и занималась изученіемъ наслѣдства, оставленнаго ламаизмомъ; но пытливость и жажда положительнаго знанія уже пробила себѣ дорогу въ войлочныя юрты бурятъ. Въ этомъ отношеніи они гораздо воспріимчивѣе нѣкоторыхъ изъ русскихъ, каковы, напримѣръ, знаменитые семейскіе старообрядцы. Это какой-то обломокъ допетровской Руси, полный сектантскаго фанатизма, враждебный всякому про-

грессу. Оспопрививаніе они до сихъ поръ считаютъ антихристовой печатью, во время холеры они не пускали къ себѣ докторовъ. У бурятъ же, хотя и есть свои врачи индійско-тибетской школы, но они не отрицаютъ оспопрививанія, ни новыхъ медицинскихъ средствъ. При благопріятныхъ условіяхъ можно думать, что этотъ народъ могъ бы сдѣлаться проводникомъ европейскаго образованія въ Монголіи. У бурятъ принимаются довольно скоро новыя ремесла. По уставу хувраки, люди, готовящіеся стать служителями вѣры, обязаны умѣть все дѣлать для себя, чтобы не обращаться къ помощи другихъ. Благодаря этому, во многихъ дацанахъ развились хорошо устроенныя мастерскія, столярныя, плотничныя, работы по камню, металлу а также и мастерскія живописи и ваянія. Хотя буряты—народъ, въ общемъ, миролюбивый, кроткій, какъ по натурѣ, такъ и по религіознымъ вѣрованіямъ, но, какъ остатокъ стараго воинственнаго времени, у нихъ сохранилась любовь къ скачкамъ и стрѣльбѣ изъ лука. Безъ этихъ развлеченій не обходится ни одна свадьба, ни одинъ праздникъ, и въ недавнее время еще дѣлались громадныя облавы цѣлыми родами, длившіяся по нѣскольку дней иногда и недѣль. Какъ извѣстно, для Чингисхана, эти облавы, охватывавшія многія сотни верстъ, служили своего рода маневрами для обученія войскъ. Въ Забайкальѣ ламы гремѣли въ своихъ проповѣдяхъ противъ истребленія одушевленныхъ существъ, и теперь облавы за Байкаломъ вывелись.

Совмѣстно съ бурятами обитаетъ въ Забайкальѣ значительная группа тунгусовъ. Изъ 62.068 тунгусовъ, въ Забайкальѣ ихъ немного болѣе половины —34.379 душъ. Большинство ихъ такіе-же кочевые скотоводы, какъ и буряты, многіе изъ нихъ усвоили бурятскій языкъ и перешли отъ шаманизма къ ламаизму. Звѣролововъ тунгусовъ нужно искать къ сѣверу отъ Байкала. Большинство ихъ оленеводы; но многихъ изъ нихъ трудно назвать кочевниками, такъ какъ звѣриные и рыбные промыслы составляютъ ихъ главное занятіе. Главные промысловые звѣри у нихъ бѣлка, соболь, медвѣдь, рысь, а другіе представляютъ только подсобные промыслы; рыба идетъ только для домашняго употребленія. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что тунгусы, разсѣянные въ Иркутской губерніи, въ количествѣ 2.191 человѣка, народъ конный. Всѣхъ тунгусовъ вмѣстѣ съ ламутами въ Якутской области—12.231 душа, въ Приморской—8.848 душъ, а въ Енисейской—3.169. Относительно послѣднихъ можно думать, что цифра эта крайне приблизительна, и мы знаемъ изъ сообщеній г. Адріанова, что тунгусы есть и въ Томской губ. Кромѣ собственно тунгусовъ, въ бассейнѣ Амура и на Сахалинѣ, имѣется цѣлый рядъ мелкихъ тунгузскихъ племенъ, какъ-то: гольды

(5.016), ольчи (1.457), негидальцы (423), самагирцы (425), ороки (395), солоны (15), орочены (2.407), манегры (160) и, наконецъ, маньчжуры (3.328), которыхъ, собственно, не слѣдовало бы включать въ этотъ счетъ, такъ какъ это населеніе осѣдлое, усвоившее китайскую культуру. По показаніямъ всѣхъ путешественниковъ, тунгусы самый симпатичный народъ въ тайгахъ Сибири. Они считаются лучшими охотниками и знатоками тайги. Тунгусъ сохранилъ еще примитивную добросовѣстность въ сдѣлкахъ, на обѣщаніе его можно положиться, отваженъ онъ до дерзости. Въ обращеніи съ другими онъ держитъ себя съ достоинствомъ. Въ немъ нѣтъ той угрюмости, какая часто встрѣчается среди обывателей тайги; онъ страстный охотникъ до пляски и пѣсни. Существующій у бурятъ танецъ іохеръ взятъ отъ тунгусовъ. Тунгусъ любитъ наряжаться и старательно украшаетъ свой ровдужный или мѣховой полуфракъ бисеромъ, бусами и металлическими побрякушками. Страстный охотникъ до удовольствій и пирушекъ онъ крайне гостепріименъ и любезенъ. Эти симпатичныя стороны напоминаютъ русскую широкую натуру. Онъ безъ колебанія отдастъ сторублеваго соболя за окорокъ или бутылку вина, промотаетъ свою послѣднюю добычу для того, чтобы произвести эффектное впечатлѣніе на своихъ гостей. Эти дворяне, или французы тайги, всегда въ долгу, какъ въ шелку, и у русскихъ и у якутскихъ торгашей. Якутское вліяніе на востокѣ Якутской области и на побережьѣ Охотскаго моря уже дошло до замѣны тунгузскаго языка якутскимъ. Хотя всѣхъ тунгусовъ насчитывается 76 тысячъ съ половиною, но этотъ народъ, несомнѣнно, уменьшается въ числѣ. Въ Пріангарскомъ районѣ ихъ уже очень мало, а свѣжія преданія говорятъ, что они раньше жили на лѣвомъ берегу Ангары. Изъ исторіи завоеванія Сибири мы знаемъ, что они жарко бились на западной сторонѣ Енисея съ завоевателями.

Обратимся къ кочевникамъ-оленеводамъ. На восточномъ склонѣ Урала мы встрѣчаемся впервые съ вогулами, потомками древнихъ югорскихъ народовъ. Это былъ довольно обширный народъ; но онъ ближе всего лежалъ на пути въ Сибирь и первый подвергся торговой и завоевательной эксплоатаціи. Этотъ народъ, котораго насчитываютъ до 7.420 человѣкъ, находится въ періодѣ полпаге обѣднѣнія, благодаря ихъ пронырливымъ сородичамъ зырянамъ. Теперь, если и встрѣчаются у нихъ олени, то принадлежащіе зырянамъ. Оригинальныя черты быта быстро исчезаютъ, свое замѣняется купленнымъ, даже не купленнымъ, а взятымъ у торговца подъ работу, что служитъ у инородца явнымъ признакомъ коренного разстройства быта

Оленеводство въ околополярной области имѣетъ громадное распространеніе; оно на западѣ доходитъ до береговъ Атлантическаго океана, а на востокѣ до Чукотскаго Носа.

На востокъ отъ Урала мы, прежде всего, встрѣчаемся на крайнемъ сѣверѣ съ самоѣдами, которыхъ вмѣстѣ съ юраками насчитывается 12.370, и они доходятъ за Енисеемъ до 72° вост. долготы. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ народъ когда-то жилъ на югѣ, гдѣ и теперь сохранились его сородичи, потурченные коибалы, туба (соіоты) и карагасы, и странно было бы думать, что эти инородцы ушли съ сѣвера на югъ, подъ Саяны, такъ какъ югъ, конечно, всегда былъ гуще заселенъ, чѣмъ полярная часть сѣвера.

Оленеводство на всемъ полярномъ сѣверѣ, отъ самоѣдовъ до чукчей, ведется, по большей части, самымъ примитивнымъ образомъ. Полудикіе олени пасутся табунами и, хотя, подпускаютъ къ себѣ человѣка, ловить ихъ приходится аркапами; только дойныя коровы (важенки), да маньщики (олени, которые пускаются въ поле, чтобы подманивать дикихъ оленей) нѣсколько болѣе приручены и не боятся человѣка. Вообще же олень приручается легко. Карагасы, якуты и тунгусы, ѣздящіе на оленяхъ верхомъ, находятъ, что олень гораздо смирнѣе верховой лошади. Вся механика оленеводства заключается въ перекочевкѣ весной къ берегамъ полярнаго моря, а осенью къ предѣламъ тайги.

Оленеводъ питается мясомъ оленя, молокомъ, одѣвается въ оленьи шкуры, ѣздитъ на оленѣ—вотъ все, что онъ извлекаетъ изъ своего домашняго скота. Между тѣмъ олень могъ бы быть крупнымъ источникомъ благосостоянія и предметомъ обширной торговли. Финны, переселившіеся въ Норвегію выучили и лопарей держать оленя зимою около дома, запасая для него на зиму бѣлый лишайникъ. Оленьи копченые окорока и языки служатъ предметомъ обширной торговли, настолько обширной, что оленеводы успѣваютъ заготовлять этотъ товаръ только на заказчиковъ въ Соединенные Штаты Америки, Англію и, отчасти, въ Парижъ. Впрочемъ, американцы спохватились уже сами и, закопрактовавъ десять финскихъ семей, перевезли ихъ въ Америку съ оленями, чтобы обучать индѣйцевъ обращенію съ оленями и приготовленію изъ ихъ мяса консервовъ. Мы же до сихъ поръ въ русской литературѣ даже и не слыхали о такомъ способѣ утилизированія оленей. Мы сами узнали объ этомъ только изъ шведскихъ источниковъ.

Самоѣдъ, кромѣ оленеводства, занимается и другими промыслами. Лѣтомъ онъ бьетъ перелетныхъ птицъ, особенно подлинь гусей и крупныхъ утокъ, осенью и зимой охотится въ лѣсу.

Сосѣди самоѣда, остяки, которыхъ насчитываютъ 17.353 души

тоже когда-то были оленеводами, но остякъ теперь плохой оленеводъ; главное занятіе его ловля рыбы и звѣри. По сравненію съ самоѣдомъ, остякъ гораздо привѣтливѣе и общительнѣе; онъ живетъ не въ шатрѣ изъ оленьихъ шкуръ, а въ избушкѣ, иногда къ землянкѣ, а лѣтомъ въ бревенчатомъ шалашѣ. Это добродушный народъ, съ эстетическими наклонностями. Самоѣдъ украшаетъ свою одежду лоскутками сукна яркихъ цвѣтовъ, побрякушками, а остякъ орнаментомъ; узоры, вырѣзанныя на посудѣ, вышитыя шерстями и цвѣтными нитками по крапивному холсту отличаются изяществомъ и гармоніей красокъ. Положеніе этого народа крайне незавидное; главный промыселъ его, ловля рыбы на Оби и ея притокахъ, быстро падаетъ, благодаря конкурренціи русскихъ промышленниковъ. Отъ лучшихъ мѣстъ ихъ уже успѣли отбить русскіе, количество звѣря въ тайгѣ уменьшается. Кромѣ того, нигдѣ грабительскій методъ торговли не далъ такихъ грустныхъ результатовъ, какъ у робкихъ и кроткихъ остяковъ. Общеизвѣстно, что одной изъ культурныхъ миссій русскихъ піонеровъ торгашей является распространеніе сифилиса, и нигдѣ онъ рядомъ съ водкой не далъ такихъ пагубныхъ результатовъ, какъ между остяками.

Мы уже упоминали о карагасахъ. Въ этнографическомъ отношеніи они очень интересны, такъ какъ, хотя они говорятъ потюрски, но въ ихъ языкѣ встрѣчаются слова какого-то невѣдомаго языка, указывающія на то, что исконное происхожденіе карагаса не тюркое; вообще можно сказать, что это уже жалкій остатокъ исчезнувшаго племени; ихъ численность 389 человѣкъ. Это оленеводы и звѣропромышленники, живущіе въ коническихъ юртахъ на Саянскихъ гольцахъ въ системахъ рѣкъ Бирюссы, Уды и Казыра. Добрая половина ихъ теперь кормится не звѣринымъ промысломъ, а кое-какой работишкой на золотыхъ промыслахъ. Прирученные олени, коническіе шалаши, сосѣдство сойотъ оленеводовъ, несомнѣнно только потурченныхъ, невѣдомыхъ аборигеновъ, отличающихся малымъ ростомъ, даютъ поводъ думать, что родина этихъ оленеводовъ была на югѣ, и что сѣверный олень былъ впервые прирученъ въ Саянахъ, и что передъ нами остатки какого-то изъ палеазіатскихъ племенъ, къ которымъ мы и перейдемъ теперь.

По сосѣдству съ карагасами, но сѣвернѣе ихъ, жили другіе племена камасинцы и коты. Часть ихъ обрусѣла, но еще долго держала у себя ручныхъ оленей, а другая переселилась въ тайгу, за Ангару, и остатки ихъ, въ количествѣ 988 человѣкъ, доживаютъ свой вѣкъ на правомъ берегу Енисея, главнымъ образомъ, между Ащиферовой и устьемъ Корейки. Когда-то были у нихъ олени, но нужда свела ихъ со двора. Бѣднота этого вымираю-

щаго племени вытравила почти всѣ его оригинальныя черты, кромѣ дѣйствительно вполнѣ оригинальнаго языка. Кастренъ и Бергманъ, первые ознакомившіеся съ ними, признали енисейскихъ остяковъ остаткомъ невѣдомой расы, которую назвали Саянской, совершенно отличной отъ Урало-Алтайской. По языку этому собраны матеріалы, но до опредѣленія его мѣста еще далеко. Финляндскій лингвитъ, г. Рамсштедъ, напримѣръ, видитъ въ нихъ нѣкоторые элементы китайскаго языка, а Грумъ-Гржимайло, знатокъ исторической географіи Средней Азіи, высказалъ мнѣніе, которое и я считаю правдоподобнымъ. Можно сказать, что извѣстные намъ въ древности народы на южной границѣ всѣ оставили послѣ себя слѣды въ пестромъ населеніи юга Сибири. Не нашлось только потомковъ динлиновъ, жившихъ близко съ хакасами (предки киргизовъ) и подобно послѣднимъ имѣвшимъ бѣлокурые волосы. Г. Грумъ-Гржимайло и высказалъ мысль что енисейскіе остяки—вѣроятные остатки динлиновъ. Насколько высказанная нашимъ ученымъ гипотеза достовѣрна, теперь трудно сказать, но мы считаемъ ее вѣроятною и, конечно, она уже полезна тѣмъ, что дастъ непротиворѣчащую фактамъ рабочую гипотезу для палеогеографа.

Серія палеазіатовъ довольно разнообразна и достигаетъ, въ общемъ, 32.093 человѣкъ; сосредоточены они на крайнемъ сѣверовостокѣ и представляютъ собою остатки какихъ-то племенъ, происхожденіе которыхъ еще не опредѣлено. Самое крупное племя среди нихъ чукчи 11.771 чел. за ними слѣдуютъ коряки 4.649, гиляки 4.649, камчадалы 2.609, айны 1.457 и азіатскіе эскимосы 1.307 чел., остальные—енисейскіе остяки, о которыхъ мы только что говорили. Чуванцевъ можно считать вымершими, юкагировъ всего 754 души, а алеуты, 574 души, доживаютъ свой вѣкъ на Командорскихъ островахъ. Юкагиры, напримѣръ, были когда-то очень обширнымъ и воинственнымъ народомъ, жившимъ на сѣверѣ отъ Индигирки до Анюя. По юкагирскимъ преданіямъ, ночью ихъ костровъ зажигалось столько, сколько звѣздъ на небѣ. Птицы на перелетѣ теряли дорогу, сбитыя съ толку сплошнымъ дымомъ юкагирскихъ огней. Они оказали сильное сопротивленіе русскимъ, а теперь отъ нихъ осталось 453 человѣка, ведущихъ бѣдную бродячую жизнь, странствуя за рыбой и звѣремъ по Колымѣ и ея притокамъ Ясачной и Каркадону, и нерѣдко гибнущихъ отъ голода. Они настолько обѣднѣли, что не имѣютъ своихъ оленей и дѣлаютъ свои походы за промысломъ или пѣшкомъ, или на лодкахъ. Въ этомъ народѣ много оригинальнаго, начиная съ языка, который намъ сталъ извѣстенъ послѣ работъ В. И. Іохельсона. Нѣкогда у нихъ существовали своего рода школы, гдѣ молодыхъ людей обучали

владѣть оружіемъ. Это даетъ ясное указаніе на существованіе у нихъ союзовъ мужчинъ, а, можетъ быть, и клубовъ; остатки этихъ учрежденій въ Сибири усмотрѣны еще только у остяковъ *). Юкагиры разбиты на мелкіе роды и причислены къ бродячимъ инородцамъ, хотя, въ сущности, бродячихъ инородцевъ не существуетъ, развѣ только цыгане и имъ подобные, такъ какъ у каждаго изъ нихъ есть своя территорія, на которой они промышляютъ. Ихъ передвиженія, хотя болѣе запутанныя, чѣмъ у кочевниковъ, петлеобразныя, также подчинены извѣстной періодичности. Подобно кочевнику, и охотникъ среди промысловъ своихъ имѣетъ нѣсколько видовъ животныхъ, служащихъ главными источниками жизни. Этими видами животныхъ и ихъ образомъ жизни и опредѣляется бытъ племени.

Чукчи раздѣляются на сидячихъ (2.963 чел.), живущихъ на приморскихъ берегахъ въ обложенныхъ дерномъ неподвижныхъ хижинахъ и, подобно всѣмъ береговымъ жителямъ, занимающихся промыслами морского звѣря и рыбы, и на оленныхъ, кочующихъ со своими стадами по тундрѣ, перенося вмѣстѣ съ передвиженіемъ оленей свои, зимой мѣховыя, а лѣтомъ кожаныя палатки, которыя отличаются тѣмъ отъ шатровъ другихъ инородцевъ, что въ зимнемъ шатрѣ чукча, благодаря суровости климата, устраиваетъ еще особый пологъ. Чукчи народъ считающій себя независимымъ; они храбры, мужественны, любятъ воинныя игры. Среди нихъ, въ цѣлости, сохранилась кровная месть и архаическій обычай (выведшійся у другихъ народовъ Сибири) убивать дряхлыхъ стариковъ; рядомъ съ этимъ практикуется гостепріимная проституція и нѣкоторыя извращенныя формы полового сожитія, которыя, впрочемъ, не составляютъ особенной рѣдкости у первобытныхъ народовъ. Въ настоящее время культура чукчей представляетъ крайне пеструю картину. Рядомъ съ костяными стрѣлами мы встрѣчаемъ у нихъ винчестерскія винтовки, зеркала и даже фонографы.

Коряки по своему образу жизни также раздѣляются на сидячихъ рыболововъ (3.783) и на кочующихъ оленеводовъ (3.748). Они живутъ почти также, какъ чукчи, и также, какъ и чукчи, большіе мастера на мелкія подѣлки изъ кости. Разселены они въ округахъ Петропавловскомъ, Анадырскомъ, Гижигинскомъ и Охотскомъ,— сидячіе держатся на морскомъ побережьи, олневоды внутри страны. На побережьи Берингова пролива въ девяти селеніяхъ проживаютъ три рода азіатскихъ эскимосовъ въ количествѣ 1.307 душъ. Это также искусные рѣзчики-художники и смѣлые охотники на морскихъ

*) О союзахъ мужчинъ см. „Шурцъ Исторія первобытной культуры“ и его же— Altersklassen und Männerbünde.

звѣрей и рыбъ. Ихъ очень часто смѣшиваютъ съ сидячими чукчами. Алеутовъ въ началѣ прошлаго столѣтія переселили съ Алеутскихъ острововъ на Командорскіе, гдѣ нынѣ ихъ насчитывается 574 человѣка обоего пола. Это настоящіе морскіе промышленники, но уже сильно обрусѣвшіе. Между ними только весьма немногіе помнятъ свой языкъ. Нѣкогда многочисленные камчадалы, которыхъ русскіе изслѣдователи Стеллеръ и Крашенинниковъ застали еще, какъ и чукчей съ коряками, въ періодѣ каменнаго вѣка, теперь живутъ осѣдло въ южной части Камчатки поселками въ перемежку съ русскими. Ихъ имѣется теперь 2.609 душъ обоего пола.

Перейдя изъ полярныхъ странъ къ низовьямъ Амура и Сахалину, мы встрѣчаемъ тамъ два довольно загадочныхъ племени—гиляковъ, говорящихъ особымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ окружающими ихъ инородцами. По образу жизни гиляки, рыбаки и звѣроловы, отличаются не только по языку, но и по жилищамъ своимъ отъ своихъ сосѣдей. Гиляцкое жилище углубляется въ землю аршина на полтора, но въ срединѣ этой ямы оставляется высокая платформа, и надъ этой выкопанной въ землѣ нижней частью жилища выводится деревянная надстройка. Такія жилища, углубленныя въ землю, напоминающія эскимосскія зимнія жилища, съ ихъ подземнымъ коридоромъ, представляютъ большую рѣдкость въ Сибири. Есть свѣдѣнія, что манчжуры въ очень давнія времена жили въ земляпкахъ, въ которыя надобно было спускаться по лѣстницѣ и въ полумифическомъ сказаніи *о дикихъ людяхъ челюдняхъ*, изданномъ и комментированномъ проф. Д. Н. Анучинымъ, говорится, что эти люди жили въ ямахъ подъ землею. У весьма многихъ инородцевъ Сибири пользуется религіознымъ почитаніемъ медвѣдь. Убитаго на охотѣ медвѣдя всегда свѣжуютъ съ особыми церемоніями. Карагасы голову медвѣдя хоронятъ въ землѣ, наказываютъ при этомъ, чтобы онъ на томъ свѣтѣ кланялся роднымъ и не сердился за то, что его убили. Они считаютъ медвѣдя своимъ родственникомъ. Богъ создалъ четырехъ братьевъ; старшимъ былъ кротъ, вторымъ налимъ, третьимъ медвѣдь, младшимъ явился на свѣтъ человѣкъ. Есть также описанія медвѣжьяго праздника у остяковъ; но полнѣе и торжественнѣе всего справляется мистерія праздника медвѣдя у гиляковъ, описанная съ большою обстоятельностью Л. Я. Штернбергомъ. Чуждый по языку палеазіатскій народецъ сохранилъ полнѣе чѣмъ другіе живущіе въ Сибири культъ медвѣдя. Медвѣдь у гиляковъ долго содержится въ неволѣ, пользуется особымъ почтеніемъ и потомъ убивается при совершеніи процессіи всего населенія поселка и сосѣдей. Главнымъ образомъ гилякъ живетъ рыбой; обиліе рыбы—праздникъ для гиляка, и онъ утилизи-

руетъ ее въ различныхъ отношеніяхъ: кромѣ пищи, онъ пользуется кожей рыбы, шьетъ изъ нея одежду, украшая ее замысловатыми орнаментами. Очевидно, первоначально орнаментъ былъ чисто реалистическій, состоявшій въ возможно близкой передачѣ предметовъ природы; но, вѣроятно, не безъ вліянія китайцевъ въ немъ появилась стилизація. Теперь на современныхъ украшеніяхъ одежды и ихъ принадлежностей господствуетъ китайскій орнаментъ.

Однимъ изъ загадочнѣйшихъ народовъ Сибири несомнѣнно являются айно, нынѣ почти всѣ отошедшіе вмѣстѣ съ южной половиной Сахалина къ Японіи. У всѣхъ почти болѣе или менѣе свободныхъ отъ метизаціи инородцевъ Сибири замѣтны монголоидныя черты лица и скудная растительность на челюстяхъ. У айновъ мы неизмѣнно встрѣчаемъ громадныя бороды и сильно заросшее лицо. По первому впечатлѣнію они, по словамъ многихъ наблюдателей, напоминаютъ нашихъ бѣлоруссовъ. Айны по преимуществу рыболовы.

Одинъ изъ творцовъ теоріи развитія Волласъ высказалъ смѣлую мысль, что на Тихомъ океанѣ нѣкогда была раса, антропологически сходная съ Индоевропейской частью которой были и айно. Разъясненіе этого вопроса надобно ждать отъ восточныхъ антропологовъ, такъ какъ онъ связанъ съ изслѣдованіемъ происхожденія антропологическаго типа обитателей крайняго востока.

Что касается осѣдлыхъ инородцевъ, то о нихъ можно сказать, что переходя къ земледѣлію и осѣдлому образу жизни, они не всегда съ новымъ образомъ жизни утрачиваютъ свои національныя особенности. Выстроивъ русскую избу даже съ горницей, онъ въ распредѣленіи вещей, въ образѣ жизни, по старому живетъ, какъ въ юртѣ. Крещеный инородецъ по прежнему обращается къ шаману. Костюмъ часто представляетъ невообразимую путаницу инородческаго съ европейскимъ. Богачъ инородецъ пьетъ водку или коньякъ, но и не броситъ свою араку. Мѣстами, однако же, какъ у койбаловъ, отъ долгаго сосѣдства съ русскими при хорошихъ отношеніяхъ сосѣдей, постепенно прививается русская культура.

Переписью 1897 г. въ Иркутской губерніи зарегистрировано было 110.745 душъ бурятъ; изъ нихъ громадное большинство сохранило свой языкъ. Обрусѣли совершенно только буряты нижнеудинскіе, о которыхъ перепись и не упоминаетъ. Громадное большинство ихъ теперь стало осѣдлыми земледѣльцами; они, въ особенности буряты балаганскіе, гдѣ ихъ почти половина (52.413 душъ), являются крупными поставщиками хлѣба на иркутскій рынокъ. Разумѣется, перенявъ отъ русскихъ земледѣліе, буряты сильно измѣнили свой образъ жизни и переняли многое отъ русскихъ, но сохранили

особенности въ костюмѣ и, какъ крещеные, такъ и некрещеные, удерживали массу суевѣрій.

Настоящихъ осѣдлыхъ инородцевъ, живущихъ осѣдло и часто городской жизнью, мы встрѣчаемъ только на дальнемъ западѣ Сибири Это тобольскіе татары (33,810), барабинцы, въ Каинскомъ Округѣ Томской губерніи (2264 души) и поселившіеся въ Сибири въ XVI в. бухарцы, которыхъ насчитывается 11.659 душъ вмѣстѣ съ ассимилировавшимися съ ними татарами. Всѣ они, какъ волжскіе и касимовскіе татары, отличные земледѣльцы, совершенно осѣдлые, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большіе любители торговыхъ операцій. Въ прежнее время это были почти исключительные поставщики средне-азіатскихъ товаровъ на Сибирскій рынокъ, а также сухихъ и свѣжихъ фруктовъ, отчасти и пушнины. Какъ ученики и послѣдователи средне-азіатскихъ богословъ-мусульманъ, они являются крайними формалистами, фанатическими приверженцами обрядовъ своей религіи.

Вся почти инородческая Сибирь, за исключеніемъ мусульманъ, буддистовъ и новокрещеныхъ, придерживается шаманизма. Это весьма древняя форма вѣрованія. Въ ней еще свѣжи идеи анимизма и фетишизма, кое-гдѣ, какъ, напримѣръ, у остяковъ, видны остатки тотемизма въ ихъ „знаменахъ“ или родовыхъ знакахъ. Культъ медвѣдя указываетъ на зоолатрію, *) жертвоприношенія горамъ и рѣкамъ на культъ предметовъ природы, хотя уже теперь, принося жертвы, они полагаютъ, что приносятъ ихъ не горѣ или рѣкѣ, а хозяину извѣстнаго мѣста. Религіозная мысль, однако, не стояла у инородцевъ на одномъ уровнѣ. Она сильно подвинулась по пути къ единобожію причемъ, однако же, рѣзко выражался и дуализмъ—борьба добра со зломъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ съ шаманистами близко жили христіане или магометане, уже легко выдѣлилось верховное существо въ формѣ энотеизма. Верховный богъ, создатель всего сущаго Ульгень у алтайцевъ, Кудай у другихъ тюрковъ, Ары Тойонъ у якутовъ, стоитъ крайне высоко надъ пантеономъ низшихъ боговъ. Въ общемъ эти верховные боги отличаются благостью и милосердіемъ. Ульгень не наказываетъ самъ людей за грѣхи, онъ только лишаетъ ихъ своего благоволенія. Лишившись его, человѣкъ попадаетъ въ руки Эрликъ-хана, духа зла и его сотрудниковъ, и человѣкъ уже долженъ самъ жертвами и молитвами умилостивить Эрлика и его шайтановъ. Посредниками между богами и людьми служатъ вѣщіе волхвы, шаманы. Они просятъ боговъ избавить людей отъ

*) Въ культѣ медвѣдя, впрочемъ, можно подозрѣвать остатки тотемизма и культа предковъ.

болѣзней, мученій и несчастій: они же совершаютъ и общественныя моленія за всѣхъ вѣрующихъ.

Въ качествѣ пережитковъ древнѣйшихъ вѣрованій шаманисты держатъ въ домахъ своихъ и въ полѣ идоловъ. Они называются у инородцевъ тюрковъ „тюсь", у инородцевъ монгольскаго племени „онгонъ". Эти идолы крайне незамысловаты; это—или грубо разрисованный какими-нибудь фигурами лоскутокъ матеріи, грубо обдѣланная деревяшка, или просто березовая вѣтка, на которую навѣшаны разныя тряпки, иногда волосы или лоскутки мѣховъ. Нѣкоторыхъ идоловъ долженъ дѣлать и освящать шаманъ, другихъ же могутъ изготовлять сами хозяева. Такіе идолы имѣются у инородцевъ на всякіе случаи жизни; одни помогаютъ отъ болѣзней, другіе охраняютъ скотъ, третьи обезпечиваютъ удачу въ охотничьемъ промыслѣ или рыбной ловлѣ. Идоламъ этимъ дѣлаются приношенія и хозяинъ дома знаетъ, кому и какія приношенія нужно дѣлать. Иногда дѣло этими жертвами не ограничивается, а требуется посвятить богу какое-нибудь животное, чаще всего лошадь; лошадь эта послѣ посвященія считается на привиллегированномъ положеніи: на ней нельзя работать, ее нельзя продать, и ѣздить на ней можетъ только одинъ хозяинъ дома. Мы не имѣемъ возможности распространяться о другихъ повѣрьяхъ и предметахъ культа инородцевъ шаманистовъ, тѣмъ болѣе, что эти повѣрья выходятъ изъ употребленія; получить свѣдѣнія о нихъ можно только у древнихъ стариковъ и у старыхъ, опытныхъ шамановъ; очевидно, старые религіозные обычаи постепенно исчезаютъ. Однимъ изъ признаковъ работы религіозной мысли у инородцевъ въ прогрессивномъ направленіи можно признать то, что черные шаманы попадаются все рѣже и рѣже въ народѣ. Черный шаманъ—служитель духа зла, Эрлика, что, конечно, указываетъ на то, что вѣра въ злыхъ боговъ, какъ они ни страшны, постепенно ослабѣваетъ. Въ послѣднее время мы видѣли поразительный примѣръ движенія мысли въ религіозныхъ вѣрованіяхъ шаманистовъ. Въ 1904 г. на Алтаѣ, въ самомъ центрѣ приверженцевъ шаманизма, поднялась борьба противъ шамановъ и кровавыхъ жертвоприношеній. Распространители этого новаго вѣрованія ссылались на то, что мучительныя жертвоприношенія оскорбляютъ божество; они проповѣдывали, что доброму, благому и всемогущему божеству нѣтъ надобности въ приношеніи въ пищу животныхъ, а для выраженія своего благоговѣнія къ нему достаточно молитвъ и возліяній молокомъ. Но и о самыхъ шаманахъ, этихъ полудикихъ знахаряхъ, большой знатокъ тюркскаго шаманства академикъ Радловъ, характеризируя дѣятельность ихъ, говоритъ, что все-таки этотъ грязный, невѣже-

ственный шаманъ, котораго считаютъ служителемъ дьявола, на самомъ дѣлѣ является проповѣдникомъ добра и правды. Когда у бурятъ старшій шаманъ посвящаетъ новичка, онъ говоритъ ему: „Ты теперь сталъ шаманомъ, употребляй свою силу, свои знанія на добро людямъ, не вреди имъ; если тебя позовутъ въ одно время и богатый, и бѣдный, иди прежде къ бѣдному, у богатаго много коней, онъ можетъ послать къ 2—3 шаманамъ, а къ бѣдному ты долженъ итти и пѣшкомъ; не торгуйся изъ-за вознагражденія, а бери то, что тебѣ даютъ; если ты будешь жадничать, то духи, служащіе тебѣ, покинутъ тебя, и ты потеряешь свою силу".

Окончивъ нашъ крайне бѣглый обзоръ инородцевъ, мы должны коснуться такъ называемаго инородческаго вопроса. Въ сущности это не только русскій вопросъ, а вопросъ всѣхъ тѣхъ культурныхъ народовъ, которые имѣютъ колоніи среди первобытныхъ племенъ. Вопросъ поставленъ чрезвычайно рѣзко; одни говорятъ, что инородцы должны исчезнуть, какъ низшая раса, и уступить мѣсто культурнымъ народамъ. Другіе же утверждаютъ, что всякая разновидность человѣческая достойна сохраненія, такъ какъ не говоря уже о гуманности, каждое племя настолько акклиматизировалась въ своей мѣстности, что замѣнить его другой какой нибудь расой трудно. Разбирать этотъ вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ мы здѣсь не имѣемъ возможности; для этого понадобился бы отдѣльный этюдъ. Обращаясь къ сибирскимъ инородцамъ, мы зададимъ только нѣсколько вопросовъ защитникамъ истребленія низшихъ расъ. Представимъ себѣ, что всѣ наши сибирскіе околополярные инородцы сразу исчезли. Кѣмъ бы мы могли замѣнить ихъ? Неужели же русскими крестьянами? Это значило бы осѣдлаго хлѣбопашца превратить въ самоѣда или тунгуса. Да и притомъ еще большой вопросъ, насколько бы акклиматизировался русскій человѣкъ въ тундрахъ.

Вырождающіеся, говорящіе исковерканнымъ русскимъ языкомъ колымчане, могутъ служить предостереженіемъ, заслуживающимъ вниманія. Отрѣзанные отъ общенія съ русскими, они мало-по-малу теряютъ всѣ отличительныя свойства славянскаго племени. Другое дѣло аборигены инородцы, сжившіеся съ климатомъ и обстановкой полярнаго района. Если приложить руки къ оленному хозяйству, обучивъ инородцевъ утилизировать, какъ слѣдуетъ, оленя, можно развить на сѣверѣ громадную промышленность, о чемъ мы уже упоминали въ нашей статьѣ выше. Точно также попытки колонизировать русскими крестьянами киргизскія степи не вызываютъ въ насъ сочувствія. Тамъ земледѣліе можетъ развиваться только спорадически, да и, кромѣ того, обиліе степей, громадныя удобства

для скотоводства навѣрное соблазнятъ крестьянъ развести крупныя стада и превратятъ ихъ въ кочевниковъ, подобно тому, какъ уже это случилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья, гдѣ русскіе, держащіе громадныя стада скота на монгольскихъ земляхъ, перенесли туда центръ тяжести своего хозяйства. Это служитъ уже признакомъ пониженія культуры. Мы, конечно, не противъ кочевого скотоводства; мы думаемъ, что на сухихъ солончаковыхъ степяхъ, гдѣ только изрѣдка попадаются земли, удобныя для хлѣбопашества, всегда скотоводство будетъ болѣе выгоднымъ промысломъ, выгоднымъ не только для самихъ скотоводовъ хозяевъ, но и для осѣдлаго населенія. Иркутскъ и Красноярскъ въ Сибири остались бы совершенно безъ мяса, еслибъ первый не кормила Монголія, а второй Минусинскія степи. Да и Петербургу пришлось бы плохо безъ привознаго мяса изъ юго-восточныхъ степей.

Къ сожалѣнію, точно также мы не можемъ коснуться болѣе подробно вопроса о вымираніи инородцевъ. Конечно, вымиранія инородцевъ Сибири отрицать нельзя, такъ какъ цѣлыя племена инородческія на памяти исторіи исчезли въ Сибири; на нашихъ глазахъ вымираютъ юкагиры и остяки, а можетъ быть и тунгусы, т. е. наименѣе культурныя племена. Такія же племена, какъ сибирскіе тюрки, якуты, племена монгольскія, несомнѣнно растутъ въ своей численности; уменьшеніе тюрковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно признать только призрачнымъ. Есть цѣлыя селенія, и довольно значительныхъ размѣровъ, которыя считаются ясачными, а вмѣстѣ съ тѣмъ они живутъ совершенно по русски и давнымъ давно уже забыли свой родной языкъ.

Земельный вопросъ
и
Переселеніе.

А. Кауфмана.

Говорятъ, и справедливо говорятъ, что въ Россіи нѣтъ земельнаго или—какъ чаще выражаются—аграрнаго вопроса: есть аграрные вопросы, и этихъ вопросовъ столько, сколько есть отличающихся другъ отъ друга по естественнымъ и экономическимъ условіямъ районовъ, сколько есть различныхъ по этнографическому составу, историческому прошлому, культурному уровню, характеру землевладѣнія и тысячѣ другихъ признаковъ группъ населенія. Но если это справедливо вообще, если, въ частности, нельзя найти единой, общей формулировки аграрнаго вопроса даже для одной только коренной, Европейской Россіи, то тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о такомъ одномъ аграрномъ вопросѣ, который былъ бы общимъ для Европейской Россіи и Сибири.

Здѣсь было бы, конечно, неумѣстно входить въ изслѣдованіе сущности аграрнаго вопроса, какъ онъ стоитъ въ настоящее время въ Европейской Россіи, а тѣмъ болѣе—тѣхъ разнообразныхъ аграрныхъ вопросовъ, какіе поставились для разныхъ ея районовъ и группъ населенія. Но если попытаться свести этотъ вопросъ къ одной общей формулѣ, то формула эта будетъ: конфликтъ между землевладѣльческимъ и земледѣльческимъ классомъ, между трудовымъ и рентнымъ землевладѣніемъ. Между тѣмъ въ Сибири, можно сказать, нѣтъ частнаго рентнаго землевладѣнія, нѣтъ, слѣдовательно, и владѣльческаго класса,—значитъ, не можетъ быть и рѣчи о такого рода конфликтѣ. Это не значитъ, конечно, чтобы въ Сибири вовсе не было частныхъ владѣній и частныхъ владѣльцевъ; но тѣхъ и другихъ такъ мало, что не можетъ быть рѣчи о частныхъ владѣльцахъ какъ классѣ сибирскаго населенія, о частномъ владѣніи какъ серьезномъ факторѣ въ экономической и соціальной жизни страны:

послѣдняя остается чисто-мужицкою страною, и землевладѣніе въ Сибири остается государственно-крестьянскимъ землевладѣніемъ.

Изъ всей огромной площади Сибири, составляющей $11^1/_2$ милліоновъ кв. верстъ, или около 1.200 милліоновъ десятинъ, на долю частнаго землевладѣнія приходится, по собраннымъ въ 1899 году, несомнѣнно соотвѣтствующимъ и современной дѣйствительности свѣдѣніямъ, всего 524 тыс. дес., что составляетъ 0,04 или $^1/_{24}$ % всего пространства страны; свыше половины этой площади, 284.000 дес., приходится на Тобольскую губернію, 26 тыс. на Томскую, 16 тыс. на Приморскую область,—остальныя 200 тыс. десятинъ приблизительно поровну распредѣляется между Енисейскою и Иркутскою губерніями и Амурскою областью. Число частныхъ владѣльцевъ, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, достигаетъ 1.200, изъ которыхъ также около половины приходится на Тобольскую губернію, около пятисотъ—на двѣ области дальняго Востока, и всего 75—на три средне-сибирскія губерніи.

Эти частныя владѣнія возникли въ разное время и при весьма разнообразныхъ обстоятельствахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, числомъ немногія, но по размѣрамъ самыя крупныя, образовались въ XVII и XVIII вв., въ результатѣ отвода земель служилымъ людямъ или выдачи крѣпостныхъ актовъ вліятельнымъ туземцамъ, изъ которыхъ стремились сдѣлать оплотъ русской власти и вліянія въ краѣ. Большинство частныхъ владѣній въ западной Сибири возникло въ XIX столѣтіи, какъ слѣдствіе ряда попытокъ правительства къ систематическому „насажденію“, въ мужицкой Сибири, института частной земельной собственности. Безрезультатность этихъ попытокъ избавляетъ насъ отъ необходимости входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе. Достаточно отмѣтить, что продажи и пожалованія государственной земли въ частныя руки, начавшись въ 40-хъ, прекратились въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, — прекратились въ виду сознаннаго правительствомъ полнаго несоотвѣтствія достигавшихся результатовъ имѣвшимся въ виду цѣлямъ и задачамъ. Въ продолженіе почти сорока лѣтъ единственною частью Сибири, гдѣ отчужденіе государственныхъ земель въ частныя руки допускалось закономъ, были Амурская и Приморская области, гдѣ изданный въ 1860 году законъ допускалъ какъ выкупъ крестьянами отводимыхъ имъ надѣльныхъ земель въ частную собственность, такъ и продажу казенной земли въ частныя руки; продажа разрѣшалась участками до 400 десятинъ, а для „значительныхъ, полезныхъ для края предпріятій“—до тысячи десятинъ. Но вполнѣ основательное опасеніе, что съ проложеніемъ Сибирской желѣзной дороги на почвѣ, со-

зданной этимъ закономъ, разовьется обширная земельная спекуляція, побудило правительство въ 1895 году пріостановить дѣйствіе этого закона. Какъ это, однако, ни странно,—но приблизительно около того же времени въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ объ изданіи новаго, общаго уже для всей Сибири закона „о мѣрахъ къ насажденію частнаго землевладѣнія", иначе сказать—о продажѣ казенныхъ земель въ частныя и преимущественно въ дворянскія руки. Тщетно и общая, и мѣстная печать, опираясь на оффиціальный матеріалъ, указывала на крайне неудачный опытъ уже существующихъ въ странѣ частныхъ владѣній, которыя ничего не дали для повышенія сельскохозяйственной культуры и въ громадномъ большинствѣ случаевъ даже не представляютъ собою самостоятельныхъ хозяйственныхъ предпріятій; тщетно она доказывала что соціально-экономическія условія Сибири, въ частности—отсутствіе безземельнаго или малоземельнаго сельскаго пролетаріата, исключаютъ возможность развитія въ странѣ владѣльческаго хозяйства; представленный могущественнымъ „особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ дворянскаго сословія", владѣльческій классъ сумѣлъ добиться своего, и въ 1902 году былъ утвержденъ законъ о „насажденіи" въ Сибири частнаго землевладѣнія. Къ счастью, законъ этотъ до сихъ поръ остался мертвою буквой,—въ Сибири, гдѣ теперь съ такимъ трудомъ находятъ землю для переселенцевъ, естественно, не удалось найти земель, которыя могли бы быть отчуждены въ частное владѣніе и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ, оказались бы достаточно привлекательными для владѣльцевъ in spe.

Такъ или иначе, повторяю, въ Сибири не создалось ни владѣльческаго класса, ни частнаго землевладѣнія, какъ замѣтнаго фактора въ экономической и соціальной жизни страны; въ Сибири нѣтъ, слѣдовательно, и аграрнаго вопроса въ томъ смыслѣ, какъ онъ стоитъ въ настоящее время въ Европейской Россіи. Сибирь какъ всегда была, такъ и сейчасъ остается страною государственнаго и крестьянскаго землевладѣнія и—можно сказать—исключительно крестьянскаго хозяйства. Рядомъ съ казною въ Сибири есть, правда, другой очень крупный земельный собственникъ—кабинетъ Его Величества, являющійся представителемъ имущественныхъ правъ и интересовъ царствующаго Императора и владѣющій въ Сибири 43 милліонами десятинъ: огромнымъ Алтайскимъ округомъ, охватывающимъ всю южную, лучшую половину Томской губерніи, и сравнительно небольшимъ (900 т. дес.) Нерчинскимъ округомъ, въ Забайкальѣ. Но владѣніе кабинета покоится не на частно, а на государственно-правовыхъ основаніяхъ; на государственно-правовыя же основанія поставлено и управленіе огромнымъ земельнымъ иму-

ществомъ кабинета,—а потому владѣнія послѣдняго приходится не противуполагать государственному землевладѣнію, а разсматривать лишь какъ особую его категорію. Наличность въ Сибири кабинетскихъ владѣній ничуть не мѣшаетъ, слѣдовательно, признавать Сибирь страною исключительно государственнаго и крестьянскаго землевладѣнія. Верховнымъ собственникомъ всей земли въ Сибири является государство (кромѣ нѣкоторыхъ инородческихъ дачъ)—мы увидимъ ниже, что сибирское населеніе и до сихъ поръ пользовалось землею, и даже при окончательномъ поземельномъ устройствѣ получаетъ ее въ надѣлъ на правахъ владѣнія и пользованія, съ сохраненіемъ за государствомъ собственническихъ правъ. Изъ необъятныхъ владѣній казны (и кабинета) одна часть состоитъ въ „единственномъ владѣніи" населенія, владѣющаго и пользующагося землей на основаніи тѣхъ или другихъ актовъ государственнаго землеустройства; другая состоитъ въ „единственномъ" же владѣніи казны и въ непосредственномъ завѣдываніи вѣдомства государственныхъ имуществъ или кабинета—это, главнымъ образомъ, лѣсныя дачи, частью—такъ называемыя оброчныя статьи, т. е. земельныя угодья, эксплоатируемыя, въ видѣ правила, путемъ сдачи въ аренду или крестьянскимъ обществамъ, или частнымъ лицамъ; наконецъ, необъятныя пространства до сихъ поръ еще не разграничены между населеніемъ, съ одной стороны, и вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ или кабинетомъ, съ другой: это, главнымъ образомъ, урманы и тайга, гдѣ сотни милліоновъ десятинъ до сихъ поръ остаются, фактически, безхозяйными, и гдѣ среди безпредѣльныхъ лѣсовъ вкраплены клочки фактическаго пользованія тѣхъ или другихъ, чаще всего мелкихъ группъ населенія.

По свѣдѣніямъ 1903 года въ составѣ лѣсныхъ дачъ числится, собственно по четыремъ губерніямъ коренной Сибири, 27 милліоновъ, подъ оброчными статьями — менѣе 2 милліоновъ десятинъ. Размѣры крестьянскаго и инородческаго землепользованія по даннымъ, относящимся къ началу 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, выражаются для 19 уѣздовъ четырехъ западно и средне-сибирскихъ губерній въ цифрѣ 32 милл., для Забайкальской области въ 13 милл. десятинъ. Но всѣ эти цифры имѣютъ лишь очень приближенное значеніе: количество земель разныхъ категорій владѣнія и пользованія измѣняется съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ хода, съ одной стороны изслѣдованія сибирскихъ урмановъ и тайги и принятія лѣсовъ въ дѣйствительное завѣдываніе казны, а съ другой стороны—землеустройства старожилаго населенія Сибири и отвода земель переселенцамъ; съ каждымъ годомъ возрастаетъ площадь казенныхъ лѣсныхъ дачъ и земель крестьянскаго владѣнія и пользованія, на-

противъ—сокращается пространство неразмежеванныхъ земель и лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе послѣдніе и до сихъ поръ составляютъ, конечно, подавляющую по своей громадности часть необъятнаго пространства Сибири.

Итакъ, земельный вопросъ въ Сибири, этой странѣ государственнаго и крестьянскаго землевладѣнія,—это во всякомъ случаѣ *не тотъ* аграрный вопросъ, который такъ остро и грозно стоитъ, въ настоящее время, въ Европейской Россіи. И это, вмѣстѣ съ тѣмъ, не какой-нибудь одинъ сибирскій аграрный или *земельный вопросъ* — это сибирскіе *земельные вопросы*,—цѣлая группа разнообразныхъ вопросовъ, въ зависимости и отъ естественныхъ и хозяйственныхъ условій разныхъ мѣстностей Сибири, и отъ разнообразія состава ея населенія, и отъ пестроты условій землевладѣнія и землепользованія различныхъ группъ этого послѣдняго. Къ обзору всѣхъ этихъ условій мы и должны теперь обратиться.

Прежде всего: когда говорятъ вообще о Сибири и въ частности о сибирскомъ земельномъ вопросѣ, то обыкновенно имѣютъ въ виду одну только, сравнительно очень небольшую по протяженію полосу, хотя и вмѣщающую значительное большинство всего вообще населенія страны, въ частности—почти все ея русское населеніе,—полосу, которую правильнѣе всего будетъ назвать полосою экстенсивнаго земледѣлія, и которою и намъ, почти исключительно, придется заниматься въ дальнѣйшемъ изложеніи. Естественныя условія ея представляютъ всѣ переходы отъ совершенно безлѣсныхъ, сухихъ степей крайняго юго-запада Томской губерніи и нѣкоторыхъ мѣстностей Забайкалья до почти сплошь покрытыхъ лѣсомъ дебрей Нижнеудинской тайги. Но преобладающая роль принадлежитъ мѣстностямъ разныхъ переходныхъ типовъ: въ Тобольской, напримѣръ, губерніи и на западѣ Томской—по преимуществу такъ называемой лѣсо-степи, т. е. равнинамъ, усѣяннымъ многочисленными озерами, среди которыхъ протягиваются невысокія „гривы“ съ прекрасною песчано-черноземной почвой, перемежаясь болѣе или менѣе обширными березовыми „колками“ и пятнами болѣе или менѣе рѣзко выраженнаго солонца. Въ средней Сибири мѣстность принимаетъ болѣе лѣсистый характеръ, а населеніе и его угодья группируются по преимуществу по окраинамъ лѣсовъ, по долинамъ болѣе значительныхъ рѣкъ и по прирѣчнымъ увалamъ; только въ самое послѣднее время населеніе начинаетъ проникать вглубь тайги и урмановъ, выбирая для поселенія, по преимуществу, такія площади, гдѣ многократные лѣсные пожары ускорили процессы созрѣванія почвы и уничтожили первобытное хвойное насажденіе. Ниже мнѣ придется подробнѣе говорить и о составѣ

населенія этой полосы, и о характерѣ крестьянскаго хозяйства. Но уже теперь необходимо отмѣтить, что населеніе это въ Тобольской губерніи исключительно, въ Томской и въ большей части уѣздовъ Енисейской почти исключительно русское, и только въ Иркутской губерніи и въ Забайкальской области аборигены края, инородцы, составляютъ значительную, хотя тоже не преобладающую по численности часть населенія. Издавна служившая главнымъ пріемникомъ русской колонизаціи Сибири, эта полоса и въ настоящее время продолжаетъ заселяться выходцами изъ Европейской Россіи, которые селятся частью въ старожильскихъ селеніяхъ, частью въ промежуткахъ между ними, частью, наконецъ,—по окраинамъ изстари заселенныхъ мѣстностей, гдѣ начинаются урманы и тайга.

Землевладѣніе и землепользованіе какъ старожилаго крестьянскаго, такъ и инородческаго населенія, въ нѣсколько меньшей степени—землевладѣніе новыхъ переселенцевъ, слагалось при условіяхъ чрезвычайнаго простора; и старожилы, и въ особенности инородцы, пользовались фактически-безграничною свободою занятія и разработки земель для сельскохозяйственнаго пользованія, а также и эксплоатаціи лѣсовъ, съ ихъ запасами звѣря и дичи, и водъ, изобиловавшихъ рыбой; естественно, что эксплоатація естественныхъ богатствъ края носила крайне экстенсивный, нерѣдко граничащій съ хищничествомъ характеръ: „первые насельники страны — писалъ въ 1902 году одинъ мѣстный дѣятель, въ докладѣ своемъ Тобольскому комитету о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, нашли ее чрезвычайно обильной дарами природы, и потому хозяйство ихъ приняло чисто хищническій, чуждый разумной предусмотрительности характеръ; при полномъ земельномъ просторѣ и обиліи не расхищенныхъ еще тогда естественныхъ богатствъ, такое хозяйство давало извѣстный матеріальный достатокъ, и не было нужды ни въ какихъ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ,—да ихъ не откуда было и заимствовать. Позднѣйшія поколѣнія унаслѣдовали систему хозяйничанья своихъ предковъ, не не унаслѣдовали уже ни прежняго земельнаго простора, сократившагося съ увеличеніемъ населенія, ни лѣсовъ, истребленныхъ топоромъ хищника и пожарами, ни нетронутой дѣвственной почвы, истощенной хищническимъ хозяйствомъ, ни рыбныхъ богатствъ, уничтоженныхъ безразсудною ловлей и загрязненіемъ водъ“... Но разсматриваемая полоса — это не просто полоса экстенсивнаго, граничащаго съ хищничествомъ, *хозяйства*, которое такими яркими чертами изобразилъ покойный Ядринцевъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Сибирь какъ колонія“; это полоса *экстенсивнаго земледѣлія*. И аборигены края, инородцы,

и крестьяне-сторожилы, и водворяющіеся въ предѣлахъ этой полосы переселенцы, при всемъ разнообразіи естественныхъ условій, вездѣ находили, въ изобиліи, какъ-бы ожидавшія плуга безлѣсныя степи или разбросанныя между лѣсовъ поляны, въ худшемъ случаѣ—площади, поросшія мелкимъ лѣсомъ и не представлявшія никакихъ затрудненій для расчистки; они вездѣ находили въ изобиліи готовые естественные сѣнокосы и обширные, тучные пастбища, а потому земледѣліе, въ той или другой комбинаціи со скотоводствомъ, вездѣ становилось и до сихъ поръ осталось основнымъ источникомъ благосостоянія населенія. При широкомъ просторѣ господствовали и до сихъ поръ, въ значительной мѣрѣ, продолжаютъ господствовать экстенсивные типы залежнаго хозяйства, которое, по мѣрѣ сокращенія прежняго земельнаго простора, постепенно переходитъ въ беззалежное паровое хозяйство двухпольнаго или трехпольнаго типа.

Сказаннаго, пока, достаточно для общей характеристики полосы экстенсивнаго земледѣлія, о которой мнѣ придется подробнѣе говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи, и которая, совершенно законно, всегда привлекала и привлекаетъ къ себѣ наибольшее вниманіе и интересъ. Но повторяю—эта полоса занимаетъ лишь небольшую по пространству часть необъятнаго пространства Сибири. Непосредственно съ сѣвера къ ней примыкаетъ неширокая, полуземледѣльческая, полупромысловая полоса, въ составъ которой входятъ: въ Тобольской губерніи южныя части Тобольскаго и въ особенности Туринскаго уѣздовъ, въ Томской—южная часть Нарымскаго края, въ Енисейской—часть Енисейскаго, въ Иркутской—части Киренскаго и Верхоленскаго, въ Забайкальской—часть Баргузинскаго уѣзда. Абсолютная густота населенія вездѣ крайне незначительна; населеніе это располагается почти исключительно вдоль побережій главныхъ рѣкъ, а междурѣчные волоки остаются совершенно пустынными. Но при кажущемся безпредѣльномъ просторѣ, населеніе отнюдь не имѣетъ избытка въ культурныхъ земляхъ; напротивъ—количество послѣднихъ очень, а мѣстами и крайне незначительно, и запашки очень невелики; это потому, что земли—исключительно лѣсныя, и разработка ихъ подъ пашню требуетъ слишкомъ много времени и слишкомъ большихъ затратъ труда. Отсюда, при мало-плодородной, въ видѣ правила, почвѣ,—еще и то послѣдствіе, что хозяйство въ разсматриваемой полосѣ ведется уже не по залежному, а по трехпольному, на крайнемъ сѣверѣ даже по двухпольному типу съ интенсивнымъ и правильнымъ навознымъ удобреніемъ. При благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ—напримѣръ, въ южной части Туринскаго и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ

Тюменскаго уѣзда,—при сравнительной легкости разработки пашенъ, удовлетворительной почвѣ, изобиліи луговъ, поставленное такимъ образомъ земледѣліе даетъ прекрасные результаты, вполнѣ обезпечивая продовольствіе населенія, для котораго, затѣмъ, дополнительными источниками благосостоянія являются разнообразные кустарные промыслы, сборъ кедроваго орѣха, охота, рыболовство, а кромѣ того—эксплоатація инородцевъ, главнымъ образомъ—обитающихъ дальше на сѣверъ, уже внѣ предѣловъ земледѣльческой полосы соотвѣтствующихъ губерній. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ естественныя условія менѣе благопріятны для трехпольнаго или двухпольнаго земледѣлія, запашки сокращаются до окончательно ничтожныхъ размѣровъ, и главнымъ источникомъ средствъ существованія населенія становятся такіе промыслы, какъ, опять-таки, рыбный, звѣриный, кедровый и т. п., а также извозъ, содержаніе гоньбы, работа на капиталистическихъ рыбныхъ промыслахъ и т. п.

За предѣлами этой переходной полосы лежитъ чрезвычайно обширный по пространству, но крайне слабо населенный сѣверъ, который характеризуется, говоря вообще, полнымъ отсутствіемъ земледѣлія. Исключеніе составляютъ только южные или точнѣе—юго-западные уѣзды Якутской области; и здѣсь земледѣліе до сравнительно недавняго времени считалось совершенно невозможнымъ; въ 40-хъ годахъ появились однако первыя попытки земледѣлія, которое въ настоящее время сдѣлало среди якутовъ довольно значительные успѣхи: по даннымъ начала 90-хъ годовъ якуты юго-западныхъ уѣздовъ области засѣвали свыше 10 тыс. десятинъ, и около такого же количества засѣвалось русскимъ населеніемъ, по преимуществу ссыльными скопцами. Невозможность земледѣлія отнюдь не можетъ считаться окончательно установленною и для многихъ другихъ мѣстностей сѣвера Сибири: болѣе или менѣе удачныя попытки посѣва хлѣбовъ дѣлались на 64-ой параллели и, можетъ быть, еще дальше на сѣверъ. Но климатическія условія сѣверной полосы Сибири, во всякомъ случаѣ, крайне неблагопріятны для земледѣлія, и послѣднее, фактически, совершенно здѣсь не существуетъ. Туземное, инородческое населеніе этой полосы существуетъ исключительно насчетъ немногихъ промысловъ,—съ тѣми или другими варіантами, на всю эту полосу можетъ быть распространена нижеслѣдующая характеристика, какую мы находимъ въ трудахъ того же Тобольскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности: „первенствующую роль играетъ рыба и рыбный промыселъ, служащій основнымъ источникомъ благосостоянія большей части обитателей края. Затѣмъ слѣдуетъ оленеводство,—олень является главнымъ источникомъ существованія обитателей самаго крайняго сѣ-

вера. Звѣриный промыселъ для извѣстной части населенія есть главное занятіе, дающее средства къ существованію",—въ другихъ мѣстностяхъ это занятіе, „по значенію равносильное рыболовству, въ третьихъ — вспомогательное при оленеводствѣ и рыболовствѣ; добываніе птицы не составляетъ промысла за отсутствіемъ спроса, но въ народной экономіи края птица имѣетъ значеніе какъ продуктъ, замѣняющій мясо". Русскій элементъ въ предѣлахъ этой полосы (опять таки, за исключеніемъ юго-запада Якутской области, который поэтому, можетъ быть, правильнѣе причислить къ средней, переходной полосѣ) имѣется налицо лишь въ лицѣ немногочисленныхъ торговцевъ, операціи которыхъ построены всецѣло на закабаливаніи, обманѣ и спаиваніи инородцевъ. Послѣдніе владѣютъ весьма значительными естественными богатствами и прежде всего—рыбными ловлями въ низовьяхъ большихъ рѣкъ; но „богатѣйшія рыбныя ловли нисколько не обогащаютъ инородцевъ". „Инородцы"—читаемъ мы въ трудахъ Енисейскаго комитета, „занимаясь рыболовствомъ, звѣроловствомъ или оленеводствомъ, являются такъ прочно закабаленными, что сбываютъ продукты своей промышленности непремѣнно въ однѣ и тѣ-же руки"; весь Туруханскій край, который въ данномъ отношеніи является типичнымъ и для всего остального сѣвера Сибири, „какъ бы раздѣленъ на нѣсколько княжествъ, изъ которыхъ въ каждомъ живетъ по одному, по два человѣка богатыхъ людей изъ русскихъ, которые держатъ въ полной отъ себя экономической зависимости не только инородцевъ, но до нѣкоторой степени и русскихъ"; и въ конечномъ результатѣ „инородцы, обитающіе на берегу Енисея", въ районѣ операцій этихъ хищниковъ, „отличаются крайнею нищетою, а нѣкоторые изъ нихъ вымираютъ; за предѣлами долины Енисея, по мѣрѣ удаленія инородцевъ отъ непосредственнаго и постояннаго соприкосновенія съ русскими, матеріальное положеніе инородцевъ улучшается". Главное богатство этихъ злосчастныхъ аборигеновъ края, ихъ рыбные пески, всегда въ рукахъ арендаторовъ-капиталистовъ, причемъ „исходъ всегда одинъ и тотъ же: арендаторъ въ скоромъ времени дѣлается настоящимъ хозяиномъ песка и патрономъ его владѣльцевъ"...

Ясно, что для всего этого крайняго сѣвера, съ его закабаленнымъ и вымирающимъ инородческимъ населеніемъ, земельный вопросъ совсѣмъ не тотъ, что для полосы экстенсивнаго земледѣлія, или точнѣе: для крайняго сѣвера, въ сущности, вовсе не существуетъ земельнаго вопроса, а есть вопросъ, съ одной стороны—о мѣрахъ къ огражденію горемычнаго, совершенно неспособнаго постоять за свои права и интересы инородческаго населенія, съ другой — о наиболѣе выгодномъ, въ интересахъ страны, способахъ

эксплоатаціи естественныхъ богатствъ края. Ясно и то, что и въ переходной полосѣ земельный вопросъ будетъ ставиться и рѣшаться далеко не такъ, какъ въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія.

Остановимся однако нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о составѣ населенія разныхъ мѣстностей Сибири.

Изъ общаго количества населенія Сибири, исчисленнаго по первой всеобщей переписи въ 5.700.000 душъ, на долю русскаго населенія приходилось 4950 тыс., на долю инородцевъ—750 тыс. человѣкъ; первое, такимъ образомъ, въ итогѣ для всей Сибири составляло 87 %, вторые—всего около 13 % населенія; за истекшія съ тѣхъ поръ 10 лѣтъ процентное распредѣленіе населенія, благодаря наплыву переселенцевъ, должно было, конечно, измѣниться въ благопріятную для русскаго населенія сторону. Если, затѣмъ, перейти къ погубернскимъ цифрамъ, то окажется, что въ Тобольской и Томской губерніяхъ русскіе составляютъ около 96 %, въ Енисейской 92 %, въ Иркутской 78 %, въ Забайкальской области 70 %; въ Якутской области, цѣликомъ лежащей, какъ мы видѣли, внѣ полосы экстенсивнаго земледѣлія, процентъ русскаго населенія падаетъ до 15 %, поднимаясь зато въ областяхъ Амурской и Приморской до 85 и 84 %. Еще неравномѣрнѣе распредѣленіе населенія по уѣздамъ большинства губерній и областей Сибири. Такъ, три южныхъ уѣзда Тобольской губерніи населены исключительно русскими; въ пяти ея среднихъ уѣздахъ примѣсь инородцевъ колеблется между 3 и 14 %; на крайнемъ сѣверѣ, напротивъ, инородцы составляютъ главную массу населенія, а процентъ русскихъ падаетъ: въ Березовскомъ уѣздѣ до 41, въ Сургутскомъ даже до 9 % населенія. Такимъ образомъ въ Тобольской губерніи наблюдается правильное, въ направленіи съ юга на сѣверъ, возрастаніе процента инородческаго и убыль процента русскаго населенія. Въ Томской губерніи мы видимъ нѣсколько иное: наибольшее преобладаніе русскаго населенія замѣчается въ трехъ среднихъ уѣздахъ, Маріинскомъ, Каинскомъ и Барнаульскомъ, гдѣ инородцы составляютъ всего отъ 0,6 до 3,6 %; бо́льшая примѣсь инородцевъ сохранилась на болотистомъ сѣверѣ и на гористомъ югѣ губерніи: въ Бійскомъ уѣздѣ они составляютъ 6,8, въ Кузнецкомъ 17, въ Томскомъ 7,4 %, причемъ въ первыхъ двухъ уѣздахъ инородцы сосредоточиваются почти исключительно въ такъ называемомъ горномъ Алтаѣ, въ Томскомъ — въ чрезвычайно обширной (свыше 20 тыс. кв. верстъ), но крайне рѣдко населенной сѣверной части, носящей названіе Нарымскаго края. Приблизительно такой-же характеръ имѣетъ распредѣленіе населенія и въ Енисейской губерніи: на крайнемъ ея сѣверѣ, въ необъят-

номъ, но пустынномъ Туруханскомъ краѣ, инородцы составляютъ до четырехъ пятыхъ всего населенія; сравнительно великъ процентъ инородцевъ (17 %) и на крайнемъ югѣ, въ Минусинскомъ уѣздѣ; въ сосѣднемъ съ нимъ Ачинскомъ инородцы составляютъ уже только 8 %, въ остальныхъ трехъ уѣздахъ, составляющихъ среднюю полосу губерніи, инородческое населеніе совершенно или почти совершенно отсутствуетъ. Въ Иркутской губерніи инородческое населеніе сосредоточивается главнымъ образомъ въ южной и юго-восточной части, около китайской границы и въ бассейнѣ Ангары, причемъ однако ни въ одномъ уѣздѣ они не составляютъ большинства населенія: наивысшій процентъ инородцевъ (44 %)— въ Балаганскомъ уѣздѣ; въ Верхоленскомъ и Иркутскомъ уѣздахъ они составляютъ 36 и 20 %, въ Киренскомъ и Нижнеудинскомъ— уже только 7,1 и 2,4 %. Въ Якутской области русскіе только въ Олекминскомъ уѣздѣ составляютъ 23 %, въ Якутскомъ и Колымскомъ 12 и 16 %; въ остальныхъ уѣздахъ области населеніе почти исключительно инородческое, а подмѣсь русскихъ не превышаетъ въ Верхоянскомъ уѣздѣ 4,8, въ Вилюйскомъ—всего 1,5 %. Въ Забайкальѣ относительная численность русскихъ растетъ, инородцевъ—убываетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ: въ двухъ сѣверо-западныхъ, прибайкальскихъ уѣздахъ русскіе составляютъ всего 35 и 37 % населенія, въ уѣздахъ средней части области отъ 46 до 66 %, въ Акшинскомъ 80, а на крайнемъ юго-востокѣ, въ уѣздахъ Нерчинскомъ и Нерчинско-заводскомъ—свыше 99 % населенія. Въ Амурской области коренное инородческое населеніе представлено лишь немногими тысячами бродячихъ инородцевъ, къ которымъ присоединяется нѣкоторое число пришлыхъ—корейцевъ и манджуръ; русское населеніе размѣстилось узкою лентой вдоль теченія Амура, и только въ средней части области, въ районѣ нижняго теченія Зеи и Буреи, оно разселилось на сравнительно широкомъ пространствѣ. Что касается наконецъ Приморской области, то въ Уссурійскомъ и Южно-Уссурійскомъ округахъ инородческій элементъ представленъ исключительно пришлыми корейцами и китайцами, составляющими въ первомъ 26, во второмъ—36 % населенія; въ двухъ среднихъ округахъ, Хабаровскомъ и Удскомъ, русскіе составляютъ уже только 59 и 47 %, дальше же по направленію къ крайнему сѣверо-востоку русское населеніе постепенно исчезаетъ, составляя въ округахъ: Петропавловскомъ, Охотскомъ и Гижигинскомъ 31, 10 и 8 %, и совершенно отсутствуя въ Анадырскомъ округѣ.

Мы не имѣемъ надобности останавливаться здѣсь на болѣе ранней исторіи русской колонизаціи Сибири. Достаточно отмѣтить, что въ концѣ XVIII и во всей первой половинѣ XIX вѣка наплывъ

переселенцевъ въ Сибирь былъ совершенно ничтоженъ: отдаленность края, при отсутствіи какихъ-либо сообщеній, кромѣ крайне первобытныхъ грунтовыхъ дорогъ, ставила переселенію въ Сибирь трудно преодолимыя преграды,—а между тѣмъ южныя и юго-восточныя степи Европейской Россіи представляли собой, въ то время, достаточный пріемникъ для всего тогдашняго переселенческаго движенія. Нѣсколько оживляется переселеніе въ Сибирь, въ частности—переселеніе государственныхъ крестьянъ, только въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда знаменитымъ министромъ Николая I, графомъ П. Д. Киселевымъ, было организовано систематическое разселеніе малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ; въ одну только Тобольскую губернію въ 1852 и 1853 гг. переселилось 24.000, въ Томскую, въ одномъ только 1854 году—18.000 душъ; въ Минусинскомъ уѣздѣ, изъ 299 насчитанныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ начала 90-хъ годовъ селеній, 62 были основаны „киселевскими“ переселенцами. Ослабѣвъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ, съ удаленіемъ отъ дѣлъ графа Киселева, наплывъ переселенцевъ въ Сибирь опять усиливается, хотя и не въ такой мѣрѣ, непосредственно послѣ крестьянской реформы; затѣмъ онъ, можно сказать, совершенно прекращается и возобновляется лишь съ начала 80-хъ годовъ: въ 1887 году число переселенцевъ, пришедшихъ въ Сибирь, достигаетъ 25, въ 1890 году 50, въ 1891 и 1892 гг.—87 и 92 тысячъ, всего же за девятилѣтіе 1885—1893 гг. въ Сибирь прошло до 260 тысячъ переселенцевъ. Апогея своего переселеніе въ Сибирь достигаетъ, однако, въ слѣдующее десятилѣтіе. Хотя въ это время значительная часть переселенческаго движенія отклоняется отъ коренной Сибири и направляется въ киргизскій край, тѣмъ не менѣе за пятилѣтіе 1894—1898 гг. въ коренную Сибирь прошло сухимъ путемъ до 370 тыс., въ слѣдующее пятилѣтіе—409 т.; за все десятилѣтіе, значитъ,—779 тыс. переселенцевъ (не считая ходоковъ), къ которымъ надо прибавить еще свыше 60 тыс., прошедшихъ моремъ въ Уссурійскій край. Въ слѣдующіе два года—1904—1905, переселеніе рѣзко падаетъ, благодаря Японской войнѣ: за оба года за Уралъ прошло около 65 тыс., подавляющее большинство—не въ Сибирь, а въ Киргизскія степи. Въ 1906—1907 гг., напротивъ, оно вновь возрастаетъ до небывалыхъ ранѣе размѣровъ: въ 1906 г. до 175 тыс., въ 1907 г. *) до 370 тыс. Какая доля переселенія этихъ двухъ лѣтъ приходится на коренную Сибирь, по опубликованнымъ даннымъ пока сказать нельзя.

*) По 1 сентября; всѣ приведенныя цифры за время съ 1894 г. относятся лишь къ окончательному переселенію, *безъ ходаческаго движенія*.

Такимъ образомъ, русское населеніе Сибири состоитъ частью изъ крестьянъ-старожиловъ, живущихъ въ краѣ уже нѣсколько поколѣній и утратившихъ воспоминаніе о своей первоначальной родинѣ; частью изъ новоселовъ, прибывшихъ въ Сибирь 3, 5, 10, 20 лѣтъ тому назадъ, вообще живущихъ въ Сибири въ первомъ поколѣніи; новоселы и въ бытовомъ, и въ хозяйственномъ отношеніи существенно отличаются отъ старожиловъ, хотя—какъ мы увидимъ ниже—далеко не столь рѣзко, какъ принято обыкновенно думать. Середину между ними занимаютъ „староселы“—та часть Сибирскаго крестьянства, которая прожила въ Сибири три—четыре десятилѣтія и успѣла обжиться въ краѣ, но среди которой еще жива извѣстная часть лицъ, сохранившихъ непосредственное воспоминаніе о родинѣ; въ отношеніи языка или нарѣчія, одежды, домашней обстановки, староселы обыкновенно еще сохраняютъ тѣ характерныя особенности, которыя они принесли съ собою,—въ отношеніи размѣровъ и пріемовъ хозяйства они уже ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ старожиловъ.

Однако, и въ распредѣленіи русскаго населенія различныхъ частей Сибири по продолжительности проживанія въ краѣ замѣчается не менѣе разнообразія, нежели въ распредѣленіи по этнографическому составу. Мы имѣемъ на одной сторонѣ двѣ области дальняго востока—Амурскую и Приморскую, менѣе полувѣка присоединенныя къ Имперіи; русская колонизація первой началась въ 1857. второй — въ 1860 году; началась, въ той и другой, съ образованія линіи казачьихъ поселеній; значитъ, и въ той, и въ другой старожильскаго элемента совершенно нѣтъ, и русское населеніе состоитъ исключительно изъ новоселовъ и староселовъ; въ то время, однако, какъ русское населеніе Приморской области, и въ частности главнаго ея колонизаціоннаго района, Уссурійскаго края, состоитъ почти сплошь изъ выходцевъ изъ Европейской Россіи, главнымъ образомъ изъ украинцевъ, въ Амурской области значительную долю населенія составляютъ выходцы изъ разныхъ губерній и областей Сибири.

Прямую противуположность Приамурскому краю представляютъ, въ данномъ отношеніи, непосредственно примыкающая къ ней Забайкальская область, а также Иркутская губернія и Якутская область, послѣдняя—поскольку въ ней вообще можно говорить о русскомъ населеніи. Русская колонизація ихъ завершилась, въ ея нынѣшнемъ видѣ, сравнительно давно. Въ Иркутской губерніи, а тѣмъ болѣе въ Якутской области, удобныя для крестьянской колонизаціи мѣстности, составляющія сравнительно ничтожную часть территоріи, заняты уже давно, разработка же тайги, если не абсолютно непо-

сильна, то во всякомъ случаѣ мало привлекательна для переселенцевъ. Земельные запасы Забайкальской области использованы, пока, еще довольно слабо: но русская колонизація области пріостановилась вслѣдствіе запутанности земельныхъ отношеній, до урегулированія которыхъ правительство не располагаетъ въ Забайкальѣ сколько-нибудь существеннымъ колонизаціоннымъ фондомъ.

Несравненно болѣе пеструю картину представляютъ остальныя три, западно-и частью средне-сибирскія губерніи. Въ Енисейской губерніи изъ 776 насчитанныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ 1890 г. русскихъ селеній 183 или 24%—почти четверть, были основаны не болѣе чѣмъ за 100 лѣтъ до момента изслѣдованія; изъ нихъ 58—въ первыя четыре десятилѣтія XIX столѣтія, 92—въ 50-хъ гг., въ эпоху гр. Киселева; въ 60-хъ и 70-хъ годахъ возникло уже только 18, въ 80-хъ гг.—15 новыхъ поселеній. Такимъ образомъ, процессъ образованія новыхъ русскихъ селеній, происходившій въ Енисейской губерніи въ началѣ и въ особенности въ серединѣ столѣтія съ большою интенсивностью, начиная съ 60-хъ годовъ значительно затихъ; переселенцы продолжали, однако, приселяться къ старожильскимъ селеніямъ; всего за время съ 1865 по 1890 г. въ четырехъ охваченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ уѣздахъ водворилось до $14^1/_2$ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 12 тыс. приходится на одинъ Минусинскій, и всего $2^1/_2$ тыс. — на три другихъ, среднихъ уѣзда губерніи. Въ началѣ 90-хъ годовъ приливъ переселенцевъ въ губернію совершенно прекращается, а въ Минусинскомъ уѣздѣ замѣчается даже стремленіе къ выселенію. Однако, начатыя съ 1893 года систематическія рекогносцировки и работы по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ обнаружили въ Енисейской губерніи еще довольно значительные запасы земель, пригодныхъ для колонизаціи. Съ 1895 г., поэтому, наплывъ переселенцевъ въ губернію возобновляется, направляясь однако уже не въ Минусинскій уѣздъ, какъ прежде, а главнымъ образомъ въ Канскій и Ачинскій; за время съ 1894 по 1898 г. въ губерніи водворилось 49 тыс., въ слѣдующее пятилѣтіе — 89 тыс., всего за десятилѣтіе 1894—1903 гг.—138 тыс. переселенцевъ.

По Томской губерніи надо разсмотрѣть отдѣльно Алтайскій округъ и отдѣльно—три (или точнѣе два съ половиной) сѣверныхъ уѣзда, составляющихъ районъ государственныхъ или казенныхъ земель губерніи. Алтайскій округъ, въ частности его обширная сѣверо-западная, степная и полустепная часть,—это лучшая часть Сибири, по почвеннымъ условіямъ, по сравнительно мягкому климату и по преобладанію сплошь удобныхъ для культуры и легкихъ для разработки земель; при такихъ условіяхъ, переселенцы тѣмъ легче и

быстрѣе могли устраиваться здѣсь, что зажиточное старожилое населеніе предъявляло большой спросъ на рабочія руки, и трудъ переселенца-новосела, нуждавшагося въ заработкѣ, оплачивался какъ ни въ какой иной части Сибири. Съ другой стороны, Алтайскій округъ въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ былъ единственною областью предбайкальской Сибири, куда переселеніе было допущено закономъ: въ то время какъ реформенное законодательство не знало и не хотѣло знать переселенія, въ томъ числѣ и переселенія во всѣ, кромѣ Алтайскаго округа и Приамурья, части Сибири, переселеніе на Алтай было допущено и поставлено въ сравнительно льготныя условія спеціальнымъ закономъ 1860 года, продиктованнымъ, очевидно, интересами кабинета, какъ владѣльца обширной, но пустынной территоріи округа. Въ результатѣ Алтай во 2-ой половинѣ XIX вѣка сдѣлался и до сихъ поръ остался однимъ изъ излюбленныхъ переселенческихъ Эльдорадо, главнымъ пріемникомъ переселенческаго движенія въ Сибирь. Какъ и вся вообще русская колонизація Сибири, заселеніе Алтайскаго округа пріостановилось-было въ началѣ XIX в., а можетъ быть и ранѣе того, такъ что населеніе округа, до сравнительно недавняго времени, состояло исключительно изъ старожиловъ. Наплывъ переселенцевъ не былъ значителенъ и первое время послѣ изданія разрѣшительнаго закона 1860 года,—за время до 1871 года въ округъ прибыло не болѣе 12.000 душъ. Затѣмъ однако переселеніе въ округъ быстро и безостановочно возрастаетъ: за пятилѣтія 1872—1876 и 1877—1881 гг. къ селеніямъ округа было причислено 4.300 и 9.700 душъ, а число непричисленныхъ новоселовъ къ 1883 году превысило 30.000. Затѣмъ, въ 1884—1889 гг. округъ ежегодно принималъ отъ 12 до 19 тысячъ, а всего за шестилѣтіе—96 тысячъ; съ 1890 по 1894 г.—ежегодно отъ 28 до 43 тысячъ, за пятилѣтіе—160 тысячъ; въ такомъ-же, приблизительно, темпѣ продолжалось переселеніе на Алтай до самаго послѣдняго времени—до Русско-Японской войны, пріостановившей, вообще, переселеніе въ Сибирь: за четырехлѣтіе 1895—1898 гг. въ округъ прошло 136 тыс., за пятилѣтіе 1899—1903 гг.—165 тыс. душъ обоего пола, и такимъ образомъ общее число переселенцевъ, водворившихся на Алтаѣ со времени изданія разрѣшительнаго закона по 1903 г., превышаетъ 650 тыс. душъ, составляя около трети современнаго населенія округа и значительно болѣе половины всего количества переселенцевъ, водворившихся за тотъ-же періодъ во всей вообще Сибири.

Въ совершенно иномъ, въ общемъ гораздо болѣе слабомъ, темпѣ шло и до сихъ поръ идетъ переселеніе на казенныя земли Томской

губернiи: здѣсь въ 50-хъ годахъ, въ эпоху графа Киселева, происходило массовое водвореніе переселенцевъ; затѣмъ, хотя и въ значительно меньшихъ размѣрахъ,—въ началѣ 60-хъ годовъ, сейчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ. Со второй половины 60-хъ гг. переселеніе на казенныя земли Томской губернiи совершенно пріостанавливается и возобновляется только въ началѣ 80-хъ годовъ: за время съ 1880 по 1887 г. во всемъ районѣ водворилось около 4 тыс., съ 1888 по 1893 годъ—уже 21.000 душъ; водвореніе происходило преимущественно въ Маріинскомъ уѣздѣ, принявшемъ за 14 лѣтъ до 16 тыс. переселенцевъ. Съ 1894 года водвореніе переселенцевъ въ разсматриваемомъ районѣ, какъ и въ Енисейской губернiи, значительно усиливается, и теперь, однако, далеко не достигая уровня движенія на Алтай: за десятилѣтіе 1894—1903 гг. на казенныя земли Томской губернiи переселилось 151.000 душъ, причемъ главная масса переселенцевъ этого періода направляется уже не въ Маріинскій, а въ Каинскій уѣздъ, гдѣ подъ заселеніе отведено сравнительно большое количество земель степного характера, наиболѣе привлекательныхъ для обычнаго типа переселенцевъ.

Наконецъ, въ Тобольской губернiи колонизація пяти сѣверныхъ уѣздовъ закончилась уже давно, и русское населеніе ихъ состоитъ исключительно изъ старожиловъ,—что и совершенно естественно, въ виду суровости климата и преобладанія лѣсныхъ пространствъ, трудныхъ для расчистки въ пашню; не лишена значенія, въ данномъ случаѣ, и отдаленность сѣвера Тобольской губернiи отъ главныхъ переселенческихъ путей. Во всѣхъ пяти южныхъ уѣздахъ въ 50-хъ гг. также происходило массовое водвореніе переселенцевъ; въ одномъ Ишимскомъ уѣздѣ въ это время возникло свыше 20 новыхъ селенiй, и значительныя партiи новосельцевъ приселились ко многимъ старожильскимъ селенiямъ. Довольно много новыхъ селенiй образовалось въ южныхъ пяти уѣздахъ и въ 60-хъ годахъ. Съ тѣхъ поръ переселеніе въ два изъ нихъ—Курганскій и Ялуторовскій—совершенно прекратилось; оба они, въ цѣломъ, уже настолько густо населены, что колонизація ихъ можетъ считаться совершенно законченною. Въ теченіе тридцати лѣтъ въ сторонѣ отъ массового переселенія оставался и Ишимскій уѣздъ; напротивъ, въ двухъ юго-восточныхъ уѣздахъ, Тарскомъ и Тюкалинскомъ, наплывъ переселенцевъ, возобновившись съ начала 80-хъ годовъ, съ тѣхъ поръ непрерывно усиливался: въ первой половинѣ 80-хъ годовъ возникло 8 новыхъ селенiй, съ 1886 по 1890 г.—28, въ слѣдующіе три года—41, и населеніе этихъ 77 поселковъ къ 1893 г. достигало 18 тыс. душъ. Начавшiяся въ 1893 г. систематическія землеотводныя работы вызвали, на нѣкоторое время, усиленный

наплывъ переселенцевъ и въ Тобольскую губернію, въ частности въ тѣ-же два уѣзда, Тарскій и Тюкалинскій, съ присоединеніемъ къ нимъ Ишимскаго: за пятилѣтіе 1894—1898 гг. въ Тобольскую губернію прошло почти 100 тыс. душъ. Но затѣмъ наплывъ переселенцевъ въ Тобольскую губернію столь же рѣзко сократился: степныя, очень сильно притягивавшія переселенцевъ земли Тюкалинскаго и Ишимскаго уѣздовъ болѣе или менѣе сплошь заселены, таёжныя земли Тарскаго уѣзда оказались мало привлекательными для переселенцевъ,—и въ конечномъ результатѣ наплывъ послѣднихъ въ Тобольскую губернію въ пятилѣтіе 1899—1903 гг. упалъ до 37.000 человѣкъ.

Столь разнообразное, въ различныхъ частяхъ Сибири, распредѣленіе населенія по этнографическому составу, а русскаго населенія—по времени водворенія и продолжительности проживанія въ странѣ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ характеру землевладѣнія и землепользованія. Если начать съ аборигеновъ края, инородцевъ, то въ основѣ ихъ землепользованія, слагавшагося, въ видѣ правила, еще до времени русскаго завоеванія, лежитъ, конечно, простой захватъ—занятіе и присвоеніе пусто-лежавшихъ земель. Но инородцы почти повсемѣстно предъявляютъ по отношенію къ занятымъ ими пространствамъ притязанія на право собственности; притязанія эти, весьма часто, распространяются на пространства, далеко превышающія дѣйствительныя потребности соотвѣтственныхъ группъ инородческаго населенія и въ болѣе или менѣе значительной части, иногда въ подавляющемъ большинствѣ, остающіяся либо вовсе безъ всякой эксплоатаціи, либо эксплоатируемыя инородцами путемъ сдачи въ аренду. Притязанія инородцевъ основываются на разнообразнѣйшихъ документахъ, данныхъ, частью, московскими царями, частью—первыми императорами, причемъ въ большинствѣ случаевъ документы эти либо совершенно утрачены, либо сохранились въ копіяхъ и выпискахъ, не имѣющихъ достовѣрно-документальнаго характера. По самому своему содержанію эти документы, въ подавляющемъ большинствѣ, не могутъ обосновать дѣйствительнаго права собственности—они обосновываютъ не болѣе, какъ право на оброчное пользованіе государственною землею, и потому правительство, опираясь на многочисленныя рѣшенія сената, совершенно, по моему убѣжденію, правильно не признаетъ за инородцами правъ собственности, а разсматриваетъ используемыя ими земли какъ земли государственныя, состоящія въ простомъ пользованіи инородцевъ; какъ таковыя, инородческія земли въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ подведены и подъ дѣйствіе законовъ о землеустройствѣ, на одинаковыхъ основаніяхъ

съ уже безспорно государственными землями, состоящими въ пользованіи старожиловъ-крестьянъ. Болѣе серьезный характеръ, если не по существу дѣла, то по формально-юридическимъ основаніямъ, имѣли лишь притязанія инородцевъ-бурятъ Забайкальской области; необходимость тщательнаго разбора этихъ притязаній и выясненія степени ихъ основательности была однимъ изъ главныхъ поводовъ для командированія въ Забайкалье особой комиссіи, подъ предсѣдательствомъ ст.-секр. А. Н. Куломзина, по иниціативѣ которой было произведено, между прочимъ, извѣстное сплошное статистическое изслѣдованіе области; послѣ многихъ перипетій, вопросъ разрѣшился въ томъ смыслѣ, что за бурятами Агинскаго и Хоринскаго вѣдомствъ было признано право собственности на владѣемыя ими земли, тогда какъ остальные забайкальскіе инородцы подведены подъ дѣйствіе общаго съ крестьянами области закона о землеустройствѣ, въ который введены лишь нѣкоторыя особыя правила, имѣвшія цѣлью открыть широкую возможность отвода инородцамъ-скотоводамъ болѣе обширныхъ надѣловъ, чѣмъ какіе отводятся крестьянскому, вообще земледѣльческому населенію. Однако, изданіемъ законовъ о поземельномъ устройствѣ въ четырехъ губерніяхъ и въ Забайкальѣ дѣло далеко не разрѣшилось: поземельно-устроительные отряды, болѣе или менѣе повсемѣстно, встрѣтились съ пассивнымъ, но рѣшительнымъ сопротивленіемъ инородцевъ, и поземельное устройство послѣднихъ, повидимому, до сихъ поръ нигдѣ не получило фактическаго осуществленія.

Другая крупная группа населенія Сибири—переселенцы-новоселы, устраивалась двоякимъ способомъ: переселенцы либо водворялись, по пріемнымъ приговорамъ, въ старожильскихъ селеніяхъ и становились полноправными участниками въ ихъ землепользованіи, либо образовывали особые поселки, которымъ отводились отдѣльные земельные надѣлы, или которые устраивались на заранѣе заготовленныхъ переселенческихъ участкахъ; отводъ земли переселенческимъ поселкамъ производился по 15 десятинной нормѣ, которая до 1885 года исчислялась на ревизскія, съ этого времени — на наличныя мужскія души. До середины 80-хъ годовъ наплывъ переселенцевъ въ Сибирь былъ незначителенъ, а правительство не отводило особыхъ участковъ для ихъ водворенія; съ другой стороны, старожилы, имѣя въ своемъ распоряженіи значительно больше земли, чѣмъ могли фактически использовать, и въ то же время нуждаясь въ дешевыхъ рабочихъ рукахъ, охотно и на самыхъ легкихъ условіяхъ принимали переселенцевъ, взимая за пріемный приговоръ не болѣе 2—3, рѣдко 5 рублей съ души, а часто довольствуясь не слишкомъ дорогимъ „угощеніемъ“, въ

видѣ четверти или полуведра вина. Переселенцы, поэтому, водворялись, болѣе или менѣе исключительно, въ селеніяхъ старожиловъ, и только въ Алтайскомъ округѣ въ довольно значительныхъ размѣрахъ шло и образованіе новыхъ поселковъ, которымъ кабинетскіе землемѣры отводили затѣмъ земельные надѣлы. По мѣрѣ усиленія наплыва переселенцевъ условія пріема въ старожильскія общества становились все болѣе тяжелыми—вкупная плата стала измѣряться десятками, а иногда и сотнями рублей, а многія общества, начинавшія испытывать „утѣсненіе“, и вовсе прекратили пріемъ переселенцевъ; десятки тысячъ послѣднихъ, въ особенности на Алтаѣ, не могли добиться пріема и жили въ старожильскихъ селеніяхъ, какъ совершенно безправный элементъ, подвергаясь всяческимъ притѣсненіямъ и являлясь предметомъ самой беззастѣнчивой эксплоатаціи. Когда, поэтому, было приступлено къ работамъ по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ, новоселы хлынули на эти участки, водвореніе переселенцевъ отдѣльными поселками стало обычнымъ порядкомъ вещей, а водвореніе ихъ, по приговорамъ, въ старожильскихъ селеніяхъ почти совершенно прекратилось. Съ 1898 года начались работы по поземельному устройству сибирскихъ старожиловъ, связанныя съ отрѣзкой излишнихъ сверхъ 15-десятинной нормы земель; старожилы многоземельныхъ обществъ опять стали, поэтому, охотно принимать переселенцевъ, совершенно основательно предпочитая подѣлиться съ ними землею, чѣмъ допустить ея отрѣзку при поземельномъ устройствѣ; а такъ какъ къ тому-же, примѣрно, времени въ коренной Сибири почти истощился запасъ хорошихъ и легко доступныхъ для разработки, въ частности не-таёжныхъ участковъ, то приселеніе новоселовъ къ старожильскимъ селеніямъ опять возобновились и—за одинъ только 1907 годъ этимъ способомъ устроилось до $8^1/_2$ тыс. семействъ—продолжается въ довольно значительныхъ размѣрахъ.

Въ основѣ землевладѣнія крестьянъ-старожиловъ, лежитъ или во всякомъ случаѣ лежало простое фактическое завладѣніе. Тѣ изъ предковъ нынѣшняго старожилаго населенія Сибири, которые шли въ Сибирь и разселялись по странѣ безъ вѣдома, а временами—и противъ желанія правительства, конечно не могли овладѣвать землею иначе, какъ путемъ простой заимки, оккупаціи. Когда переселеніе совершалось „по прибору“ или „по указу“, вообще по иниціативѣ правительства, послѣднее, за отсутствіемъ какой-либо межевой организаціи, въ видѣ правила тоже не отводило переселявшимся земли, а предоставляло имъ пользоваться „гдѣ топоръ, соха и коса ходятъ“; и даже въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, когда переселявшимся на пашню крестьянамъ отводились опредѣленные участки земли, границы

этихъ отводовъ, при окружавшемъ безпредѣльномъ просторѣ, скоро приходили въ забвеніе, и пользованіе въ опредѣленныхъ границахъ смѣнялось, опять таки, простою оккупаціей, ограниченной единственно рабочею силою и средствами каждаго отдѣльнаго селенія или домохозяина.

Такимъ образомъ простой захватъ, занимка, оккупація, были первоначальнымъ основаніемъ землевладѣнія или, вѣрнѣе, землепользованія старожилаго населенія Сибири, и до середины XIX столѣтія правительство не принимало никакихъ мѣръ къ его урегулированію. Съ этого времени начинаются работы такъ называемаго Сибирскаго межеванія, преслѣдовавшія одновременно и чисто топографическія, и землеустроительныя задачи: на обязанности межеванія лежала съемка, образованіе волостныхъ районовъ (работы, производившіяся и до учрежденія межеванія, но съ болѣе нежели сомнительными результатами, и потому оставшіяся безъ всякихъ практическихъ послѣдствій), отводъ надѣловъ наличному старожилому населенію, по разсчету 15 дес. на ревизскую душу, съ прибавкой 3 дес. на прирость населенія и 3-хъ дес. на приселеніе ссыльныхъ, и обращеніе остававшихся свободными, за такимъ надѣломъ, земель подъ заселеніе переселенцами; эта послѣдняя цѣль достигалась либо образованіемъ особыхъ переселенческихъ участковъ, либо, просто, приселеніемъ переселенцевъ, безъ пріемнаго приговора, въ старожильскія селенія, иногда—и водвореніемъ ихъ, особыми поселками, внутри неразмежеванныхъ старожильскихъ дачъ. Непосредственною практическою цѣлью межеванія было именно земельное устройство переселенцевъ, и потому его работы охватили исключительно наиболѣе многоземельныя и вмѣстѣ съ тѣмъ—лучшія въ колонизаціонномъ отношеніи части Сибири; въ другихъ мѣстностяхъ работы землеустроительнаго характера понемногу велись мѣстными, губернскими межевыми учрежденіями, огромныя же пространства, именно весь неземледѣльческій сѣверъ и значительная часть переходной полосы, остались и вовсе внѣ сферы этихъ работъ. Съ 1887 года всѣ работы по отводу надѣловъ были пріостановлены, такъ какъ въ это время начались подготовительныя работы къ изданію закона объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ населенія четырехъ сибирскихъ губерній, и правительство полагало, что продолжать землеустроительныя работы на старыхъ основаніяхъ значило бы предвосхищать направленіе будущаго поземельнаго устройства, а нерѣдко дѣлать послѣднее, фактически, и вовсе невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, безцѣльнымъ. Подъ натискомъ практической жизненной необходимости Правительство, однако, не сумѣло или не могло послѣдовательно

провести этотъ, по существу вполнѣ правильный, взглядъ: наплывъ переселенцевъ, усилившійся съ начала 80-хъ годовъ, требовалъ земли, землю эту было проще и цѣлесообразнѣе всего—собственно съ точки зрѣнія потребностей переселенческаго движенія!—взять въ тѣхъ же районахъ, гдѣ размѣстились старожильскія селенія; но для этого необходимо было такъ или иначе разобраться въ ихъ фактическомъ землепользованіи и отдѣлить послѣднее отъ земель единственнаго владѣнія казны. И вотъ, учрежденному въ 1885 году, собственно для отвода переселенческихъ участковъ, особому межевому отряду было предоставлено производить нѣчто вродѣ предварительнаго поземельнаго устройства: отводить старожильскимъ селеніямъ надѣльныя дачи, сначала по той-же ревизской нормѣ, съ начала 90-хъ годовъ—по расчету 15 дес. на наличную душу мужескаго пола, и обращать излишнія сверхъ нормы земли въ переселенческіе участки. И отрядъ, и затѣмъ учрежденныя, начиная съ 1893 года, также съ чисто переселенческими цѣлями, временныя партіи, дѣйствовали въ этомъ направленіи и послѣ имѣвшей мѣсто въ 1887 году пріостановки работъ собственно по отводу надѣловъ. Преслѣдуя—какъ я сказалъ—исключительно переселенческія цѣли, очень мало интересуясь устройствомъ старожиловъ, отрядъ и партіи, нерѣдко, мало церемонились съ послѣдними, и образованіе переселенческихъ участковъ сопровождалось, въ очень многихъ случаяхъ, не только совершенно закопнымъ, на мой взглядъ, стѣсненіемъ привычнаго старожиламъ земельнаго простора, но и изъятіемъ изъ ихъ пользованія лучшихъ и необходимыхъ имъ угодій, вообще нарушеніемъ ихъ насущнѣйшихъ земельныхъ нуждъ и интересовъ.

Такъ или иначе,—но въ моментъ упомянутаго прекращенія работъ по отводу надѣловъ землевладѣніе сибирскаго крестьянства представляло чрезвычайно пеструю картину: многія мѣстности,—какъ упомянуто—оставались вовсе не затронутыми ни сибирскимъ межеваніемъ, ни работами мѣстныхъ межевыхъ учрежденій, въ очень обширныхъ районахъ дѣло не пошло дальше простой съемки, иногда связанной, иногда не связанной съ образованіемъ волостныхъ районовъ; для другихъ были составлены, но не утверждены, проекты отвода надѣловъ; въ третьихъ надѣлы были и утверждены, но остались не отграниченными въ натурѣ; во многихъ мѣстностяхъ, наконецъ, было произведено и окончательное отграниченіе—слѣдовательно, завершился весь циклъ землеустроительныхъ дѣйствій, и землепользованіе населенія было введено въ соотвѣтствовавшія упомянутымъ нормамъ, сравнительно тѣсныя границы,—причемъ, надо еще добавить, въ однѣхъ волостныхъ дачахъ отводъ надѣловъ про-

изводился по отдѣльнымъ селеніямъ и, слѣдовательно, сопровождался раздѣломъ общихъ владѣній, въ другихъ такого раздѣла не производилось и надѣлы отводились на цѣлыя волости или вообще—на группы изъ нѣсколькихъ или многихъ селеній. Болѣе всего, въ частности, была обмежевана Тобольская губернія и въ особенности ея западные уѣзды, гдѣ надѣлы были отведены значительному большинству населенія. Въ Иркутской губерніи дѣло, по значительному числу волостей, также дошло до утвержденія надѣловъ, —но бо́льшая часть межевыхъ документовъ сгорѣла въ 1879 году, при пожарѣ, уничтожившемъ Иркутскъ, такъ что и утвержденные проекты, за немногими исключеніями, остались безъ исполненія. Въ губерніяхъ Енисейской и Томской дѣло, опять-таки за немногими исключеніями, не пошло дальше съемки и формированія волостныхъ районовъ,—и такимъ образомъ изъ всѣхъ четырехъ губерній только въ одной Тобольской дѣятельность межевыхъ учрежденій имѣла опредѣленные практическіе результаты и повела къ дѣйствительному, мѣстами весьма существенному стѣсненію землепользованія старожилаго населенія. Въ остальныхъ трехъ губерніяхъ, въ частности въ Томской и Енисейской, такое стѣсненіе тоже имѣло мѣсто, но значительно позднѣе и, въ общемъ, въ далеко меньшей степени, какъ результатъ упомянутыхъ выше работъ по образованію переселенческихъ участковъ.

Къ окончательному поземельному устройству старожилаго населенія Сибири приступлено лишь въ 1898 году, на основаніи закона 23 мая 1896 года и дополнительныхъ правилъ 4 іюня 1898 года, дѣйствіе которыхъ распространялось на три губерніи коренной Сибири въ полномъ составѣ и на районъ казенныхъ земель Томской губерніи; нѣсколько позднѣе, въ 1899 и 1901 годахъ, были изданы особые законы о поземельномъ устройствѣ въ Алтайскомъ округѣ и въ Забайкальѣ; въ существенныхъ своихъ основахъ они построены на тѣхъ же принципахъ, какъ законъ 23 мая 1896 года и правила 4 іюня 1898 года, но отличаются отъ нихъ—особенно забайкальскій законъ—нѣкоторыми постановленіями, имѣвшими цѣлью придать поземельному устройству бо́льшую гибкость и въ частности—открыть болѣе широкую возможность отвода надѣловъ въ повышенномъ размѣрѣ, гдѣ это требуется условіями крестьянскаго и въ особенности инородческаго землепользованія и хозяйства. Въ основу поземельнаго устройства, по всѣмъ перечисленнымъ законамъ, положенъ принципъ сохраненія существующаго пользованія, комбинированный съ нормировкой по расчету 15 дес. удобной земли на наличную душу мужескаго пола. Гдѣ населенію были ранѣе отведены надѣлы, они остаются неприкосновенными, при недостаточности же ихъ допускается дорѣзка

до 15 дес. на наличную душу; гдѣ пользованіе носитъ чисто фактическій характеръ, тамъ населеніе сохраняетъ важнѣйшія разработанныя и эксплоатируемыя имъ угодья—пашни, сѣнокосы и т. п., съ необходимыми для округленія некультурными землями; если фактическое землепользованіе, по расчету на душу, превышаетъ норму, населенію предоставляется на выборъ: либо отказаться отъ излишка, который въ такомъ случаѣ отмежевывается и поступаетъ въ распоряженіе казны, либо сохранить излишекъ въ своемъ надѣлѣ, но съ обязательствомъ допринять переселенцевъ въ числѣ, соотвѣтствующемъ размѣрамъ оставляемаго населеніемъ за собой излишка; при недостаточности, по мѣстнымъ условіямъ, 15-десятинной нормы допускается включеніе въ надѣлъ всего излишка или его части безъ обязательства приселенія,—иначе сказать, допускается отводъ надѣловъ въ повышенномъ сверхъ нормы размѣрѣ, причемъ соотвѣтственныя постановленія—какъ упомянуто, и по существу, и въ формальномъ отношеніи, редактированы сравнительно узко въ общемъ сибирскомъ поземельноустроительномъ законѣ, значительно шире—въ алтайскомъ и въ особенности въ забайкальскомъ. Кромѣ земельныхъ надѣловъ населенію, при возможности, отводятся лѣсные, въ размѣрѣ до 3 дес. на наличную мужскую душу. Какъ эти послѣдніе, такъ и земельные надѣлы—въ этомъ принципіальное отличіе сибирскихъ законовъ о землеустройствѣ отъ положеній о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ Европейской Россіи,—отводятся населенію не въ собственность, а въ постоянное пользованіе, съ обложеніемъ не подлежащею выкупу государственною оброчною податью; за государствомъ сохраняется при этомъ не только отвлеченное верховное право собственности на надѣльныя земли, но и право распоряженія ихъ нѣдрами, по отношенію же къ лѣснымъ надѣламъ за нимъ остается надзоръ за пользованіемъ лѣсомъ, которое подчиняется правиламъ, долженствующимъ предотвратить его хищническое истребленіе. Что̀ касается до имѣющей также немаловажное значеніе процессуальной стороны дѣла, то исполнителями послѣдняго являются особые поземельно-устроительные отряды министерства—нынѣ главнаго управленія земледѣлія; составляемые ими проекты отвода надѣловъ, предъявленные населенію и, по возможности, согласованные съ его указаніями и пожеланіями, утверждаются особыми поземельно-устроительными комиссіями изъ чиновъ отряда и другихъ уѣздныхъ чиновниковъ; жалобы на постановленія коммисій, а также возникшія въ средѣ послѣднихъ существенныя разногласія разрѣшаются губернскимъ присутствіемъ, и только въ кассаціонномъ порядкѣ, при нарушеніи закона по существу или уклоненіи отъ уста-

новленныхъ процессуальныхъ правилъ, можетъ послѣдовать вмѣшательство въ дѣло правительствующаго сената.

Какъ я упоминалъ работы по поземельному устройству начались въ 1898 году. Въ настоящее время, по отчетнымъ даннымъ на 1 января 1906 года, этими работами охвачено, изъ 29 уѣздовъ, принадлежащихъ къ району государственныхъ земель четырехъ губерній и Забайкальской области, 11 уѣздовъ, да сверхъ того поземельноустроительныя работы ведутся въ трехъ изъ пяти уѣздовъ, входящихъ въ составъ Алтайскаго округа. О положеніи работъ въ предѣлахъ этого послѣдняго я не располагаю цифровыми данными. Что касается до района государственныхъ или казенныхъ земель, то общая площадь окончательно запроектированныхъ, по завершеніи всего сложнаго цикла подготовительныхъ геодезическихъ операцій и дѣйствій поземельно-устроительнаго характера, земельныхъ надѣловъ достигала къ тому же 1-му января 1906 года 5.611.000 дес., въ томъ числѣ 4.542.000 дес. удобной и 1.069 тыс. дес. неудобной земли, къ которымъ надо присоединить 438 тыс. дес. лѣсныхъ надѣловъ; общее число селеній, для которыхъ были запроектированы надѣлы — 1.439, съ 352.600 наличными душами мужескаго пола, что̀ приблизительно равносильно 700 тыс. душъ обоего пола или около 120.000 дворовъ. Изъ указаннаго общаго количества 402 земельныхъ надѣла, съ2.016 т. десятинъ, и 225 лѣсныхъ, съ 134 тыс. десятинъ, не только утверждены, но и окончательно отграничены въ формально-межевомъ порядкѣ, 205 земельныхъ, общею площадью 831 тыс. дес., и 193 лѣсныхъ съ 101 тыс. дес. утверждены, но еще не ограничены, и 359 земельныхъ надѣловъ, общею площадью 1.569 тыс. дес., и 149 лѣсныхъ, съ 98 тыс. дес., хотя и проведены черезъ поземельно-устроительныя комиссіи, но по тѣмъ или другимъ поводамъ еще получили окончательнаго утвержденія.

Впрочемъ, положеніе поземельно-устроительнаго дѣла весьма различно по губерніямъ и тѣмъ болѣе по уѣздамъ—если даже оставить въ сторонѣ тѣ 18 уѣздовъ, въ которыхъ работы эти пока еще вовсе не начинались. Если остановиться на цифрахъ окончательно запроектированныхъ земельныхъ надѣловъ, то мы увидимъ, что ровно треть этихъ послѣднихъ приходится на Тобольскую губернію: здѣсь запроектировано 1838 тыс. дес., для 184 тыс. душъ мужескаго пола,—причемъ, напримѣръ, по Ишимскому уѣзду общая площадь запроектированныхъ надѣловъ достигаетъ 1.292 тыс. дес., или почти половины общей площади уѣзда. Въ Томской губерніи запроектировано 939 тыс. дес., на 50 тыс. душъ, въ Енисейской 1.275 тыс. дес., на 80 тыс. душъ. Результаты поземельно-устрои-

тельныхъ работъ по Иркутской губерніи и Забайкальской области совершенно ничтожны: въ первой запроектированы земельные надѣлы для 30 тыс. душъ, общею площадью 400 тыс. дес., во второй 159 тыс. дес., на 7,5 тыс. душъ. До окончательнаго отграниченія дѣло въ Забайкальской области — опять таки къ указанному выше моменту — совершенно еще не доходило; по четыремъ губерніямъ было окончательно отграничено: въ Иркутской 163.000, въ Енисейской 594, въ Томской 247, и въ Тобольской 1.012 тыс. десятинъ.

При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, нѣтъ возможности привести сколько-нибудь полныхъ и точныхъ, притомъ соотвѣтствующихъ современной дѣйствительности данныхъ о размѣрахъ землевладѣнія и о степени земельной обезпеченности крестьянскаго и инородческаго населенія Сибири. Болѣе или менѣе свѣжимъ матеріаломъ мы располагаемъ только по Забайкальской области, гдѣ мѣстное изслѣдованіе было произведено сравнительно недавно—въ 1897 году, гдѣ притомъ не производилось нарѣзки переселенческихъ участковъ, а сравнительно поздно начавшееся поземельное устройство не успѣло внести крупныхъ измѣненій въ землепользованіе населенія. Для четырехъ сибирскихъ губерній мы располагаемъ только цифрами, собранными въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ; между тѣмъ, съ этого времени крестьянское землевладѣніе во всѣхъ этихъ губерніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ трехъ изъ нихъ, значительно сократилось подъ вліяніемъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ, которыя—какъ видно изъ сказаннаго выше—велись, въ значительной мѣрѣ, за счетъ земель, ранѣе состоявшихъ въ пользованіи населенія; не мало измѣненій должны были внести и работы окончательнаго поземельнаго устройства, при чемъ въ многоземельныхъ районахъ эти измѣненія происходили въ направленіи сокращенія, въ малоземельныхъ—въ направленіи нѣкотораго расширенія пользованія населенія.

Точными данными о размѣрахъ землепользованія сибирскаго населенія мы — повторяю — не располагаемъ. Имѣющіяся цифры, при всей ихъ неточности и устарѣлости, даютъ, однако, достаточно ясное представленіе о той сторонѣ дѣла, которую мнѣ хотѣлось бы особенно подчеркнуть—о крайней пестротѣ размѣровъ земельнаго обезпеченія этого населенія. Сравнительно меньшую пестроту представляетъ, конечно, землепользованіе переселенцевъ-новоселовъ, водворенныхъ на отдѣльныхъ участкахъ: надѣленіе ихъ происходило—мы видѣли — по однообразной, 15-десятинной нормѣ, и разница въ размѣрахъ естественнаго прироста не могла, за сравнительно непродолжительный періодъ, вызвать слишкомъ рѣзкой количествен-

ной неравномѣрности. Изъ остальныхъ трехъ группъ бѣднѣе другихъ землею крестьяне, значительно лучше обезпечены землею казаки, самая богатая землею группа—конечно инородцы. Въ погубернскихъ и пообластныхъ цифрахъ, какими мы располагаемъ для двухъ средне-сибирскихъ губерній и Забайкалья, въ среднемъ на приписную душу приходится:

губерніи и разряды населенія.		Въ среднемъ по губерніи или области.	Поволостныя среднія. Высшая.	Низшая.
		Удобныхъ десятинъ.		
Забайкальская	крестьяне .	16,6	?	?
	казаки .	40,9	?	?
	инородцы .	57,4	94,1	9,3
Иркутская	крестьяне .	23,8	54,9	12,2
	инородцы .	37,7	128,3	10,8
Енисейская	крестьяне .	29,0	46,3	11,1
	инородцы .	40,0	?	?

Эти цифры свидѣтельствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о крайне рѣзко выраженной неравномѣрности земельнаго обезпеченія и каждой внутри изъ трехъ названныхъ группъ населенія Сибири. Еще яснѣе проявляется эта неравномѣрность въ поуѣздныхъ цифрахъ, относящихся собственно къ крестьянскому населенію, какими мы располагаемъ для всѣхъ четырехъ губерній и для Забайкальской области. Изъ этихъ цифръ оказывается, что средняя, въ поуѣздныхъ цифрахъ, земельная обезпеченность крестьянъ колеблется въ Тобольской губерніи между 13—16 (Курганскій, Тюменскій, Ялуторовскій уу.) и 35 десятинами (Тюкалинскій уѣздъ); въ Томской—между 30 (Томскій) и 51 десятиной (Каинскій уѣздъ); въ Енисейской—между 25 (Красноярскій) и 40 (Ачинскій уѣздъ); въ трехъ уѣздахъ Иркутской губерніи средняя земельная обезпеченность крестьянъ не превышаетъ 19—20 дес., въ четвертомъ (Нижнеудинскомъ) поднимается до 38 дес.; менѣе рѣзки колебанія по Забайкальской области, гдѣ земельное обезпеченіе крестьянъ, притомъ, выражается въ наиболѣе низкихъ цифрахъ: по тремъ изъ четырехъ уѣздовъ съ крестьянскимъ населеніемъ—отъ 13,5 до 19 дес., по четвертому (Читинскому)—22 дес. на приписную душу. Еще гораздо рѣзче, въ особенности въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, колебанія поволостныхъ цифръ: если въ однихъ уѣздахъ максимумъ превышаетъ минимумъ всего вдвое или менѣе чѣмъ вдвое, (Курганскій—10 и 20 дес., Тюменскій—9 и 22, Красноярскій—17 и 28, Верхоленскій—17 и 27 дес. и т. д.), то въ другихъ максимумъ пре-

вышастъ минимумъ въ пять (Ишимскій уѣздъ—15 и 74 дес., Ачинскій—11 и 61), десять (Канскій—11 и 88, Тобольскій—8 и 99) и даже пятнадцать (Тарскій—11 и 160, Туринскій—9 и 136 дес.) разъ.

Было бы очень интересно привести данныя о распредѣленіи крестьянскихъ земель по угодьямъ, — мы не можемъ, однако, сдѣлать этого, за отсутствіемъ соотвѣтственнаго фактическаго матеріала; тѣмъ менѣе мы имѣемъ возможности выяснить на цифрахъ вопросъ о качественномъ, такъ сказать, распредѣленіи земель, состоящихъ въ пользованіи населенія. Однако, и не располагая цифровыми данными, мы можемъ констатировать, что относительное богатство населенія культурными угодьями и непосредственно пригодными для разработки землями далеко не пропорціонально общимъ площадямъ землепользованія, выраженнымъ въ цифрахъ удобныхъ десятинъ; отнюдь не пропорціональны эти цифры и распредѣленію земель по качеству, въ частности—по почвеннымъ условіямъ. Мало того—сопоставленіе данныхъ объ общей площади удобныхъ земель со свѣдѣніями о степени обезпеченности населенія культурными угодьями позволяетъ установить, во многихъ случаяхъ, нѣчто въ родѣ *обратной* зависимости между этими величинами, а равно—между количествомъ удобной земли и качествомъ угодій. Въ Тобольской губерніи такіе уѣзды, какъ Ялуторовскій, Курганскій, Ишимскій, стоящіе на послѣднихъ мѣстахъ по цифрамъ удобной земли, являются наиболѣе обезпеченными пашней и наилучшими по почвеннымъ условіямъ, и наоборотъ—Тобольскій уѣздъ или сѣверная часть Туринскаго, гдѣ населеніе располагаетъ гораздо бо́льшимъ количествомъ удобныхъ земель, занимаютъ послѣднія мѣста и по количеству пашни, и по ея достоинству; во многихъ уѣздахъ волости съ огромными общими цифрами удобной земли весьма слабо обезпечены культурными угодьями и занимаютъ послѣднія или близкія къ послѣднимъ мѣста по качеству послѣднихъ. И такая обратная зависимость вполнѣ понятна: размѣщеніе населенія по территоріи Сибири, какъ и всякой другой страны съ преобладаніемъ земледѣлія, зависѣло главнымъ образомъ отъ степени пригодности отдѣльныхъ ея мѣстностей для земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства; населеніе гуще садилось тамъ, гдѣ находило сплошныя пространства земель, непосредственно пригодныхъ для распашки и сѣнокошенія, гдѣ находило при томъ хорошую почву и сравнительно благопріятныя климатическія условія—а потому въ *такихъ* мѣстностяхъ плотность населенія, функціей которой является общая, по расчету на душу, площадь удобной земли, естественно оказывается наибольшею. Напротивъ, тамъ, гдѣ

количество непосредственно-готовыхъ для распашки земель ничтожно, гдѣ почва плоха, климатическія условія неблагопріятны, а преобладаютъ малоудобныя для культуры земли, напримѣръ солонцеватыя степи или высокоствольные первобытные лѣса, населеніе садилось весьма рѣдко, и подушныя цифры удобной земли, стоящія въ обратномъ отношеніи въ плотности населенія, весьма высоки.

Сказанное нисколько не мѣшаетъ намъ, однако, констатировать крайнюю неравномѣрность земельнаго обезпеченія какъ всего вообще, такъ и въ частности крестьянскаго населенія Сибири. И если имѣть въ виду, что хозяйство въ Сибири имѣетъ, въ общемъ и цѣломъ, очень экстенсивный характеръ, то эти цифры лишній разъ подтверждаютъ уже неоднократно высказывавшееся мною на предыдущихъ страницахъ положеніе—что въ Сибири не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо одномъ земельномъ или аграрномъ вопросѣ: вопросъ этотъ не только иначе ставится для крестьянъ-старожиловъ, для инородцевъ и для переселенцевъ, въ виду коренныхъ различій въ основаніяхъ ихъ землевладѣнія и землепользованія; онъ очень разнообразно ставится и внутри каждой изъ этихъ группъ, ибо въ каждой изъ нихъ, наряду съ весьма изобильно и даже избыточно обезпеченными землею элементами, есть не мало и такихъ, которые, при мѣстныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, приходится признать испытывающими рѣзкое малоземелье.

Обычный, средній типъ земельныхъ отношеній въ Сибири—это, однако, широкій просторъ, изобиліе земли,—и этотъ частью еще существующій, частью еще недавно отошедшій или отходящій въ область преданій, просторъ наложилъ свой отпечатокъ на хозяйство сидящаго на землѣ населенія Сибири. При томъ „чрезвычайномъ обиліи дарами природы,“ какое нашли ея первые насельники, хозяйство ихъ неизбѣжно должно было принять „хищническій, чуждый разумной предусмотрительности характеръ“; еще сравнительно недавно, „при полномъ земельномъ просторѣ и обиліи не расхищенныхъ еще естественныхъ богатствъ, такое хозяйство давало извѣстный матеріальный достатокъ, и не было нужды ни въ какихъ усовершенствованіяхъ и улучшеніяхъ“. Въ литературѣ вопроса нерѣдко высказывался взглядъ, что этотъ крайне экстенсивный, хищническій характеръ сибирскаго хозяйства—результатъ какихъ-то особыхъ, специфическихъ свойствъ старожилаго населенія Сибири; сибирскій крестьянинъ-старожилъ, будто бы,—по самой своей природѣ простой пѣнкосниматель, умѣющій лишь расточать природныя богатства края, но совершенно неспособный ни къ упорному, интенсивному труду, характеризующему переселенца-выходца изъ Европейской Россіи, ни къ правильному хозяйственному расчету, ни къ хозяй-

ственному и въ частности—агрикультурному прогрессу; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ старожила-сибиряка рѣзко противуполагаютъ переселенцу, въ которомъ видятъ носителя діаметрально-противуположныхъ началъ и на котораго, поэтому, возлагаютъ всѣ надежды, въ смыслѣ культурнаго и хозяйственнаго подъема Сибири. Взглядъ этотъ, однако, не имѣетъ за себя фактическаго основанія. Если хозяйство въ Сибири носитъ экстенсивный, даже хищническій характеръ, то это — результатъ не какихъ-то специфическихъ свойствъ сибирскаго крестьянина-старожила, а всей совокупности условій, въ которыя было поставлено, а частью и до сихъ поръ поставлено, сибирское крестьянское хозяйство, и въ частности—многоземелья, широкаго простора: „при полномъ земельномъ просторѣ и обиліи естественныхъ богатствъ“, дѣйствительно, „не было нужды ни въ какихъ усовершенствованіяхъ и улучшеніяхъ“; имѣвшіяся въ изобиліи естественныя богатства и производительныя силы земли не цѣнились никѣмъ и, именно въ силу своего изобилія, расточались „безъ разумной предусмотрительности“, въ расчетѣ на наличность еще непочатыхъ производительныхъ силъ и естественныхъ богатствъ. И такая обстановка, какъ она опредѣлила основной характеръ хозяйства сибирскихъ старожиловъ, такъ опредѣляетъ и характеръ хозяйства водворяющихся въ Сибири переселенцевъ-новоселовъ. Среди послѣднихъ, несомнѣнно, есть отдѣльные элементы, хозяйство которыхъ представляетъ существенныя, по сравненію съ обычнымъ сибирскимъ хозяйствомъ, особенности,—таковы, напримѣръ, эстонцы, латыши, витебскіе бѣлоруссы, нѣкоторые вятскіе переселенцы и т. д. Но массовый, заурядный переселенецъ, хотя вначалѣ презрительно отзывается о хозяйствѣ „сибиряка“ и мечтаетъ завести свои, „россійскіе“ порядки, въ концѣ концовъ оказывается такимъ-же хищникомъ: онъ такъ-же, если не болѣе, безразсудно губитъ лѣса, онъ всецѣло усваиваетъ сибирскіе пріемы земледѣлія и только въ мелочахъ, иногда, остается вѣренъ старымъ „россійскимъ“ привычкамъ. И это понятно: заурядный переселецъ въ культурномъ отношеніи не выше сибирскаго старожила и далеко уступаетъ ему въ отношеніи знакомства съ мѣстными условіями; „россійскіе“ пріемы, по большей части, не соотвѣтствуютъ сибирской почвѣ, климату и экономическимъ условіямъ; при своемъ низкомъ культурномъ развитіи, при полномъ при томъ отсутствіи государственной или общественной агрономической организаціи, переселенецъ не можетъ самостоятельно выработать болѣе раціональныхъ пріемовъ, а потому онъ вынужденъ перенимать хозяйственные пріемы старожиловъ, основанные на вѣковомъ опытѣ и худо-ли, хорошо-ли согласованные

съ мѣстными естественными условіями и если не съ современными условіями аграрнаго и экономическаго характера, то во всякомъ случаѣ—съ условіями недавняго прошлаго. А разъ это такъ, то заурядный переселенецъ не только не имѣетъ преимуществъ передъ старожиломъ-сибирякомъ,—наоборотъ, онъ во многихъ отношеніяхъ уступаетъ этому послѣднему: перенимая отъ него, въ существенныхъ чертахъ, его хозяйственные пріемы, онъ не можетъ сразу перепять того близкаго знакомства съ мѣстными условіями, которое пріобрѣтается если не вѣками, то во всякомъ случаѣ десятилѣтіями непосредственнаго опыта; онъ не располагаетъ и вѣками выработанною его привычкою бороться съ суровою природою и съ тѣми препятствіями, которыя послѣдняя ставитъ сельскому хозяйству,—въ видѣ правила онъ располагаетъ, наконецъ, и меньшими матеріальными средствами, которыя, конечно, тоже являются однимъ изъ существенныхъ условій успѣшнаго веденія хозяйства.

Итакъ, экстенсивное, даже хищническое хозяйство, какое ведется въ Сибири и старожилами, и инородцами, и переселенцами-новоселами, является если не необходимымъ, то естественнымъ слѣдствіемъ того земельнаго простора, на которомъ воспитывалось сибирское населеніе. Въ значительной части Сибири, однако, „позднѣйшія поколѣнія унаслѣдовали систему хозяйничанья своихъ предковъ, но не унаслѣдовали уже прежняго земельнаго простора, сократившагося съ увеличеніемъ населенія“... 15-десятинный, на наличную мужскую душу, надѣлъ, а тѣмъ болѣе 10, 8 или 6 десятинъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ частяхъ Тобольской и Иркутской губерній и Забайкалья,—это уже ощутительное „утѣсненіе“; это даже очень острое малоземелье по сравненію съ тѣмъ, дѣйствительно, безпредѣльнымъ просторомъ, при которомъ складывалось типичное сибирское земледѣльческо-скотоводческое хозяйство и при которомъ оно являлось раціональнымъ. Если, въ частности, остановиться на земледѣліи, то типичною для Сибири, или точнѣе—для полосы экстенсивнаго земледѣлія, формою хозяйства является залежное хозяйство въ такъ называемой залежно-паровой разновидности: на поднятой цѣлинѣ посѣвы чередуются съ паромъ, а послѣ ряда посѣвовъ пашня на нѣсколько времени запускается въ залежь, послѣ чего вновь распахивается и засѣвается хлѣбами, въ перемежку съ паромъ. При широкомъ земельномъ просторѣ система эта даетъ вполнѣ благопріятные результаты: пока общее количество пригодной для распашки земли во много разъ превышаетъ то, что̀ населенію посильно распахать, пашни не доводятся до замѣтнаго истощенія, — ихъ бросаютъ послѣ очень небольшого числа посѣвовъ, забрасываютъ при томъ на очень продолжительное

время, такъ что почва успѣваетъ вполнѣ возстановить свои производительныя силы; по мѣрѣ сокращенія простора, разъ поднятая пашня засѣвается въ теченіе все болѣе и болѣе продолжительнаго времени, значитъ доводится до все болѣе полнаго истощенія, а періоды отдыха становятся все короче и короче, слѣдовательно истощенная многочисленными посѣвами пашня получаетъ все меньше возможности возстановить, путемъ отдыха, свои производительныя силы. Въ концѣ концовъ, постепенное удлиненіе періодовъ обработки и сокращеніе періодовъ отдыха приводитъ къ тому, что залежно-паровая система переходитъ въ беззалежное паровое хозяйство.

Правда, по мѣрѣ уменьшенія значенія залежи возрастаетъ значеніе пара: чѣмъ дольше становятся періоды обработки и чѣмъ короче залежь, тѣмъ чаще земля оставляется подъ паръ, и съ совершеннымъ исчезновеніемъ залежей, чаще всего, установляется двухпольное чередованіе: за каждымъ, озимымъ или яровымъ, посѣвомъ обязательно слѣдуетъ годъ пара. Но такъ какъ паръ, самъ по себѣ, не можетъ предотвратить дальнѣйшаго истощенія почвы и пониженія ея урожайности, то параллельно съ этимъ появляются попытки навознаго удобренія, которыя, постепенно учащаясь, входятъ въ общее употребленіе и постепенно приводятъ, такъ сказать, къ обратной перестройкѣ сѣвооборотовъ: послѣдніе, постепенно, возвращаются къ трехпольному типу, и переходный процессъ увѣнчивается установленіемъ обязательнаго трехполья, съ распредѣленіемъ общественныхъ полей на смѣны и толокою парового поля. Такой переходъ къ трехполью съ навознымъ удобреніемъ пока имѣлъ мѣсто, однако, лишь за предѣлами той области, которой мы присвоили названіе полосы экстенсивнаго земледѣлія, въ непосредственно-прилегающей къ ней съ сѣвера неширокой переходной полосѣ, во многихъ мѣстностяхъ которой навозное трехполье, какъ уже упоминалось выше, даетъ прекрасные результаты, обезпечивая населенію высокіе и главное—постоянные урожаи. Въ предѣлахъ полосы экстенсивнаго земледѣлія унаваживаніе не пошло дальше отдѣльныхъ, и то далеко не повсемѣстныхъ, попытокъ,—такъ что типичными для этой полосы являются гдѣ—еще вполнѣ цвѣтущее, гдѣ—вымирающее залежно-паровое хозяйство, гдѣ—явившееся къ нему на смѣну беззалежное двухполье. О продолжающемся или по крайней мѣрѣ еще недавно продолжавшемся процвѣтаніи залежно-пароваго хозяйства можно говорить, напримѣръ, въ Енисейской губерніи: по даннымъ, сведеннымъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ начала 90-хъ годовъ, средняя урожайность за три послѣдовательныхъ десятилѣтія, обнимающихъ, въ

сложности, періодъ съ 1860 по 1890 г., выражалась для озимой ржи въ самъ 6,2, 6,0 и 5,8, для яровыхъ—самъ 4,4, 4,1 и 3,8. Общее пониженіе урожайности, такимъ образомъ, наблюдается и здѣсь,—но пониженіе это, пока, идетъ, или точнѣе — до времени изслѣдованія шло, чрезвычайно медленнымъ темпомъ и не могло оказать существеннаго, реальнаго вліянія на хозяйственное положеніе населенія; въ лучшемъ же уѣздѣ губерніи, Минусинскомъ, и вовсе не обнаружилось никакого пониженія; напротивъ—средніе урожаи за 80 годы были даже нѣсколько выше, чѣмъ за предшествовавшее десятилѣтіе. Ясно, значитъ, что существовавшій въ Енисейской губерніи земельный просторъ допускалъ еще веденіе залежнаго хозяйства безъ замѣтнаго, по Минусинскому уѣзду—и безъ всякаго общаго пониженія урожайности. Для западно-сибирскихъ губерній мы не располагаемъ аналогичнымъ цифровымъ матеріаломъ; но описательныя данныя позволяютъ заключить, что и въ Томской губерніи, въ особенности же въ Тобольской, общее пониженіе урожайности обозначается гораздо болѣе рѣзко, свидѣтельствуя о несомнѣнно уже надвинувшемся кризисѣ залежнаго хозяйства. На ряду съ непосредственнымъ истощеніемъ почвы, серьезное вліяніе оказываетъ въ данномъ случаѣ обезлѣсеніе края, въ частности—истребленіе лѣсовъ въ той лѣсисто-степной полосѣ, гдѣ сосредоточивается главная масса населенія западной Сибири: послѣдствіемъ его являются все учащающіяся засухи, сопровождаемыя, нерѣдко, нашествіями кобылки, и въ результатѣ — все болѣе частые плохіе урожаи или полные неурожаи. Ариѳметически-средняя урожайность, въ большей части западной Сибири, и теперь не падаетъ ниже 70, 60, мало гдѣ 50 пудовъ съ казенной десятины,—цифры, которыя могутъ показаться вполнѣ удовлетворительными, а по сравненію съ черноземною полосой Европейской Россіи даже и блестящими. Но бѣда въ томъ, что эти цифры имѣютъ, именно, лишь ариѳметическое значеніе,—что удовлетворительные и хорошіе урожаи, благотворное вліяніе которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, въ значительной мѣрѣ парализуется условіями сбыта продуктовъ, слишкомъ часто смѣняются плохими урожаями и полными неурожаями, пагубное вліяніе которыхъ до послѣдней степени обостряется тѣми-же условіями хлѣбнаго рынка, слишкомъ легко превращающими неурожайный годъ въ голодный. Болѣе или менѣе полные неурожаи, сопровождаемые голодовками, имѣли мѣсто въ западно-сибирской степи въ 1870, 1883, 1891—1892, 1898, 1901—2 годахъ, а болѣе или менѣе плохіе урожаи, нерѣдко, слѣдуютъ одинъ за другимъ по три и по четыре года подрядъ; за послѣднюю четверть вѣка

три, четыре, а то и пять лѣтъ изъ каждаго десятилѣтія приходится на долю плохихъ урожаевъ и полныхъ неурожаевъ.

Я упомянулъ, только что, объ условіяхъ сбыта продуктовъ сибирскаго крестьянскаго хозяйства. Условія эти, предопредѣлясь характеромъ путей сообщенія страны, очень своеобразны и, въ общемъ, неблагопріятны. До самаго послѣдняго времени всѣ перевозки изъ Сибири и въ предѣлахъ послѣдней совершались по гужевымъ дорогамъ; только западная Сибирь, въ частности—хлѣбородные районы Томской губерніи, тяготѣющіе къ Оби и къ ея судоходнымъ притокамъ, были связаны съ Европейскою Россіею, черезъ Тюмень, пароходнымъ сообщеніемъ и желѣзною дорогой, а потому хлѣбъ изъ этихъ мѣстностей имѣлъ довольно значительный сбытъ въ районѣ Уральскихъ горныхъ заводовъ. Помимо разныхъ неудобствъ, вытекавшихъ изъ полной необорудованности этого воднаго пути и имѣвшихъ слѣдствіемъ постоянныя залежи и порчу хлѣба,—этотъ путь оказывалъ, такимъ образомъ, вліяніе лишь на сравнительно небольшую часть земледѣльческой полосы Сибири. По гужевымъ дорогамъ вывозъ хлѣба за предѣлы послѣдней былъ, конечно, невозможенъ, а потому сбытъ хлѣба, имѣлъ въ общемъ, исключительно мѣстный характеръ; мѣстный, при томъ, не только для всей вообще Сибири, но и для каждаго отдѣльнаго ея района: при исключительно гужевомъ транспортѣ, такой дешевый продуктъ, какъ хлѣбъ, не могъ выдержать перевозки изъ одной губерніи въ другую, а нерѣдко и изъ одного уѣзда въ другой, сосѣдній; слѣдовательно, долженъ былъ продаваться, во что бы то ни стало, на мѣстѣ,—на мѣстѣ же его нужно было и пріобрѣтать, въ случаѣ недостатка въ немъ. При хорошемъ урожаѣ хлѣбные излишки загромождали мѣстный рынокъ и должны были продаваться за безцѣнокъ; наоборотъ, при неурожаѣ населенію пострадавшихъ районовъ неоткуда было взять хлѣба, и именно поэтому всякій неурожай такъ легко переходилъ въ голодовку, а цѣны, при неурожаѣ, поднимались до совершенно непормальныхъ размѣровъ. Съ особенною рѣзкостью изложенныя условія проявлялись въ западно-сибирской степи, гдѣ сравнительная густота земледѣльческаго населенія обусловливала, при хорошихъ урожаяхъ, особенно значительные хлѣбные избытки, а климатическія условія имѣли слѣдствіемъ особенно частые неурожаи: при средней цѣнѣ на рожь, примѣрно, въ 20-25 коп., пшеницы — въ 30-40 копѣекъ за пудъ, цѣна ржи, при хорошихъ урожаяхъ, нерѣдко падала до 10, 8, даже 6 коп., цѣна пшеницы—до 15-20, иногда и до 12 коп., въ неурожайные же годы цѣна пуда ржи поднималась до полуторыхъ, двухъ рублей и выше. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ выше были средніе цѣны

на хлѣбъ и тѣмъ менѣе рѣзко проявлялись ихъ колебанія: уже въ сѣверо-восточной части Томской губерніи средняя цѣна ржи въ мукѣ за двадцатилѣтній періодъ опредѣлилась, по моимъ подсчетамъ, въ 48 к., пшеницы—въ 76 к.; въ Иркутской губерніи средняя цѣна первой достигала 1 р. 20 к., второй — даже 1 р. 90 к. за пудъ; колебанія цѣнъ на Томскомъ рынкѣ не выходили изъ предѣловъ: 23 к. и 1 р. 45 к. для ржи, и 30 к. и 1 р. 80 к. для пшеницы. Съ одной стороны, сравнительная рѣдкость населенія исключала возможность скопленія, въ урожайные года, слишкомъ значительныхъ избытковъ хлѣба, съ другой—гораздо менѣе рѣзки были колебанія урожаевъ, благодаря менѣе засушливому климату и меньшей истощенности почвы. По главная причина этого различія между западною и среднею Сибирью, несомнѣнно, заключалась въ характерѣ мѣстнаго спроса на хлѣбъ и на другіе продукты. Въ западной Сибири хлѣбные избытки находили себѣ сбытъ, можно сказать, исключительно въ немногочисленные города и на винокуренные заводы; въ хорошіе урожаи исходившій отсюда спросъ далеко не соотвѣтствовалъ предложенію избыточнаго хлѣба и потому не могъ предотвратить его обезцѣненія; а между тѣмъ хлѣбъ, разъ ушедшій въ городъ или на винокуренный заводъ, уже не возвращался въ деревню при неурожаѣ, за которымъ поэтому и слѣдовало рѣзкое, во много разъ, повышеніе цѣнъ. Для средней Сибири—какъ я только что упоминалъ—вопросъ о снабженіи хлѣбомъ при неурожаяхъ имѣлъ менѣе острое значеніе,—вопросъ же о сбытѣ для излишковъ хлѣба разрѣшался въ гораздо болѣе благопріятномъ смыслѣ: такой сбытъ обезпечивался извознымъ промысломъ и золотопромышленностью. Въ западной Сибири извозный промыселъ уже давно въ полномъ упадкѣ, благодаря конкурренціи пароходства, и даже во времена его наибольшаго процвѣтанія спросъ хлѣба и другихъ продуктовъ на сибирскій трактъ и другіе, второстепенные пути обознаго движенія былъ невеликъ по сравненію съ размѣрами продажныхъ излишковъ при хорошихъ урожаяхъ. Въ средней Сибири упадокъ извоза обнаружился, прежде всего, значительно позже—только съ открытіемъ движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ. А затѣмъ, Сибирскій трактъ, на огромномъ протяженіи пересѣкавшій пустынныя или очень слабо населенныя мѣстности, оказывалъ на условія рынка для продуктовъ сельскаго хозяйства несравненно болѣе сильное вліяніе: онъ отвлекалъ отъ земледѣлія довольно замѣтную часть населенія, значитъ способствовалъ сокращенію предложенія продуктовъ, и въ то-же время предъявлялъ очень большой спросъ на пихъ, по сравненію съ сравнительно небольшими, имѣвшимися налицо, продажными избытками. Золотопромышленность, съ

точки зрѣнія сбыта продуктовъ, для западно-сибирской степи не имѣла никакого непосредственнаго значенія. Напротивъ, для средней Сибири пріисковые районы Алтая, южной и сѣверной Енисейской тайги, Олекминской и Витимской системъ имѣли огромное значеніе: они предъявляли огромный спросъ не только на хлѣбъ, но и на сѣно, на животные продукты и т. п., и этотъ спросъ поддерживалъ высокія, весьма выгодныя для земледѣльческаго населенія цѣны. Всѣ эти условія рѣзко измѣнились подъ вліяніемъ, съ одной стороны, открытія движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ, а съ другой—рѣзко обнаружившагося упадка золотопромышленности; измѣнились, притомъ, въ благопріятную для западно-сибирской степи и въ частности для Тобольской губерніи, и въ неблагопріятную для средней Сибири сторону. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ выразились эти измѣненія, но для полноты и ясности общей картины намъ удобнѣе разсмотрѣть ихъ въ связи съ другими, намѣченными выше, сторонами переживаемаго разными частями Сибири кризиса, которыя мы теперь и должны кратко резюмировать.

Итакъ: Тобольская губернія, въ частности — ея южные уѣзды, принадлежащіе къ району экстенсивнаго земледѣлія, заселена гуще, чѣмъ какая-либо иная часть этого района, при чемъ колонизація ея можетъ считаться въ настоящее время совершенно законченною, для группы же юго-западныхъ уѣздовъ она закончилась сравнительно давно. Населеніе Тобольской губерніи давно забыло о прежнемъ безграничномъ просторѣ: лѣса изъяты изъ его свободнаго распоряженія и взяты въ завѣдываніе казны; межеванія, слѣдовавшія одно за другимъ, начиная съ конца 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а затѣмъ работы по нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ, ввели землевладѣніе населенія въ настолько тѣсныя границы, что начавшееся съ 1898 года поземельное устройство, въ видѣ правила, не грозитъ населенію дальнѣйшимъ сокращеніемъ землепользованія, а напротивъ — извѣстной части его обѣщаетъ восполненіе недостатка въ надѣльной землѣ. Почти по всему юго-западу губерніи крестьяне сохранили всего по 15 или 18 дес. на ревизскую душу, что, по расчету на наличное населеніе, составляетъ по 7, 8, а мѣстами и по 6 десятинъ на душу, или по 20-25 десятинъ на семью средняго состава. При такомъ положеніи вещей, кризисъ залежно-пароваго хозяйства въ Тобольской губерніи — въ полномъ разгарѣ, съ его необходимыми спутниками — рѣзкимъ общимъ пониженіемъ урожайности и все учащающимися неурожаями. Сгустившееся и введенное въ сравнительно тѣсныя границы населеніе испытываетъ, въ то-же время, недостатокъ въ пастбищахъ и особенно въ сѣнокосахъ, и передъ нимъ стоитъ ясная и грозная

альтернатива: либо обратиться къ искусственному производству кормовыхъ средствъ, либо итти на встрѣчу уже обозначившемуся, мѣстами, упадку скотоводства. Нуждаясь въ топливѣ и строительномъ матеріалѣ, испытывая въ то же время недостатокъ въ распашной землѣ, населеніе обезлѣсило свои надѣльныя земли, и это обезлѣсеніе порождаетъ, съ одной стороны, усиленный недостатокъ въ лѣсныхъ матеріалахъ, а съ другой—влечетъ за собой образованіе сыпучихъ песковъ, ухудшеніе и безъ того засушливаго климата, усиленіе опустошеній, причиняемыхъ кобылкой и т. п. Вообще, крестьянское хозяйство въ западно-сибирской степи и въ частности въ Тобольской губерніи „переживаетъ критическій моментъ, и предусмотрительность требуетъ, чтобы на него какъ можно скорѣе обратили вниманіе; каждый лишній годъ такого хозяйничанья, какъ сейчасъ, несетъ въ будущемъ неисчислимыя бѣды, борьба съ которыми потомъ потребуетъ не только много времени, но и много средствъ, для самого же населенія борьба эта никогда не будетъ подъ силу". И само собою ясно, въ какомъ направленіи должна вестись борьба съ такого рода кризисомъ: конечная ея задача — повысить интенсивность земледѣлія и скотоводства, освободить хозяйство отъ рабскаго подчиненія природѣ и вывести его результаты изъ сферы полной случайности, поднять общую производительность земли, залечить тѣ раны, которыя нанесло природѣ неразумное отношеніе къ ней человѣка: позаботиться о возстановленіи лѣсовъ, остановить надвигающіеся сыпучіе пески и т. п.

Въ томъ-же направленіи интенсификаціи, вообще технической реорганизаціи хозяйства толкаютъ Тобольскую губернію и экономическія послѣдствія проведенія Сибирской желѣзной дороги. Тобольская губернія и прилегающая къ ней юго-западная часть Томской—единственныя мѣстности Сибири, которыя успѣли сравнительно широко воспользоваться Сибирскою магистралью въ цѣляхъ экспорта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ частности, первостепенно-важнымъ послѣдствіемъ открытія движенія по желѣзной дорогѣ было развитіе производства и экспорта сибирскаго сливочнаго масла: въ 1894 году были вывезены первые 400 тыс. пудовъ, въ 1901 году экспортъ масла достигъ 2400 тыс., въ слѣдующіе же три года онъ колебался между 2600 и 2850 тыс. пудовъ, сдѣлавшись такимъ образомъ не только первостепенно-важнымъ факторомъ въ экономикѣ западно-сибирскаго крестьянскаго хозяйства, но и существеннымъ элементомъ русскаго торговаго баланса. Развитіе маслодѣлія значительно повысило доходность крестьянскаго скотоводства и сдѣлало выгоднымъ заботиться и объ увеличеніи количества рогатаго скота, и въ особенности—о качественномъ его улучшеніи. Но то и дру-

гое встрѣчаетъ серьезныя препятствія въ недостаткѣ кормовыхъ средствъ, — приходится „стремиться къ заведенію травосѣянія, сортированію сѣмянъ, упавоживанію полей и улучшенію ихъ обработки“; иначе сказать, интересы столь возросшаго въ своемъ значеніи скотоводства съ такою-же настоятельностью требуютъ коренного измѣненія установившейся въ краѣ системы хозяйства, какъ и непосредственные интересы земледѣлія, въ частности — какъ необходимость обезпечить населенію болѣе высокіе и болѣе постоянные урожаи хлѣбовъ. И эта необходимость—отнюдь не исключительно теоретическая: въ Курганскомъ, вообще въ юго-западныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи уже наблюдается явственное стремленіе къ улучшенію луговъ и къ введенію полеваго травосѣянія.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ средней Сибири—въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ, въ большей части Томской, повидимому и въ Забайкальской области. Здѣсь населеніе, въ общемъ, гораздо болѣе рѣдко, и—что главное—лишь сравнительно недавно дала себя почувствовать землеустроительная и лѣсоустроительная дѣятельность правительства. Гораздо позже, чѣмъ въ западно-сибирскую степь, нахлынула сюда широкая переселенческая волна; значитъ, позже началась систематическая нарѣзка переселенческихъ участковъ изъ земель, такъ или иначе использовавшихся старожилымъ населеніемъ. Только съ 1895 года началось образованіе лѣсныхъ заказниковъ, которое сразу повсдено было очень быстрымъ темпомъ и въ немного лѣтъ сильно стѣснило населеніе въ пользованіи лѣсомъ, а частью—и земельными угодьями. Въ общемъ, однако, населеніе и по сейчасъ пользуется еще сравнительно широкимъ просторомъ, и поземельное устройство будетъ связано для него, опять-таки въ общемъ, съ чувствительнымъ сокращеніемъ этого простора. Словомъ, то „утѣсненіе“, которое уже болѣе или менѣе давно дало себя почувствовать въ западно-сибирской степи и въ частности въ Тобольской губерніи, въ средней Сибири частью еще только надвигается, частью надвинулось въ самые, можно сказать, послѣдніе дни, и потому еще не успѣло ощутительно отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ: оно не успѣло еще—мы видѣли—вызвать ни рѣзкаго истощенія полей, ни ощутительнаго пониженія лѣсистости страны, не успѣло, слѣдовательно, вызвать и сколько-нибудь замѣтнаго общаго пониженія урожайности. Что въ настоящее время наиболѣе остро ощущается—собственно въ области земельныхъ отношеній—населеніемъ средней Сибири, это полная неустойчивость землепользованія, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ: землеустройство, образованіе переселенческихъ участковъ, выдѣлъ лѣсныхъ дачъ—все это въ полномъ ходу, и населеніе никогда

не знаетъ, что̀ останется въ его пользованіи и что̀, можетъ быть, въ будущемъ же году, по тому или другому поводу, будетъ отъ него отобрано,— и такая неустойчивость не можетъ, конечно, не отражатся весьма неблагопріятнымъ образомъ и на ходѣ расчистокъ изъподъ лѣса, и на самой обработкѣ уже состоящихъ подъ культурою земель.

Такъ или иначе—но для средней Сибири, разсматриваемой какъ цѣлое, земельно-агрономическій кризисъ,—кризисъ хищнически-экстенсивнаго хозяйства и въ частности—залежно-пароваго земледѣлія, является еще дѣломъ будущаго, хотя, слѣдуетъ думать, и очень близкаго. Несомнѣнно наблюдаемый и здѣсь, хотя и гораздо менѣе острый, кризисъ крестьянскаго хозяйства имѣетъ, по преимуществу, экономическій характеръ, и корень его лежитъ въ двухъ обстоятельствахъ: въ паденіи золотопромышленности и въ проведеніи Сибирской желѣзной дороги. Вліяніе желѣзной дороги на условія сбыта, положительное для западно-сибирской степи, было отрицательнымъ для всей средней Сибири: „проведеніе Сибирской желѣзной дороги—говоритъ Енисейскій губернскій сельскохозяйственный комитетъ, явилось такимъ могучимъ, а главное неожиданнымъ факторомъ въ измѣненіи всѣхъ сложившихся мѣстныхъ экономическихъ условій, что застигнутое врасплохъ и неподготовленное сельское населеніе оказалось сразу въ весьма тяжеломъ положеніи: сразу исчезли привычные заработки, связанные съ прежнимъ громаднымъ гужевымъ транзитомъ, исчезъ и готовый рынокъ для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, въ лицѣ закрытаго нынѣ Московскаго тракта; цѣлымъ крупнымъ притрактовымъ селеніямъ, находившимъ средства къ жизни въ занятіи извозомъ, пришлось немедленно обратиться къ земледѣлію, а достаточнаго количества готовыхъ пашенъ не было, не говоря уже о томъ, что одна обработка земли безъ прежняго легкаго сбыта продуктовъ на трактъ не замѣнила прежнихъ выгодъ“. Обратившееся къ земледѣлію населеніе значительно усилило, съ другой стороны, предложеніе хлѣба. Въ еще большей мѣрѣ послѣднее усилилось благодаря наплыву въ край переселенцевъ—опять таки одному изъ послѣдствій проложенія желѣзной дороги: переселенцы, будучи всецѣло земледѣльцами и не имѣя подспорнаго заработка въ тѣхъ разнообразныхъ промыслахъ, которые, въ значительной степени, отвлекали старожиловъ отъ земледѣлія, въ гораздо большей пропорціи увеличили производство продуктовъ земледѣлія, въ частности хлѣба, чѣмъ въ какой они явились потребителями этого рода продуктовъ. Производство хлѣба, такимъ образомъ, возросло далеко непропорціонально приросту населенія. А между тѣмъ съ закрытіемъ Сибирскаго тракта отпалъ весь тотъ спросъ на хлѣбъ.

на сѣно и всякаго рода иные сельскохозяйственные продукты, какой предъявлялъ извозъ, вмѣстѣ съ тѣсно съ нимъ связаннымъ дворничествомъ. „Еще болѣе общимъ условіемъ упадка сельскохозяйственнаго сбыта—по словамъ того-же Енисейскаго комитета—явилось продолжающееся сокращеніе золотопромышленности,—въ ней все сельское хозяйство губерніи (и всей вообще средней Сибири) утратило не только близкій и выгоднѣйшій рынокъ для всѣхъ сельскохозяйственныхъ отраслей, но и источникъ заработка личнымъ трудомъ". Этому послѣднему обстоятельству я лично не склоненъ придавать существеннаго значенія: заработанное на пріискахъ, въ громадной части, пропивалось, вообще растрачивалось непроизводительнымъ образомъ, и если извѣстная часть заработка приносилась домой, въ семью и хозяйство, то этотъ плюсъ далеко перевѣшивался деморализующимъ и вреднымъ для здоровья вліяніемъ работы и жизни на пріискахъ. Тѣмъ существеннѣе, конечно, значеніе упадка золотопромышленности, какъ рынка для продуктовъ крестьянскаго хозяйства: добыча золота, напримѣръ, въ Енисейской губерніи упала съ тысячи до нѣсколькихъ десятковъ пудовъ,—а каждый пудъ, на который сократилась добыча золота, равносиленъ сокращенію на многія тысячи пудовъ спроса на хлѣбъ и на всякіе другіе сельскохозяйственные продукты. Въ концѣ концовъ, измѣнившіяся условія сбыта, въ связи съ открывшимся благодаря, опять-таки, желѣзной дорогѣ доступомъ дешеваго западно-сибирскаго хлѣба, вызвали рѣзкое паденіе, въ средней Сибири, хлѣбныхъ цѣнъ: „при маломальскихъ урожаяхъ—говоритъ Балаганскій сельскохозяйственный комитетъ—нашъ уѣздъ не можетъ сбывать свой хлѣбъ выше 50—70 коп. за пудъ; пресловутыя цѣны въ 2 руб. 50 коп. и 3 руб. за пудъ отошли безповоротно въ вѣчность, а цѣна въ 50 коп. за пудъ хлѣба, при неблагопріятныхъ условіяхъ обработки земли и веденія земледѣлія, должна считаться для Балаганскаго уѣзда безусловно не оправдывающею и не окупающею затрачиваемый на это трудъ"...

Такимъ образомъ повторяю—хозяйственный кризисъ въ средней Сибири имѣетъ, по преимуществу, экономическій характеръ, и главный вопросъ для края, пока, не въ измѣненіи техники сельскаго хозяйства и не въ повышеніи производительности земли,—это только ухудшило бы условія сбыта, значитъ обострило бы кризисъ,—а въ улучшеніи условій сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Вотъ почему общественное мнѣніе въ средней Сибири усиленно занимается вопросомъ о пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа, въ частности—объ уничтоженіи пресловутаго Челябинскаго перелома тарифныхъ ставокъ, объ организаціи пароходства и морской тор-

говли черезъ устье Енисея, способной, со одной стороны, создать выгодный заграничный сбытъ для средне-сибирскаго хлѣба, а съ другой—способствовать развитію въ средней Сибири горнаго дѣла и другихъ видовъ добывающей промышленности; развитіе послѣдней, равно какъ и обрабатывающей промышленности, имѣло бы, въ свою очередь, весьма серьезное значеніе и для мѣстнаго сельскаго хозяйства, такъ какъ взамѣнъ недостающаго внѣшняго создало бы для его произведеній выгодный внутренній рынокъ.

Такова общая картина земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній въ Сибири и въ частности—въ той ея, не особенно обширной, полосѣ, которая вмѣщаетъ громадное большинство населенія страны,—въ полосѣ экстенсивнаго земледѣлія. Каковъ же общій смыслъ, основной, если можно такъ выразиться, тонъ этой картины?.. Отвѣтъ, который склоненъ дать на этотъ вопросъ авторъ настоящаго очерка, многимъ покажется, можетъ быть, парадоксальнымъ: общій смыслъ набросанной на предыдущихъ страницахъ картины сводится къ тому, что въ Сибири мы имѣемъ дѣло не столько съ земельнымъ, сколько съ экономическимъ и агрономическимъ, а затѣмъ, въ послѣдней инстанціи, съ культурнымъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вопросомъ, и что рѣшенія сибирскаго, такъ называемаго, земельнаго вопроса слѣдуетъ искать на почвѣ не столько землеустроительныхъ, сколько экономическихъ, агрономическихъ и—прежде всего—культурныхъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, мѣропріятій.

Какъ, воскликнетъ читатель,—да вы же сами говорили о томъ, что въ Тобольской губерніи размѣры землепользованія значительной части населенія спустились уже до 10, 8, 6 десятинъ на душу наличнаго населенія,—значитъ до такихъ предѣловъ, которые, при данномъ складѣ крестьянскаго хозяйства, вы сами признаете явно недостаточными?.. Какъ—прибавитъ читатель, болѣе или менѣе знакомый съ литературою земельнаго вопроса въ Сибири или слѣдящій за сибирскою повременною печатью: развѣ вы не знаете такихъ фактовъ вопіющаго земельнаго неустройства, какъ положеніе крестьянъ Ирбинской заводской дачи, въ Минусинскомъ уѣздѣ; развѣ вы не знаете, что въ Забайкальской области есть цѣлая группа населенія—бывшіе горнозаводскіе крестьяне Нерчинско-заводскаго округа, которая осталась почти безъ земельнаго надѣла и поставлена въ положеніе вынужденныхъ арендаторовъ кабинетскихъ земель? Конечно, читатель,—отвѣчу я: я знаю и эти, и многіе другіе аналогичные факты; знаю, что положеніе многихъ отдѣльныхъ селеній и мѣстностей въ Сибири не можетъ быть улучшено иначе, какъ при условіи тѣхъ или другихъ мѣръ землеустроительнаго характера.

Я знаю, что и при выдѣлѣ лѣсныхъ заказниковъ и дачъ, и при нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ, и даже при производящемся въ настоящее время поземельномъ устройствѣ, было надѣлано не мало ошибокъ, создавшихъ типичный земельный вопросъ, гдѣ его не было-бы при нормальномъ ходѣ вещей и при болѣе раціональной постановкѣ землеустройства и лѣсоустройства. Но я говорю здѣсь не о всѣхъ этихъ частностяхъ—детальный ихъ разборъ совершенно выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ настоящаго очерка; я имѣлъ возможность дать лишь самую общую характеристику земельно-хозяйственныхъ отношеній въ Сибири, и долженъ теперь подвести общіе итоги сказаннаго мною. И я настаиваю на томъ, что въ такомъ общемъ итогѣ мы имѣемъ въ Сибири дѣло не столько съ земельнымъ, сколько съ культурно-хозяйственнымъ вопросомъ, и что рѣшенія его надо искать въ области не столько земельныхъ, сколько культурно-хозяйственныхъ мѣропріятій. Кризисъ западно-сибирскаго крестьянскаго хозяйства—это неизбѣжный кризисъ экстенсивнаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства, на смѣну которому, при данной густотѣ населенія и данныхъ условіяхъ сбыта, неизбѣжно должны явиться иные хозяйственные порядки, способные въ соотвѣтственной степени повысить производительность и доходность земли. Аналогичный кризисъ несомнѣнно надвигается, а для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей можетъ быть, уже и надвинулся, и въ средней Сибири; въ общемъ же мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ земельнымъ, и даже не столько съ агрономическимъ, сколько съ чисто-экономическимъ кризисомъ, который вызванъ рѣзкимъ измѣненіемъ условій сбыта продуктовъ крестьянскаго хозяйства и до извѣстной степени—утратою привычныхъ для населенія подспорныхъ къ земледѣлію заработковъ.

Но, скажетъ мнѣ опять читатель—и онъ явится, несомнѣнно, выразителемъ очень распространеннаго въ мѣстной повременной печати взгляда,—вѣдь тотъ кризисъ экстенсивнаго земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства, наступленіе котораго вы констатируете для однѣхъ мѣстностей, какъ фактъ, для другихъ—предвидите, какъ дѣло близкаго будущаго,—это вѣдь кризисъ не самопроизвольно наступившій; это слѣдствіе того рѣзко надвинувшагося утѣсненія, которое было искусственно вызвано изъятіемъ изъ пользованія населенія лѣсовъ, отрѣзкою въ переселенческіе участки необходимыхъ ему земель, слишкомъ строгимъ и несообразованнымъ съ мѣстными условіями примѣненіемъ, при поземельномъ устройствѣ, 15-десятинной нормы. И обостреніе этого кризиса можетъ быть до извѣстной степени пріостановлено, переходъ къ новымъ условіямъ хозяйства и землепользованія можетъ быть значи-

тельно облегченъ для сибирскаго населенія, если охрана лѣсовъ, водвореніе переселенцевъ, регулированіе землепользованія мѣстнаго населенія будетъ поставлено на болѣе правильныя, раціональныя начала, согласованныя съ потребностями и насущными интересами этого населенія.

Опять-таки, и въ данномъ случаѣ надо различать между частными случаями и общею постановкою вопроса. Въ частныхъ случаяхъ было допущено не мало ошибокъ, которыхъ, иногда, нельзя назвать иначе, какъ преступными ошибками. Если, напримѣръ, въ средне-сибирскихъ губерніяхъ, послѣ вѣкового свободнаго пользованіями лѣсами, эти послѣдніе разомъ были забраны въ заказники, куда попадали, сплошь и рядомъ, необходимѣйшія крестьянскія угодья, а иногда и цѣлыя крестьянскія селенія; если при нарѣзкѣ переселенческихъ участковъ у старожильскаго селенія отбирался необходимый выпускъ или сотни десятинъ разработанной пашни, въ одномъ сплошномъ отрубѣ; если, при поземельномъ устройствѣ, старожильскому селенію, сидящему на 10, 8 или 6 десятинахъ, отказывали въ дополнительномъ надѣлѣ, чтобы изъ лежащей по смежности казенной земли образовать участокъ для переселенцевъ, получающихъ на душу по 15 десятинъ; если въ новѣйшее время правительство, растерявшись отъ искусственно-вызваннаго его „рекламою“ и „пропагандой“ усиленнаго наплыва переселенцевъ въ Сибирь, предписываетъ производить ускоренное поземельное устройство, „не стѣсняясь формальными требованіями закона“, или, вопреки закону, поручаетъ переселенческимъ партіямъ производить какое-то „временное поземельное устройство“ живущихъ въ Алтайскомъ округѣ киргизъ,—все это, чтобы поскорѣе и побольше нарѣзать переселенческихъ участковъ изъ отобранныхъ у населенія земель,—это все, повторяю, вредныя и пагубныя для населенія Сибири, нерѣдко преступныя ошибки, и онѣ должны быть исправлены вездѣ, гдѣ только это окажется возможнымъ, организація же земельнаго, лѣсного, переселенческаго дѣла должна быть измѣнена такимъ образомъ, чтобы исключить, на будущее время, возможность повторенія подобнаго рода ошибокъ. Но все это отнюдь не предрѣшаетъ вопроса въ его общей, принципіальной постановкѣ. Привыкшее къ безпредѣльному простору, къ безвозбранно-свободному пользованію лѣсомъ населеніе лѣсныхъ мѣстностей Сибири, несомнѣнно, потерпѣло или потерпитъ временный, можетъ быть острый, кризисъ, вызванный уже послѣдовавшимъ или еще предстоящимъ выдѣломъ лѣсовъ въ казенныя лѣсныя дачи или заказники. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что изъятіе лѣсовъ изъ безвозбранно-свободнаго пользованія населенія было

ошибкою,—что такое изъятіе должно быть прекращено, и что лѣса должны быть возвращены въ свободное пользованіе населенія? Никоимъ образомъ, потому что безвозбранно-свободное пользованіе—это значитъ скорое и окончательное истребленіе лѣсовъ; а такое истребленіе гибельно отражается на насущнѣйшихъ интересахъ какъ всей вообще страны съ ея городами, промышленностью, желѣзною дорогой и т. п., такъ и самихъ-же крестьянъ, которые теперь такъ горько жалуются на претерпѣваемое ими „утѣсненіе". Крестьяне многоземельныхъ мѣстностей Сибири, фактически эксплоатирующіе, такъ или иначе, по 30, 40 или 50 десятинъ на душу, или инородцы, сидящіе въ обширныхъ „крѣпостныхъ" дачахъ и ведущіе скотоводческое, по преимуществу, хозяйство,—несомнѣнно потерпятъ нѣкоторое „утѣсненіе", если ихъ посадятъ на 15 или 20-десятинный надѣлъ: первымъ черезъ нѣкоторое время придется, можетъ быть, подумать о какомъ-нибудь новомъ, болѣе соотвѣтствующемъ сравнительному „утѣсненію", типѣ земледѣльческаго хозяйства, замѣнить свободный выпасъ скота пастушнымъ, заняться расчисткою заросшихъ лѣсомъ сѣнокосовъ или разрабатывать изъ-подъ лѣса пашни; вторымъ, несомнѣнно, придется изъ скотоводовъ сдѣлаться земледѣльцами, для чего потребуется, можетъ быть, болѣе или менѣе продолжительный, болѣе или менѣе болѣзненный переходный процессъ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что за инородцами должно быть признано неприкосновенное право на ихъ обширныя „крѣпостныя" дачи? что крестьянъ многоземельныхъ мѣстностей слѣдуетъ и на дальнѣйшее время оставить на привычномъ, практически-безграничномъ просторѣ, или отвести имъ надѣлы—какъ нерѣдко требуютъ—по такимъ высокимъ нормамъ, которыя позволили бы имъ на неопредѣленное время остаться при привычномъ, крайне экстенсивномъ залежномъ хозяйствѣ и полукочевомъ скотоводствѣ? По моему убѣжденію, опять-таки, рѣшительно нѣтъ: тѣ измѣненія въ строѣ хозяйства инородцевъ или крестьянъ, о которыхъ только что была рѣчь, не представляютъ чего-либо невозможнаго или слишкомъ труднаго; сокращеніе земельнаго простора будетъ связано для тѣхъ и другихъ, въ худшемъ случаѣ,—съ временнымъ потрясеніемъ ихъ хозяйства. А разъ это такъ, то не надо быть фанатикомъ переселенческаго дѣла (читателю, можетъ быть, извѣстно, что пишущій эти строки отнюдь не принадлежитъ къ числу такихъ фанатиковъ) или націоналистомъ, проповѣдующимъ принципъ „Россія для русскихъ", что бы возставать противъ принципа „Сибирь для сибиряковъ"; чтобы видѣть въ земельныхъ запасахъ какой-нибудь Енисейской губерніи или Забайкальскихъ степей не енисейское или бурятское, а общенародное

достояніе; чтобы настаивать, поэтому, на томъ, что енисейскіе крестьяне или забайкальскіе буряты не могутъ претендовать на такой просторъ, при которомъ каждый изъ нихъ является маленькимъ помѣщикомъ, а значительная часть земли либо вовсе не используется, либо используется крайне слабо, когда есть милліоны и чуть не десятки милліоновъ безземельнаго и крайне малоземельнаго населенія, которому нельзя иначе помочь, какъ путемъ надѣленія землею, и когда переселеніе является безусловно необходимымъ, въ общей системѣ земельной политики, способомъ удовлетворенія этой огромной и настоятельной земельной нужды; когда переселенческое движеніе есть такой фактъ народной жизни, съ которымъ приходится считаться,—а между тѣмъ переселенцевъ только и возможно устраивать за счетъ сокращенія того земельнаго простора, которымъ нынѣ пользуется населеніе Сибири и другихъ нашихъ колонизаціонныхъ районовъ.

Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что интересы—по крайней мѣрѣ непосредственные—старожилаго, русскаго и инородческаго населенія Сибири на каждомъ шагу вступаютъ въ конфликтъ съ интересами, прежде всего, переселенческаго дѣла и съ первостепенно-важною для края задачею сохраненія и возстановленія лѣсовъ; что они, затѣмъ, могутъ вступать и дѣйствительно вступаютъ въ конфликтъ съ интересами, напримѣръ, горнаго или золотого дѣла, обрабатывающей промышленности и т. п. Но какъ крестьянскаго интереса нельзя приносить въ жертву интересамъ переселенія или лѣсного дѣла,—такъ же точно слишкомъ широко понимаемымъ интересамъ старожилаго населенія нельзя приносить въ жертву интересы переселенческаго дѣла, лѣсоохраненія, промышленности страны, которые, въ концѣ концовъ, нерѣдко совпадаютъ съ прямыми интересами самого населенія. Въ основу землеустройства края, разумѣя этотъ терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, долженъ быть положенъ принципъ возможнаго согласованія в с ѣ х ъ затрагиваемыхъ при этомъ, взаимно противурѣчивыхъ интересовъ. А отсюда вытекаетъ существенно важный выводъ, касающійся уже самой организаціи землеотводнаго дѣла и земельнаго хозяйства страны. Въ общественномъ мнѣніи Сибири широко распространено теченіе, которое правильнѣе всего назвать автономистическимъ; представители этого теченія желаютъ передать въ руки самого сибирскаго населенія, въ лицѣ органовъ мѣстнаго самоуправленія, между прочимъ, и все земельное дѣло въ странѣ, включая какъ поземельное устройство, такъ и завѣдываніе лѣсами, переселенческое дѣло и т. п. Мнѣ кажется, что такое рѣшеніе вопроса объ организаціи земельнаго дѣла въ Сибири было бы

ошибочно. Поземельное устройство, вообще земельное дѣло, гдѣ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ Сибири—области, имѣющей для всей страны важное колонизаціонное значеніе, не есть чисто мѣстное дѣло; мѣстные интересы, какъ мы видѣли, нерѣдко вступаютъ въ конфликтъ съ общегосударственными интересами, и въ частности широкое пониманіе земельныхъ нуждъ мѣстнаго населенія всегда будетъ итти въ ущербъ не менѣе и даже гораздо болѣе насущнымъ интересамъ переселенческаго дѣла. Между тѣмъ, органы мѣстнаго самоуправленія, какъ таковые, всегда будутъ стоять на стражѣ одного только мѣстнаго интереса и будутъ болѣе чѣмъ равнодушны къ нуждамъ, напримѣръ, переселенческаго дѣла. Мало того: ближайшій интересъ мѣстнаго населенія, всегда стремящагося сохранить или получить какъ можно больше земли, весьма часто будетъ въ противорѣчіи даже съ мѣстными-же, но болѣе общими интересами, иногда—и съ болѣе отдаленными, а потому не сознаваемыми, интересами самого населенія, для котораго крайне важно, напримѣръ, сохраненіе лѣсовъ, развитіе внутренняго рынка для продуктовъ и т. п. Между тѣмъ мѣстное самоуправленіе, органы котораго избраны и будутъ переизбираться голосами тѣхъ-же крестьянъ и инородцевъ, которое и по самому своему существу должно быть выразителемъ взглядовъ и нуждъ своихъ довѣрителей, слишкомъ легко будетъ переоцѣнивать ближайшіе ихъ интересы и нужды и приносить имъ въ жертву болѣе отдаленные или болѣе общіе интересы страны. Вотъ почему, я думаю, земельное дѣло въ Сибири—какъ бы ни было, впослѣдствіи, организовано здѣсь мѣстное самоуправленіе,—должно остаться государственнымъ дѣломъ, и завѣдываніе имъ должно быть оставлено въ рукахъ учрежденій государственнаго характера. Этимъ, конечно, отнюдь не предрѣшается вопросъ о сохраненіи нынѣшней, чрезмѣрно бюрократической организаціи этихъ учрежденій. Напротивъ, эти послѣднія должны быть реорганизованы, съ привлеченіемъ къ широкому участію въ нихъ общественнаго элемента; но характеръ этихъ учрежденій долженъ остаться государственнымъ, и верховное право разрѣшенія конфликтовъ между мѣстными и общегосударственными, ближайшими и болѣе отдаленными интересами должно быть оставлено въ рукахъ государственой власти, способной стать выше того или другого, мѣстнаго или частнаго интереса и независимой отъ тѣхъ или другихъ, чисто мѣстныхъ вліяній.

Центръ тяжести сибирскаго земельнаго вопроса въ его общей постановкѣ—я сказалъ и особенно настаиваю на этомъ—лежитъ однако не въ землѣ, а въ культурной и экономической обстановкѣ

сибирскаго крестьянскаго хозяйства, и на эту обстановку, о которой до сихъ поръ, въ сущности, не заботился никто, должно быть обращено главное вниманіе. Какъ и въ чемъ это послѣднее должно проявляться—этотъ вопросъ, опять-таки, выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка. Скажу только вкратцѣ: земельный вопросъ въ Сибири, въ концѣ концовъ, сплетается съ культурнымъ вопросомъ не только въ тѣсномъ смыслѣ—подъема сельскохозяйственной культуры, но и въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова: народное образованіе, общественная самодѣятельность и т. д. И необходимою предпосылкою разрѣшенія *этого, широкаго* культурно-хозяйственнаго вопроса является для Сибири, какъ и для всей вообще Россіи, устраненіе существующаго теперь административнаго гнета надъ личною и общественною самодѣятельностью населенія и передача необходимой культурной работы въ руки свободно-организованныхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія.

Изъ предыдущаго изложенія для читателя должно было сдѣлаться яснымъ, какъ тѣсно и неразрывно земельный вопросъ въ Сибири, всѣми своими сторонами, сплетается съ переселенческимъ вопросомъ. Да и безъ всякой аргументаціи, само собою ясно, какое огромное значенія имѣетъ для рѣдко населенной страны, въ значительной мѣрѣ сохранившей еще характеръ колоніи, вопросъ о возможномъ дальнѣйшемъ ходѣ и вѣроятныхъ успѣхахъ направляющагося въ нее переселенческаго движенія. Этому вопросу мы и посвятимъ послѣднюю часть настоящаго очерка; конечно, мы коснемся его только въ самыхъ общихъ чертахъ,—иначе намъ понадобилось бы, по крайней мѣрѣ, вчетверо или впятеро больше мѣста, чѣмъ авторъ имѣетъ возможность использовать въ сравнительно тѣсныхъ рамкахъ настоящаго сборника.

Прежде всего: *каковы* были до сихъ поръ *результаты* переселенческаго движенія,—иначе сказать: что находили въ Сибири переселенцы? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы располагаемъ прежде всего, нѣкоторымъ, хотя и далеко не сплошнымъ, не исчерпывающимъ цифровымъ матеріаломъ, собраннымъ въ началѣ 90-хъ годовъ, частью при общихъ изслѣдованіяхъ сибирскаго, крестьянскаго хозяйства, частью—при спеціальныхъ изслѣдованіяхъ хозяйственнаго положенія новоселовъ. Цифры эти рисуютъ намъ очень пеструю картину. Наилучшіе результаты переселенія обнаружились по Енисейской губерніи и по Алтайскому округу. Въ первой у переселенцевъ, прожившихъ въ краѣ свыше 15 лѣтъ, слѣдовательно уже близкихъ къ положенію староселовъ, оказалось въ среднемъ на дворъ: въ

старыхъ селеніяхъ 4,2, въ новыхъ поселкахъ 4,4 головы рабочаго скота; среднее число головъ крупнаго рогатаго скота у тѣхъ и другихъ—4,7; средній размѣръ посѣвной площади—7,4 и 8,0 дес. Даже у проживш[и]хъ въ краѣ хотя и менѣе 15, но свыше пяти лѣтъ, значитъ тоже вышедшихъ изъ фазиса первоначальнаго устройства „на новыхъ мѣстахъ", соотвѣтственныя цифры оказались: для рабочихъ лошадей—4,1 и 4,4, для рогатаго скота—4,0 и 4,4, для посѣвной площади—7,2 и 7,1 дес. Насколько можно судить по этимъ, весьма благопріятнымъ среднимъ цифрамъ, средній уровень благосостоянія Енисейскихъ переселенцевъ въ началѣ 90-хъ годовъ мало отличался отъ средняго уровня благосостоянія сторожилаго населенія губерніи. Однако, и въ Енисейской губерніи, въ особенности среди переселенцевъ, водворенныхъ въ сторожильскихъ селеніяхъ, оказался довольно значительный процентъ дворовъ, очевидно потерпѣвшихъ, въ результатѣ переселенія, хозяйственную неудачу: въ старожильскихъ селеніяхъ среди проживш[и]хъ отъ 5 до 15 лѣтъ оказалось 3, 6%, среди проживш[и]хъ свыше 15 лѣтъ 5,3% безлошадныхъ; въ новыхъ поселкахъ безлошадныхъ между проживш[и]ми болѣе 15 лѣтъ не оказалось; между проживш[и]ми отъ 5 до 15 лѣтъ ихъ было насчитано 4,1%; безъ рогатаго скота, въ томъ же порядкѣ группъ, оказалось 9,0, 9,0, 7,7 и 5,4%, безъ посѣва 11,5, 7,2, 2,6 и 6,8%; все это цифры не слишкомъ высокія, но чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ значеніе, надо имѣть въ виду, что при условіяхъ сибирскаго земледѣлія, требующаго для обработки земли не менѣе двухъ, а во многихъ мѣстностяхъ и трехъ лошадей, къ разряду безхозяйныхъ приходится отнести не только безлошадные, но и однолошадные дворы.

Для Алтайскаго округа произведенное въ 1894 г. изслѣдованіе дало еще болѣе высокія среднія цифры, нежели по Енисейской губерніи: средній размѣръ посѣвной площади у проживш[и]хъ свыше 10 лѣтъ—11,1 дес., у проживш[и]хъ отъ 5 до 10 лѣтъ 10,0, даже у проживш[и]хъ отъ 3 до 5 лѣтъ—8,0 дес.; среднее число рабочихъ лошадей въ соотвѣтственныхъ группахъ—5,7, 4,2 и 3,1, однѣхъ только дойныхъ коровъ—3,6, 2,8, 1,9 головъ,—цифры, тоже вполнѣ выдерживающія сравненіе съ цифрами, рисующими средній уровень благосостоянія мѣстнаго старожилаго населенія. Но, опять таки, и для Алтайскаго округа цифры заставляютъ констатировать наличность значительнаго, въ большей или меньшей степени безхозяйнаго элемента. Среди проживш[и]хъ въ краѣ отъ 3 до 10 лѣтъ оказалось безлошадныхъ или что—какъ я сказалъ—практически одно и то же, однолошадныхъ, 24,8%, и даже среди проживш[и]хъ болѣе 10 лѣтъ безлошадные и однолошадные составляли 11,5%;

совершенно безпосѣвные были, правда, очень малочисленны, составляя, въ томъ же порядкѣ группъ, 3,3 и 3,7%; но очень значительная часть алтайскихъ новоселовъ—27,7 и 17,9%—располагала явно недостаточною, по мѣстнымъ условіямъ, посѣвною площадью, именно засѣвала не свыше 5 десятинъ на дворъ, и огромный процентъ новоселовъ, имѣя посѣвъ, не успѣлъ однако достигнуть возможности вести самостоятельное хозяйство: 20,0 и 12,7%—въ томъ же порядкѣ группъ—обрабатывали землю наймомъ, 36,0 и 17,9%—супрягою.

Но Енисейская губернія и Алтайскій округъ были и по сейчасъ остались, какъ по естественнымъ условіямъ—плодородіе и свѣжесть почвы, сравнительно благопріятныя метеорологическія условія!—такъ и по экономической обстановкѣ, лучшими, по крайней мѣрѣ въ коренной Сибири, колонизаціонными районами. Уже для района казенныхъ земель Томской губерніи благосостояніе новоселовъ, по даннымъ, собраннымъ также въ 1894 году, рисуется въ гораздо менѣе благопріятномъ свѣтѣ: среднія цифры, въ общемъ, вдвое ниже, чѣмъ въ Алтайскомъ округѣ, и значительно ниже, чѣмъ у мѣстнаго старожилаго населенія: 2,5 рабочихъ лошадей, 1,9 дойныхъ коровъ и 4,9 дес. посѣвной площади,—все это у прожившихъ въ краѣ болѣе четырехъ лѣтъ, слѣдовательно уже прошедшихъ тяжелый искусъ первопачальнаго обзаведенія; и при этомъ безпосѣвные составляли уже 9,7%—почти одну десятую часть, безлошадные съ однолошадными—22,1%, почти четверть общаго числа новоселовъ. Сопоставленіе приведенныхъ цифръ съ цифрами, характеризующими хозяйственное положеніе переселенцевъ на родинѣ, дастъ, на первый взглядъ, достаточно благопріятные результаты: на родинѣ, до переселенія, томскіе новоселы располагали, въ среднемъ, 1,6 рабочею лошадью, 1,3 коровой и 3,6 дес. посѣва; безпосѣвные составляли 14,3%, а безлошадные съ однолошадными 55,2%; значитъ, они, какъ будто бы, замѣтно выиграли отъ переселенія. Но если принять во вниманіе, что такія величины, какъ лошадь, какъ корова, какъ десятина посѣвной площади въ Сибири, при экстенсивномъ характерѣ хозяйства и при низкой его доходности, имѣютъ гораздо меньшее значеніе, нежели въ Европейской Россіи; что, напримѣръ, одна лошадь при условіяхъ сибирскаго земледѣлія—это все равно, что половина или даже треть лошади въ Европейской Россіи, то заключенія, какія можно сдѣлать изъ приведенныхъ цифръ, окажутся гораздо менѣе благопріятными. И эти менѣе благопріятныя заключенія вполнѣ подтверждаются тѣми данными, какими мы располагаемъ для сужденія о результатахъ хозяйства томскихъ новоселовъ: 15,1% ихъ—

почти такой же процентъ, какъ и на родинѣ (16,8%) — отпускали срочныхъ батраковъ, а болѣе двухъ пятыхъ, 42%, не имѣли достаточно хлѣба для продовольствiя; а это для такой исключительно земледѣльческой страны, какъ полоса экстенсивнаго земледѣлiя въ Сибири, является, конечно, признакомъ чрезвычайно шаткого положенiя хозяйства.

Но цифры, полученныя мѣстнымъ изслѣдованiемъ въ районѣ казенныхъ земель Томской губернiи, приходится признать еще очень благопрiятными, если сравнить ихъ съ цифрами, полученными, годомъ раньше, при подворномъ изслѣдованiи Тобольскихъ новоселовъ: въ среднемъ у прожившихъ въ краѣ отъ 5 до 7 лѣтъ оказалось 2,0 рабочихъ лошади, у прожившихъ отъ восьми до десяти лѣтъ 2,3, у прожившихъ болѣе десяти лѣтъ—даже 1,8 рабочихъ лошади; средній размѣръ посѣвной площади, въ томъ же порядкѣ группъ, 3,7, 2,9 и 4,0 дес. Уже эти среднiя цифры—читатель видитъ—замѣтно ниже, чѣмъ по району казенныхъ земель Томской губернiи и втрое ниже, чѣмъ по Енисейской губернiи или по Алтаю. Но эти среднiя цифры рисуютъ положенiе Тобольскихъ новоселовъ далеко еще не въ столь неблагопрiятномъ свѣтѣ, какъ данныя о числѣ дворовъ, потерпѣвшихъ полную хозяйственную неудачу: безлошадныхъ—однихъ только совершенно безлошадныхъ!—оказалось, въ томъ же порядкѣ группъ, 13,3, 11,8 и—у прожившихъ свыше десяти лѣтъ!—18,8%; безъ коровы—20,2, 19,4 и 29,8%, безъ посѣва—10,5, 12,2 и 8,0%.. По подсчету, сдѣланному г. Владиславлевымъ на основанiи собраннаго при изслѣдованiи 1893 года матерiала, изъ 63 изслѣдованныхъ поселковъ съ 4.164 дворами только четыремъ, съ 245 дворами, вполнѣ хватало своего хлѣба; въ пяти, съ 196 дворами, хватало хлѣба значительному большинству дворовъ, въ двухъ, со 117 дворами,—болѣе нежели половинѣ, въ четырехъ, съ 297 дворами, хлѣба хватало только немногимъ, въ остальныхъ 48 поселкахъ — почти никому. „Въ среднемъ—такъ резюмируетъ тотъ-же авторъ общiй смыслъ собраннаго изслѣдованiемъ тобольскихъ новоселовъ статистическаго матерiала—новоселы лѣтъ черезъ 20 по приходѣ становятся на ноги; если бы не неурожаи, вродѣ бывшаго въ 1884 году, этотъ тяжелый процессъ происходилъ бы быстрѣе, можетъ быть вдвое; но, увы—при нихъ мы должны сознаться, что самостоятельное хозяйство новоселовъ находится въ состоянiи полнаго банкротства“...

И такiе результаты переселенiя—въ среднемъ вполнѣ благопрiятные въ однихъ колонизацiонныхъ районахъ, посредственные въ другихъ, очень плачевные въ третьихъ,—такiе результаты, говорю

я, добыты мѣстнымъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ; зарегистрированные въ то время переселенцы переселялись и обзаводились на новыхъ мѣстахъ, главнымъ образомъ, въ 80-хъ годахъ, т. е. въ такое время, когда условія водворенія переселенцевъ Сибири были еще мыслимо благопріятны: переселенцы водворялись либо въ старожильскихъ селеніяхъ—и въ такомъ случаѣ они пользовались тѣмъ-же земельнымъ просторомъ, что и старожилы; либо на переселенческихъ участкахъ, которые въ то время нарѣзывались въ лучшихъ, по естественнымъ и экономическимъ условіямъ, мѣстностяхъ Сибири. При сравнительно ограниченномъ наплывѣ переселенцевъ трудъ ихъ—если они нуждались въ заработкѣ—встрѣчалъ широкій спросъ со стороны зажиточнаго старожильскаго населенія, и потому каждый переселенецъ могъ расчитывать на хорошіе заработки, которые, при трудолюбіи и бережливости, позволяли даже совершенно неимущему переселенцу въ немного лѣтъ скопить средства, нужныя для полнаго обзаведенія; прожить „до своего хлѣба“ и обзавестись домомъ и необходимымъ инвентаремъ стоило въ то время очень дешево: переселенческая семья, попавшая въ Сибирь въ хорошій урожай, въ одинъ мѣсяцъ или даже скорѣе могла заработать хлѣба на цѣлый годъ и „припрядить“ посѣвъ, достаточный для продовольствія на слѣдующій, второй годъ по водвореніи.

Съ того времени условія водворенія переселенцевъ въ Сибири значительно измѣнились къ худшему. „Междугранки“ между старожильскими селеніями, гдѣ прежде водворялась главная масса переселенцевъ, вездѣ уже заселены,—колонизація во всей коренной Сибири передвинулась, почти исключительно, въ подтаёжные и чисто таёжные районы; земли, на которыхъ теперь приходится садиться переселенцамъ, и хуже по качеству, и, въ видѣ правила, труднѣе для разработки, и—что можетъ быть, самое главное—удалены отъ старожильскихъ селеній. Это послѣднее обстоятельство очень затрудняетъ первоначальное обзаведеніе—устройство жилища, пріобрѣтеніе хлѣба и инвентаря и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ оно затрудняетъ и пріисканіе заработковъ: прежде, когда старожильскія селенія были подъ рукою, новоселъ, если нуждался въ заработкѣ, могъ пользоваться для этого каждымъ свободнымъ днемъ, даже свободными часами,—могъ, значитъ, зарабатывать, не отрываясь отъ собственнаго хозяйства; теперь, когда переселенцы водворяются въ десяткахъ верстъ отъ ближайшихъ старожильскихъ селеній, приходится одно изъ двухъ—либо уходить на заработки и бросать работу на собственномъ хозяйствѣ, либо заняться этимъ послѣднимъ, и въ такомъ случаѣ отказаться отъ надежды на заработки. Да и

сами заработки стали значительно хуже: наплывъ переселенцевъ очень усилился съ начала 90-хъ годовъ, спросъ на трудъ остался тотъ же самый, даже мѣстами сократился, потому что старожиламъ пришлось, во многихъ мѣстностяхъ, сократить свои запашки. А между тѣмъ и обзаведеніе собственнымъ хозяйствомъ, и самое существованіе стало значительно дороже: вздорожали, по крайней мѣрѣ въ западно-сибирскихъ колонизаціонныхъ районахъ, и хлѣбъ, и лошади, и рогатый скотъ,—за все приходится платить вдвое, втрое и вчетверо дороже, чѣмъ 10 или 15 лѣтъ тому назадъ.

Какъ рѣзко измѣнились къ худшему условія водворенія переселенцевъ въ Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ—насколько ухудшились результаты переселенія,—объ этомъ наглядно свидѣтельствуютъ цифровыя данныя объ обратномъ переселеніи. За пятилѣтіе 1881—1885 гг. оно не превышало 3,4 %, за слѣдующія девять лѣтъ, съ 1885 по 1893 г., 3,6 % общаго числа переселенцевъ, прошедшихъ за то-же время въ Сибирь; *такое* обратное переселеніе, очевидно, не могло возбуждать сколько-нибудь серьезныхъ опасеній. Въ 1895 году, однако, обратное переселеніе разомъ возрастаетъ уже до 10, въ 1896 году—до 14 %; въ среднемъ за пятилѣтіе 1894—1898 гг. обратное переселеніе составило 13,8, за слѣдующее пятилѣтіе 1899—1903 гг.,—даже 18,8 %—значитъ возвратилась *почти одна пятая* всѣхъ переселенцевъ, выселившихся за то же время изъ Европейской Россіи. Въ частности, обратное переселеніе изъ Тобольской губерніи за время съ 1894 по 1898 г. составило $10_{,3}$, за 1899—1903 гг. $24_{,3}$ %; изъ района казенныхъ земель Томской губерніи—за первое пятилѣтіе 12, за второе $15_{,8}$ %, изъ Алтайскаго округа—$12_{,6}$ и $21_{,2}$ %; сравнительно невелико и посейчасъ обратное переселеніе изъ Енисейской губерніи,—въ первомъ пятилѣтіи $10_{,2}$ %, во второмъ даже только $7_{,9}$ % передняго движенія. Въ общемъ итогѣ по Тобольской, Томской (исключая Алтай) и Енисейской губерніямъ за пятилѣтіе 1894—1898 гг. ушло назадъ на родину 42 тыс., за пятилѣтіе 1899—1903 гг.—63 тыс. душъ,—а всего за десятилѣтіе 105000 душъ. *Болѣе ста тыс. душъ*, или 16—17 тыс. семей обратныхъ переселенцевъ—людей, которымъ переселеніе принесло полное и окончательное разореніе!...

Въ данную минуту для насъ наиболѣе важно, однако, другое: *рѣзкое возрастаніе обратнаго переселенія* по сравненію съ 80-ми и даже еще съ началомъ 90-хъ годовъ, неопровержимо доказывающее *рѣзкое ухудшеніе условій водворенія*. О томъ же свидѣтельствуютъ и новѣйшія цифровыя данныя, касающіяся хозяйственнаго положенія переселенцевъ въ Сибири,—именно

данныя подворнаго изслѣдованія, произведеннаго въ 1903 году приглашенными переселенческимъ управленіемъ статистиками. Изслѣдованіе это имѣло, правда, выборочный характеръ; но все же оно охватило 233 переселенческихъ поселка съ 13.712 дворами, и при отсутствіи основаній предполагать односторонній подборъ подвергнутыхъ обслѣдованію поселковъ, собранный изслѣдованіемъ матеріалъ можетъ служить достаточно твердымъ основаніемъ для общихъ заключеній о результатахъ современнаго переселенческаго движенія.

Если остановиться, прежде всего, на общихъ итогахъ по всѣмъ 233 поселкамъ, то среднія цифры, и въ частности—данныя о среднемъ размѣрѣ запашекъ новоселовъ, могутъ показаться достаточно благопріятными; въ среднемъ на дворъ всѣми вообще зарегистрированными переселенцами засѣвалось по 4,6 дес., если же взять только тѣ 9.525 дворовъ, которые водворились на новыхъ мѣстахъ не позже 1899 года и которыя, слѣдовательно, къ моменту изслѣдованія уже прошли искусъ первоначальнаго обзаведенія, то средняя повысится до 5,2 десятинъ. Но прежде всего—въ эти итоговыя цифры входятъ переселенческіе поселки не только коренной Сибири, но и степного края, поставленные, во многихъ отношеніяхъ, въ рѣзко отличныя условія. А затѣмъ, даже и эти итоговыя цифры свидѣтельствуютъ, опять-таки, о весьма рѣзкомъ разслоеніи новоселовъ и о наличности, среди нихъ, весьма многочисленнаго элемента, частью совершенно безхозяйнаго, частью хотя и обзаведшагося хозяйствомъ, но во всякомъ случаѣ не достигшаго даже минимальнаго, по мѣстнымъ условіямъ, уровня хозяйственной самостоятельности; если взять однихъ только водворившихся до 1899 года (о которыхъ мы только и будемъ говорить въ дальнѣйшемъ), то среди нихъ оказывается 5,1% совершенно безъ рабочаго скота и 17,3 съ одною головою,—значитъ 22,4%, почти четверть общаго числа, не имѣющихъ возможности самостоятельно обрабатывать землю; количество безпосѣвныхъ, правда, незначительно,—оно составляетъ всего 1,9%; но 13,8% засѣваютъ не болѣе 2 десятинъ на дворъ, а 46,8%—почти половина общаго числа—отъ двухъ до пяти десятинъ; въ общей сложности почти двѣ трети общаго числа зарегистрированныхъ дворовъ засѣваютъ менѣе 5 дес.—запашка ихъ, значитъ, не достигаетъ того минимума, который, въ среднемъ, можно признать приблизительно достаточнымъ для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей переселенческой семьи. Еще менѣе благопріятными оказываются результаты современнаго переселенія, если взять однѣ только тѣ три сибирскія губерніи, которыя, въ коренной Сибири, являются главными пріем-

никами переселенческаго движенія. Только цифры по Тобольской губерніи—въ среднемъ на дворъ 4,5 дес. посѣвной площади—оказываются, сверхъ ожиданія, не только не менѣе, но даже нѣсколько болѣе благопріятными, чѣмъ по изслѣдованію 1893 года; почему—на этотъ вопросъ наши источники не даютъ отвѣта. По району казенныхъ земель Томской губерніи (по Алтайскому округу свѣдѣнія почему-то не собирались) и по Енисейской губерніи средній уровень достигнутаго переселенцами благосостоянія оказывается гораздо ниже, нежели по изслѣдованіямъ начала 90-хъ годовъ; посѣвная площадь составляетъ, въ среднемъ на семью, въ Енисейской губерніи всего 4,3 дес., въ Томской—даже только 3,3 десятинъ. И по всѣмъ тремъ губерніямъ—огромный процентъ дворовъ либо совсѣмъ безхозяйныхъ, либо, во всякомъ случаѣ, не успѣвшихъ въ сколько-нибудь достаточной степени упрочить своего хозяйства: только въ Енисейской губерніи безлошадные и однолошадные сравнительно немногочисленны—всего 12,3%; въ Тобольской губерніи процентъ безлошадныхъ съ однолошадными достигаетъ 21,2, въ Томской—даже 31,5% *почти треть* новоселовъ, значитъ, не ведетъ здѣсь самостоятельной запашки. Совершенно безпосѣвные вмѣстѣ съ засѣвающими менѣе двухъ десятинъ составляютъ въ Тобольской губерніи 16,2, въ Енисейской—19,5, въ Томской—опять таки даже 34,2%; засѣвающіе отъ двухъ до пяти десятинъ, значитъ тоже имѣющіе запашку, въ среднемъ, безусловно недостаточную для удовлетворенія своихъ насущнѣйшихъ потребностей, составляютъ въ первой 53,9, во второй 49,5, въ третьей даже 57,6%; и только 30,0; и 30,8%—около трети, въ Тобольской и Енисейской губерніяхъ, и 16,9%, т. е. всего около одной шестой, въ Томской губерніи засѣваютъ свыше пяти десятинъ,—имѣютъ, значитъ, запашку приблизительно соотвѣтствующую этимъ минимальнымъ потребностямъ. Если теперь вспомнить о той, почти пятой, части переселенцевъ, которая, въ послѣднее время, возвращается на родину, то ясно станетъ, съ какимъ колоссальнымъ рискомъ сопряжено современное переселеніе въ Сибирь, и какъ мало шансовъ современный переселенецъ имѣетъ достигнуть сколько-нибудь достаточной степени благосостоянія и хозяйственной самостоятельности...

Было бы слишкомъ долго подробно разбирать всѣ причины столь жалкихъ результатовъ современнаго переселенческаго движенія,—отчасти намъ придется еще вернуться къ этому вопросу на послѣдующихъ страницахъ. Мнѣ хотѣлось бы только остановиться на одномъ обстоятельствѣ, которому общественное мнѣніе склонно придавать существенно важное, даже рѣшающее значеніе: это именно—на *плохой организаціи* переселенческаго дѣла. Корень зла—

таковъ господствующій взглядъ—въ плохой постановкѣ дѣла выбора и обмежеванія земель, въ недостаточной ихъ подготовкѣ для заселенія (водоснабженіе и т. п.), въ отсутствіи агрономической помощи переселенцамъ, въ недостаточности размѣровъ ссудъ и нецѣлесообразной постановкѣ дѣла ихъ раздачи и т. п.; и все это—результатъ чисто-бюрократической организаціи переселенческаго дѣла. Коренное преобразованіе этой организаціи, передача переселенческаго дѣла въ руки учрежденій мѣстнаго самоуправленія, а затѣмъ, на этой почвѣ,—болѣе широкая и цѣлесообразная постановка дѣла помощи переселенцамъ представляются многимъ условіями, необходимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточными, чтобы предотвратить на будущее время столь плачевные результаты и сократить до минимума колоссальный рискъ переселенія.

По моему убѣжденію, вопросу, такъ сказать, организаціонному приписывается въ данномъ случаѣ крайне преувеличенное значеніе. Я отнюдь не склоненъ игнорировать наличность серьезныхъ недостатковъ въ современной организаціи и постановкѣ переселенческаго дѣла; согласенъ и съ тѣмъ, что однимъ изъ условій ея улучшенія является привлеченіе общественныхъ силъ къ совмѣстной съ органами государственной власти работѣ. Но прежде всего: справедливость требуетъ отмѣтить, что за время съ 1893 г., по почину комитета Сибирской желѣзной дороги и на отпускавшіяся имъ, сравнительно значительныя средства (за десять лѣтъ на переселенческое дѣло было отпущено почти 30 милліоновъ рублей), было сдѣлано очень много для улучшенія условій какъ передвиженія, такъ, хотя въ гораздо меньшей степени, и водворенія переселенцевъ; и мѣряя сдѣланное на нашъ, русскій аршинъ, сравнивая сдѣланное въ этой сферѣ съ тѣмъ „недѣланіемъ“, которое было основнымъ принципомъ нашего правительства въ трудномъ дѣлѣ подъема культурнаго уровня и благосостоянія нашего крестьянства,—приходится признать, что для переселенческаго дѣла не только было сдѣлано не мало, но и что дѣлавшееся дѣлалось не такъ уже плохо. Но главное — попробуемъ приложить къ рѣшенію даннаго вопроса методъ сопутствующихъ измѣненій. Допустимъ, что современная организація и постановка переселенческаго дѣла безусловно неудовлетворительна, матеріальная помощь переселенцамъ абсолютно недостаточна и т. д.; но теперь дѣло все-таки кой-какъ организовано, и переселенцамъ все-таки оказывается кой-какая матеріальная помощь. Въ предшествовавшій 1893 году періодъ вся дѣятельность правительства въ интересующей насъ области ограничивалась тщетною борьбой съ переселенческимъ движеніемъ; не было никакой или почти никакой матеріальной помощи, не было ничего похожаго

на заботу о переселенцахъ во время передвиженія и тѣмъ болѣе— въ фазисѣ водворенія на „новыхъ мѣстахъ"; самое передвиженіе въ Сибирь было несравненно труднѣе, требовало несравненно большихъ жертвъ и временемъ, и средствами, а нерѣдко — здоровьемъ и жизнью, чѣмъ въ настоящее время. Если бы разсматриваемыя обстоятельства дѣйствительно играли сколько-нибудь рѣшающую роль, то результаты переселенія въ настоящее время должны бы быть лучше, чѣмъ въ періодъ, предшествовавшій 1893 году. А между тѣмъ мы видимъ діаметрально противоположное: какъ разъ съ середины 90-хъ годовъ, начинается рѣзкое ухудшеніе результатовъ сибирскаго переселенія. Дѣло, значитъ, не въ организаціи и постановкѣ переселенческаго дѣла; дѣло въ томъ ухудшеніи общихъ условій сибирскаго переселенія, какое мнѣ приходилось уже отмѣчать на предыдущихъ страницахъ: за исчерпаніемъ запасовъ лучшихъ земель, по естественнымъ условіямъ и по мѣстоположенію, переселенцамъ приходится садиться на худшихъ или во всякомъ случаѣ— менѣе подходящихъ къ ихъ требованіямъ земляхъ, притомъ болѣе удаленныхъ отъ того колонизаціоннаго базиса, какимъ являются старожильскія селенія; заработки значительно сократились, а стоимость водворенія и обзаведенія возрасла. А при такихъ условіяхъ ухудшеніе результатовъ переселенія было совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ и не могло быть предотвращено какою-бы то ни было постановкою и организаціею переселенческаго дѣла. Нельзя при этомъ не отмѣтить еще одного обстоятельства—именно качественнаго, такъ сказать, ухудшенія состава двигающихся въ Сибирь переселенцевъ. Прежде, когда состояніе сообщеній ставило передвиженію въ Сибирь невѣроятныя трудности; когда правительство не только не содѣйствовало, но всячески препятствовало переселенію; когда переселенцамъ, поэтому, не на кого было надѣяться, кромѣ Бога и самихъ себя,—на переселеніе рѣшались только самые энергичные, самые предпріимчивые элементы. Въ настоящее время путь въ Сибирь — особенно благодаря льготному тарифу! — дешевъ и сравнительно удобенъ; правительство, такъ или иначе, помогаетъ переселенцамъ, даетъ имъ ссуды, кормитъ и лѣчитъ во время переѣзда , — и слухи объ этой помощи, проникая въ крестьянскую среду, нерѣдко, въ до-нельзя преувеличенномъ и извращенномъ видѣ, являются лишнимъ стимуломъ, двигающимъ крестьянъ на переселеніе. При такихъ условіяхъ, естественно, на переселеніе двинулись гораздо менѣе сильные и энергичные элементы,—прежніе піонеры, надѣявшіеся только на свои собственныя силы, смѣнились заурядною, сѣрою переселенческою массою, переселяющеюся, въ значительной мѣрѣ, въ разсчетѣ на казенныя пособія, весьма мало

способною и склонною бороться съ тѣми, дѣйствительно, огромными трудностями и препятствіями, съ какими встрѣчается современная, въ значительной мѣрѣ таёжная и подтаёжная колонизація. Ухудшеніе условій водворенія переселенцевъ въ Сибири, къ которымъ могли бы приспособиться развѣ только исключительно-сильные и предпріимчивые элементы, сопровождалось, напротивъ, пониженіемъ общаго уровня переселенческой энергіи и предпріимчивости, и это опять-таки, неизбѣжно должно было вести къ пониженію результатовъ переселенческаго движенія.

Сказаннымъ, въ значительной мѣрѣ, предрѣшается вопросъ о будущности сибирскаго переселенія и—обратная сторона той же медали!—о будущности крестьянской колонизаціи Сибири.

Какъ мнѣ приходилось, между прочимъ, упоминать на предъидущихъ страницахъ, тотъ сравнительно необширный районъ, въ которомъ до послѣдняго времени сосредоточивалась русская земледѣльческая колонизація Сибири, можетъ считаться, въ общихъ чертахъ, закрытымъ для дальнѣйшаго вселенія. Нѣкоторый запасъ земель обѣщало дать поземельное устройство старожилаго населенія, при которомъ—мы знаемъ—освобождаются и поступаютъ въ распоряженіе государства, между прочимъ и для переселенческихъ цѣлей, излишнія сверхъ нормы земли, ранѣе состоявшія въ свободномъ пользованіи старожиловъ. Но опытъ довольно продолжительнаго періода, протекшаго со времени открытія поземельно-устроительныхъ работъ, показалъ, что надежды, возлагавшіяся въ этомъ отношеніи на поземельное устройство, были весьма преувеличены: въ сравнительно многоземельномъ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи за шесть лѣтъ землеустройства выдѣлилось всего около ста тыс. десятинъ, могущихъ поступить подъ заселеніе; по Тобольской губерніи, за тотъ-же періодъ, такихъ земель вовсе не оказалось, и ходъ поземельно-устроительныхъ работъ позволяетъ предвидѣть, что и въ будущемъ тѣ излишки, которые окажется возможнымъ обратить подъ переселеніе, будутъ исчисляться какими-нибудь сотнями тысячъ десятинъ. Число же душъ, которыя старожилы обязались допринять на излишнія сверхъ нормы земли, въ итогѣ по всѣмъ четыремъ губерніямъ и Забайкальской области не достигло пока шести тысячъ. Въ прославленномъ своимъ многоземельемъ Алтайскомъ округѣ по Томскому уѣзду оказалось всего около 400 тыс. дес. излишковъ, которые будутъ обращены подъ заселеніе, по Бійскому—даже всего только 50 тыс. десятинъ. Все это—цифры до смѣшного ничтожныя по сравненію какъ съ необъятною общею площадью Сибири, такъ и съ неизмѣримо большими потребностями русскаго переселенческаго движенія. Кой-какія сотни тысячъ де-

сятинъ—впрочемъ очень плохо обезпеченныхъ водой и поставленныхъ въ очень неблагопріятныя для колонизаціи климатическія условія, будутъ, вѣроятно, обращены подъ заселенія въ степяхъ юго-западнаго, почти пустыннаго въ настоящее время угла Каинскаго уѣзда и прилегающей къ киргизскимъ степямъ окраины Алтайскаго округа (Бель-Агачская степь), можетъ быть и въ нѣкоторыхъ инородческихъ районахъ средней Сибири,—и конецъ. Дальнѣйшая колонизація Сибири будетъ, поэтому, болѣе или менѣе исключительно таёжною колонизаціею, и вопросъ о будущности колонизаціи Сибири почти совпадаетъ съ вопросомъ о будущности колонизаціи сибирской тайги.

Изслѣдованія и землеотводныя работы послѣдняго десятилѣтія обнаружили и безспорно доказали совершенную ошибочность еще недавно существовавшихъ и въ обществѣ, и среди крестьянъ, и въ правительственныхъ сферахъ представленій о тайгѣ и о ея, приблизительно, синонимѣ—западно-сибирскихъ урманахъ, какъ о сплошныхъ, первобытныхъ, дремучихъ лѣсахъ, годныхъ исключительно для звѣрованья, для орѣшнаго промысла и пчеловодства. Въ перемѣшку съ сосновыми борами и „черною“ тайгой были обнаружены обширныя пространства безлѣсныхъ „еланей“ и покрытыхъ лиственнымъ рѣдколѣсьемъ „бѣльниковъ“, вполнѣ пригодныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія и не слишкомъ трудныхъ для разработки: колоссальные лѣсные пожары совершенно измѣнили, на огромныхъ пространствахъ, первобытную физіономію тайги—почва освободилась отъ избытка влажности, таёжный бурьянъ смѣнился мягкою и доброкачественною травою, самый климатъ сталъ болѣе мягкимъ и соотвѣтствующимъ требованіямъ земледѣльческой культуры. Такого рода „открытія“—мы смѣло можемъ употребить, въ данномъ случаѣ, этого слово—имѣли мѣсто и по всѣмъ четыремъ губерніямъ коренной Сибири, и въ областяхъ дальняго востока. И не подлежитъ, повидимому, сомнѣнію, что та таинственная завѣса, которая еще немного лѣтъ тому назадъ наглухо закрывала отъ насъ сибирскую тайгу, пока еще только приподнята, и что въ будущемъ предстоятъ все новыя и новыя „открытія“. Мы не можемъ, поэтому, даже приблизительно сказать, какъ велико общее количество земель, которыя въ данный моментъ могли бы—собственно по своимъ естественнымъ условіямъ — поступить подъ заселеніе и разработку, тѣмъ болѣе не можетъ сказать, сколько милліоновъ десятинъ еще созрѣетъ для культуры черезъ десять или черезъ сто лѣтъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго хода разрѣженія и освѣтлѣнія тайги. И въ то время какъ въ заселенныхъ районахъ Сибири или въ степномъ краѣ русская колонизація уже почти упер-

лась въ глухую стѣну,—въ сибирскахъ лѣсахъ она встрѣчаетъ только эластичную преграду, которая будетъ отступать все дальше и дальше, съ каждымъ десятилѣтіемъ и съ каждою четвертью вѣка.

До какихъ предѣловъ расширится, черезъ двадцать пять или сто лѣтъ, полоса земледѣльческой колонизаціи Сибири; до какой цифры дойдетъ, черезъ такой-же промежутокъ времени, ея земледѣльческое населеніе,—этого, въ настоящее время, нѣтъ никакой возможности сказать. Можно однако съ увѣренностью утверждать, что колонизація таёжныхъ пространствъ, а слѣдовательно и вообще дальнѣйшая колонизація Сибири *не можетъ и не должна* итти сколько-нибудь быстрымъ темпомъ. Въ тайгѣ хорошо устраивался переселенецъ-піоперъ, который преодолѣвалъ „крѣпкія заставы“ и всяческія затрудненія и препятствія, и твердо зналъ, что ему не на что надѣяться, кромѣ собственнаго труда и энергіи,—но въ тайгѣ не устроится *нынѣшній* переселенецъ, идущій въ Сибирь въ разсчетѣ на дешевый тарифъ и на казенныя пособія. И что́ еще важнѣе; селиться и устраиваться въ тайгѣ способны и склонны только выходцы изъ лѣсныхъ же мѣстностей, а не степняки, составляющіе нынѣ подавляющее большинство нашего массоваго переселенія. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ приводить здѣсь цифровыхъ данныхъ о направленіи переселенческаго движенія изъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи; но анализъ этихъ данныхъ неоспоримо доказываетъ, что лѣсные участки сколько-нибудь охотно заселяются лишь выходцами изъ лѣсныхъ районовъ и вовсе не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ для выходцевъ изъ черноземной Россіи, т. е. какъ разъ изъ тѣхъ именно мѣстностей, которыя всегда являлись и до сихъ поръ остаются главнымъ очагомъ переселенческаго движенія. Не даромъ сельскохозяйственные комитеты многихъ изъ губерній черноземной полосы такъ настоятельно требовали, чтобы „переселенцы попадали въ мѣстности, сходныя по климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ съ мѣстомъ ихъ прежней жизни“, и на этомъ основаніи такъ желали замѣнить сибирское переселеніе переселеніемъ въ какіе-нибудь другіе, болѣе подходящіе для черноземныхъ крестьянъ, колонизаціонные районы. Мы не имѣемъ также возможности вдаваться въ анализъ цифровыхъ данныхъ о безрезультатномъ ходачествѣ и объ обратномъ переселеніи,—и тѣ и другія, опять-таки, неопровержимо свидѣтельствуютъ, какъ мы отчасти видѣли выше, о все возростающей трудности для ходоковъ пріискать въ Сибири землю, для переселенцевъ—прочно обосноваться и устроиться въ Сибири. И что́ особенно характерно: въ то время, какъ въ такихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ

киргизская степь, Алтай и т. п., вообще въ мѣстностяхъ съ преобладаніемъ земель степного типа, безрезультатное ходачество и обратное переселеніе объясняется, въ главной массѣ, переполненіемъ этихъ районовъ; для районовъ съ преобладаніемъ лѣсныхъ земель на первый планъ выступаютъ такія причины, какъ „негодность почвы", или какъ точнѣе было бы выразиться—ея несоотвѣтствіе потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ переселенцевъ, и „суровость климата"; по даннымъ опросовъ, производившихся въ главномъ узловомъ пунктѣ переселенческаго движенія, Челябинскѣ, эти двѣ причины обусловливали для Енисейской губерніи почти двѣ пятыхъ, по Иркутской—почти пять шестыхъ всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества; тѣми же причинами были вызваны для Енисейской губерніи половина, для Иркутской губерніи—четыре пятыхъ всѣхъ случаевъ обратнаго переселенія, которые удалось выяснить при статистическомъ опросѣ. Повторяю: „негодность почвы"—это отнюдь не абсолютная негодность; при подходящемъ подборѣ колонизаціоннаго элемента, условія таёжной и урманной или, по крайней мѣрѣ подтаёжной и при-урманной колонизаціи, во многихъ отношеніяхъ, даже болѣе благопріятны, чѣмъ условія колонизаціи степныхъ районовъ, съ ихъ почти хроническими засухами и нашествіями кобылки; это—несоотвѣтствіе лѣсныхъ земель и климатическихъ условій таёжныхъ и подтаёжныхъ мѣстностей тому, чего ищутъ и чего требуютъ ходоки и переселенцы, при наблюдаемомъ, за послѣднія десятилѣтія, преобладаніи выходцевъ изъ черноземной полосы. Но такое преобладаніе—это фактъ, съ которымъ приходится считаться. Переселеніе изъ сѣвернаго полѣсья, еще не такъ давно довольно значительное, дававшее для сибирскихъ лѣсовъ наиболѣе сильные и энергичные колонизаціонные элементы, въ послѣднее время почти совершенно прекратилось, и при обиліи ненаселенныхъ государственныхъ земель на сѣверѣ Европейской Россіи нѣтъ основаній ожидать, чтобы это переселеніе возобновилось въ сколько-нибудь ощутительныхъ размѣрахъ.

Итакъ: мы не можемъ сказать, скоро-ли наступитъ, въ необъятныхъ сибирскихъ лѣсахъ, конецъ начавшихся во второй половинѣ 90-хъ годовъ „открытій", и каковы будутъ, въ концѣ концовъ, ихъ размѣры; не можемъ, слѣдовательно, сказать, сколько сотенъ тысячъ или милліоновъ переселенцевъ можетъ принять въ будущемъ коренная Сибирь. Но характеръ тѣхъ земель, какія могутъ заселяться въ сибирскихъ лѣсахъ, тяжелыя условія первоначальнаго обзаведенія и устройства, при рѣшительномъ преобладаніи, среди современной переселенческой массы, элементовъ, совершенно не обладающихъ качествами и навыками таёжныхъ піонеровъ, позволяетъ намъ по-

ложительно утверждать, что переселеніе въ коренную Сибирь *не можетъ* и не только не можетъ—*не должно* быть значительнымъ; не можетъ и не должно имѣть массоваго характера. Оно можетъ растянуться и, вѣроятно, растянется еще на много лѣтъ, можетъ быть на цѣлыя столѣтія, пока не будутъ исчерпаны кроющіеся въ дебряхъ урмановъ и тайги, можетъ быть весьма значительные, запасы земель, удобныхъ для заселенія и культуры. Но оно—повторяю—не можетъ и не должно итти тѣмъ форсированнымъ аллюромъ, какимъ оно пошло-было въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія: „кульминаціонный пунктъ сибирскаго переселенія—совершенно правильно говоритъ одинъ иностранецъ, К. Виденфельдъ, авторъ солидной работы, посвященной, между прочимъ, вопросу о колонизаціи Сибири,—уже достигнутъ; въ теченіе нѣкотораго времени, можетъ быть, мощная волна переселенія еще будетъ переливаться въ Сибирь; но отливъ не заставитъ себя ждать, и только слабый ручеекъ будетъ просачиваться тамъ, гдѣ теперь лишь съ величайшими усиліями удается удерживать въ берегахъ бушующія волны переселенческаго движенія". Впрочемъ, для настоящаго момента, собственно по отношенію къ переселенческому движенію въ коренную Сибирь къ сказанному приходится уже внести довольно существенныя поправки: въ послѣднее время уже не приходилось *задерживать* бущующихъ волнъ переселенія,—напротивъ, правительству, видѣвшему и видящему въ переселеніи средство разрѣдить пересыщенную электричествомъ атмосферу русской деревни, пришлось,—по оффиціальному признанію—„рекламировать" и „пропагандировать" переселеніе, чтобы вызвать новый ростъ уже затихшаго было переселенческаго движенія. Возобновившійся въ 1906 г. и значительно усилившійся въ 1907 году наплывъ переселенцевъ, между прочимъ, и въ коренную Сибирь, вызвалъ—какъ нельзя было не предвидѣть — массу неурядицъ въ моментѣ водворенія, и, увы — можно быть увѣреннымъ въ томъ, что за этою искусственно вызванною „мощною волною" переселенческаго движенія послѣдуетъ не менѣе мощная волна обратнаго переселенія.

Переселеніе въ коренную Сибирь и въ Приамурье, или, что при данныхъ условіяхъ почти синонимъ,—переселеніе въ сибирскую тайгу не только *не можетъ*, но и *не должно* итти сколько-нибудь форсированнымъ темпомъ. По совершенно правильному замѣчанію другого иностранца, О. Аугагена, чрезвычайно добросовѣстно изучившаго условія сибирскаго хозяйства и колонизаціи и въ настоящее время являющагося однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Сибири, при рѣшеніи вопроса о возможныхъ размѣрахъ и желательномъ темпѣ переселенія въ Сибирь „надо считаться съ тѣмъ

обстоятельствомъ, что землеотводныя работы проникаютъ все глубже въ дебри лѣсисто-болотистой полосы Сибири, а въ этой полосѣ нѣтъ возможности разомъ заселять произвольно большихъ количествъ земли. Вновь образуемый переселенческій участокъ не можетъ быть слишкомъ удаленъ отъ базиса, представляемаго болѣе ранними поселеніями,—иначе легко можетъ случиться, что переселенецъ, не имѣющій, долгіе годы по водвореніи, собственнаго хлѣба, въ теченіе долгой зимы отрѣзанный отъ всего остальнаго міра, впадетъ въ крайнюю нужду, если только ему не удастся окончательно бѣжать въ такія мѣста, гдѣ бѣднякъ можетъ разсчитывать на помощь болѣе зажиточнаго". Или говоря общѣе: переселеніе въ лѣсныя дебри коренной Сибири и Приамурья должно быть сообразовано не только съ выясненными, къ каждому данному моменту, размѣрами, колонизаціоннаго земельнаго фонда, но главное —съ ш и р о т о ю т о г о к о л о н и з а ц і о н н а г о б а з и с а, на который можетъ опереться дальнѣйшее заселеніе. Заселеніе таёжныхъ и урманныхъ пространствъ должно подвигаться, такъ сказать, уступами; колонизація каждаго отдѣльнаго района, сколько бы тамъ ни было найдено удобныхъ земель и нарѣзано участковъ, можетъ и должна итти лишь съ такою постепенностью, при которой вновь возникающіе, въ заселяемой въ данное время полосѣ, переселенческіе поселки имѣли бы достаточно крѣпкій и широкій базисъ въ ранѣе возникшихъ и успѣвшихъ окрѣпнуть старожильскихъ или переселенческихъ поселкахъ. „Цѣны разныхъ предметовъ обихода, писалъ не такъ давно большой знатокъ колонизаціоннаго вопроса и прекрасный наблюдатель, А. М. Беркенгеймъ, а съ другой —цѣны на работу у старожиловъ входятъ въ составъ понятія о колонизаціонной ёмкости Сибири". Если колонизація таёжныхъ и урманныхъ пространствъ будетъ итти шире, чѣмъ это допускаетъ широта подведеннаго подъ нее предыдущею колонизаціею базиса,—если, иначе сказать, та или другая полоса тайги начнетъ заселяться раньше, чѣмъ успѣетъ окрѣпнуть колонизація полосы, заселявшейся передъ тѣмъ, или если численность вновь водворившагося населенія будетъ болѣе того, что можетъ найти себѣ хлѣбъ, инвентарь и заработки въ уже окрѣпшихъ, болѣе раннихъ поселеніяхъ, а тѣмъ болѣе если переселенцы массами будутъ водворяться въ глухой тайгѣ, совершенно отрѣзанной отъ уже колонизованныхъ районовъ, то это приведетъ къ неминуемому, непомѣрному повышенію цѣнъ на хлѣбъ и на другіе продукты продовольствія, на живой инвентарь, на сѣмена и т. д.,—а то и въ совершенной невозможности достать необходимое для новыхъ поселенцевъ; столь же неминуемо это приведетъ къ совершенному обезцѣненію рабочихъ рукъ или къ

совершенной невозможности, для новыхъ поселенцевъ, достать какіе-либо заработки. И этотъ колонизаціонный базисъ не можетъ быть замѣненъ никакою государственною помощью, никакимъ правительственнымъ попеченіемъ о переселенцахъ; всякая колонизаціонная постройка, несоразмѣренная съ его широтою и крѣпостью, будетъ неминуемо обречена на упадокъ и разореніе.

Добывающая и обрабатывающая промышленность Сибири.

М. Соболева.

Сибирь, какъ страна, экономически молодая и изобилующая естественными богатствами, характеризуется преобладаніемъ добывающей промышленности. Сюда относится прежде всего горное дѣло, затѣмъ рыболовство, звѣроловство, лѣсное дѣло. Что же касается обрабатывающей промышленности, то она находится въ начальныхъ стадіяхъ своего развитія и вырабатываетъ товары не сложной техники и мѣстнаго потребленія; здѣсь преобладаетъ первичная обработка сырья и производство продуктовъ питанія, какъ-то: спирта, пива, муки, масла и т. п.

Горнозаводская промышленность занимаетъ въ Сибири выдающееся мѣсто, давая продуктовъ на большую цѣнность и занимая значительное число рабочихъ рукъ. Здѣсь на первомъ планѣ стоитъ золотопромышленность, издавна обезпечивавшая Сибири многомилліонные доходы.

Золотопромышленность. Картина добычи золота по даннымъ казенной регистраціи представляется за послѣднее время въ слѣдующемъ видѣ.

Годы.	Все производство въ Россіи.	Производство Сибири.	Въ томъ числѣ:		% производства въ Сибири.
			Западной Сибири.	Восточной Сибири.	
	Въ пудахъ.				
1882 . . .	2.207	1.750	127	1.623	73,5
1883 . . .	2.182	1.688	134	1.554	71,2
1884 . . .	2.178	1.693	131	1.562	71,7
1885 . . .	2.016	1.484	135	1.349	67,0

Годы.	Все производство въ Россіи.	Производство Сибири.	Въ томъ числѣ		% производства въ Сибири.
			Западной Сибири.	Восточной Сибири.	
	Въ пудахъ.				
1886 . . .	2.042	1.482	137	1.345	65,9
1887 . . .	2.128	1.478	150	1.328	62.4
1888 . . .	2.146	1.480	154	1.326	61,8
1889 . . .	2.274	1.631	169	1.462	64,4
1890 . . .	2.403	1.760	161	1.599	66,5
1891 . . .	2.386	1.681	171	1.510	63,3
1892 . . .	2.625	1.874	172	1.702	71,4
1893 . . .	2.759	2.004	182	1.822	72,2
1894 . . .	2.622	1.973	171	1.802	75,2
1895 . . .	2.510	1.914	162	1.752	72,3
1896 . . .	2.272	1.687	172	1.515	74,2
1897 . . .	2.332	1.710	176	1.534	73,3
1898 . . .	2.371	1.758	167	1.591	74,1
1899 . . .	2.378	1.736	174	1.562	73,0
1900 . . .	2.367	1.827	161	1.666	77,2
1901 . . .	2.389	1.835	170	1.665	76,8
1902 . . .	2.129	1.594	118	1.476	74,8
1903 . . .	2.120	1.606	111	1.505	75,8
1904 . . .	2.073	1.553	123	1.430	74,9

Надо замѣтить, что приведенныя цифры составляются на основаніи данныхъ оффиціальной регистраціи золота по предпріятіямъ. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ золотосплавочныхъ лабораторій (какъ казенныхъ, такъ и частныхъ), въ 1902 году было сплавлено 2.365 пудовъ, въ 1903 г. 2.572 пуд. и въ 1904 г. 2.667 пуд., т. е. на 236, 452 и 596 пуд. болѣе. Это золото не показывается въ книгахъ золотопромышленныхъ предпріятій или добывается хищническимъ путемъ.

Разсмотрѣніе итоговъ таблицы показываетъ, что говорить вообще объ упадкѣ золотопромышленности пока не приходится. Встрѣчаются годы и цѣлые періоды лѣтъ, когда добыча золота нѣсколько падаетъ, но затѣмъ она снова возрастаетъ.

Сибирь занимаетъ въ данной отрасли горнаго дѣла господствующее положеніе, доставляя свыше $^3/_4$ всего золота. Что же касается относительной роли Западной и Восточной Сибири, то процентъ золота, добываемаго Восточной Сибирью, къ общей массѣ сибирскаго золота составляетъ около 90%, поднимаясь въ отдѣль-

ные годы до 92—93%. По отдѣльнымъ губерніямъ Сибири добыча золота распредѣлялась въ 1904 г. такимъ образомъ:

Иркутская губернія	487 п.	Приморская область	182 п.
Амурская область	358 „	Томская губернія	102 „
Забайкальская область	213,5 „	Якутская область	50 „
Енисейская губернія	140 „		

Главная масса сибирскаго золота получается изъ розсыпей и всего лишь около 2% общаго количества добывается, въ среднемъ, изъ жильныхъ мѣсторожденій. Однако съ каждымъ годомъ добыча жильнаго золота возрастаетъ: въ 1894 г. его было $21^1/_2$ пуд. (1,1% общей массы), въ 1901 году уже $59^1/_4$ пуд. (3%), а въ 1904 г. $96^1/_2$ пудовъ (6%).

Центръ золотопромышленности находится въ настоящее время въ Иркутской губерніи, гдѣ наибольшія богатства представляетъ Витимскій горный округъ (по рѣчкѣ Бодайбо съ притоками), давшій въ 1904 году 403 пуда, и менѣе Олекминскій округъ (по рѣкамъ Ленѣ и Олекмѣ), давшій 64 пуда. Витимскій округъ заключаетъ въ себѣ наиболѣе богатыя розсыпи, дающія 2—3 и болѣе золотниковъ золота на 100 пуд. песку. Въ Олекминскомъ округѣ также преобладаютъ пріиски съ содержаніемъ золота болѣе 1 зол. на 100 пуд. песку. Толщина золотосодержащихъ пластовъ здѣсь невелика, обычно около $^1/_2$—1 саж.; иногда встрѣчается залеганіе золота въ двухъ и даже трехъ пластахъ. Пріиски этого района находятся на разстояніи 350—400 верстъ отъ населенныхъ мѣстностей. Витимскіе пріиски сообщаются съ ними по рѣкѣ Витиму пароходами до рѣки Бодайбо, а затѣмъ по колесной дорогѣ. Олекминскіе пріиски имѣютъ главное сообщеніе зимой по льду, лѣтомъ же люди ѣздятъ верхомъ, а грузы перевозятся вьюками.

Далѣе слѣдуетъ Амурская область съ золотыми розсыпями въ Буреинскомъ горномъ округѣ (по рѣкѣ Селемджи 122 пуд. и рѣкѣ Буреѣ $22^1/_2$ пуда—въ 1904 г.), въ Амурскомъ горномъ округѣ (86 пуд.) и въ Зейскомъ округѣ (по системѣ Зеи—127 пуд.). Разстояніе пріисковъ отъ населенныхъ мѣстъ здѣсь отъ 300 до 500 верстъ. Сообщеніе ведется по рѣкамъ на лодкахъ и узкими дорогами, часто тропами до пріисковъ; зимой сообщеніе происходитъ на саняхъ. Въ этомъ районѣ богатство золотосодержащихъ песковъ уже меньше: въ среднемъ на 100 пуд. песку приходится около 0,8 зол.; содержаніе въ 1 зол. считается очень хорошимъ.

На третьемъ мѣстѣ стоитъ Забайкальская область, въ которой Западно-Забайкальскій и Восточно-Забайкальскій горные округа

(по рѣкамъ Чикою, Витимкану, Большому Амалату, Витиму, Ципикапу, Шилкѣ, Ингодѣ и Онону) дали въ 1904 г. 77 пуд., а Нерчинскій округъ Кабинета Его Величества далъ 136 пудовъ. Здѣсь розсыпи даютъ, въ среднемъ, около 1 зол. на 100 пуд. песку; въ Западно-Забайкальскомъ округѣ богатство песковъ выше, чѣмъ въ Восточномъ.

На четвертомъ мѣстѣ находится Приморская область, гдѣ въ бассейнѣ Амура (озеро Дальджа, рѣки Амгунь, Семь, Кербь, Коль) добыто въ 1904 г. 180 пудовъ. Среднее содержаніе золота равняется 0,9 зол. на 100 пуд. песку.

Далѣе слѣдуетъ Енисейская губернія. Минусинскій горный округъ далъ въ 1904 г. 16 пудовъ (Усинскій округъ и Минусинскій уѣздъ), Ачинскій и Канскій уѣзды дали $46^1/_2$ пуд., при чемъ преобладало жильное золото ($38^1/_2$ пуд.) и Енисейскій горный округъ доставилъ 78 пуд. Въ послѣднемъ округѣ имѣется двѣ системы: сѣверная—по лѣвымъ притокамъ Подкаменной Тунгузки и по правымъ притокамъ Большого Пита, южная—по лѣвымъ притокамъ Большого Пита и по правымъ притокамъ Ангары. Здѣсь содержаніе золота въ пескахъ значительно меньше; въ среднемъ, оно равно 0,15 зол.; обычно считается хорошимъ выходомъ золота 40—50 долей. Только на нѣкоторыхъ пріискахъ Ачинскаго уѣзда встрѣчается болѣе богатое содержаніе золота. Пріиски Минусинскаго округа удалены отъ населенныхъ мѣстностей на 300—350 верстъ, что сильно затрудняетъ ихъ развитіе.

Менѣе значительна золотопромышленность въ Томской губерніи въ Маріинскомъ уѣздѣ (53 пуда въ 1904 г., притомъ почти исключительно жильное золото, именно $47^1/_4$ пуд.) и въ Алтайскомъ горномъ округѣ, гдѣ золото добывается какъ на частныхъ пріискахъ, такъ и на земляхъ Кабинета (въ 1904 г. $14^1/_4$ пуд.). Среднее богатство песковъ около 0,30 золотниковъ на 100 пуд.

Наконецъ, на послѣднемъ мѣстѣ находится Степной край (Акмолинская и Семипалатинская области—Усть-Каменогорскій и Зайсанскій уѣзды), гдѣ было добыто въ 1904 г. около 21 пуда, въ томъ числѣ жильнаго золота 8 пудовъ. Здѣсь золото добывается изъ открытыхъ разрѣзовъ безъ большого углубленія въ землю.

Еще въ началѣ 90-хъ годовъ XIX вѣка Комитетъ Сибирской желѣзной дороги, озабочиваясь экономическимъ развитіемъ края, предложилъ министру земледѣлія организовать изслѣдованіе сибирской золотопромышленности и съ 1895 г. были образованы спеціальныя экспедиціи для ея изученія по всей Восточной Сибири. Работы ихъ обнаружили существованіе золотоносныхъ площадей значительно дальше существующихъ пріисковъ (напр., въ долинѣ

рѣки Теи, по системамъ рѣкъ Макѣевки, Кутакаса, Сурнихи и др. въ Енисейской тайгѣ).

Въ XIX столѣтіи золотопромышленность играла въ экономической жизни Сибири болѣе значительную роль, чѣмъ въ настоящее время. Частные капиталы широко двинулись въ эту отрасль народнаго хозяйства съ того момента, какъ она была освобождена отъ правительственнаго запрета (въ 1829 г.). Въ теченіе первыхъ десятилѣтій разрабатывались самые богатые пріиски, золотопромышленники собирали громадные доходы, которые импонировали мѣстному населенію и создавали легенды о баснословныхъ богатствахъ золотопромышленниковъ. Золотопромышленность, оперируя многомилліонными капиталами и занимая десятки тысячъ рабочихъ рукъ, оживляла всю хозяйственную жизнь края, поддерживала производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ; сибирская торговля и промышленность жили въ значительной мѣрѣ этой же отраслью горнаго дѣла.

Если въ настоящее время и нельзя говорить объ истощеніи золота въ Сибири, то во всякомъ случаѣ наступилъ періодъ, когда приходится затрачивать больше капиталовъ и труда на развѣдки новыхъ золотоносныхъ мѣстностей и прилагать болѣе усовершенствованные пріемы добыванія золота. Сибирь до сихъ поръ характеризуется во всѣхъ почти отрасляхъ своей хозяйственной жизни хищническими пріемами разработки естественныхъ богатствъ. Эта черта въ полной мѣрѣ относится и къ золотопромышленности. До послѣдняго времени разрабатывались лишь самые богатые пріиски и рудники, при томъ весьма первобытными техническими пріемами. Такъ, наприм., промываніе золотосодержащихъ песковъ производилось и до сихъ поръ производится посредствомъ простыхъ бочечныхъ машинъ и чашъ, а очистка золота отъ постороннихъ примѣсей—на вашгердахъ. Этотъ способъ извлекаетъ изъ песковъ далеко не все содержащееся въ нихъ золото; за послѣднее время встрѣчаются успѣшные случаи вторичной разработки уже отработанныхъ песковъ. Этимъ несовершенствомъ техники надо объяснить замѣчающееся за послѣднее время уменьшеніе содержанія золота въ пескахъ. На 100 пуд. песковъ вымывалось золота:

Въ 1885 г.	61	доля	Въ 1900 г.	58,5	доли
„ 1888 „	54,5	„	„ 1901 „	59,5	„
„ 1890 „	59,5	„	„ 1902 „	55,7	„
„ 1893 „	54,8	„	„ 1903 „	50,9	„
„ 1865 „	58,2	„	„ 1904 „	45	долей.

Самымъ серьезнымъ вопросомъ современной золотопромышленности является усовершенствованіе методовъ разработки. Прави-

тельство въ этихъ видахъ издало законъ, по которому машины для золотопромышленности допущены къ безпошлинному ввозу въ Россію. Однако, до настоящаго времени промышленники мало пользуются предоставленнымъ имъ правомъ. Съ одной стороны большая часть ихъ принадлежитъ къ числу мелкихъ производителей, не имѣющихъ большихъ капиталовъ, которые могли бы быть затрачены на покупку усовершенствованныхъ машинъ. Съ другой стороны сибирская золотопромышленность находится въ тискахъ закоренѣлой рутины, поддерживаемой малообразованными управляющими и владѣльцами. Примѣненіе техническихъ знаній до сихъ поръ ничтожно, и приглашеніе въ управляющіе спеціалистовъ по горному дѣлу практикуется только немногими крупными компаніями, организованными на европейскій ладъ. Наконецъ, большое затрудненіе для примѣненія усовершенствованныхъ орудій и машинъ состоитъ въ отсутствіи удобныхъ путей сообщенія. Доставка тяжелыхъ металлическихъ орудій по сухопутнымъ дорогамъ и тропамъ сплошь и рядомъ представляетъ непреодолимыя затрудненія. Недостатокъ машинъ въ особенности задерживаетъ разработку жильныхъ мѣсторожденій золота. Въ послѣдніе годы примѣненіе машинъ начинаетъ понемногу распространяться. Такъ, появляются у болѣе крупныхъ компаній или у товариществъ мелкихъ предпринимателей драги, вводится гидравлическій способъ извлеченія золота. Въ то время, какъ примѣненіе водяныхъ двигателей сокращается, распространяется примѣненіе паровыхъ двигателей и локомобилей, что явствуетъ изъ слѣдующей таблички:

Годы.	Число водяныхъ двигателей.			Число паровыхъ двигателей и локомобилей.		
	На Уралѣ.	Въ Зап. Сибири.	Въ Вост. Сибири.	На Уралѣ.	Въ Зап. Сибири.	Въ Вост. Сибири.
1893	10	56	126	70	1	12
1900	25	33	135	125	3	52
1904	16	8	56	206	14	178

Другимъ тормазомъ въ развитіи золотопромышленности является рабочій вопросъ. Большая часть золотыхъ пріисковъ находится въ пустынныхъ, почти безлюдныхъ мѣстностяхъ, сообщеніе съ которыми лишено всякихъ усовершенствованныхъ путей. Въ нѣкоторыхъ районахъ существуютъ только узкія тропы, доступныя для верховой ѣзды, въ другихъ сообщеніе возможно лишь зимою.

Отсюда возникаетъ трудность и дороговизна доставки на пріиски рабочихъ и всѣхъ предметовъ ихъ потребленія. Мѣстное населеніе утилизируется въ качествѣ рабочей силы только тамъ, гдѣ оно существуетъ (напр., въ Степномъ краѣ работаютъ киргизы и казаки, въ Томской губ.—мѣстное крестьянство). Въ мѣстностяхъ пустынnаго характера промышленники вынуждены обращаться къ пришлому населенію, состоящему въ значительной степени изъ ссыльнопоселенцевъ, бродягъ и другихъ полупреступныхъ элементовъ. Такой составъ рабочихъ весьма неудовлетворителенъ по своимъ трудовымъ качествамъ, отличается неумѣреннымъ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ и грубостью нравовъ. Страсть къ вину, не удовлетворяемая выдаваемыми отъ пріисковыхъ управленій дневными порціями, вызываетъ тайную продажу вина спиртоносами. Послѣдніе доставляютъ на пріиски водку низкаго качества, продаютъ ее втридорога и соблазняютъ рабочихъ вымѣнивать ее на краденое золото. По расчетамъ г. Колычева, на одного рабочаго въ среднемъ приходится не менѣе 5 ведеръ водки за періодъ въ 6—7 мѣсяцевъ, что составляетъ, конечно, огромную величину. Пріисковая администрація ведетъ себя въ отношеніи рабочихъ весьма сурово, грубо и даже жестоко, чѣмъ отношенія сторонъ еще болѣе ухудшаются.

Отдаленность пріисковъ отъ населенныхъ мѣстъ ведетъ къ тому, что пріисковыя управленія сами запасаютъ разнообразные предметы потребленія рабочихъ въ особыхъ лавкахъ. Рабочіе, получая часть своей заработной платы въ видѣ опредѣленнаго количества муки, крупы, мяса, масла, чая и пр., вынуждены удовлетворять остальныя потребности покупкой товаровъ въ пріисковыхъ лавкахъ; цѣны въ послѣднихъ, несмотря на контроль со стороны горной инспекціи, держатся на большой высотѣ.

Недостатокъ оборотныхъ капиталовъ и временный характеръ многихъ пріисковъ ведутъ къ тому, что жилища для рабочихъ строятся кое-какъ и не удовлетворяютъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигіены. Грязь, холодъ, рѣзкія перемѣны температуры, чрезмѣрная скученность живущихъ, нарушающая въ отношеніи кубическаго содержанія воздуха не только требованія гигіены, но и постановленія съѣздовъ самихъ золотопромышленниковъ, являются обычными недостатками рабочихъ помѣщеній. Часто рабочими жилищами служатъ временныя землянки, шалаши и кое-какъ сколоченные сараи.

Въ общемъ золотопромышленность занимаетъ въ Сибири до 40.000 человѣкъ рабочихъ, причемъ на Западную Сибирь приходится 10.000 человѣкъ, а на Восточную 30.000. Заработная плата ихъ весьма различна въ зависимости отъ мѣстности: чѣмъ дальше на востокъ

и чѣмъ пустыннѣе районъ, тѣмъ плата выше. На высоту платы вліяетъ также высота урожая: въ годы, слѣдующіе за неурожаемъ, плата падаетъ вслѣдствіе бо́льшаго предложенія труда, въ урожайные годы плата поднимается. Въ общемъ на заработную плату рабочимъ и на натуральныя выдачи имъ золотопромышленники тратятъ ежегодно до 12—15 милліоновъ рублей.

За послѣдніе годы за границей, въ особенности же въ Англіи, проявился большой интересъ къ сибирской золотопромышленности. Основывается рядъ акціонерныхъ компаній для эксплоатаціи золотыхъ пріисковъ въ Сибири, а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается усиленная биржевая спекуляція акціями этихъ компаній. Къ началу 1907 г., по свѣдѣніямъ „Вѣстника Финансовъ", насчитывалось уже 10 англійскихъ золотопромышленныхъ компаній съ основнымъ капиталомъ въ 34 милліона рублей. Поскольку дѣло идетъ о реальныхъ иностранныхъ предпріятіяхъ, они заслуживаютъ полнаго вниманія. Иностранный капиталъ, вливаясь въ сибирскую золотопромышленность, внесетъ въ эту отрасль и новые техническіе пріемы, и лучшую организацію дѣла. Являясь піонеромъ европейской экономической культуры, онъ послужитъ лишнимъ толчкомъ для того, чтобы вывести изъ застоя сибирскихъ предпринимателей.

Каменноугольная промышленность. Каменный уголь встрѣчается въ Сибири въ изобиліи. Его залежи открыты во всѣхъ частяхъ края. Весьма богатыя залежи встрѣчаются въ восточной части Алтайскаго округа, гдѣ Кузнецкая каменноугольная котловина имѣетъ протяженіе до 400 верстъ въ длину и до 100 верстъ въ ширину. Въ Енисейской губерніи уголь встрѣчается въ южной ея части, а также по теченію рѣки Чулыма и на сѣверѣ по теченію Нижней Тунгузки. Геологическія партіи, образованныя по распоряженію бывшаго Комитета Сибирской желѣзной дороги, открыли цѣлый рядъ угольныхъ залежей, какъ, напримѣръ, Экибазтузское около Павлодара, Судженское около станціи Судженка Сибирской дороги, Кубековское на берегу Енисея, Черемховское около Иркутска, Малиновское около озера Байкала, Сучанское въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Въ Иркутской губерніи уголь найденъ во многихъ мѣстахъ южной части (особенно богаты его пласты по рѣкѣ Окѣ), затѣмъ уголь открытъ въ Якутской области, по теченію рѣкъ Лены и Алдана, на Камчаткѣ, на берегахъ Гижигинской и Пенжинской губы, на Сахалинѣ. Наконецъ, въ Амурской области онъ найденъ по среднему теченію Амура, около станицы Иннокентьевской.

Въ настоящее время разрабатывается незначительная часть всѣхъ этихъ колоссальныхъ богатствъ. Изъ общаго количества 1.197 милл. пудовъ добытаго въ 1904 году въ Россіи угля на долю Сибири

приходится лишь 58½ милл. пудовъ. Въ частности въ Томской губ. было добыто 17,4 милл. пуд. (Анжерскія казенныя копи дали 7,3 милл., копи Михельсона 7,2 милл.), въ Иркутской губ. выработано 33 милл. пуд., на Сахалинѣ 2,7 милл., въ Приморской области 5,5 милл.

Самъ по себѣ ростъ сибирской каменноугольной промышленности весьма значителенъ. За десять лѣтъ 1895—1904 гг. добыча угля увеличилась въ Томской губерніи въ 13 разъ (съ 1,2 милл. до 17,4 милл. пуд.), въ Восточной Сибири даже въ 35 разъ (съ 1,2 милл. до 41,2 милл. пуд.). Этотъ ростъ связанъ главнымъ образомъ съ увеличеніемъ спроса на уголь со стороны Сибирской желѣзной дороги. Что же касается пароходовъ, горныхъ и фабрично-заводскихъ предпріятій, то они пользуются угольнымъ отопленіемъ въ ничтожныхъ размѣрахъ. Было бы особенно желательно, чтобы угольнымъ топливомъ стала пользоваться горно-заводская промышленность, такъ какъ это дастъ ей широкую основу для дальнѣйшаго развитія. Отъ этого въ значительной степени зависитъ увеличеніе добычи угля въ Сибири.

Число рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ равняется 4.904, въ томъ числѣ 3.214 подъ землей. Производительность рабочаго въ среднемъ составляла въ 1904 г. 8.218 пуд. угля въ годъ, тогда какъ въ Донецкомъ бассейнѣ она равнялась 9.530 пуд., въ Польскомъ районѣ 14.220 пуд., въ Подмосковномъ районѣ 7.106 пуд., на Уралѣ 7.882 пуд. Въ Англіи годовая производительность рабочаго была за 1886—1902 гг. 18.133 пуда. Мы видимъ, что продуктивность труда въ Сибири уступаетъ болѣе культурнымъ мѣстностямъ Западной Европы и Царства Польскаго и одинакова съ восточной половиной Евр. Россіи.

Остальныя отрасли горной промышленности. Что касается другихъ отраслей горнаго дѣла, то онѣ развиты въ Сибири въ незначительной степени, отчасти вслѣдствіе скудости рудныхъ богатствъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе ограниченныхъ размѣровъ рынка и недостаточной предпріимчивости сибирскихъ капиталистовъ. Такъ, серебро добывается въ Сибири въ ничтожномъ количествѣ, въ 1904 г. всего 44 пуда; по сравненію съ прошлымъ добыча этого металла съ каждымъ годомъ падаетъ (въ 1895 году въ Сибири было добыто 399 пуд. серебра, въ 1900 г. 82 пуда); въ послѣднее время работаетъ всего 3 серебряныхъ завода, два въ Алтайскомъ округѣ и одинъ въ Нерчинскомъ уѣздѣ Забайкальской области. Соотвѣтственно этому ничтожна и выплавка свинца, котораго было добыто въ Сибири въ 1904 году всего 5.513 пуд. (на тѣхъ же заводахъ).

Мѣдь добывается въ Сибири въ незначительномъ количествѣ, при томъ уменьшающемся съ теченіемъ времени. Мѣдные рудники существуютъ на Алтаѣ и дали въ 1904 г. около 7.500 пуд. (противъ 15.888 пуд. въ 1895 г. и 11.322 пуд. въ 1900 г.). Мѣдныя руды встрѣчаются еще въ Минусинскомъ уѣздѣ и др. мѣстахъ, но не разрабатываются.

Соль имѣется въ Сибири въ большомъ изобиліи какъ въ самосадочныхъ озерахъ, такъ и въ соляныхъ источникахъ. Западная Сибирь снабжается солью, главнымъ образомъ, изъ Коряковскаго озера (въ 1904 г. 3,12 мил. пудовъ), находящагося близъ Павлодара въ Семипалатинской области (площадь соли въ этомъ озерѣ равна 9 кв. верстамъ, толщина пласта $1^1/_2$ арш.), и изъ озеръ Томской губерніи (Боровыхъ и Бурлинскаго), гдѣ было добыто въ 1904 г. 1,03 мил. пуд. Въ Восточной Сибири соль получается въ незначительныхъ размѣрахъ изъ Борзинскаго озера въ Забайкальской области (въ 1904 году 13.812 пуд.), а выварочная соль изъ соляныхъ источниковъ добывается въ Енисейской губ. (291.000 п.), Иркутской губ. (467.000 п.) и Забайкальской области (26.000 п.). Всего въ Сибири добывается до 5 мил. пуд. соли. За послѣднія 10 лѣтъ выработка соли удвоилась, что объясняется увеличеніемъ мѣстнаго спроса. Однако дальнѣйшему росту солепромышленности препятствуютъ плохіе пути сообщенія, слишкомъ удорожающіе этотъ дешевой продуктъ. Такъ какъ разсчитывать на вывозъ сибирской соли въ Евр. Россію нельзя, то главное вниманіе слѣдуетъ обратить на удешевленіе транспорта соли, а также на усовершенствованіе техники добычи. Эта техника въ настоящее время весьма несовершенна; соль плохо очищается отъ примѣсей и потому не отличается хорошими качествами.

Изъ горько-соленыхъ озеръ Сибири добывается глауберова соль. Изъ общаго количества ея въ Россіи въ 1904 г. (187.700 пуд.) на Забайкальскую область (Баргузинское озеро) и Иркутскую губернію (озеро Добагатуй) приходится 48.000 пуд., на Енисейскую губернію 24.750 пуд. и Томскую губ. 50.000 пуд. (Большое Мармышанское озеро).

Въ сходномъ положеніи находится и желѣзодѣлательная промышленность Сибири. Залежи желѣзныхъ рудъ встрѣчаются здѣсь въ изобиліи: въ Алтайскомъ округѣ Томской губ., въ Минусинскомъ уѣздѣ Енисейской губ., около Нижнеудинска въ Иркутской губ., въ Верхнеудинскомъ округѣ Забайкальской области, въ Якутской области, на Сахалинѣ. Между тѣмъ, благодаря ограниченности мѣстнаго спроса на желѣзо, чугунъ и сталь и успѣшной конкурренціи уральскихъ заводовъ, пользующихся дешевыми водными пу-

тями, въ Сибири существуетъ нынѣ всего на всего 4 желѣзныхъ рудника (Салаирскій въ Томской губ. и Балягинскій въ Забайкальѣ, принадлежащіе Кабинету Его Величества и два частныхъ въ Енисейской губ.—Алексѣевскій и Абаканскій). Эти рудники дали въ 1904 г. 922.535 пуд. желѣзныхъ рудъ (изъ 315 мил. пуд. по всей Россіи). Чугунно-плавильныхъ заводовъ въ Сибири всего 3 съ 4 доменными печами, выплавившихъ въ 1904 г. 326.204 пуда чугуна (Гурьевскій Кабинетскій заводъ въ Томской губ., Петровскій Кабинетскій въ Забайкальѣ и частный Абаканскій въ Енисейской губ.). Изъ общаго количества на Енисейскую губ. приходится 134.038 пуд., на Забайкалье 99.047 пуд. и на Томскую губ. 93.119 пуд. За послѣдніе годы замѣчается даже нѣкоторое сокращеніе выплавки чугуна. Такъ, въ 1895 г. было 586.711 пуд., въ 1899 г. 300.258 п., въ 1904 г. 326.204 п. Желѣза вырабатывается въ Сибири около 150.000 пуд. (въ 1903 г. 213.000 пуд., въ 1904 г. 127.500 п.). И его производство обнаруживаетъ въ послѣдніе годы тенденцію къ сокращенію (въ 1895 г. было выработано 259.437 п., въ 1899 г. 208.078 пуд.). Между тѣмъ спросъ на желѣзо, чугунъ и стальные рельсы въ Сибири существуютъ. Неразвитость этой отрасли горнопромышленности можетъ быть объяснена многими причинами: недостаточной предпріимчивостью сибирскихъ капиталистовъ, трудностью подобрать хорошихъ, опытныхъ рабочихъ и технически образованныхъ служащихъ, трудностью и дороговизной оборудованія заводовъ, отсутствіемъ подъѣздныхъ путей и плохими путями сообщенія вообще.

Въ Сибири существуютъ богатыя залежи графита въ Енисейской губ. въ Туруханскомъ округѣ (запасы его исчисляются въ 10 мил. пудовъ). Во второй половинѣ XIX вѣка дѣлались даже попытки ихъ разработки купцомъ Сидоровымъ, но онѣ остались безъ продолженія. Въ Иркутской губ. залежи графита открыты въ Тункинскихъ горахъ. Въ 60-ыхъ годахъ XIX столѣтія онѣ разрабатывались и графитъ доставлялся фабриканту Фаберу; тѣмъ не менѣе дѣло заглохло.

Огнеупорной глины добывается въ Сибири незначительное количество, именно въ 1904 г. 221.027 пуд. (на 14,8 мил. пуд., добытыхъ въ Россіи). Здѣсь работали предпріятія Кабинета въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ и частныя предпріятія въ Кокчетавскомъ уѣздѣ Акмолинской области и въ Тобольской губерніи.

Обозрѣвая горную промышленность Сибири, мы видимъ, что она имѣетъ всѣ шансы на развитіе благодаря изобилію рудныхъ богатствъ. Однако, тормазомъ ее являются обычныя русскія усло-

вія: недостатокъ предпріимчивости и капитала, скудость техническихъ знаній, отсталость пріемовъ производства, плохіе пути сообщенія. Къ устраненію этихъ недостатковъ и должны быть направлены усилія общества и правительства.

Рыболовство. Въ прежнія времена сибирскія рѣки изобиловали рыбой. О рыбныхъ богатствахъ сохранились прямо баснословные разсказы. Въ настоящее время эти богатства значительно истощились благодаря хищническимъ нехозяйственнымъ пріемамъ лова. Въ сибирскихъ рѣкахъ водятся весьма разнообразныя породы рыбъ: осетръ, стерлядь, нельма, сырокъ, муксунъ, кета, горбуша, омуль, харіусъ, окунь, карась, щука, таймень, налимъ, язь, чебакъ, линь и др. Въ южной половинѣ теченія рѣкъ и въ озерахъ рыбный промыселъ доставляетъ рыбу, главнымъ образомъ, для потребностей мѣстнаго населенія, а по сѣверному теченію ихъ, почти внѣ культурной полосы (по низовьямъ Оби, Енисея и Лены) рыбные промыслы ведутся въ широкомъ масштабѣ. Отчасти они ведутся крестьянами въ собственныхъ прирѣчныхъ владѣніяхъ, но главнымъ образомъ производятся на капиталистическихъ началахъ промышленниками. Послѣдніе снимаютъ берега рѣкъ въ аренду у инородцевъ, нанимаютъ большія партіи рабочихъ и сбываютъ рыбу на широкій рынокъ. На одной Оби насчитывается такихъ предпріятій до 350. Это промышленное рыболовство имѣетъ много темныхъ сторонъ. Ловкіе предприниматели сильно притѣсняютъ некультурныхъ и безпомощныхъ инородцевъ при заключеніи арендныхъ договоровъ и успѣшно эксплоатируютъ ихъ темноту въ свою пользу. Инородцы сплошь и рядомъ сдаютъ рыболовные „пески“ за безцѣнокъ, подъ вліяніемъ угощенія водкой и пр. Наемные рабочіе точно также подвергаются эксплоатаціи рыбопромышленниковъ. Набираемые изъ ссыльныхъ, обѣднѣвшихъ инородцевъ и крестьянъ, они получаютъ весьма скудное жалованье (отъ 20 до 40 руб. за все лѣто) и весьма неудовлетворительные харчи (простую рыбу, нерѣдко порченую, рыбій жиръ вмѣсто масла, кирпичный чай и хлѣбъ). Эти рабочіе помѣщаются въ плохихъ жилищахъ, работаютъ втеченіе весьма продолжительнаго рабочаго дня, при вредныхъ для здоровья условіяхъ. Находясь вдали отъ населенныхъ мѣстностей, они оказываются въ полной зависимости отъ предпринимателей и лишены фактической возможности добиваться какого-либо улучшенія въ условіяхъ своего труда.

Пріемы рыбной ловли отличаются хищническимъ характеромъ и совершенно не считаются съ условіями воспроизведенія рыбы. Въ Сибири весьма распространены способы лова, которые портятъ безъ пользы много рыбы и препятствуютъ ея размноженію. Таковы

снасти съ крючками („переметы"), только ранящія рыбу, причемъ рыба уходитъ и погибаетъ безъ пользы для людей, такова ловля негодной для употребленія „молоди" и т. д. Главный ловъ производится весной, когда рыба входитъ изъ моря въ рѣки для метанія икры; этимъ тоже весьма сокращается воспроизводство рыбы. Эта неразсчетливая система рыболовства составляетъ огромное зло, съ которымъ необходимо бороться.

Послѣ улова рыба заготовляется промышленниками впрокъ немедленно (вяленіе и засолка), а болѣе цѣнная также пускается въ „сады" (озера съ проточной водой или загороженные протоки) до морозовъ, когда она въ мороженомъ видѣ отправляется на рынки. Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ сибирскаго рыбнаго промысла—плохая заготовка впрокъ. Соль въ рыбныхъ мѣстностяхъ дорога и употребляется при засолѣ въ недостаточномъ количествѣ. Кромѣ того внутренности рыбы плохо очищаются, кровь и грязь не смываются. Въ результатѣ часто рыба портится или она пріобрѣтаетъ дурной вкусъ и запахъ.

Рыба водится въ громадныхъ количествахъ также по берегамъ Великаго океана (въ Охотскомъ морѣ) и на островахъ, но ловится въ незначительныхъ размѣрахъ, при томъ не столько русскими, сколько иностранцами, въ особенности японцами. Печальную роль долженъ здѣсь сыграть новый русско-японскій договоръ, дающій японцамъ широкія права по рыболовству въ русскихъ водахъ Дальняго Востока. Имѣя въ виду предпріимчивость и ловкость нашихъ сосѣдей, можно быть увѣреннымъ, что они захватятъ въ свои руки главное морское рыболовство, а это составитъ прямой ущербъ русскому народному хозяйству, такъ какъ всѣ доходы какъ рабочихъ, такъ и предпринимателей будутъ уходить въ иностранный карманъ.

Хищническій характеръ сибирскаго рыболовства выдвигаетъ на очередь серьезный вопросъ о регулированіи его ограничительными правилами. Для того, чтобы сохранить рыбныя богатства края, необходимо установить правила лова, подобныя тѣмъ, какія существуютъ на Каспійскомъ морѣ, на рѣкѣ Уралѣ и пр., и ввести надзоръ за ихъ исполненіемъ. Однако всѣ эти правила останутся мертвой буквой (особенно на громадныхъ пространствахъ Сибири), если они не будутъ поддерживаться сознаніемъ населенія въ ихъ цѣлесообразности. Отсюда необходимость распространенія общей культуры и знаній.

Съ другой стороны необходимо усовершенствованіе техники заготовки рыбы. На Оби и Ленѣ существуютъ два-три предпріятія, вырабатывающихъ хорошіе рыбные консервы, но массовая заготовка требуетъ значительныхъ улучшеній. При высокихъ цѣнахъ на рыбу

въ Европейской Россіи, возможно широкое развитіе экспорта рыбы изъ Сибири. Но для этого должна быть улучшена заготовка рыбы, доставляемой съ сибирскихъ рѣкъ на желѣзную дорогу и транспортируемой въ Европу.

Охотничій промыселъ. Громадные сплошные лѣса Сибири издавна служили жильемъ различныхъ дикихъ звѣрей, въ особенности пушныхъ. Въ этихъ лѣсахъ населеніе занималось и занимается охотой, составлявшей его видный подсобный, а иногда даже и исключительный промыселъ. По мѣрѣ того, какъ рѣдѣли и выгорали отъ пожаровъ лѣса Западной Сибири и вглубь непроходимой раньше тайги проникали человѣческія поселенія, пушной звѣрь отходилъ все далѣе на востокъ въ дѣвственные лѣса Восточной Сибири. Въ настоящее время на Западѣ звѣрь почти перевелся и охотники бьютъ здѣсь главнымъ образомъ бѣлокъ, лисицъ, горностаевъ и медвѣдей; кромѣ того здѣсь распространена охота на рябчиковъ, тетеревей, глухарей, утокъ. На болѣе цѣнныхъ звѣрей охотятся уже въ Восточной Сибири: на соболей, норки песцовъ, чернобурыхъ лисицъ, куницъ, россомахъ, енотовъ, хорьковъ, выдръ, колонковъ, лосей („сохатыхъ"), изюбрей, дикихъ оленей. На берегахъ Великаго океана и на островахъ ловятся котики, бобры, тюлени и моржи. Среди охотниковъ здѣсь играютъ главную роль инородцы, владѣющіе большими лѣсными угодьями.

Въ этой области мы встрѣчаемся съ тѣмъ же хищническимъ отношеніемъ къ звѣрямъ, которое не считается съ необходимостью поддержанія его естественнаго размноженія. Охотники бьютъ звѣря въ періодъ вывода дѣтенышей, бьютъ самокъ и молодыхъ звѣрей наравнѣ съ самцами, бьютъ звѣря въ періодъ линянія, когда его шкура неудовлетворительнаго качества и потому на $^3/_4$ бросается безъ пользы. Уничтожить это хищничество невозможно одними законами объ ограниченіи охоты. Центръ тяжести и здѣсь, какъ въ рыболовствѣ заключается въ подъемѣ общей культуры и во внѣдрѣніи среди населенія болѣе здравыхъ взглядовъ на условія охоты.

Эксплоатація охотниковъ, особенно инородцевъ, со стороны скупщиковъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Скупщики закабаляютъ ихъ ссудами хлѣба, пороха и свинца, спаиваютъ водкой, обманываютъ и вымѣниваютъ дорогія шкуры за ничтожную цѣну. Въ результатѣ главную выгоду отъ охотничьяго промысла получаетъ не производитель, а торговый посредникъ, наживающій при перепродажѣ 100 и болѣе процентовъ.

Что касается морскихъ звѣриныхъ промысловъ, то котики ловятся главнымъ образомъ на Командорскихъ островахъ, отличающихся плохимъ климатомъ и почти необитаемыхъ. На тѣхъ же

островахъ и по берегамъ Камчатки ловится боберъ. Живущіе тамъ охотники сбываютъ битаго звѣря компаніи, получившей отъ правительства монополію на пріобрѣтеніе котиковъ за уплату опредѣленной пошлины. Компанія покупаетъ шкурки котиковъ, бобровъ и песцовъ по утвержденной цѣнѣ и снабжаетъ охотниковъ всѣми предметами существованія. На почвѣ этихъ сдѣлокъ сложилась эксплоатація охотниковъ со стороны компаніи.

Другое крупное зло морскихъ промысловъ—хищническая ловля звѣрей иностранцами. Вслѣдствіе недостаточной охраны морей Дальняго Востока немало американскихъ, японскихъ и иныхъ шкунъ стало появляться около береговъ Сибири и бить звѣрей на морѣ; масса звѣрей при этомъ уплывала ранеными и безъ пользы погибала. Иностранные хищники убивали звѣрей, не различая пола, что влекло за собой сокращенія ихъ размноженія. Кромѣ того иностранцы обмѣнивали у туземнаго населенія звѣриныя шкуры на вино и порохъ. Нью-Іоркское консульство насчитывало въ 1891 г. 81 хищническую шкуну, въ 1892 г. 62, но въ дѣйствительности ихъ было еще больше. Для уничтоженія хищничества усилена за послѣдніе годы охрана восточныхъ морей военными судами, но все еще недостаточной степени.

Благодаря чрезвычайно высокимъ цѣнамъ на бобровъ и котиковъ, ловля ихъ лишена правильнаго хозяйственнаго характера, когда принимаются во вниманіе интересы послѣдующаго размноженія. Безпощадное истребленіе звѣрей влечетъ за собой ихъ исчезновеніе, т. е. уничтоженіе самаго источника существованія охотниковъ. Насколько быстро идетъ этотъ процессъ, видно изъ того, что на Командорскихъ островахъ было убито въ 1886 г. 54.600 котиковъ, а въ 1898 г. уже только 2.900.

Обрабатывающая промышленность. Обрабатывающая промышленность развита въ Сибири до сихъ поръ очень слабо. Здѣсь отсутствуетъ промышленность по обработкѣ волокнистыхъ веществъ (если не считать 3 фабрикъ, выдѣлывающихъ дешевыя сукна), вездѣ занимающая первое мѣсто среди фабричныхъ производствъ. Почти совершенно отсутствуетъ другая видная отрасль промышленности—обработка металлическихъ издѣлій. Главное, почти исключительное мѣсто занимаетъ въ Сибири промышленность по выработкѣ пищевыхъ продуктовъ и по обработкѣ нѣкоторыхъ сырыхъ матеріаловъ какъ-то: мукомольное дѣло, винокуреніе, пивовареніе, салотопенное и мыловаренное производства и т. п.

Господствующій типъ промышленныхъ заведеній—мелкій, почти ремесленный. Въ среднемъ на 1 предпріятіе приходится въ Сибири 2,5 рабочихъ и 2.146 руб. цѣнности производства. Между

тѣмъ во всей Россіи среднее число рабочихъ на промышленное предпріятіе равняется 62, а средняя цѣнность производства 79.000 р. Несмотря на скромные размѣры сибирской промышленности, она съ каждымъ годомъ развивается, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Губерніи.	1890 г.			1894 г.			1901 г.		
	Число предпріятій.	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.	Число предпріятій.	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.	Число предпріятій.	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.
Тобольская . .	2.032	2.882	3.497.481	2.307	7.218	4.150.087	4.135	10.212	10.909.209
Томская . . .	3.661	6.863	3.781.472	6.418	11.452	9.314.948	9.161	15.814	6.111.744
Енисейская . .	223	1.706	2.716.847	377	2.019	2.406.064	767	—	2.311.966
Иркутская . .	96	—	2.511.202	113	—	2.502.186	89	—	987.402
Акмолинская .	152	1.299	975.493	191	1.531	946.354	933	4.105	3.543.950
Забайкальская.	252	7.510	6.458.375	267	6.556	6.131.707	310	7.585	8.723.730
Приморская . .	220	1.209	500.980	432	1.557	730.809	776	2.960	3.120.000
Всего . . .	6.636	21.469	20.441.850	10.105	30.333	26.128.755	16.171	40.676	35.708.001

Для новѣйшаго времени мы имѣемъ данныя о числѣ и годовыхъ оборотахъ промышленныхъ предпріятій, обложенныхъ раскладочнымъ сборомъ, изъ ежегодныхъ записокъ министерства финансовъ о распредѣленіи раскладочнаго сбора по губерніямъ. По этимъ даннымъ получается слѣдующая картина.

Губерніи.	1901 г.		1903 г.		1906 г.		1907 г.	
	Число предпріятій.	Годовой оборотъ.	Число предпріятій.	Годовой оборотъ.	Число предпріятій.	Годовой оборотъ.	Число предпріятій.	Годовой оборотъ.
Тобольская . . .	168	9.242.000	167	9.480.000	143	7.610.000	144	8.806.000
Томская	147	7.436.000	167	8.690.000	169	10.786.000	168	9.674.000
Енисейская . .	37	956.000	42	1.157.000	38	2.069.000	36	7.145.000
Иркутская	100	4.903.000	71	8.055.000	70	8.743.000	67	8.267.000

Эти двѣ таблицы не могутъ быть сравниваемы между собой вслѣдствіе различія основаній, по которымъ онѣ получены. Но одинъ фактъ бросается въ глаза: сравнительно медленный ростъ промышленности за послѣднее десятилѣтіе.

Свѣдѣнія по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности имѣются только до 1897 года включительно, но они даютъ правильную

картину и для настоящаго времени. Одни виды промышленности, именно отдѣлывающіе сырье, обнаруживаютъ тенденцію къ развитію, другіе остаются безъ движенія и не прогрессируютъ.

Развитіе первой группы видно изъ слѣдующей таблицы:

Виды промышленности.	1890 г.		1897 г.	
	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.
Мукомольная. .	925	2.559.000	1.134	4.085.000
Кожевенная . .	1.291	1.561.000	1.973	2.827.000
Салотопенная. . .	317	581.000	354	849.000
Мыловаренная . .	18	62.000	72	273.400
Овчинная	445	171.000	1.043	597.000
Производство восковыхъ свѣчей	37	66.000	100	305.000

Почти полная неподвижность промышленности болѣе сложныхъ отраслей видна изъ слѣдующаго сопоставленія:

Виды промышленности.	1890 г.		1897 г.	
	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.	Число рабочихъ.	Цѣнность производства.
Писчебумажная .	275	236.000	250	305.000
Механическая . .	257	170.000	430	223.000
Фарфоро-фаянсовая.	190	175.000	500	198.000

Видное мѣсто въ сибирской промышленности занимаетъ винокуреніе. Всѣхъ винокуренныхъ заводовъ насчитывается 47 (въ 1905 г.) изъ числа 2.458, существующихъ въ Россіи. Сибирскіе винокуренные заводы принадлежатъ по большей части къ числу крупныхъ предпріятій. Средняя ихъ годовая выкурка составляла въ 1904 г. 86.900 ведеръ, тогда какъ средняя выкурка завода вообще въ Россіи равна 34.300 ведрамъ.

Общее количество выкуреннаго въ Сибири 40-градуснаго вина составило въ 1904 г. 4,49 мил. ведеръ (изъ общаго количества по Россіи въ 85,2 мил. ведеръ), въ 1905 г. 4,8 мил. ведеръ. За послѣднее десятилѣтіе обнаруживается нѣкоторый ростъ производства въ связи съ увеличеніемъ населенія и потребленія вина. Въ 1890 г. выкурка была 2,83 мил. ведеръ, въ 1895 г. 3,12 мил. ведеръ, въ 1900 г. 4,42 мил. ведеръ.

Тѣмъ не менѣе мѣстное производство спирта не вполнѣ покрываетъ мѣстное потребленіе. Въ 1904 г. было потреблено въ Сибири 4,83 мил. ведеръ 40-градуснаго вина, т.-е. не хватило 346.000 ведеръ, привезенныхъ изъ Европейской Россіи (главнымъ образомъ съ Урала).

Пивоваренныхъ заводовъ въ Сибири 54 (по даннымъ 1904 г.), вырабатывавшихъ 1.248.000 ведеръ пива. Преобладающій типъ предпріятій болѣе мелкій, чѣмъ въ Европейской Россіи, что зависитъ, конечно, отъ болѣе тѣсныхъ рамокъ сбыта. Въ Западной Сибири среднее годичное производство на 1 заводъ составляетъ 24.200 ведеръ, въ Восточной Сибири 28.700 ведеръ, въ Пріамурскомъ краѣ 11.700 ведеръ, тогда какъ общая средняя для Россіи равна 59.700 ведеръ. Техническая отсталость этого производства въ Сибири характеризуется преобладаніемъ ручной силы, примѣняемой къ двигателямъ. Въ то время, какъ по всей Россійской Имперіи процентъ заводовъ съ ручной силой равняется 54%, въ Сибири онъ повышается до 72%. Болѣе низкій уровень техники проявляется и въ меньшихъ выходахъ пива: изъ пуда солода въ Западной Сибири вырабатывалось въ 1904 г. 6,1 ведеръ пива, въ Восточной—5,8 ведеръ, въ Пріамурьѣ—5,6 ведеръ, тогда какъ средній выходъ для всей Россіи равенъ 6,7 ведрамъ.

Спичечное производство сосредоточивается въ Сибири на 5 фабрикахъ, изъ которыхъ 2 существуютъ въ Западной Сибири, 2—въ Пріамурскомъ краѣ и 1 въ Восточной Сибири. Въ 1904 г. на нихъ было произведено 8.405 милліоновъ штукъ, при чемъ замѣчается ростъ производства во времени (въ 1894 г. 4.180 милліоновъ штукъ, въ 1900 г. 5.716 мил.). Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и средняя производительность каждой фабрики (за 1894—1904 гг. въ Западной Сибири она увеличилась съ 672 до 5.826 мил. штукъ въ Восточной Сибири—съ 411 до 1.942 мил.).

Табачная промышленность развита въ Сибири въ ничтожной степени, несмотря на то, что табакъ можетъ культивироваться здѣсь съ полнымъ успѣхомъ. Въ настоящее время въ Сибири имѣется около 22.000—23.000 табачныхъ плантацій площадью около 900 десятинъ. Собирается табаку простыхъ сортовъ около 80.000 пудовъ, почти исключительно для собственнаго потребленія. Между тѣмъ, средній сборъ съ десятины въ Сибири выше, чѣмъ въ Европейской Россіи (въ 1904 г. въ Восточной Сибири онъ равнялся 102 пуд., въ Западной Сибири 75 пуд., а во всей Россіи 72 пуда). Переработка табаку въ издѣлія производилась въ 1904 г. всего на 1 фабрикѣ въ Акмолинской области съ ничтожнымъ оборотомъ. Мы полагаемъ, что эта отрасль хозяйства имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ, если бы сюда двинулась частная иниціатива.

Насколько мало предпріимчивъ торгово-промышленный классъ въ Сибири, можно видѣть на примѣрѣ свекло-сахарной промышленности. Въ цѣляхъ поощренія этого производства въ Сибири правительство предоставило въ 1884 г. основываемымъ предпріятіямъ большія льготы по платежу акциза. Въ 1889 г. въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губ. былъ открытъ свекло-сахарный заводъ Гусевой, переработавшій въ 1890 г. 8.450 пуд. свекловицы, а въ 1891 г. 92.000 пуд. Несмотря на то, что опытъ доказалъ полную возможность культуры свекловицы въ южныхъ районахъ края, (напр., въ Минусинскомъ округѣ) и техническую возможность выдѣлки сахара, предпріятіе закрылось въ 1898 г., послѣ того, какъ произвело за 9 лѣтъ 123.600 пуд. сахарнаго песку при цѣнѣ пуда въ 7 руб. 20 коп. Дальнѣйшихъ попытокъ уже не предпринималось. Весь сахаръ, потребляемый нынѣ сибиряками, привозится изъ Европейской Россіи и въ незначительной степени изъ-за границы (на Востокѣ). Если принять норму душевого потребленія сахара въ Россіи въ 13,2 фунт. (по даннымъ 1904 г.), то въ Сибири потребность въ сахарѣ составляетъ около 2 мил. пуд. По Сибирской желѣзной дорогѣ въ 1905 г. было привезено сахару 926.775 пудовъ. Мѣстное производство имѣетъ преимущество передъ европейскимъ въ стоимости желѣзнодорожной перевозки сахара и въ болѣе дешевыхъ условіяхъ производства свекловицы (дешевизна земли), и потому можетъ вполнѣ разсчитывать на успѣхъ.

Всѣ болѣе сложныя отрасли обрабатывающей промышленности почти отсутствуютъ въ Сибири. Въ сферѣ обработки волокнистыхъ веществъ существуютъ здѣсь всего 2 суконныхъ фабрики въ Тобольской губ. и 1 въ Иркутской, вырабатывающихъ простыя сукна. Въ области обработки металловъ имѣется 2 чугунно-литейныхъ и желѣзодѣлательныхъ завода въ Енисейской губерніи. Имѣется немного стекляныхъ заводовъ, 2—3 фарфоровыхъ фабрики.

Особое положеніе занимаетъ въ настоящее время **маслодѣліе**, т.-е. промышленность, вырабатывающая сливочное масло. Ея успѣхи обусловлены тѣмъ обстоятельствомъ, что она непосредственно связана съ интересами значительной части земледѣльческаго населенія. Маслодѣліе возникло въ Сибири въ 1893 г. въ Курганскомъ уѣздѣ Тобольской губ. и стало быстро распространяться, сначала по той же губерніи, а затѣмъ по Томской губерніи и съ 1898 г. по Акмолинской области. Насколько быстро шло это развитіе, видно изъ числа заводовъ и количества вывезеннаго изъ Сибири масла. Въ 1900 г. насчитывалось уже 1.107 маслодѣльныхъ заводовъ, въ 1902 г. 2.130. Въ томъ числѣ было открыто: въ 1893—94 гг.—2, въ 1895 г.—7, въ 1896 г.—22, въ 1897 г.—51, въ 1898 г.—

68, въ 1899 г.—168, въ 1900 г.—438, въ 1901 г.—794, въ 1902 г.—580.

Изъ Сибири было отправлено масла: въ 1898 г.—149.000 пуд., въ 1900 г.—1.087.000 пуд., въ 1902 г.—2.126.000 пуд., въ 1905 г.—2.396.000 пуд., въ 1906 г.—2.973.000 пуд. При цѣнѣ масла въ 11 руб., выручка отъ него сибирскаго населенія превыситъ 30 мил. руб. Мы видимъ, что экономическое значеніе этого продукта для Сибири превысило даже значеніе добычи золота, этого главнаго доселѣ источника богатства сибиряковъ.

Больше всего отправляется масла изъ Барнаульскаго района (въ 1906 г. 959.149 пуд.), затѣмъ изъ Омскаго района (841.000 пуд.) и Курганскаго района (780.000 пуд.).

Маслодѣліе обезпечило крестьянамъ сбытъ молока по выгоднымъ цѣнамъ. Прежде при домашней переработкѣ молока въ топленое масло крестьянка могла выручать за пудъ молока не болѣе 15—20 коп., а при поставкѣ молока на маслодѣльный заводъ она получаетъ обычно по 40 — 50 коп. Особенно привлекательнымъ для сибирскаго крестьянина было то обстоятельство, что благодаря поставкѣ молока онъ получалъ наличныя деньги, которыя расширяли рамки его денежнаго хозяйства и давали ему болѣе широкую возможность покупокъ предметовъ домашняго обихода и хозяйства. Съ другой стороны, при сравнительной съ Европой дешевизнѣ молока и рабочихъ рукъ можно было вырабатывать масло съ меньшими издержками производства, что облегчало сибирскому продукту сбытъ на европейскихъ рынкахъ.

Въ послѣдніе годы XIX вѣка и первые годы XX вѣка начинается настоящая горячка основанія маслодѣльныхъ заводовъ. Ихъ строятъ мѣстные купцы и торговцы, зажиточные крестьяне, священники, волостные писаря и даже крестьянскіе начальники. Появляются также маслодѣльни, устраиваемыя артелями и сельскими обществами. Въ пропагандѣ артельныхъ предпріятій принялъ дѣятельное участіе сибирскій дѣятель Балакшинъ, создавшій даже особую организацію для этой цѣли, а также работали мѣстные агрономы и инструкторы. Общественныя маслодѣльни поощрялись особенно крестьянскими начальниками, которые видѣли въ нихъ хорошій источникъ доходовъ для покрытія общественныхъ расходовъ крестьянскихъ обществъ. Въ 1901 г. такихъ артелей насчитывалось 52, въ 1903 г. уже 109.

Маслодѣлы обычно устраиваютъ при своихъ заводахъ продажу предметовъ крестьянскаго обихода и снабжаютъ этими предметами своихъ поставщиковъ въ кредитъ; нерѣдко они кредитуютъ поставщиковъ и деньгами подъ будущее молоко. Такимъ путемъ крестьяне

закабаляются маслодѣлами, обязывающими ихъ сдавать молоко въ теченіе года по заранѣе договоренной цѣнѣ. Маслодѣлы наживаютъ здѣсь не только на пониженной цѣнѣ поставляемаго молока, но и на возвышенной (до 30 и болѣе %) цѣнѣ сбываемыхъ товаровъ. Многіе маслодѣлы прямо сознаются, что главная выгода ими получается отъ лавки.

Вмѣстѣ съ производствомъ сливочнаго масла въ главныхъ торговыхъ пунктахъ Западной Сибири возникли многочисленныя торговыя фирмы (въ томъ числѣ и иностранныя, какъ-то: датскія, германскія и англійскія), которыя сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ скупку масла и отправку его за границу. Эти предпріятія кромѣ того занимаются продажей своимъ поставщикамъ сельскохозяйственныхъ орудій и маслодѣльнаго инвентаря (сепараторовъ, маслобоекъ, укупорочнаго матеріала). Эта продажа обычно дѣлается въ кредитъ съ обязательствомъ поставки всего масла кредитору и съ удержаніемъ долга по частямъ изъ суммъ, слѣдуемыхъ за масло. Первая иностранная экспортная контора была открыта въ Курганѣ въ 1896 г., а въ 1902 г. въ одномъ Курганскомъ уѣздѣ насчитывалось уже 13 русскихъ и иностранныхъ конторъ.

Правительство вполнѣ сознало значеніе экспортнаго маслодѣлія для баланса международной торговли и осуществило рядъ мѣръ для поощренія маслодѣльной промышленности. Въ Тобольской и Томской губ. были учреждены должности инструкторовъ и техниковъ маслодѣлія для ознакомленія желающихъ съ наилучшими методами производства. Для скорѣйшей доставки масла на европейскіе рынки были введены на желѣзныхъ дорогахъ особые масляные поѣзда съ ускореннымъ движеніемъ и особыми вагонами-ледниками. На большихъ станціяхъ Сибирской дороги (Обь, Каинскъ, Петропавловскъ, Омскъ, Курганъ) выстроены особые пакгаузы-ледники для храненія масла до его погрузки въ вагоны.

Существующая постановка маслодѣлія представляется не вполнѣ удовлетворительной. Прежде всего торговыя и кредитныя операціи маслодѣловъ отражаются на пониженіи доходовъ крестьянъ, сдающихъ молоко. Затѣмъ монополія вывоза масла въ рукахъ экспортныхъ конторъ ведетъ къ тому, что всѣ благопріятные шансы рынка обезпечиваютъ выгоды экспортныхъ конторъ, но не касаются производителей. Для устраненія этого и вводится общественная организація маслодѣльныхъ заводовъ и учреждаются товарищества для сбыта масла заграницу. Общественныя маслодѣльни, устраиваемыя сельскими обществами, нерѣдко давали плохіе результаты. Среди причинъ этого явленія слѣдуетъ указать на то, что иниціатива такой организаціи очень часто исходила отъ крестьянскихъ на-

чальниковъ, которые и смотрѣли на предпріятіе, какъ на подчиненное имъ, вмѣшивались въ управленіе заводомъ, въ распоряженіе доходами и пр., чѣмъ создавали среди общественниковъ недружелюбное настроеніе къ самому дѣлу. Кромѣ того такіе заводы находились въ завѣдываніи сельскихъ властей, достаточно обремененныхъ административными дѣлами, не подчиненныхъ широкому контролю участниковъ, самовольно распоряжавшихся средствами завода, направлявшихъ доходы, напр., на покрытіе общественныхъ нуждъ или недоимокъ. Въ силу этихъ причинъ многіе общественные заводы должны были ликвидировать свои операціи.

Лучше поставлено дѣло артельныхъ маслодѣленъ. Обычно онѣ устраиваются по договору, устному или письменному. Артельщики вносятъ небольшіе паи наличными деньгами и дополнительные паи въ видѣ вычета изъ суммъ, слѣдуемыхъ за доставляемое молоко. Иногда артель получаетъ ссуду со стороны. Члены артели участвуютъ въ дѣлѣ пропорціонально количеству принесеннаго молока; они обязываются не сдавать молока на сторону. Дѣла артели ведутся артельнымъ старостой или совѣтомъ уполномоченныхъ, т. е. выборныхъ отъ членовъ предпріятія. Совѣтъ слѣдитъ за веденіемъ дѣла, за дѣйствіями старосты и имѣетъ право слѣдить за молокомъ артельщиковъ въ ихъ дворахъ. Для денежной провѣрки старосты выбираются особые учетники. Техническая сторона дѣла артелей находится обыкновенно подъ наблюденіемъ и руководствомъ мѣстнаго инструктора.

Весьма важной является непосредственная связь маслодѣловъ съ европейскими рынками. Этой цѣли могутъ служить товарищества по сбыту масла. Первые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы Курганскимъ товариществомъ, которое отправляетъ масло на европейскій рынокъ. Для сибирскихъ маслодѣловъ было бы весьма желательно освободить себя отъ дорогихъ услугъ иностранцевъ.

Какъ въ артельной формѣ, такъ и въ товариществахъ по сбыту существенное значеніе имѣетъ наличность знающихъ, достаточно образованныхъ руководителей. Иначе трудно наладить правильную отчетность и осуществить точный контроль органовъ управленія. Къ сожалѣнію, не всегда въ составѣ артелей находятся такія силы.

Серьезнымъ недостаткомъ сибирскаго маслодѣлія является его техническое несовершенство. Кромѣ крупныхъ заводовъ, ведущихся согласно требованіямъ гигіены и новѣйшей техники, въ массѣ другихъ встрѣчаются существенные дефекты: грязь, недостаточная вентиляція, неправильное приготовленіе масла и пр. Въ результатѣ получается масло низшаго качества, съ запахомъ и пр. Несмотря на результаты, достигнутые здѣсь инструкторами маслодѣлія,

остается сдѣлать еще весьма многое, дабы обезпечить сибирскому маслу хорошую репутацію и высокую расцѣнку на рынкѣ.

Вопросъ о значеніи маслодѣлія для сибирскаго населенія возбудилъ въ послѣдніе годы ожесточенные споры. Враги его утверждали, что маслодѣліе ведетъ къ упадку скотоводства; крестьяне, говорятъ они, увеличиваютъ количество коровъ, не сообразуясь съ количествомъ имѣющихся пастбищъ и луговъ, а потому скотъ получаетъ худшее питаніе, тощаетъ и мельчаетъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что снятое молоко, возвращаемое крестьянамъ послѣ отдѣленія сливокъ („обратъ"), часто служитъ источникомъ болѣзней и усиленной смертности для телятъ, которые имъ питаются, такъ какъ въ общей массѣ смѣшаннаго молока попадается молоко и отъ больныхъ коровъ и такъ какъ обратъ, содержимый въ грязной посудѣ, скисаетъ и становится вреднымъ. Встрѣчается обвиненіе маслодѣлія и въ усиленіи болѣзней и смертности дѣтей; причиной этого будто бы служитъ уменьшеніе потребленія молока въ крестьянскихъ хозяйствахъ, которыя стремятся сдавать на заводъ все имѣющееся молоко. Наконецъ, указываютъ на то, что поставка молока на заводѣ практикуется только болѣе зажиточными слоями крестьянства и, слѣдовательно, приноситъ пользу далеко не всему сельскому населенію.

Послѣднее положеніе совершенно вѣрно. Недавно произведенное Томскимъ юридическимъ обществомъ изслѣдованіе маслодѣлія въ Барнаульскомъ уѣздѣ Томской губерніи, показало, что среди крестьянъ поставка молока увеличивается по мѣрѣ увеличенія количества коровъ, размѣра запашекъ. Такъ, изъ хозяйствъ, имѣющихъ одну корову, сдавали молоко 30%, изъ имѣющихъ 2 коровы—69%, а изъ имѣющихъ 10—19 коровъ—уже 96%. Поставка молока едва ли отражается на здоровьѣ дѣтей, такъ какъ изслѣдованіе не могло статистическимъ путемъ уловить связь усиленной смертности дѣтей съ развитіемъ маслодѣлія. Но въ группахъ малосостоятельныхъ при существованіи сдачи молока на заводъ общее потребленіе молока въ семьѣ меньше. Такъ, въ группѣ съ посѣвомъ до 1 дес. сдающіе молоко потребляютъ въ день (лѣтомъ) 1,1 фунтъ, а не сдающіе—2,4 фун., въ группѣ съ посѣвомъ до 2 дес. соотвѣтствующія цифры—1,8 и 2,9 фунт., въ болѣе состоятельныхъ группахъ разница становится менѣе значительной. Смертность телятъ отъ пользованія обратомъ нѣсколько повышается, но здѣсь есть легкая возможность устранить вредное вліяніе введеніемъ кипяченія обрата и болѣе чистымъ его содержаніемъ.

Введеніе большихъ денежныхъ суммъ въ оборотъ массы крестьянскихъ хозяйствъ отражается на ихъ благосостояніи, несомнѣнно,

въ положительную сторону. Сдающія молоко хозяйства имѣютъ больше скота, пріобрѣтаютъ улучшенныя сельско-хозяйственныя орудія и получаютъ, главнымъ образомъ, возможность прогрессировать въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Это вліяніе тѣмъ значительнѣе, чѣмъ состоятельнѣе хозяйства.

Въ заключеніе мы хотѣли бы остановиться на вопросѣ о ближайшихъ судьбахъ обрабатывающей промышленности въ Сибири. Громадная по территоріи окраина до сихъ поръ играетъ роль колоніи, доставляющей сырье своей метрополіи—Евр. Россіи. Первыя стадіи экономическаго развитія страны всегда ограничиваются добываніемъ сырыхъ продуктовъ и обработка послѣднихъ въ издѣлія возникаетъ только при болѣе плотномъ населеніи и при достаточномъ накопленіи капиталовъ и знаній. Населеніе Сибири совершенно теряется на ея территоріи. Что значатъ 6—7 милліоновъ человѣкъ, разсѣянныхъ по пространству сибирскихъ губерній? Въ самыхъ населенныхъ частяхъ Сибири плотность населенія оказывается весьма незначительной. Такъ, въ Томской губ. средняя плотность на кв. версту равна 2,6 чел., въ частности въ Барнаульскомъ уѣздѣ она повышается до 5,5 чел. Въ Тобольской губ. средняя плотность составляетъ 1,2 чел., въ частности въ Курганскомъ уѣздѣ 12,9 чел., въ Ялуторовскомъ—10,1 чел. Эти цифры ничтожны по сравненію съ плотностью населенія въ центральныхъ промышленныхъ губерніяхъ Евр. Россіи (60—80 чел.) и Польши (84 чел.).

Скудость населенія обусловливаетъ прежде всего ограниченность спроса на обработанныя издѣлія. Многія фабрики не нашли бы въ Сибири достаточнаго сбыта своимъ издѣліямъ. Припомнимъ въ видѣ примѣра, что вся потребность въ зажигательныхъ спичкахъ Западной Сибири удовлетворяется одной фабрикой въ Томскѣ. Съ другой стороны недостатокъ населенія создаетъ непреодолимыя трудности въ дѣлѣ обезпеченія промышленныхъ предпріятій рабочими руками. Въ Сибири большинство населенія живетъ земледѣліемъ и вся волна переселенческаго движенія направляется въ русло той же отрасли народнаго хозяйства. Если въ Европ. Россіи процентъ городского населенія равенъ 12, въ Польшѣ—22, то въ Сибири онъ ограничивается 8%. Число свободныхъ рабочихъ рукъ въ Сибири меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи, и потому эти руки дороже, несмотря на то, что техническая подготовка и пригодность ихъ для фабричнаго производства весьма плоха. Итакъ, въ отношеніи рабочихъ сибирская промышленность поставлена въ

невыгодное положеніе: она можетъ получать менѣе производительную рабочую силу и по болѣе дорогой цѣнѣ.

Что касается капитала, то Сибирь бѣдна имъ. По свѣдѣніямъ особой канцеляріи по кредитной части въ Сибири имѣлось въ наличности въ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, въ казначействахъ, ломбардахъ и страховыхъ обществахъ всякихъ процентныхъ бумагъ въ 1896 г. 2% всей суммы цѣнности бумагъ, существующихъ въ Россіи, въ 1905 г. 2,1%. Въ среднемъ, на 1 жителя цѣнность этой наличности составляетъ въ Сибири около 6 рублей, тогда какъ въ Европейской Россіи—около 30 рублей. Сумма всякихъ вкладовъ въ сибирскихъ отдѣленіяхъ Государственнаго банка, этого крупнѣйшаго кредитнаго учрежденія Россіи, составляла въ 1900 г. въ среднемъ, на 1 жителя 1 р. 47 к., тогда какъ въ Европейской Россіи она равнялась 6 р. 82 к.

Помимо недостаточности, капиталъ въ Сибири отличается непо̀движностью. Его владѣльцы лишены духа предпріимчивости и стремленія утилизировать богатые дары сибирской природы на разумныхъ началахъ. Существуютъ капиталисты въ Сибири, которые держатъ свои милліонныя средства въ процентныхъ бумагахъ или занимаются выдачей ссудъ подъ залогъ недвижимостей. Въ значительной степени сибирскій капиталъ находится еще въ ростовщически-торговой стадіи, когда онъ ограничивается доходами отъ посредническихъ операцій и не стремится къ производительному назначенію.

Съ точки зрѣнія обогащенія края капиталами, вполнѣ желателенъ и цѣлесообразенъ притокъ въ Сибирь иностранныхъ капиловъ. Въ бѣдныхъ странахъ (напр., въ первую половину XIX вѣка въ Соединенныхъ Штатахъ, позднѣе въ южно-американскихъ государствахъ, въ балканскихъ странахъ) иностранный капиталъ обычно животворилъ лежавшія втунѣ естественныя богатства и приводилъ въ движеніе промышленныя силы народнаго хозяйства. Если иностранцы и получаютъ при этомъ крупные барыши, которые уходятъ изъ страны, то въ то же время они оставляютъ большія суммы на вознагражденіе рабочихъ и служащихъ и на пріобрѣтеніе необходимыхъ средствъ производства (сырье и проч.). Главное же вліяніе иностраннаго капитала заключается въ томъ, что онъ своимъ примѣромъ и соперничествомъ вызываетъ къ жизни хозяйственную дѣятельность мѣстныхъ жителей и толкаетъ ихъ впередъ въ развитіи производительныхъ силъ края.

Наконецъ, существенный элементъ промышленнаго успѣха — знаніе — находится въ Сибири тоже въ печальномъ состояніи. Начальное образованіе при отсутствіи земства весьма ограничено и

поставлено неудовлетворительно. Школъ мало, многіе учителя далеко не стоятъ на высотѣ своего призванія, учится небольшая часть дѣтей школьнаго возраста. Такъ, въ Томской губерніи изъ 160.000 дѣтей всего 17.158 учащихся, въ Иркутской губ. изъ 33.500—учится 10.866. Спеціальное образованіе дается единичными учебными заведеніями, въ родѣ 2 ремесленныхъ училищъ въ Томскѣ, горнаго училища въ Иркутскѣ. Вслѣдствіе недостатка образованія промышленные рабочіе не достигаютъ высокаго уровня производительности, а завѣдующіе и управляющіе предпріятіями въ рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ какое-либо техническое образованіе. Производство ведутъ по старымъ шаблонамъ, по воспринятымъ отъ отцовъ навыкамъ, безъ вниманія къ процессу техники, безъ иниціативы по части усовершенствованія дѣла.

Обрабатывающая промышленность сама собой разовьется въ Сибири, когда необходимыя для нея условія окажутся налицо: рынокъ, рабочія силы, капиталъ и знанія. Въ настоящее же время главный интересъ края заключается въ разработкѣ естественныхъ его богатствъ и въ выдѣлкѣ сырья (металловъ, кожъ, зерна и пр.). Гораздо выгоднѣе для Сибири отправлять въ Европу выдѣланныя кожи, чѣмъ сырыя, спиртъ и муку, чѣмъ зерно и т. д. Эти отрасли промышленной обработки при несложной техникѣ болѣе доступны сибирскимъ предпринимателямъ, чѣмъ другіе виды индустріи, и онѣ то болѣе всего и развиваются.

Кустарное производство. Въ заключеніе нашего очерка слѣдуетъ остановиться на кустарныхъ промыслахъ, существующихъ среди сибирскаго населенія. Еще въ половинѣ XIX вѣка въ Сибири господствовало натуральное хозяйство. Сибирякъ-крестьянинъ трудами собственной семьи производилъ какъ всѣ предметы питанія, такъ и всѣ незамысловатыя обработанныя издѣлія для домашняго обихода, какъ-то: домашнюю утварь, сельскохозяйственныя орудія, обувь, одежду и проч. Вмѣстѣ съ ростомъ населенія вообще и городского въ особенности, съ развитіемъ золотопромышленности и другихъ отраслей горнаго дѣла, съ появленіемъ заводскихъ предпріятій, начинаетъ развиваться денежное хозяйство, вводящее товарный обмѣнъ въ хозяйственную жизнь края. Населеніе начинаетъ все болѣе отчуждать на рынокъ продукты земледѣлія, горной и добывающей промышленности; въ его рукахъ появляются деньги, на которыя могутъ быть покупаемы обработанныя издѣлія. Появляются цѣлыя группы населенія, живущія цѣликомъ или частью денежными доходами и предъявляющія спросъ на разные товары обрабатывающей промышленности. Благодаря этому отчасти развивается привозъ фабричныхъ издѣлій изъ Европейской Россіи.

Для появленія мѣстныхъ промышленныхъ предпріятій этотъ спросъ имѣлъ слишкомъ малые размѣры и былъ слишкомъ разсѣянъ на большія территоріи. Съ другой стороны при скромности дохода покупателей и при невзыскательности ихъ вкуса создается почва для развитія изъ домашняго производства различныхъ отраслей кустарной промышленности. Что это такъ, видно именно изъ возникновенія кустарныхъ промысловъ въ Сибири, начиная съ 50-хъ и 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Направленіе этой промышленности опредѣлялось потребностями покупающаго населенія и характеромъ имѣющагося въ области сырья. Наиболѣе важными отраслями кустарной промышленности явились древообрабатывающія производства, выдѣлка издѣлій изъ шерсти, кожи, глины, отчасти изъ желѣза. Нѣкоторыя статистическія данныя о населеніи, занятомъ кустарными промыслами, были собраны при изслѣдованіяхъ 80-хъ годовъ, но теперь они, конечно, устарѣли. Согласно имъ, въ Иркутской губ. ремеслами и кустарными промыслами было занято 15% взрослаго мужского населенія, въ Енисейской губ. 21%, въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской губ. 27,6%, въ Томскомъ уѣздѣ 10,4%.

Главные районы существованія кустарныхъ промысловъ—Тобольская и Томская губерніи, менѣе Енисейская и Иркутская губерніи. Среди древообратывающихъ предметовъ видное мѣсто занимаетъ производство сельскохозяйственныхъ орудій, напр., сохъ, вѣялокъ, молотилокъ (Ишимскій, Тюменскій, Курганскій уѣзды Тобольской губерніи), бондарный промыселъ, встрѣчающійся почти во всѣхъ уѣздахъ Западной Сибири, производство дугъ, саней, бочекъ (Курганскій уѣздъ), колесъ, мебели, сундуковъ, телѣгъ. Почти вездѣ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ населеніе занято гонкой смолы и дегтя, производствомъ скипидара, рогожъ и мочалы. Кое-гдѣ встрѣчается выдѣлка клепокъ для бочекъ (Туринскій у.), рѣшетъ.

Изъ производствъ по обработкѣ волокнистыхъ веществъ можно назвать веревочное, тканье холста, весьма распространенное среди крестьянъ плетенье кружевъ (Ишимскій у.), ковровый промыселъ (Тюменскій, Томскій, Барнаульскій уѣзды), шерстобитный и пимокатный. Послѣднія два производства существуютъ во всѣхъ уѣздахъ, такъ какъ удовлетворяютъ насущной потребности населенія въ теплой одеждѣ.

Маслобойный промыселъ имѣетъ мѣсто въ Тобольскомъ, Тарскомъ, Курганскомъ, Ишимскомъ и Змѣиногорскомъ уѣздахъ. Овчинное производство отмѣчается въ разныхъ мѣстахъ Тюменскаго, Ишимскаго, Ялуторовскаго, Курганскаго и Каинскаго уѣздовъ. Кожевенное дѣло особенно развито въ Тобольской губ. Кое-гдѣ встрѣ-

частся производство рукавицъ, сапоговъ, шорныхъ издѣлій. Гончарный промыселъ весьма разсѣянъ въ зависимости отъ мѣстнаго характера сбыта. Широко распространенъ также кирпичный промыселъ.

Кустарная промышленность удовлетворяетъ простымъ вкусамъ небогатаго сельскаго и городского населенія и при сравнительно небольшихъ издержкахъ производства можетъ вырабатывать дешевыя издѣлія. Сбытъ ихъ ограничивается мѣстнымъ рынкомъ, куда мало попадаютъ фабрично-заводскія издѣлія изъ Европейской Россіи. Многіе промыслы въ Сибири, не встрѣчающіе конкурренціи фабричныхъ товаровъ, развиваются съ каждымъ годомъ, какъ, напр., производства пимокатное, гончарное, сапожное, производство деревянныхъ издѣлій. Другіе промыслы обнаруживаютъ упадокъ вслѣдствіе конкурренціи фабрикъ, напр., кожевенное, ткацкое. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ промыслы страдаютъ отъ тяжелыхъ условій пріобрѣтенія сырья. Это относится, по преимуществу, къ древообрабатывающимъ промысламъ. По свидѣтельству мѣстныхъ жителей, лѣсное вѣдомство ввело настолько стѣснительныя правила пользованія лѣсомъ, что не обладающіе наличными средствами крестьяне часто не въ состояніи ихъ исполнить. Такъ, требуется уплата впередъ попенныхъ денегъ, производится придирчивый контроль выработанныхъ издѣлій для опредѣленія количества потребленнаго лѣса. Нерѣдко крестьянамъ отводятся лѣсные участки на далекомъ разстояніи отъ ихъ жилища, что затрудняетъ ихъ эксплоатацію. Вопросъ объ облегченіи условій пользованія казенными лѣсами представляется весьма настоятельнымъ и серьезнымъ для многихъ мѣстностей Сибири, такъ какъ иначе выгодные и полезные промыслы грозятъ упадкомъ и даже полнымъ исчезновеніемъ.

Съ другой стороны необходимо обратить вниманіе на ознакомленіе населенія съ усовершенствованными техническими пріемами производства. До сихъ поръ кустари научались промысламъ отъ отцовъ и дѣдовъ или отъ переселенцевъ. Предоставленные самимъ себѣ, они продолжали вести дѣло самыми первобытными пріемами и вырабатывали грубыя, некрасивыя издѣлія. Было бы желательно создать институтъ кустарныхъ инструкторовъ для обученія кустарей, устраивать кустарныя выставки, выставки образцовъ и улучшенныхъ орудій, развить мелкій кредитъ для кустарей и проч. Къ сожалѣнію, въ настоящее время въ Сибири нѣтъ учрежденія, которое взяло бы на себя всѣ заботы о кустарныхъ промыслахъ. Только земское самоуправленіе могло бы осуществить эти задачи, на подобіе Московскаго, Вятскаго и др. земствъ Европейской Россіи.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Торговля въ Сибири.

М. Боголѣпова.

I.

Торговля въ Сибири во многихъ отношеніяхъ отличалась оригинальностью своихъ формъ и своего содержанія. Сибирская торговля прежде всего складывалась подъ вліяніемъ тѣхъ общихъ экономическихъ и соціально-политическихъ факторовъ, которые наложили неизгладимый отпечатокъ на все прошлое этого обширнаго края, въ значительной мѣрѣ опредѣлили собою настоящее, текущую дѣйствительность и,—нужно думать,—результаты вліянія этихъ факторовъ будутъ тѣмъ наслѣдствомъ, съ которымъ Сибирь вступитъ на путь дальнѣйшаго прогресса. Сибирь—колонія, вотъ основной мотивъ всей экономической и общественной исторіи русской окраины. Нужно-ли говорить, что исторія такихъ странъ никогда не блещетъ веселыми, живыми красками. Обреченныя приносить тяжелыя, разорительныя жертвы метрополіи, такія страны, обыкновенно, служатъ объектомъ хищнической эксплоатаціи. Этотъ основной характеръ экономическихъ отношеній, свойственный всѣмъ новымъ захваченнымъ или завоеваннымъ странамъ, пронизываетъ и торговлю съ самаго начала возникновенія въ колоніи торговыхъ сдѣлокъ.

Вслѣдъ за вооруженнымъ захватомъ и военнымъ ограбленіемъ новой страны спѣшитъ торговый капиталъ, часто, какъ это и было въ исторіи Сибири, опережая райономъ своихъ дѣйствій сферы военныхъ захватовъ. Торговый капиталъ въ новыхъ странахъ, обреченныхъ на жалкую роль колоній, въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ общій фонъ народно-хозяйственной дѣйствительности, рѣшительнымъ образомъ вліяетъ на уровень прибыли, борется съ натуральнымъ хозяйствомъ, находя въ этомъ хозяйствѣ обильную пищу для своего развитія. Торговый капиталъ, дѣятельность котораго въ колоніальныхъ странахъ почти всегда облекается въ поразительно несимпатичныя формы, всетаки въ концѣ концовъ приводитъ къ

тому, что страна — арена его дѣятельности — начинаетъ характерную эволюцію; въ ней постепенно образовывается производительный капиталъ, въ значительной мѣрѣ на счетъ капитала торговаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается освобожденіе страны отъ уродливыхъ проявленій хищнической работы торговаго капитала,—мало-по-малу обездоленный край начинаетъ жить своей собственной жизнью, залечиваетъ глубокія раны и кровоточащія язвы печальнаго прошлаго, для края открываются иныя перспективы, зовущія его на широкій путь всесторонняго прогресса. Но прежде чѣмъ выбиться на эту широкую дорогу, колонія, обыкновенно, влачитъ самое жалкое существованіе, темпъ ея экономическаго развитія поражаетъ наблюдателя своею медлительностью.

Богато одаренный край, „страна будущаго“, „золотое дно“, Сибирь въ особенности медленно переживала свою невеселую исторію. Здѣсь жизнь долгое время была стиснута въ застывшихъ формахъ экономическаго быта, исключавшаго возможность быстраго развитія. Этому же развитію мѣшали и цѣпи административной опеки, проникавшей во всѣ стороны, во всѣ проявленія сибирской дѣйствительности, заглушавшей всѣ ростки общественной самодѣятельности и инициативы. Пригвожденная къ позорному столбу уголовной ссылки, лишенная правъ и защиты, Сибирь сдѣлалась широкой ареной для дѣятельности тѣхъ темныхъ, подозрительныхъ элементовъ, присутствіе которыхъ такъ характерно для первоначальной колонизаціи всякой новой страны. Хищничество и ограбленіе, наносившее невозпаградимый уронъ естественнымъ богатствамъ страны, приводившее къ обѣдненію аборигеновъ края, къ вымиранію цѣлыхъ инородческихъ племенъ,—вотъ что было характернымъ явленіемъ сибирской дѣйствительности на протяженіи трехъ столѣтій ея печальной исторіи. Это хищничество облекалось въ форму торговли, или, наоборотъ, торговля облекалась въ форму хищничества и разграбленія естественныхъ богатствъ Сибири.

Не мудрено, что при отсутствіи какого-либо положительнаго культурнаго фактора, подъ давленіемъ отрицательной силы—торговаго капитала, экономическій ростъ Сибири поражалъ своею медлительностью. Росла торговля въ Сибири и съ Сибирью, но это отнюдь не было радостнымъ явленіемъ для самой Сибири. Росту торговыхъ отношеній не отвѣчалъ ростъ производственныхъ отношеній. Это несовпаденіе двухъ основныхъ устоевъ экономической жизни приводило Сибирь къ опасному для нея застою, къ омертвленію всѣхъ сторонъ ея быта.

Въ отношеніи медлительности темпа своего развитія Сибирь удивительно напоминаетъ Австралію того періода, когда этотъ далекій край, подобно Сибири, служилъ пенитенціарной колоніей для

Англіи и былъ отданъ во власть корыстной губернаторской власти, въ большой дружбѣ съ которой жила клика торговцевъ-монополистовъ. Печальныя страницы исторіи Австраліи обрываются на 60-хъ годахъ XIX вѣка, когда Австралія получила автономное устройство и когда австралійскіе парламенты начинаютъ развивать свое собственное законодательство. Но Сибирь до сихъ поръ не знаетъ такого поворотнаго пункта въ своей исторіи, хотя и въ сибирской исторіи можно уже отмѣтить первые элементы настоящаго культур-трегерства, первые этапы новыхъ путей: отмѣна уголовной ссылки, усиленіе свободнаго переселенія, развитіе просвѣщенія и, наконецъ, проведеніе великаго желѣзнодорожнаго пути. Съ грохотомъ и свистомъ перваго паровоза, побѣдившаго необозримую ширь огромнаго края, родились и въ Сибири манящія надежды на лучшее будущее; въ недалекихъ перспективахъ уже стали обрисовываться начала новой жизни, для которой въ Сибири есть много благопріятныхъ условій. Но эти надежды, быстро родившись, слишкомъ медленно, слишкомъ туго облекаются плотью и кровью. И до сихъ поръ наслѣдіе прошлаго составляетъ все еще ту губительную среду, ту смертоносную атмосферу, въ которой блекнутъ и умираютъ лучшія сибирскія надежды...

Желѣзная дорога нарушила омертвленіе Сибири, побѣдила ея пространства, ускорила разложеніе старыхъ формъ экономическаго быта, но не принесла съ собой живыхъ силъ, тѣхъ ферментовъ, которые необходимы для возрожденія края. Желѣзная дорога и не могла явиться факторомъ, преобразующимъ Сибирь, для этого необходима цѣлая система мѣропріятій, успѣшность дѣйствія которыхъ поощряется проведеніемъ рельсовыхъ путей. И сейчасъ, когда желѣзной дорогой Сибирь соединена со всѣмъ міромъ, имѣетъ выходы къ двумъ океанамъ, все-же налицо нѣтъ тѣхъ элементовъ, которые въ общей своей суммѣ дали бы то, на что можно было бы съ гордостью указать—вотъ новая культура! Основныя теченія сибирской дѣйствительности, характерныя черты ея экономическаго быта, все это опирается не на новыя начала, принесенныя въ Сибирь съ новыми дарами культуры, а все это коренится въ мрачномъ прошломъ, въ томъ наслѣдствѣ вѣковъ, отъ котораго отдѣлаться трудно. Желѣзная дорога вооружила непобѣдимымъ оружіемъ только одну силу—торговый капиталъ, который былъ старымъ хозяиномъ Сибири, а теперь удесятерилъ свое значеніе. Этотъ старый хозяинъ имѣетъ длинную исторію, его дѣятельность начинается одновременно съ военнымъ захватомъ Сибири. Торговый капиталъ, мизерный по своимъ размѣрамъ, былъ великъ по своему значенію. Онъ шелъ по стопамъ побѣдителей, его дѣятель-

ность развивалась среди инородческаго населенія, которое своею пассивностью и наивною довѣрчивостью усугибило разорительное вліяніе пришлыхъ эксплоататоровъ. Это—періодъ ограбленія сибирскихъ инородцевъ; торговля,—если можно назвать торговлей такія дѣйствія, въ которыхъ трудно провести грань между уголовнымъ преступленіемъ и коммерческой сдѣлкой,—была направлена на захватъ тѣхъ богатствъ, которыя были въ рукахъ инородцевъ, какъ результатъ ихъ промысловой дѣятельности.

Это явленіе находилось въ полной связи съ правительственной политикой по отношенію къ Сибири. Въ глазахъ правительства Сибирь—прежде всего военная добыча, источникъ новыхъ доходовъ, новыхъ богатствъ. Правительство сбираетъ съ покоренныхъ народовъ дань натурою: шкурами драгоцѣнныхъ соболей, лисицъ, бобровъ, выдръ, рысей, бѣлокъ и др. Нѣкоторые инородцы были обложены ясакомъ поголовно, не исключая больныхъ и увѣчныхъ, по 11 соболиныхъ шкуръ съ души. Взиманіе этой натуральной дани сопровождалось страшными жестокостями, лихоимствомъ, грабежомъ. Эти дѣйствія правительства, между прочимъ, приводили къ тому, что въ годы плохихъ улововъ инородцы для уплаты дани должны были покупать мѣха у русскихъ торговцевъ-скупщиковъ, наживавшихъ при этомъ большія деньги. Правительство, слѣд., своею податною политикой приняло участіе въ отобраніи у туземнаго населенія результатовъ его промысловой дѣятельности. Но здѣсь оно натыкалось на жадность купцовъ и скупщиковъ, а поэтому скоро пошло въ сторону наименьшаго сопротивленія—къ захвату свободныхъ естественныхъ богатствъ края, объявляя своей монополіей всякій цѣнный промыселъ.

Русскіе пришельцы въ Сибири не были вооружены такими средствами, которыя позволили бы имъ наживать богатства путемъ промысловой эксплоатаціи края. Имъ удобнѣе и дешевле, а, главное, неизмѣримо легче, было обирать не сибирскую природу, а сибирское населеніе. Отсюда и получилъ перевѣсъ торговый капиталъ: торговля давала малокультурнымъ пришельцамъ то, чего они не могли взять отъ края путемъ разработки его естественныхъ богатствъ. Это—самая характерная черта сибирскихъ экономическихъ отношеній.

Торговля съ инородцами была построена на несложныхъ началахъ: на спаиваніи ихъ спиртомъ и на закабаливаніи ихъ ростовщической системой кредита. Сюда еще присоединилась особенная черта сибирской торговли—ея монопольное положеніе и монопольный характеръ. Роковая наклонность инородца къ спиртнымъ напиткамъ приводила къ тому, что торговецъ, священникъ, чиновникъ

занимались мѣною водки на цѣнные товары, находившіеся въ рукахъ инородцевъ. Ведро водки, стоившее 5 руб., продавалось за 40 руб. Нужно прочесть, напр., сочиненія замѣчательнаго сибирскаго патріота Н. М. Ядринцева и убѣдиться въ огромныхъ размѣрахъ того бѣдствія, которое было принесено торгашами, чиновниками, духовенствомъ въ инородческую среду вмѣстѣ съ водкой. Между пришельцами-эксплоататорами и туземнымъ населеніемъ установились отношенія фактическаго рабства, объ юридической санкціи котораго сибирскіе купцы ходатайствовали на исходѣ XVIII в. Факторомъ, создавшимъ такія отношенія, была торговля, которая по свидѣтельству всѣхъ сибирскихъ бытописателей граничила всегда съ грабежомъ, насиліемъ, обманомъ и рядомъ другихъ злоупотребленій. Купецъ всегда очень охотно снабжалъ покупателя-туземца кредитомъ, который и создавалъ рабскую зависимость кліента отъ своего торговца. Инородческіе долги, всегда сомнительнаго происхожденія, оплачивались 200, 300% Нѣкоторыя инородческія кредитныя сдѣлки, сопровождавшіяся залогомъ промысловъ, угодій, были таковы по своимъ условіямъ, что при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не могли быть выплачены въ 135 лѣтъ! Валюта такого „долгосрочнаго“ обязательства не превышала 1 р. 50 коп. и за эту ничтожную сумму пропадали цѣнныя угодья, промыслы и самая жизнь инородческихъ племенъ... „Злоупотребленія торговли продолжаются и до сихъ поръ“,—писалъ Ядринцевъ въ 1882 г. Въ началѣ XX в. это же повторяется другими наблюдателями печальной сибирской дѣйствительности. Въ одной изъ новыхъ книгъ разсказывается, какъ недавно торгашъ продалъ помаду и духи, стоившіе 1 р. 50 к., объявивъ ихъ цѣлебными средствами, за 150 руб., получивъ эту сумму бѣличьими шкурами... Этотъ фактъ краснорѣчиво говоритъ о характерѣ торговыхъ отношеній въ инородческой средѣ...

II.

Почти одновременно съ появленіемъ торговли, направленной на безудержный грабежъ инородцевъ, возникаетъ торговля, ставившая своей цѣлью снабженіе сибирскаго населенія такими товарами, которыхъ въ Сибири не производилось. Такимъ образомъ, мы наблюдаемъ почти одновременное развитіе и сибирской экспортной торговли, и импортной.

Первые же насельники Сибири—оффиціальныя и частныя лица—нуждались во многихъ товарахъ, которые невозможно было достать въ Сибири. Въ первое время послѣ захвата Сибири главнымъ привознымъ товаромъ былъ хлѣбъ, затѣмъ, порохъ, свинецъ и т. д.

Открывались казенные магазины, въ которыхъ населеніе и могло закупать необходимые припасы. Казенная торговля въ послѣдующее время сосредоточилась въ инородческихъ районахъ въ цѣляхъ снабженія инородцевъ необходимыми припасами. Казна вела торговлю при посредствѣ купцовъ, которые привозили и поставляли товары въ казенные магазины. Эта торговля сопровождалась крупными злоупотребленіями. Чиновники, завѣдывавшіе магазинами, входили въ стачки съ купцами, повышали цѣны, торговали подъ казеннымъ флагомъ за свой счетъ. По авторитетному замѣчанію Ядринцева казенная торговля не только не устраняла частной эксплоатаціи, но оказалась орудіемъ для нея же. На инородцахъ накапливались огромные долги за казенный хлѣбъ, часто руб. 200 на душу; эти долги взыскивались съ неимовѣрной строгостью. Хлѣбъ продавался такого низкаго качества, что отъ употребленія его распространялись эпидемическія заболѣванія, приводившія къ вымиранію туземцевъ... Чиновники, завѣдывавшіе казенными магазинами, наживали крупныя состоянія...

Словомъ, въ первый періодъ исторіи Сибири, присоединенной къ Россіи, торговля была главнымъ и преобладающимъ видомъ промысловой дѣятельности пришлаго населенія. Но эту дѣятельность трудно назвать торговлей въ буквальномъ смыслѣ этого слова, это была возмутительная эксплоатація, въ которой приняли участіе всѣ пришельцы: и воинская сила, начальство, духовенство, торговцы и всѣ тѣ подозрительные элементы, которые являются, обыкновенно, главнымъ ядромъ арміи колонизаторовъ, „культуртрегеровъ“.

Кончается этотъ печальный періодъ исторіи сибирской торговой эксплуатаціи тѣмъ, чѣмъ онъ и долженъ былъ кончиться. Инородческія племена были ограблены, разорены. Торговое дѣло въ Сибири превратилось въ l'affaire deplumée. Инородческія угодья, промыслы были захвачены господами положенія, число охотниковъ до наживы возросло, но въ то же время возросло и число пришлаго населенія: Европейская Россія дала Сибири массу крестьянъ, упрочившихъ въ новомъ краѣ дѣло сельскохозяйственной культуры. Началось мирное завоеваніе Сибири. У населенія появились такія потребности, которыя нужно было удовлетворять привозными товарами. Въ большой мѣрѣ потребности сибирскаго населенія начали было удовлетворяться товарами, привезенными изъ сосѣднихъ азіатскихъ странъ, напр., изъ Китая, но правительство скоро закрываетъ эту ввозную торговлю и Европ. Россія дѣлается монополистомъ по снабженію Сибири самыми разнообразными товарами. Многочисленныя попытки насадить въ Сибири фабрично-заводскую промышленность, несмотря на всякія приманки, оканчивались не-

удачей. Сибирь, отгороженная отъ другихъ странъ таможенными бастіонами, сдѣлалась покупателемъ товаровъ русскаго производства. Мануфактура изъ московскаго района, сахаръ, сласти, вино, варенье — съ юга Россіи, желѣзо съ Урала; даже дуги, деревянныя ложки привозили изъ Европ. Россіи. Словомъ, весь обиходъ сибирскаго населенія обслуживался до самаго недавняго времени товарами изъ Европ. Россіи. Фабриканты снабжали Сибирь залежалымъ товаромъ: „никуда негодно, такъ въ Сибирь“,—вотъ что опредѣляло сибирскій сбытъ. Бакалейная торговля, по признанію самихъ торговцевъ, приносила имъ по 35%—по 50% на рубль. Еще болѣе прибыли давала мануфактура. На судѣ устанавливались прибыли въ 135%, есть свидѣтельства, что прибыль составляла временами 200, 300, 400 и 500%.

Характерными чертами этой торговли было — кредитъ и монополія. Сибирскій купецъ самъ покупалъ свой товаръ въ кредитъ у фабриканта и продавалъ его на мѣстахъ точно также въ кредитъ. Условія кредита, выгодныя даже при банкротствѣ, „сгущались“ начиная отъ Нижняго до Сибири. Въ Сибири кредитныя сдѣлки уже превращались въ кредитныя петли. Торговля въ кредитъ уже по необходимости предполагала монопольныя тенденціи. Фабрикантъ естественно довѣрялъ только немногимъ, лично ему извѣстнымъ торговцамъ. Послѣдніе, разбрасывая товары въ кредитъ по широкимъ районамъ, были кровно заинтересованы въ томъ, чтобы въ данномъ районѣ никто другой не входилъ въ сношенія съ потребителями, задолженными и закабаленными одному торговцу. Монопольныя фирмы, опиравшіяся на монопольныя цѣны, взвинченныя ростовщическимъ кредитомъ, кольцами охватили всю Сибирь. Монопольная организація Сибирской торговли поддерживалась еще тѣмъ, что торговые пути изъ Европ. Россіи въ Сибирь, были крайне затруднены, немногимъ улыбалось счастіе преодолѣть всѣ трудности пути, и эти немногіе оказывались полными господами положенія.

Распредѣленіе привозныхъ товаровъ по Сибири совершалось до проведенія желѣзнодорожнаго пути, а также въ значительной мѣрѣ и въ данное время при посредствѣ ярмарокъ.

Для того, чтобы понять сущность сибирскаго торговаго оборота, необходимо обратить самое пристальное вниманіе на тѣсное взаимодѣйствіе сибирской ввозной и вывозной торговли. Эти двѣ отрасли торговаго оборота развиваются не только одновременно,—напр., сибирскія ярмарки представляютъ изъ себя не только рынокъ для ввозныхъ товаровъ, но и для вывозныхъ,—но и другъ друга обусловливаютъ. Соотношеніе между сибирскимъ ввозомъ и сибирскимъ вывозомъ удачно и ясно формулировалъ Н. М. Ядринцевъ. Для Сибири громад-

ное значеніе имѣетъ вывозъ ея сырья, это создаетъ ея покупательную силу. Сбытъ сырья, который долженъ создать приливъ капиталовъ въ Сибирь, не обусловилъ до сихъ поръ капитальнаго богатства Сибири, такъ какъ вся выручка отъ этого сбыта уходитъ на пріобрѣтеніе привозныхъ фабрикатовъ для непосредственнаго потребленія сибирскаго населенія. Рядомъ цифръ Ядринцевъ доказываетъ, что Сибирь продаетъ свои продукты по самой низкой цѣнѣ, почти за безцѣнокъ, а въ обмѣнъ пріобрѣтаетъ привозные товары, служащіе къ удовлетворенію всѣхъ, даже мельчайшихъ потребностей хозяйства, по высокимъ цѣнамъ. „Сибирь, говоритъ Ядринцевъ, находится на положеніи инородца къ торговцу“. Цѣнность сырья никогда не покрывала запроса на мануфактуру. Отсюда развивается торговля въ кредитъ, подчиняющая всю Сибирь игу мануфактуры. По формулировкѣ Ядринцева, Сибирь стоитъ въ той же зависимости, какъ всякая страна сырья къ мануфактурному рынку, не умѣвшая обезпечить себя собственнымъ хозяйствомъ. Потребитель мануфактуры, оплачивающій дорого стоющее посредничество, въ то же время является производителемъ сырья. Сибирскій торговецъ мануфактурой въ силу этого одновременно и скупщикъ сырья. Суть этихъ отношеній лучше всего обрисовывается на любой сибирской ярмаркѣ, большой ли, маленькой.

Характерной чертой сибирскихъ ярмарокъ Ядринцевъ отмѣчалъ для второй половины XIX в. тотъ фактъ, что цѣнность сырья никогда не покрываетъ запроса на мануфактуру. „Сибирь кредитуется на 75%“. Въ 1875 г. на ирбитской ярмаркѣ изъ оборота въ 43 милл. руб. мануфактура занимала 30 милл. р. Обороты той же ирбитской ярмарки въ 1905 г. выразились въ 27.208.400 р. Изъ этой суммы привозныхъ товаровъ было (проданныхъ) на 20,515.000 руб., а проданнаго сибирскаго сырья на 6.513.400 руб. Слѣдовательно, характеръ ярмарокъ удержался безъ измѣненія до самыхъ послѣднихъ дней *). Измѣненіе произошло не качественное, а количественное: размѣры оборотовъ ярмарки обнаружили несомнѣнную тенденцію къ пониженію, что обусловлено проведеніемъ желѣзной дороги. Масса сибирскихъ торговыхъ оборотовъ въ настоящее время совершается помимо ярмарокъ, путемъ непосредственныхъ сношеній торговыхъ фирмъ Сибири съ фабрикантами и заводчиками.

*) „Вѣстникъ Финансовъ“, публикуя данныя объ оборотахъ, оперирующихъ на ирбитской ярмаркѣ банковыхъ учрежденій, говоритъ: „И въ нынѣшнюю ярмарку нельзя не отмѣтить ея выдающуюся малоденежность, и, какъ результатъ этого,—усиленное развитіе кредитныхъ сдѣлокъ, разсрочки и отсрочки платежей“ (1905 г. № 17).

Содержаніе оборотовъ современной ирбитской ярмарки настолько типично для сибирской торговли, что стоитъ привести детальныя свѣдѣнія, характеризующія, съ одной стороны, то, что Сибирь покупаетъ и то, что она продаетъ. Располагая товары, привезенные изъ Европейской Россіи на ирбитскую ярмарку въ 1905 г. по цѣнности привоза, получаемъ слѣдующую скалу товаровъ, сбываемыхъ въ Сибирь (въ скобкахъ цѣнность привоза): изъ общей суммы привоза въ 21.830.000 руб. первое мѣсто занимаютъ мануфактурныя и хлопчатобумажныя издѣлія, которыхъ было привезено на 12 милл. руб., т. е. около 55% всѣхъ привезенныхъ товаровъ изъ Европейской Россіи. Затѣмъ идутъ: шерстяныя и суконныя издѣлія ($1^1/_2$ м. р.), сафьяновыя и кожаныя издѣлія (800.000 р.) скобяные, ножевые, ружейные товары, эмалированная посуда и т. п. (600.000 р.), москательные и аптекарскіе товары, деревянное масло, глицеринъ, олеинъ и индиго (550.000 р.), готовая мужская и женская одежда и бѣлье (500.000 р.), желѣзо, чугунъ, издѣлія изъ нихъ, пожарныя трубы (500.000 р.), льняная и пеньковая ткань (500.000 р.), шелковыя ткани (500.000 р.); посуда фаянсовая, фарфоровая, хрустальная, разное стекло и зеркала (450.000 р.), игольные, галантерейные товары, оптическіе инструменты, хирургическіе (400.000 р.); резиновыя галоши и издѣлія (400.000 р.); крытыя шубы, некрытыя, мѣха и воротники (350.000 р.); фруктовые, бакалейные товары и кофе (300.000 р.); мѣдь въ слиткахъ, листахъ, самоварахъ, посудѣ, колоколахъ (220.000 р.); вино простое, виноградное, водки и пиво (200.000 р.); бумага писчая, плановая, книжная и оберточная (200.000 р.); золото и серебро въ издѣліяхъ (200.000 р.); швейныя машины, различные инструменты, земледѣльческія орудія (180.000 р.); красная и др. бумажная пряжа (180.000 р.); деревянныя издѣлія: экипажи, рессорныя коляски, городскія сани, колеса, стулья, шкафы, столы, деревянная посуда, рогожи (140.000 р.); стеариновыя и восковыя свѣчи (130.000 р.); парфюмерія (110.000 р.); австрійскія и русскія косы (100.000 р.); сахаръ (100.000 р.); драгоцѣнные камни, издѣлія изъ нихъ и коралла (100.000 р.); разные часы, музыкальные инструменты (100.000 р.); дамскія шляпки, головные уборы, картузы, шапочныя издѣлія (90.000 р.); табакъ (70.000 р.); церковная утварь (70.000 р.); нитки на катушкахъ (50.000 р.); иконы (40.000 р.); кружевныя издѣлія изъ золота, офицерскія вещи (40.000 р.); сундуки, подносы лаковые (36.000 р.); керосинъ и пиронафтъ (35.000 р.); точила печерскія, жернова мельничные, мраморные памятники (35.000 р.); шерсть русская и издѣлія изъ нея (25.000 р.); обои (25.000 р.); спички (20.000 р.);

дѣтскія игрушки (12.000 р.); книги, эстампы, ландшафты (10.000 р.); хмель (7.000 р.); мѣлъ, алебастръ (5.000 р.).

Этотъ длинный списокъ великолѣпно характеризуетъ характеръ сибирскаго рынка, какъ покупательной силы: Сибирь во всемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ своего быта, нуждается въ привозныхъ товарахъ. Къ перечисленнымъ привознымъ товарамъ нужно присоединить еще сюда же самаркандскія, бухарскія и ташкентскія шелковыя издѣлія, которыхъ было привезено на 70.000 руб.

Сибирь по этой ярмаркѣ выступила въ качествѣ представителя добывающей промышленности, она сбывала, главнымъ образомъ, сырье, среди котораго на первомъ мѣстѣ стояли различные пушные товары (на 4.538.400 р.). Затѣмъ слѣдовали: хлѣбъ, крупа, соль, мясо, птица (430.000 р.), кожи сырыя, яловыя, конскія (350.000 р.), щетина (230.000 р.), козлины и овчины сырыя (170.000 р.), свѣжая и соленая рыба, икра (130.000 р.), конскій волосъ, грива (110.000 р.), воскъ (100.000 р.), сибирскій медъ и патока (80.000 р.), мука крупчатка (60.000 р.), конопляное и льняное волокно (60.000 р.), коровье масло (50.000 р.), мыло разныхъ сортовъ (40.000 р.); крестьянскій холстъ (30.000 р.), конопляное и льняное сѣмя (25.000 р.), птичье перо и пухъ (25.000 р.) коровье и баранье сало (20.000 р.), сибирскіе ковры (20.000 р.), растительное масло (20.000 р.), кедровый орѣхъ (20.000 р.), сальныя свѣчи (6.000 р.), рыбій жиръ, ворвань (5.000 р.), клей рыбный (4.000 р.).

Эти данныя прекрасно обрисовываютъ сущность товарообмѣна между Сибирью и Европейской Россіей. Попутно замѣтимъ, что масса сибирскаго сырья является для Европейской Россіи транзитнымъ грузомъ и направляется на рынки Западной Европы. Кромѣ ирбитской ярмарки есть еще рядъ крупныхъ ярмарокъ, имѣющихъ подобный же характеръ и значеніе. Кромѣ того, существуетъ множество мелкихъ ярмарокъ. Вотъ, напримѣръ, ярмарки въ селахъ Томской губерніи, обслѣдованныя податной инспекціей: обороты этихъ ярмарокъ колеблются отъ 670 тыс. руб.—217 тыс. руб., 110 тыс. руб. и доходятъ до 1—2 тыс. руб. Характерной особенностью этихъ ярмарокъ является тотъ же товарообмѣнъ, который мы наблюдали и на ирбитской ярмаркѣ. Съ одной стороны продается сибирское сырье, съ другой—мануфактурные товары. Мануфактурные товары можно встрѣтить на всѣхъ ярмаркахъ, и если эти ярмарки различаются между собою, то только по привозимому сырью, въ зависимости отъ естественныхъ условій ярмарочнаго района. Такъ, наблюдаются ярмарки съ преобладаніемъ льняныхъ и конопляныхъ товаровъ, съ преобладаніемъ зерновыхъ

товаровъ или продуктовъ скотоводства. Въ большинствѣ ярмарокъ сырье сбывается изъ первыхъ рукъ, хотя не мало есть и такихъ ярмарокъ, гдѣ орудуетъ скупщикъ, предлагающій товары въ болѣе или менѣе значительныхъ партіяхъ.

Проведеніе сибирской желѣзной дороги въ значительной мѣрѣ видоизмѣнило характеръ ярмарочной торговли. Крупныя ярмарки, на которыхъ происходятъ, главнымъ образомъ, оптовыя сдѣлки, постепенно сокращаются въ своихъ размѣрахъ, такъ какъ желѣзная дорога обусловила возможность непосредственныхъ сношеній крупныхъ фирмъ, напримѣръ, масло почти исчезаетъ съ ярмарокъ, такъ какъ экспортныя фирмы пооткрывали повсюду свои отдѣленія и агентуры и берутъ изъ рукъ производителей товаръ, не дожидаясь ярмарокъ. Скупщики равнымъ образомъ всегда имѣютъ возможность сбывать свои запасы крупнымъ фирмамъ, не выжидая ярмарокъ и не замедляя обороты своего капитала. Съ другой стороны, мануфактуристы, которые раньше закупали товаръ на ярмаркахъ, теперь завязали непосредственныя сношенія съ фабрикантами. Это замѣчаніе относится не только къ крупнымъ, но и среднимъ торговцамъ. Даже сарты-торговцы, ранѣе закупавшіе мануфактуру на ирбитской ярмаркѣ для ввоза ее въ Китай, теперь перестали посѣщать ярмарки, имѣя кредитъ у фабрикантовъ. Открытіе торговыхъ рядовъ для оптовой продажи въ Омскѣ значительно сократило обороты ярмарокъ. Районъ, прилегающій къ Омску, покупаетъ мануфактуру въ этомъ городѣ, выгадывая провозную плату отъ Омска до Ирбита. Московскія фирмы галантерейныхъ товаровъ перестали ѣздить на ярмарки, находя это невыгоднымъ. Общіе итоги ярмарочныхъ оборотовъ по продажѣ сырья въ значительной мѣрѣ сократились потому, что масса сырья сбывается до ярмарокъ на мѣстахъ и отправляется въ различные центры.

Но желѣзная дорога не повела къ уничтоженію ярмарокъ, а только къ раздробленію ихъ. Крупныя ярмарки постепенно и постоянно сокращаются въ своихъ размѣрахъ, но одновременно возникаетъ масса мелкихъ ярмарокъ по селамъ и деревнямъ необъятной Сибири. Желѣзная дорога удешевила привозные товары, расширила рынокъ сбыта и увеличила емкость рынка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ громадныя пространства, раздѣляющія сибирскіе города вообще и крупныя селенія въ частности, вызываютъ естественную потребность въ ярмаркахъ, обслуживающихъ небольшіе районы. Городская торговля не можетъ удовлетворить всѣ сельскія мѣстности, такъ какъ селенія зачастую слишкомъ далеко отстоятъ отъ города. Сельская торговля мануфактурными товарами носитъ зача-

точный характеръ, она не удовлетворяетъ всѣхъ потребностей населенія и сама питается на періодическихъ районныхъ ярмаркахъ. Сравнительно крупныя сибирскія ярмарки сокращаются постепенно вслѣдствіе того, что увеличивается число мелкихъ ярмарокъ. Въ описанномъ процессѣ ясно замѣтны слѣды распаденія старыхъ формъ торговли: ранѣе торговый капиталъ сосредоточивался въ рукахъ монополистовъ, крупныхъ фирмъ,—теперь въ торговомъ посредничествѣ выступаютъ многочисленные представители среднихъ, мелкихъ и даже миніатюрныхъ капиталовъ. Для крупныхъ торговыхъ капиталовъ создавалась соотвѣтствующая арена дѣятельности—знаменитыя крупныя ярмарки—нижегородская, ирбитская и др. Мелкому торговому капиталу на этихъ крупныхъ ярмаркахъ дѣлать совершенно нечего; для мелкихъ торговцевъ, для мелкой торговли возникаютъ и развиваются ярмарки, обслуживающія небольшіе районы.

Та же желѣзная дорога повліяла на торговую организацію въ Сибири и въ другомъ отношеніи. Ранѣе ярмарочные торговые обороты ликвидировались въ крупныхъ сибирскихъ городахъ. Ярмарки снабжали товарами городскую торговлю, носившую характеръ крупныхъ монопольныхъ предпріятій. Ярмарка, на которой заключались оптовыя сдѣлки, была посредницей между Сибирью и промышленными центрами Европейской Россіи. Сибирская городская торговля была вторымъ звеномъ въ цѣпи этого посредничества. Городская торговля распредѣляла закупленные на крупныхъ ярмаркахъ товары между мелкими населенными центрами Сибири. Городъ былъ представителемъ крупной оптовой торговли, отъ которой въ непосредственной зависимости находилась розничная торговля, какъ въ городахъ, такъ и во всѣхъ другихъ населенныхъ центрахъ Сибири. Крупнѣйшимъ торговымъ центромъ Сибири до проведенія желѣзной дороги былъ городъ Томскъ. Томская торговля была главнымъ посредникомъ въ распредѣленіи товаровъ между Европейской Россіей и Сибирью. Этотъ товарно-распредѣлительный центръ утерялъ свое значеніе одновременно съ проведеніемъ желѣзной дороги. Но это значеніе не растаяло на воздухъ, а только было раздѣлено между другими населенными центрами Сибири. Здѣсь нужно отмѣтить слѣдующее обстоятельство, которое нельзя упускать изъ виду при описаніи сибирской торговли. Дѣло въ томъ, что желѣзная дорога измѣнила только организацію сибирской торговли, но почти не затронула ея сущности, ея характера. Попрежнему Сибирь продаетъ сырье и покупаетъ мануфактуру и фабрикаты. Попрежнему торговля должна считаться съ сибирскими пространствами и рѣдкостью ея населенія. Слѣдовательно,

распредѣленіе товаровъ попрежнему должно совершаться въ обѣ стороны торговыхъ путей. Проведеніе желѣзной дороги умалило и сократило значеніе прежнихъ торговыхъ путей, соединявшихъ Сибирь съ Европейской Россіей, и вслѣдствіе этого поколебало позиціи старыхъ товарно-распредѣлительныхъ центровъ. На протяженіи сибирскаго желѣзнодорожнаго пути выросли новые торговые центры, которые и исполняютъ функціи распредѣлителей товаровъ, ранѣе монополизированныя немногими крупными городами. Новые торговые центры не доразвились до размѣровъ прежнихъ распредѣлительныхъ центровъ; этому, во-первыхъ, мѣшала конкурренція старыхъ торговыхъ центровъ, взаимная конкурренція новыхъ центровъ, вызванныхъ къ жизни проведеніемъ рельсоваго пути, и во-вторыхъ, слишкомъ мало прошло времени для того, чтобы новые центры встали на прочную почву: борьба стараго уклада сибирской торговли съ новыми формами далеко еще не закончилась, торговая эволюція еще не пришла къ своимъ окончательнымъ результатамъ. Эта эволюція приводила и къ другому результату, какъ естественному и неизбѣжному выводу изъ перваго: старыя предпріятія, опиравшіяся на монопольныя формы сибирской торговли, не успѣвали или были не въ силахъ приспособиться къ новымъ условіямъ, такія предпріятія должны были сойти со сцены и ликвидировать свои дѣла. На ихъ мѣстѣ и рядомъ съ ними вырастали и развивались новыя предпріятія, разсчитанныя и приноровленныя къ измѣненнымъ условіямъ сибирской торговли. Слѣдующія данныя сибирской податной статистики наглядно характеризуютъ эту внутреннюю торговую эволюцію. Изъ 100% всѣхъ торговыхъ предпріятій Томской губерніи, подлежавшихъ промысловому обложенію, въ 1900 г. 12% предпріятій закрылось, 23%—возникло вновь. Въ слѣдующемъ году изъ тѣхъ же 100%—9% закрылось; 17%—вновь возникло. Въ городѣ Томскѣ ежегодно сокращались число и размѣры первогильдейскихъ предпріятій, за ихъ счетъ вновь возникли розничныя и мелочныя предпріятія. Съ 1892 г. по 1900 г. число предпріятій въ г. Томскѣ возросло на 200%, въ прочихъ частяхъ губерніи на 350%, въ частности въ Барнаульскомъ уѣздѣ—на 540%. За трехлѣтіе 1899—1901 гг. въ Томской губерніи открылось новыхъ ярмарокъ 221.

О чемъ говорятъ эти цифры? Прежде всего о томъ, что совершается рѣзкая децентрализація сибирской торговли: крупные торговые центры раздробляются, крупныя торговыя фирмы распыляются. Торговый капиталъ, орудующій въ Сибири, возрастаетъ въ своихъ абсолютныхъ размѣрахъ, но это возрастаніе характеризуется въ географическомъ отношеніи раскиданностью торговыхъ предпріятій

по многочисленнымъ центрамъ Сибири, а въ экономическомъ—преобладаніемъ мелкихъ и среднихъ предпріятій.

Новое время принесло Сибири только новыя формы въ организаціи торговли, но почти не затронуло характера ея. Ускорился оборотъ капитала, а поэтому усилился историческій процессъ вытягиванія соковъ изъ Сибири. По старому товарообмѣнъ Сибири сводится къ обмѣну продуктовъ промышленности добывающей на фабрикаты промышленности обрабатывающей. Экономическая эволюція Сибири, переживаемая ею за послѣднія два десятилѣтія, не принесла самаго главнаго, что радикально могло бы измѣнить не только организацію сибирской торговли, но и ея характеръ. Ростъ промышленнаго капитала въ Сибири поражаетъ медлительностью своего темпа. Вслѣдствіе этого характеръ и направленіе сибирской торговли, несмотря на проведеніе рельсоваго пути, измѣнился очень мало.

Это очень ясно видно изъ обзора коммерческой дѣятельности сибирской желѣзной дороги. Дорога или вывозитъ, или привозитъ, но мѣстное движеніе грузовъ развивается незначительно. Слабое развитіе мѣстныхъ грузовъ, т.-е. товаровъ, передвигающихся исключительно въ предѣлахъ Сибири, говоритъ за то, что сибирская промышленность развивается очень туго. Попрежнему въ экономическихъ сношеніяхъ Сибири рѣзко выражено преобладаніе торговаго капитала передъ промышленнымъ. Здоровое развитіе производительныхъ силъ обширной страны должно были бы обусловить обратное отношеніе торговаго и промышленнаго капитала, но этого до сихъ поръ нѣтъ въ Сибири.

Грузовое движеніе по линіи Сибирской желѣзной дороги развивается усиленно. За пятилѣтіе 1899—1903 гг. оборотъ желѣзнодорожныхъ грузовъ выросъ съ 40 милл. пуд. до 67 милл., т.-е., приблизительно, на 60%. Особенно сильно развивалась перевозка грузовъ большой скорости. Грузы малой скорости составлялись, главнымъ образомъ, изъ вывозныхъ товаровъ (80%), мѣстные грузы составили только 11%, ввозные—5%, транзитъ—4%.

Среди грузовъ большой скорости первое и почетное мѣсто занимаетъ сливочное масло—81% (2.316.827 пуд.) всѣхъ грузовъ большой скорости. $95^1/_4$% всего масла перевезеннаго по Сибирской желѣзной дорогѣ было вывезено изъ Сибири. Только $4^3/_4$% всего масляного груза были грузами мѣстнаго сообщенія. Уже по этимъ примѣрамъ ясно видно, что желѣзная дорога работаетъ, главнымъ образомъ, въ интересахъ экспорта. Но тутъ же можно замѣтить существенную разницу въ вывозѣ изъ Сибири въ два періода сибирской торговли: до проведенія желѣзной дороги и послѣ.

Раньше, когда торговые пути Сибири, по которымъ вывозилось сибирское сырье, не допускали возможности развить грузы большой скорости, сибирское сырье осѣдало въ предѣлахъ Европейской Россіи. Только такіе цѣнные товары, какъ мѣха, драгоцѣнные камни и металлы, могли выдерживать далекія и дорого стоющія путешествія. Теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, сибирское сырье, напр., сливочное масло,—получило весьма широкій рынокъ сбыта. Масло, скупленное въ инородческихъ предгорьяхъ Алтая, продается въ Копенгагенѣ, Гамбургѣ, Лондонѣ. Слѣдовательно, желѣзная дорога сильно расширила рынокъ сбыта нѣкоторыхъ видовъ сибирскаго сырья. Въ 1903 г. изъ 8.206.981 пуд. сибирскаго масла, вывезеннаго желѣзной дорогой за предѣлы Сибири въ западномъ направленіи, 2.148.600 пуд. было вывезено въ балтійскіе порты: Ригу, Виндаву, Новый Портъ, Петербургъ, Ревель и Либаву. Если мы обратимъ вниманіе на станціи отправленія этихъ экспортныхъ грузовъ, то увидимъ такія названія, которыя до проведенія желѣзной дороги не играли почти никакой роли въ сибирскомъ товарообмѣнѣ: Обь (г. Ново-Николаевскъ), г. Курганъ, г. Омскъ, г. Каинскъ, ст. Татарская, ст. Карачи, г. Петропавловскъ, ст. Макушино. По отношенію къ грузамъ малой скорости опять-таки по количеству отправленныхъ грузовъ, первое мѣсто занимаютъ новые центры, напр., ст. Обь, расположенная около гор. Ново-Николаевска. Такой старый торговый пунктъ, какъ гор. Томскъ, по количеству отправленныхъ грузовъ малой скорости, занимаетъ шестое мѣсто, уступая совершенно новымъ и до недавняго времени невѣдомымъ пунктамъ. Томскъ уступилъ свое мѣсто и по количеству полученныхъ грузовъ: на первомъ мѣстѣ всталъ Омскъ (въ 1903 г.—2.513 тыс. пуд.), затѣмъ, Томскъ (3.700 тыс. пуд.), Петропавловскъ (3.507 тыс. пуд.) и т. д.

Эти данныя наглядно характеризуютъ, какія измѣненія произошли въ области торговыхъ отношеній Сибири. Торговля переживаетъ періодъ децентрализаціи, широко развивается средняя и мелкая торговля за счетъ крупныхъ старыхъ монопольныхъ фирмъ, раздвигается рынокъ сбыта, но попрежнему Сибирь вывозитъ сырье и покупаетъ фабрикаты.

III.

Было бы очень интересно дать цифровую картину сибирской торговли, но исполненіе этого намѣренія разбивается о цѣлый рядъ непреодолимыхъ трудностей. Торговая статистика въ Россіи хромаетъ на оба колѣна. Сравнительно слабое представленіе о положеніи

торговли въ Сибири можетъ дать податная статистика, которая, конечно, въ очень многихъ отношеніяхъ погрѣшаетъ противъ дѣйствительности. Мы приведемъ оффиціальныя статистическія данныя о трехъ разрядахъ сибирскихъ торговыхъ предпріятій за 1902 г. и 1907 г. Къ первому разряду относятся оптовыя предпріятія.

Губерніи.	Число предпріятій.		Сумма оборотовъ въ тысяч. руб.		Сумма прибылей въ тысяч. руб.	
	1902 г.	1907 г.	1902 г.	1907 г.	1902 г.	1907 г.
Енисейская . . .	21	10	3.485	3.486	203	420
Иркутская . . .	53	45	13.315	14.289	1.232	1.359
Тобольская . . .	20	21	7.858	10.318	490	396
Томская	50	45	11.234	15.801	633	1.078
Итого . . .	154	121	35.892	43 894	2.558	3.253

Предпріятія второго разряда, къ которымъ отнесена розничная торговля:

Губерніи.	Число предпріятій.		Сумма оборотовъ въ тысяч. руб.		Сумма прибылей въ тысячахъ руб.	
	1902 г.	1907 г.	1902 г.	1907 г.	1902 г.	1907 г.
Енисейская . . .	1.034	873	13.279	17.434	1.170	1.784
Иркутская	1.149	859	24.227	30.175	2.634	2.903
Тобольская . .	1.258	1.294	26.136	29.133	2.161	2.185
Томская	2.613	2.566	41.613	49.337	3.562	4.331
Итого . . .	6.054	5.592	105.355	126.079	9.527	11.203

Эти два разряда охватываютъ главныя категоріи сибирскихъ торговыхъ предпріятій, потому что къ третьему разряду отнесена мелочная торговля. Но и третье-разрядныя торговыя предпріятія играютъ существенную роль, какъ самые близкіе посредники, орудующіе въ низшихъ и широкихъ слояхъ населенія. По даннымъ той-же оффиціальной статистики движеніе въ области мелочного торга представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Губерніи.	Число предпріятій.		Сумма оборотовъ въ тысяч. руб.		Сумма прибылей въ тысячахъ руб.	
	1902 г.	1907 г.	1902 г.	1907 г.	1902 г.	1907 г.
Енисейская . . .	2.102	1.278	6.150	6.455	664	667
Иркутская	1.798	1.563	7.159	9.668	966	876
Тобольская . . .	4.509	2.671	15.550	11.793	2.061	1.096
Томская	5.202	3.655	16.602	17.935	1.738	1.693
Итого . . .	13.611	9.167	45.471	45.851	5.429	4.332

Сдѣлать какіе-либо выводы изъ этой статистики довольно затруднительно, такъ какъ здѣсь охвачены не всѣ торговыя предпріятія въ указанныхъ губерніяхъ Сибири, притомъ отдѣльныя предпріятія могутъ переходить изъ разряда въ разрядъ и тѣмъ значительно видоизмѣнять общую картину. Мы должны признать, что въ статистическихъ данныхъ нѣтъ твердой опоры для тѣхъ или другихъ сужденій. Податные матеріалы даютъ другой матеріалъ, который пригоденъ для сужденія объ общихъ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ за послѣднее время сибирская торговля.

Начиная съ 1900 года, мы имѣемъ лѣтопись этихъ условій. Въ только-что названномъ году факторомъ, поддерживавшимъ торговлю, отмѣчается обильный урожай (154% противъ средняго въ Енисейской губ.); этотъ урожай былъ, именно, поддержкой торговли, такъ какъ торговымъ оборотамъ грозило суженіе вслѣдствіе прекращенія работъ по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги. Эта же постройка, сильно оживившая торгово-промышленныя дѣла Сибири, принесла съ собою и другое послѣдствіе: перемѣщеніе торговыхъ центровъ, о которомъ мы говорили выше. Торговые обороты сокращаются въ Иркутскѣ, который съ проведеніемъ желѣзной дороги утрачиваетъ значеніе центральнаго торговаго пункта Восточной Сибири. Многіе торговцы Забайкальскаго края, Ленскаго края заводятъ непосредственныя сношенія съ Москвою, Нижнимъ-Новгородомъ и др. городами Европейской Россіи. Коммивояжеры отвлекаютъ оптовыхъ покупателей изъ Иркутска. Открытіе крупныхъ оптово-розничныхъ магазиновъ фирмами изъ Европейской Россіи вызываетъ сильное паденіе цѣнъ, понижаетъ прибыли и обороты. То-же самое наблюдается и въ Западной Сибири... Въ Сибири, странѣ сельскохозяйственной по преимуществу, на торговлю оказываетъ весьма сильное вліяніе размѣръ урожая. Въ 1901 году

основныя сибирскія губерніи испытываютъ послѣдствія недорода хлѣбовъ, и это сказывается на размѣрахъ сибирской торговли. Неурожай повлекъ за собою, между прочимъ, усиленный вывозъ изъ Сибири мяса; это объясняется тѣмъ, что крестьяне, подъ вліяніемъ неурожая, усиленно распродавали свой скотъ. Въ 1897 году Сибирская желѣзная дорога вывезла изъ Сибири мяса 1.771.647 пудовъ мяса, въ слѣдующемъ году уже—2.482.576 п., въ 1901—2.822.618 пуд. Въ 1902 г. вывозъ мяса уже падаетъ до 1.854.485 п. и въ 1903 г.—1.548.421 пуд. Въ этомъ характерномъ примѣрѣ ясно очерчивается сущность товарныхъ отношеній Сибири и Европейской Россіи... Наряду съ недородомъ въ самомъ началѣ XX вѣка сибирская торговля испытываетъ неблагопріятное давленіе китайскихъ событій, сопровождавшихся военной мобилизаціей сибирскаго населенія: масса производителей и потребителей было отвлечено въ ряды войска. Введеніе казенной винной монополіи сокращаетъ число торговыхъ предпріятій, такъ какъ продажа спирта и спиртныхъ напитковъ переходитъ въ руки государства. На размѣры торговли оказываетъ вліяніе размѣры добычи пушнины, золота, эпидеміи на домашнемъ скоту,—всѣ эти факторы изъ года въ годъ значительно вліяютъ на размѣры торговыхъ оборотовъ, то повышая, то понижая ихъ. Наканунѣ русско-японской войны торговля въ Сибири идетъ повышеннымъ темпомъ, такъ какъ года три сподрядъ реализуются обильные урожаи при высокихъ и стойкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Въ городахъ расквартированы войска, что въ свою очередь благопріятно вліяетъ на городскую торговлю. Но уже и въ это время (начало 1905 года) Сибирская желѣзная дорога, переведенная на военное положеніе, занятая перевозкой войска и военныхъ грузовъ, отказывается обслуживать регулярную торговлю. Въ торговыхъ отношеніяхъ постепенно водворяется анархія. Затрудненія въ подвозѣ товаровъ изъ Европейской Россіи во время русско-японской войны прежде всего сказывается на положеніи мелкихъ предпріятій. Мелкія предпріятія получаютъ свои товары отъ мѣстныхъ крупныхъ торговцевъ, послѣдніе, въ виду сокращенія своихъ запасовъ, замѣтно уменьшали размѣръ скидокъ мелкимъ торговцамъ, предпочитая непосредственный отпускъ по мелочамъ потребителямъ. Отпускъ по мелочамъ, въ виду анархіи въ цѣнахъ, даетъ чрезмѣрныя прибыли. Въ Иркутскѣ потерпѣли сильное сокращеніе въ своихъ оборотахъ нѣсколько торговыхъ предпріятій, главнымъ образомъ, по торговлѣ крупчаткой. Это случилось вслѣдствіе прекращенія подвоза по желѣзной дорогѣ. Въ торговлѣ въ уѣздахъ ощущался рѣзкій недостатокъ въ самыхъ ходкихъ товарахъ: крупчаткѣ, маслѣ, сахарѣ, керосинѣ, желѣзѣ и т. д. Эти факты достаточно краснорѣчиво говорятъ за

то, что современная сибирская торговля уже въ значительной мѣрѣ приспособилась къ желѣзнодорожному транспорту. Стоило только загромоздить желѣзную дорогу войсками и военными грузами, затормазить товарный транспортъ, какъ немедленно вся сибирская торговля подверглась такому потрясенію, что торговля нѣкоторыми видами товаровъ, напр., сахаромъ, прекращалась въ самыхъ крупныхъ торговыхъ центрахъ, напр., въ Томскѣ. Цѣны быстро ползли вверхъ, удорожая жизнь и сокращая потребленіе. По оффиціальнымъ даннымъ, крупные торговцы, при сокращеніи количества проданныхъ товаровъ, доводили свои денежные обороты до прежнихъ размѣровъ „путемъ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ".

Внѣшній и случайный факторъ помогъ сибирскому населенію вынести чрезмѣрно повышенныя цѣны и спасъ многія торговыя предпріятія отъ разорительной депрессіи. Такимъ факторомъ явились колоссальныя закупки всевозможныхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и скота военнымъ вѣдомствомъ для нуждъ громадной арміи и военной охраны, расположенной вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги. Перевозка по желѣзной дорогѣ войска, въ свою очередь, вызывала огромный и постоянный спросъ на потребительные продукты. Все это создавало приливъ денегъ въ руки сибирскаго населенія, которое, при помощи этихъ денегъ, и выдерживало чрезмѣрныя цѣны привозныхъ товаровъ и раскупало въ три-дорога старые, залежавшіеся и завалявшіеся товары. Когда война окончилась, то мѣстами получилось впечатлѣніе, что торговля упала. Конечно, это значило, что торговля, два года находившаяся въ искусственныхъ условіяхъ, входила въ свое нормальное русло. Безспорно, что это возвращеніе къ старымъ берегамъ проходитъ довольно болѣзненно для торговли; торговая дѣятельность въ настоящее время окрашена въ блѣдный, анемичный цвѣтъ.

Таковы общія условія сибирской торговли въ началѣ XX вѣка...

IV.

Нѣтъ возможности подробно останавливаться на торговлѣ Сибири своими сельскохозяйственными продуктами, своимъ сырьемъ и т. п. товарами. Это очень затянуло бы наше изложеніе. Но необходимо отмѣтить одно обстоятельство. На вывозной торговлѣ въ Сибири отразилась та общая экономическая эволюція, которую Сибирь переживаетъ за послѣднія десятилѣтія своей исторіи. Періодъ той эксплоатаціи Сибири, когда изъ этого края по преимуществу вывозились драгоцѣнные товары, напр., столь знаменитые сибирскіе мѣха, давно отошелъ въ область исторіи. Даже золотопромышлен-

ность, которая недавно была первою отраслью эксплоатаціи Сибири, уступила свое мѣсто новымъ вѣтвямъ сибирскаго народнаго хозяйства. Цѣнность вывозимаго изъ Сибири сливочнаго масла превысила ежегодную добычу золотыхъ пріисковъ. Сибирскія нѣдра и сибирскіе лѣса, долго служившіе главными источниками промышленнаго и торговаго обогащенія, уступаютъ свои позиціи сибирскимъ полямъ и лугамъ. Мѣха и золото уступаютъ свои мѣста маслу и хлѣбу.

Эта трансформація торговыхъ объектовъ обусловлена колонизаціоннымъ движеніемъ малоземельнаго крестьянства Европейской Россіи въ сибирскія палестины. Переселенческая волна изъ года въ годъ охватываетъ новыя полосы дѣвственныхъ площадей Сибири, тѣснитъ старожиловъ, врѣзается въ инородческіе районы. Все это прежде всего сказывается на ежегодномъ увеличеніи хлѣбныхъ запашекъ, дающихъ все болѣе увеличивающееся количество хлѣба, поступающаго на рынокъ. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что русскій крестьянинъ, подъ давленіемъ разныхъ причинъ, выбрасываетъ на рынокъ не только излишки своихъ хлѣбныхъ запасовъ, но и часть необходимаго довольствія, то нужно признать, что съ каждымъ годомъ въ средѣ сибирскихъ вывозныхъ товаровъ хлѣбъ занимаетъ все болѣе выдающееся положеніе.

Торговля хлѣбомъ даже въ Европейской Россіи находится въ неупорядоченномъ состояніи, несмотря на то, что тамъ эта торговля имѣетъ за собой большой опытъ, спеціальные торговые пути, массу приспособленій, покровительство правительства и т. д. Нечего говорить о томъ, что хлѣбная торговля въ Сибири находится въ еще болѣе худшихъ условіяхъ. Производителемъ сибирскаго хлѣба является крестьянинъ съ его небольшимъ хозяйствомъ. Сбытъ же хлѣба по необходимости долженъ происходить большими, крупными партіями. Слѣдовательно, между производителями и экспортными фирмами должна дѣйствовать посредническая организація. Эта организація должна составить изъ десятковъ пудовъ хлѣба, скупаемыхъ у отдѣльныхъ крестьянъ, тѣ десятки тысячъ пудовъ, которые переправляются на всемірный рынокъ. Организація скупки сибирскаго хлѣба находится въ рукахъ мелкихъ скупщиковъ, орудующихъ въ мѣстахъ производства хлѣба, въ глухихъ селахъ и деревняхъ. Наряду съ мелкими скупщиками работаютъ и мелкіе спекулянты. Констатируютъ, что при такихъ условіяхъ въ хлѣбной торговлѣ существуетъ масса всевозможныхъ злоупотребленій. Организованнаго хлѣбнаго рынка нѣтъ и въ поминѣ. Создать такой рынокъ является жизненной задачей для насущныхъ интересовъ сибирской хлѣбной торговли и вообще для милліонной массы сибирскихъ крестьянъ—производителей хлѣба. Кое-что въ этомъ отношеніи предпринимается.

Именно, городъ Омскъ стремится сдѣлаться центромъ хлѣбной торговли Западной Сибири. Предполагали организовать въ Омскѣ центральный хлѣбный рынокъ, который долженъ регулировать всю хлѣбную торговлю. Но въ настоящее время Омскъ только пытается упрочить свое возрастающее коммерческое значеніе и ему еще далеко до заманчивой и благодарной роли торговаго центра огромной Западной Сибири.

Разорительная хлѣбная спекуляція и всевозможныя злоупотребленія рождаются на почвѣ страшной неустойчивости хлѣбныхъ цѣнъ и ихъ порайонномъ разнообразіи. Мы не будемъ здѣсь пестрить цифрами, но замѣтимъ, что не рѣдкость, что въ одной и той же мѣстности весною и осенью разница въ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ достигаетъ 100% и болѣе, а въ разныхъ районахъ Сибири эта разница одновременно проявляется въ еще болѣе рѣзкихъ формахъ. Торговля еще можетъ справиться съ этимъ разнообразіемъ цѣнъ, но при такихъ условіяхъ она по необходимости пріобрѣтаетъ нездоровыя формы спекуляціи. Нужно ли говорить, что подобныя условія сбыта хлѣба прежде всего вредно и гибельно отражаются на крестьянскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Сравнительно сносныя условія сбыта хлѣба создаются въ Западной Сибири, въ районахъ, прилегающихъ къ желѣзной дорогѣ и могучей водной системѣ рѣки Обь. Здѣсь устанавливается ровный спросъ и доступность сбыта, цѣны уже не даютъ примѣровъ неестественныхъ галоповъ. Но не западная Сибирь является главной житницей Сибири. Центръ хлѣбнаго производства лежитъ въ Енисейской губерніи, въ южной ея части (Минусинскій у.). Съ наплывомъ сюда переселенцевъ здѣсь сильно увеличиваются хлѣбныя запашки. Создается излишекъ хлѣба, который давитъ на цѣны. Хлѣбъ сбывается скупщикамъ по 16 коп. за пудъ, т.-е. по такой цѣнѣ, которая разоряетъ и обезцѣниваетъ крестьянское сельское хозяйство. При благодатной почвѣ, многоземеліи, крестьянинъ, вслѣдствіе баснословно низкихъ цѣнъ, вынуждается покрывать неминуемый дефицитъ работами на сторонѣ. Такія условія расшатываютъ не только хилыя хозяйства новоселовъ-переселенцевъ, но и старожильческія хозяйства. Съ другой стороны, и скупщикъ не въ силахъ предложить болѣе высокой цѣны, такъ какъ южный сибирскій хлѣбъ, вслѣдствіе отсутствія дешевыхъ торговыхъ путей, не имѣетъ свободныхъ выходовъ. Ниже мы скажемъ о рынкахъ сбыта сибирскаго хлѣба. Дорогу къ этому рынку искусственно затормазили, и этотъ тормазъ роняетъ цѣны и разоряетъ крестьянское хозяйство. Прочнаго сбыта внутри Сибири для сибирскаго хлѣба почти нѣтъ, такъ какъ города Сибири малолюдны, обрабатывающая промышленность представляется мизерной въ сравненіи съ огромными палестинами, на которыхъ зрѣетъ сибирскій хлѣбъ.

Когда сельское хозяйство Сибири, подъ дѣйствіемъ наплыва переселенцевъ, стало создавать солидные излишки хлѣба, который сталъ искать выходовъ, то по сосѣдству, именно, въ Европейской Россіи, этотъ хлѣбъ находилъ себѣ спросъ. Сибирскій же хлѣбъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ Европейской Россіи, прокладывалъ себѣ дорогу къ портамъ Балтійскаго моря и, такимъ образомъ, проникалъ въ Западную Европу. Эти первые шаги сибирскаго хлѣба сильно напугали помѣщиковъ Европейской Россіи, которые боялись, что сибирскій хлѣбъ уронитъ и безъ того низкія цѣны хлѣба Европейской Россіи. Начались ходатайства передъ правительствомъ о защитѣ отъ сибирскаго хлѣба, эти ходатайства увѣнчались успѣхомъ: сибирскому хлѣбу закрыли тотъ путь, который онъ себѣ началъ было прокладывать. Хлѣбный грузъ изъ Сибири на западъ шелъ по желѣзной дорогѣ, черезъ Челябинскъ. И вотъ въ Челябинскѣ вводится „переломъ тарифа“ на западъ. Это значило, что хлѣбъ, направляясь на западъ, отъ сибирскихъ станцій тарификовался только до Челябинска, т. е. до конечнаго (западнаго) пункта сибирской магистрали. Въ Челябинскѣ сибирскіе грузы хлѣба разсматривались, какъ совершенно новыя отправки и, такимъ образомъ, для хлѣба пропадали всѣ льготы дальнихъ перевозокъ. Сибирскій хлѣбъ въ Европейской Россіи и на западныхъ рынкахъ фигурировалъ уже съ искусственной надбавкой въ цѣнѣ, обусловленной существованіемъ челябинскаго тарифнаго перелома. Хлѣбъ съ такой надбавкой уже не могъ найти себѣ мѣста въ Европейской Россіи. Онъ долженъ былъ или, роняя цѣны, размѣщаться внутри Сибири, или ринуться на рынки Западной Европы. Такъ какъ Сибирь хлѣбомъ переполнена, то для несчастливаго товара оставался одинъ выходъ—Европа. Лондонъ и былъ пріютомъ сибирскаго хлѣба. Чтобы попасть на этотъ отдаленный рынокъ, сибирскій хлѣбъ претерпѣвалъ большія мытарства. Изъ Челябинска, вмѣсто естественнаго пути къ портамъ Балтійскаго или Чернаго моря, сибирскій хлѣбъ направлялся черезъ Пермь въ Архангельскъ, въ Бѣлое море. Но этотъ путь обслуживаетъ только одинъ районъ—районъ вліянія сибирской желѣзной дороги. „Житница Сибири“—Минусинскій уѣздъ и вообще весь юго-востокъ Сибири, могутъ пользоваться этимъ путемъ только при условіи чрезвычайно низкихъ, вредныхъ для сельскаго хозяйства, цѣнъ.

Въ ноябрѣ 1907 г. въ оффиціальномъ совѣщаніи по вопросамъ хлѣбной торговли былъ выдвинутъ вопросъ о челябинскомъ тарифномъ переломѣ. Совѣщаніе не допускало и мысли о возможности окончательной отмѣны этого перелома, но оно даже высказалось противъ временной отмѣны такого перелома въ цѣляхъ пониженія

хлѣбныхъ цѣнъ въ Европейской Россіи, достигшихъ ненормально-высокихъ размѣровъ. Кромѣ основного мотива за сохраненіе челябинскаго перелома—защиты хлѣба Европейской Россіи,—высказывалось и то соображеніе, что такая реформа обременительно ляжетъ на бюджетъ заинтересованныхъ желѣзныхъ дорогъ. Высчитывали, что если уничтоженіемъ перелома воспользуются для перевозки 12 милл. пуд. сибирскаго хлѣба, то желѣзныя дороги (главн. образомъ, казенныя) понесутъ убытка болѣе, чѣмъ на 1 милл. рублей. Это соображеніе очень характерно въ связи съ замѣчаніями представителя рыбинскаго биржевого комитета: было указано, что при наличномъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ наблюдаются покупки американской пшеницы для внутреннихъ рынковъ Россіи. Если челябинскій переломъ будетъ существовать, то будетъ выгодно покупать американскую пшеницу, если уничтожить переломъ—будетъ выгодно покупать сибирскую пшеницу. Рѣшили, что лучше покупать американскую, нежели сибирскую пшеницу для рынковъ... Европейской Россіи! Во-истину мы имѣемъ дѣло съ русскими экономическими парадоксами.

Не останавливаясь на критикѣ челябинскаго „перелома", уже обсуждавшагося въ печати, бывшаго объектомъ сибирскихъ ходатайствъ, моленій о его уничтоженіи, замѣтимъ, что потребность Сибири въ вывозѣ хлѣба настолько велика, что она въ значительной мѣрѣ удовлетворяется, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія. И это удовлетвореніе, гибельное для сельскаго хозяйства Сибири, растетъ съ каждымъ годомъ. По Сибирской желѣзной дорогѣ въ 1900 г. обращалось земледѣльческихъ грузовъ $20^1/_2$ милл. пуд., въ 1901 г.—$24^1/_2$ милл. п., въ 1902 г.—$28^1/_2$ м. п., въ 1903 г.—около 25 милл. пуд. Большинство этихъ грузовъ—отъ 52% до 70%,—направлялись изъ Сибири. Въ среднемъ около 10 милл. пудовъ сибирскаго хлѣба ежегодно вывозились изъ Сибири только по желѣзной дорогѣ. Масса этого хлѣба оставалась въ Европейской Россіи и меньшая часть шла на заграничные рынки. Болѣе 70% вывозимаго хлѣба отправляется изъ самаго западнаго района Сибири (Челябинскъ-Петропавловскъ), все остальное необъятное пространство Сибири, между прочимъ, самыя хлѣбородные районы, должны поневолѣ считаться съ челябинскимъ переломомъ и неудобнымъ выходомъ къ Бѣлому морю...

Совершенно иное отношеніе правительственной политики къ вывозу сибирскаго масла даетъ, конечно, и другіе результаты: вывозъ масла съ каждымъ годомъ растетъ и увеличивается. Транспортъ масла обставленъ многими удобствами. Торговля масломъ великолѣпно организована, хотя бы только въ интересахъ крупныхъ

экспортныхъ фирмъ. Этотъ примѣръ доказываетъ, что тѣ факторы, которые опредѣляющимъ образомъ вліяютъ на организацію сибирской торговли, властно подчиняются директивамъ экономической политики. Эта политика до сихъ поръ складывалась и складывается не въ интересахъ Сибири, не въ интересахъ ея главнаго населенія—крестьянства...

V.

Въ своей статьѣ мы не задавались цѣлью *описанія* сибирской торговли, для такой цѣли необходимы рамки книги, а не статьи,—намъ хотѣлось подчеркнуть характерныя черты сибирской торговли, сибирскаго товарообмѣна. На протяженіи столѣтій этотъ товарообмѣнъ складывался такимъ образомъ, что Сибирь, получая *дорогіе* товары, которыхъ она не могла достать въ своихъ предѣлахъ, взамѣнъ этого вынуждалась расплачиваться своимъ *дешевымъ* сырьемъ. Надъ этимъ явленіемъ съ грустью останавливался сибирскій патріотъ Н. М. Ядринцевъ. Со временъ Ядринцева въ экономической жизни Сибири произошли глубокія перемѣны. Совершилось пріобщеніе обширной и отдаленной окраины ко всемірному рынку. Это пріобщеніе не осталось безъ вліянія на сибирскую торговлю. Но основной характеръ сибирскаго товарообмѣна остался въ неприкосновенности: дорогой привозной фабрикатъ и дешевое вывозное сырье. На примѣрѣ сибирскаго хлѣба мы видѣли, что есть рядъ факторовъ, искусственно удешевляющихъ сибирское сырье. Спутникомъ такой политики является торговая дезорганизація, наносящая вредъ кореннымъ интересамъ Сибири. Наоборотъ, ввозной фабрикатъ распространяется по Сибири при помощи болѣе совершенной формы торговой организаціи. За примѣрами ходить далеко не приходится.

Какъ на признакъ сельскохозяйственнаго прогресса Сибири обыкновенно указываютъ на усиленный ввозъ въ Сибирь сельскохозяйственныхъ машинъ. Дѣйствительно, этотъ ввозъ надо признать весьма значительнымъ. Въ 1898 г. по Сибирской желѣзной дорогѣ было перевезено свыше 144 тыс. пуд. земледѣльческихъ орудій, въ слѣдующемъ году—уже 289 т. п., въ 1900 г.—377 т. п., въ 1903 г.—1.313 т. пуд.—81% этихъ машинъ заграничнаго происхожденія. Въ нѣкоторыхъ сибирскихъ городахъ открыты мастерскія по ремонту земледѣльческихъ машинъ, по сборкѣ ихъ частей. Вмѣсто вывозимаго дешеваго хлѣба Сибирь получаетъ дорогія привозныя сельскохозяйственныя машины.

Въ этой замѣнѣ хлѣба сельскохозяйственными машинами можно наблюдать не простое совпаденіе, а причинную зависимость. Низкія

хлѣбныя цѣны диктуютъ необходимость увеличенія производства хлѣба и удешевленія этого производства. Въ фактѣ быстраго распространенія сельскохозяйственныхъ машинъ нельзя не видѣть тенденціи сибирскаго сельскаго хозяйства къ самосохраненію, къ защитѣ противъ дѣйствія низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, къ застрахованію себя отъ послѣдствій необходимости продавать хлѣбъ по 16 коп. за пудъ.

Въ роли крупнаго коммерсанта по сбыту сельскохозяйственныхъ машинъ въ Сибири является правительство, во многихъ мѣстахъ Сибири открывшее склады этого ходкаго товара. Правительство занимается только продажей машинъ, а производство ихъ находится въ рукахъ международной компаніи „Интернаціоналъ Гарвестеръ Компанія въ Америкѣ". Правительство связано съ этой компаніей контрактомъ: оно можетъ продавать только машины этой компаніи, въ составъ которой вошли фирмы Макъ-Кромика, Осборка, Чампіона, Мильвока и Плано. Въ 1906 году казенные склады выручили отъ продажи сельскохозяйственныхъ машинъ 2.124.585 р., изъ этой суммы 21,7% было валовой прибыли и 12,15%—чистой... Но обороты казенныхъ складовъ составляютъ только часть оборотовъ въ Сибири по продажѣ сельскохозяйственныхъ машинъ. Рядомъ съ казенными складами открыты и съ успѣхомъ дѣйствуютъ частные иностранные склады. На долю казенныхъ складовъ приходилось только въ 1900 г. —41,7% всѣхъ оборотовъ по продажѣ сельскохозяйственныхъ машинъ, въ 1901 г.—31,1%, въ 1902 г.—29,8%, въ 1903 г.—31,6%. Такимъ образомъ, до настоящаго времени въ Сибири дѣйствовало два синдиката по распространенію сельскохозяйственныхъ машинъ—казенный и американскій, при чемъ и казна является только посредникомъ американскихъ фирмъ. За послѣднее время обнаружилось въ заинтересованныхъ сферахъ стремленіе образовать синдикатъ по распространенію сельскохозяйственныхъ машинъ въ Сибири, этотъ синдикатъ, по мнѣнію иниціаторовъ, долженъ поглотить и казенные склады...

Приведенные примѣры, характеризующіе сибирскую вывозную и ввозную торговлю, очень наглядны и поучительны: сибирское сырье пользуется самой несовершенной торговой организаціей, въ поискахъ рынковъ оно натыкается на рядъ искусственныхъ преградъ. Наоборотъ, ввозъ мануфактуры, машинъ и другихъ фабрикатовъ не знаетъ ни тарифныхъ переломовъ, ни какихъ-либо другихъ искусственныхъ тормазовъ; сбытъ фабрикатовъ пользуется совершенными формами торговой организаціи, начиная отъ казенныхъ складовъ и кончая синдикатомъ.

Казна очень охотно занимается торговлей сельскохозяйственными машинами, но по отношенію къ хлѣбу она до сихъ поръ

была мачехой. Въ этомъ отношеніи характеренъ слѣдующій фактъ: когда въ Челябинскѣ устроили тарифный переломъ на западъ для сибирскаго хлѣба, то хлѣбъ изъ Сибири направили черезъ Котласъ-Архангельскъ въ Бѣлое море. Путь этотъ представляетъ массу неудобствъ. Чтобы отчасти устранить эти неудобства, транспортная контора Московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги въ г. Архангельскѣ занялась хлѣбной торговлей. Контора скупала хлѣбъ отъ мелкихъ отправителей-скупщиковъ изъ Сибири, выдавала этимъ отправителямъ ссуды. Безспорно, что такія операціи сильно облегчали сбытъ хлѣба. Но вотъ желѣзная дорога переходитъ въ казну и эти операціи пріостанавливаются...

Попытка организовать сбытъ сибирскаго сырья, именно, сибирскаго сливочнаго масла, была сдѣлана иностранными капиталистами въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Эта сплоченная организація плотною сѣтью покрыла всѣ маслодѣльческіе районы Сибири. Но естественно, что такая организація преслѣдуетъ только свои собственные интересы, ни мало не заботясь объ интересахъ производителей. Напротивъ, эти интересы весьма чувствительно ущемляются. Укажемъ одинъ очень характерный примѣръ.

Не такъ давно сибирская пресса сообщала о „правилахъ покупки и пріемки сливочнаго масла въ г. Омскѣ". По этимъ правиламъ, продавцы масла обязываются покупать клепку для боченковъ и рогожу для ихъ укупорки у своего покупателя-экспортера. При взвѣшиваніи боченковъ съ масломъ (brutto) не полные фунты отбрасываются, а при взвѣшиваніи пустыхъ боченковъ (tara) неполные фунты считаются за цѣлый фунтъ. Одинъ фунтъ всегда сбрасывается на утечку. Сбрасывая неполный фунтъ brutto, засчитывая неполный фунтъ tara за полный, экспортеръ уменьшаетъ вѣсъ боченка на 1 ф., что вмѣстѣ съ утечкой въ 1 ф. составитъ 2 фунта чистаго масла, т. е. minimum 60 коп. на каждый боченокъ. Вслѣдствіе обязательной продажи клепки и рогожи экспортеръ взыскиваетъ отъ 20 до 30 коп. лишнихъ на боченокъ, такъ какъ и клепка и рогожа при свободной покупкѣ стоитъ гораздо дешевле. Слѣдовательно, не одна сотня тысячъ руб. переходитъ въ руки экспортеровъ при помощи такихъ своеобразныхъ пріемовъ. Кромѣ клепки и рогожъ иностранцы-экспортеры продаютъ такимъ же порядкомъ краску, соль, сахаръ, чай, молочную посуду, маслодѣльныя машины и т. п. товары. Всѣ эти экстраординарныя прибыли представляютъ изъ себя чистый минусъ для класса сибирскихъ производителей.

За послѣдніе годы въ сибирской торговлѣ мануфактурой и всякаго рода фабрикатами замѣчается новое явленіе. Отмѣчаютъ боль-

шой наплывъ коммивояжеровъ, представителей варшавскихъ и лодзинскихъ фабрикъ. Западная Сибирь давно уже знакома съ коммивояжерами. Теперь они въ большихъ количествахъ появились въ Восточной Сибири. Коммивояжеры давно уже объѣхали сибирскіе города, теперь они направляютъ свою дѣятельность на сибирскую деревню. Привозимые ими товары — дешевле и лучше мѣстныхъ. Коммивояжеры стремятся проникнуть въ деревенскую глушь Сибири, завязать непосредственныя сношенія съ деревенскимъ потребителемъ, избавляя послѣдняго отъ необходимости дальнихъ поѣздокъ въ городъ, гдѣ, помимо этого, потребитель оплачиваетъ дорогое посредничество городского купца. Казалось бы, эта новая форма распространенія фабриката въ сибирскихъ палестинахъ выгодна потребителю. Но по сообщенію спеціальныхъ газетъ, коммивояжеры въ новой своей роли „возлагаютъ большія надежды на мѣновую торговлю“, чѣмъ, собственно говоря, и объясняется ихъ натискъ на востокъ Сибири, гдѣ еще сохранились значительные остатки натуральнаго хозяйства. Слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ коммивояжеромъ, силою вещей превращеннаго въ скупщика сибирскаго сырья. Такимъ образомъ, основной характеръ сибирскаго торга, стиль сибирскихъ торговыхъ отношеній выдерживается строго и въ новыхъ формахъ коммерческой дѣятельности...

VI.

Представляется несомнѣннымъ фактъ количественнаго увеличенія оборотовъ сибирской торговли. Страна переживаетъ сложную экономическую трансформацію: натуральное хозяйство отходитъ въ область преданій, народонаселеніе, подъ напоромъ переселенческой волны, быстро растетъ, увеличивая численность производительныхъ классовъ и создавая плотную массу потребителей фабрикатовъ. Постоянно увеличивается добыча сибирскаго сырья и возрастаетъ спросъ на продукты обрабатывающей промышленности. При такихъ условіяхъ торговля, какъ по скупкѣ сырья, такъ и по сбыту фабрикатовъ, находится въ благопріятномъ положеніи. Положеніе торговли является тѣмъ болѣе устойчивымъ, что индустріализація Сибири совершается черепашьимъ шагомъ. Производственныя условія обширнаго края складываются по типу чистыхъ аграрныхъ странъ, находящихся въ полной зависимости отъ странъ индустріальныхъ. Въ послѣднихъ Сибирь находитъ и сбытъ своего обильнаго и дешеваго сырья, и рынокъ для пріобрѣтенія товаровъ, производство которыхъ въ Сибири находится или въ зачаточныхъ формахъ, или совершенно отсутствуетъ. Экономическія отношенія въ такой формѣ отличаются

сравнительной устойчивостью. Только такія крупныя бѣдствія, какъ неурожай хлѣбовъ, плохой выходъ звѣря или рыбы, война, нарушаютъ спокойную жизнь огромнаго края, и такъ или иначе отзываются на торговлѣ.

Несмотря на то, что за послѣдніе 10—15 лѣтъ Сибирь неоднократно переживала и неурожаи, и войны, ея экономическая жизнь развивалась, быстро залѣчивая раны, скоро оправляясь отъ тяжелыхъ потрясеній. Возьмемъ статистику движенія грузовъ по сибирской желѣзной дорогѣ, и тамъ увидимъ непрерывное возрастаніе чиселъ: въ 1897 году — 21 милл. п., въ 1904 г. — 65 милл. п. И такъ рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства: цифры растутъ, свидѣтельствуя о ростѣ производительныхъ силъ Сибири. При наличности такой общей тенденціи, безусловно торговля въ Сибири и торговля съ Сибирью стоитъ на прочномъ базисѣ.

Формы и организація торговли, конечно, не представляютъ изъ себя окаменѣлостей, онѣ видоизмѣняются и развиваются въ зависимости отъ хода общей экономической эволюціи. Въ этомъ отношеніи сибирская торговля представляетъ изъ себя пеструю, мозаичную картину: тутъ можно встрѣтить и первобытныя формы мѣны товара на товаръ, и самыя совершенныя формы капиталистическихъ синдикатовъ; рядомъ съ мелкимъ скупщикомъ-кулакомъ работаетъ европейскій коммивояжеръ съ прейсъ-курантами и образцами; мелкій доморощенный спекулянтъ орудуетъ по сосѣдству съ экспортеромъ, учитывающимъ положеніе мірового рынка, корреспондирующій свою дѣятельность съ указаніями биржевого бюллетеня; въ инородческихъ районахъ купецъ спаиваетъ своихъ кліентовъ спиртомъ и пьяныхъ обираетъ до крохи, закабаляетъ въ вѣчное рабство, — въ крупныхъ городахъ солидныя экспортныя фирмы достигаютъ почти тѣхъ же результатовъ при помощи самыхъ новѣйшихъ, цивилизованныхъ мѣръ... Разнообразіе торговыхъ пріемовъ, формъ, организацій говоритъ за то, что сибирская торговля переживаетъ еще переходную стадію своего развитія. Торговля еще не успѣла порвать съ старыми порядками, когда нажива достигалась при помощи грубыхъ, варварскихъ пріемовъ, и не успѣла улечься въ новыя рамки современнаго торга. Эмблемой такихъ разнообразныхъ отношеній можетъ служить роль биржи и купеческаго ресторана средней руки: на первой пусто и тихо, во второмъ кипитъ жизнь, совершаются сдѣлки. Помѣщеніе биржи еще не сдѣлалось биржей, помѣщеніе трактира стало биржей...

Если посмотрѣть на торговлю Сибири, какъ на нѣчто цѣлое, живущее полной жизнью, имѣющее свои нужды, задачи, печали и радости, то затруднишься сказать, есть ли въ Сибири то, что при-

нято называть торговою политикою. Экономическая жизнь Сибири съ давнихъ поръ протекаетъ подъ чужою ферулою. Это—колонія, служащая интересамъ своей метрополіи. Сибирской торговой политики не было и нѣтъ. Есть русская (центральная) торговая политика по отношенію къ Сибири. Сибирь передъ лицомъ этой русской политики—рядъ административныхъ губерній. На самомъ же дѣлѣ это—край, который имѣетъ свои самостоятельные запросы, нужды. Удовлетвореніе этихъ нуждъ искони совершалось въ интересахъ центральной политики. Предшествующее изложеніе даетъ достаточный матеріалъ для иллюстраціи этого положенія. Для того, чтобы торговый капиталъ, орудующій въ Сибири, былъ факторомъ, содѣйствующимъ расцвѣту экономической жизни Сибири, необходимо создать такія условія, при которыхъ Сибирь не продавалась бы за безцѣнокъ и не покупала по повышеннымъ цѣнамъ то, что можно купить по нормальной цѣнѣ. Мы видѣли, что все въ Сибири складывается въ обратную сторону. Экономическая политика, направленная не противъ интересовъ Сибири, а въ ея интересахъ, конечно, нисколько не повредила бы торговлѣ. Торговля лучше и надежнѣе въ странахъ процвѣтающихъ, а не въ странахъ, естественное развитіе которыхъ тормазится искусственными преградами. Болѣе нормальное развитіе края, поощряемое цѣлесообразной экономической политикою, скорѣе бы создало условія, необходимыя для водворенія въ краѣ правильной торговли.

Но текущая дѣйствительность говоритъ объ обратномъ. Какъ мелкій, но въ высшей степени характерный примѣръ можно указать на слѣдующій случай.

Рядъ сибирскихъ товаровъ, главнымъ образомъ, хлѣбъ и сливочное масло, въ большихъ количествахъ поступаютъ на международные тынки. Слѣдовательно, при торговыхъ сдѣлкахъ на эти товары приходится строго слѣдить за состояніемъ рынковъ. Само министерство финансовъ въ своей запискѣ о значеніи правильной организаціи хлѣбной торговли (1902 г.) писало: „въ самомъ дѣлѣ, чтобы вести хлѣбную торговлю, сознательно и умѣло пользоваться всѣми нужными въ ней моментами, извлекать выгоду изъ всѣхъ колебаній, играть въ ней, наконецъ, руководящую роль, надо быть прежде всего широко и быстро освѣдомленнымъ, а это требуетъ наличности въ странѣ соотвѣтствующаго и всегда при томъ дѣйствующаго аппарата“. Далѣе министерство жалуется, что въ Россіи этотъ „аппаратъ“ (почта и телеграфъ) поставленъ очень плохо. Въ Сибири же этотъ аппаратъ дѣйствуетъ не только плохо, но и не вездѣ. Стоитъ отъ города уѣхать на 10 верстъ и уѣхавшій погружается въ первобытныя условія: ни писемъ, ни газетъ, ни, конечно,

телеграфа. Но и тамъ, гдѣ „аппаратъ“ дѣйствуетъ, его услуги обходятся очень дорого. Тарифъ по телеграфному сношенію съ Европейской Россіей взимается по двойной таксѣ—слово стоитъ 10 коп. Телеграфныя сношенія съ Западной Европой еще дороже. Казалось бы, что слово, передаваемое изъ Сибири въ Европу, должно стоить 10 коп. плюсъ тарифная плата, взимаемая за слово въ Европейской Россіи. Но почему то за телеграфныя сношенія сибиряковъ съ Западной Европой берутъ особо повышенную таксу. Биржевые комитеты Сибири неоднократно ходатайствовали передъ правительствомъ о пониженіи телеграфнаго тарифа по сношенію съ Европейской Россіей, мотивируя свои ходатайства нуждами торговли. Ходатайства не были уважены. Въ началѣ 1907 г. сибирскій съѣздъ экспортеровъ сливочнаго масла ходатайствовалъ о пониженіи телеграфнаго тарифа для сношеній Сибири съ заграничными странами. Черезъ четыре мѣсяца по возбужденіи этого резоннаго ходатайства былъ опубликованъ отказъ...

Если отъ второстепенныхъ нуждъ сибирской торговли перейти къ первостепеннымъ, насущнымъ, гдѣ интересы торговли многочисленными нитями переплетены съ интересами всего края, даже всего государства, то легко представить, сколько треній и тормазовъ стоитъ на пути разрѣшенія этимъ важныхъ проблемъ. Здѣсь историческій ходъ событій предопредѣляетъ Сибири пассивную и страдающую роль. Здѣсь больнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, сказывается ничѣмъ не прикрытая сущность взаимоотношеній Сибири и центральной Россіи.

Въ современной Сибири есть два больныхъ вопроса, непосредственно входящихъ въ сферу торговой политики. Первый вопросъ касается порто-франко на Ледовитомъ океанѣ, въ устьяхъ рѣкъ Оби и Енисея; второй вопросъ—о порто-франко на Дальнемъ Востокѣ. За послѣднее время вокругъ этихъ двухъ вопросовъ не мало было переломано перьевъ, еще больше потрачено словъ въ оффиціальныхъ—мѣстныхъ и петербургскихъ—совѣщаніяхъ. Въ настоящее время съ достаточной ясностью опредѣлилось отношеніе правительственной политики къ обоимъ этимъ вопросамъ; порто-франко не будетъ ни на Сѣверѣ, ни на Востокѣ Сибири. Мы коснемся этихъ двухъ вопросовъ только въ качествѣ иллюстрацій.

Современная система торговыхъ путей въ Сибири сложилась такимъ образомъ, что самые хлѣбородные уѣзды Сибири (районъ города Минусинска) не имѣютъ удобныхъ выходовъ на емкіе и прочные рынки. Для огромнаго района, орошаемаго системою рѣки Енисея, единственный подходящій торговый путь—р. Енисей, но эта мощная рѣка вливается въ сѣверный Ледовитый Океанъ. Съ другой

стороны, выходъ сибирскаго сырья на всепоглощающіе рынки Западной Европы, даже на рынки Европейской Россіи затормажень въ значительной степени естественными условіями, именно дальностью сухопутныхъ разстояній. Желѣзнодорожные фрахты тяжелымъ бременемъ ложатся на вывозимое изъ Сибири сырье, которое на всемірномъ рынкѣ должно серьезно считаться съ сырьемъ, привезеннымъ изъ болѣе близкихъ странъ или—доставленнымъ морскимъ фрахтомъ. Такія условія, безъ сомнѣнія, угнетаютъ цѣны сибирскаго сырья. Вывозъ его на отдаленные рынки становится возможнымъ при крайне низкихъ цѣнахъ. Хлѣбъ изъ минусинскаго района можно съ грѣхомъ пополамъ экспортировать при существующей системѣ торговыхъ путей только при наличности баснословныхъ низкихъ цѣнахъ— 16 коп. за пудъ. Но вѣдь такая цѣна разоряетъ сибирское сельское хозяйство.

Кромѣ того, тѣ же условія транзита диктуютъ высокую цѣну ввозимыхъ въ Сибирь фабрикатовъ. И эти товары считаются съ высокими желѣзнодорожными фрахтами. Эти фрахты оплачиваетъ Сибирь, покупая привозные товары, и отъ этихъ же фрахтовъ страна страдаетъ, посылая на далекіе рынки продукты своей добывающей промышленности.

Теперь, если мы припомнимъ, что для вывоза сибирскаго сырья существуютъ еще и искусственныя препятствія въ формѣ челябинскаго тарифнаго перелома, то легко себѣ представить, какъ важна и неотложна для Сибири всякая попытка удешевленія фрахтовъ. Въ Сибири давно намѣчается возможность дешеваго пути изъ Сибири по могучимъ воднымъ системамъ рѣкъ Оби и Енисея въ Ледовитый Океанъ и оттуда въ Балтійское море и къ другимъ берегамъ Западной Европы. Этотъ путь былъ уже испробованъ, въ послѣдній разъ гамбургской фирмой „Hartog und Stang“. Гартогу и Стангу во время русско-японской войны правительство разрѣшило провезти сѣвернымъ морскимъ путемъ рядъ товаровъ при условіи ввоза ихъ въ Сибирь порто-франко. Попытка названной фирмы была удачной, несмотря на то, что коммерческая экспедиція шла совершенно необорудованнымъ путемъ. Но на дальнѣйшія предложенія продолжить такой способъ торговыхъ сношеній съ Сибирью, *при условіи порто-франко* въ устьяхъ рѣкъ Оби и Енисея, правительство отвѣтило рѣшительнымъ отказомъ.

Легко представить себѣ всю важность и выгодность для Сибири морского пути черезъ Ледовитый Океанъ, въ особенности при условіи порто-франко для импорта фабрикатовъ. Вывозные фрахты для сибирскаго сырья удешевляются, а также понижаются цѣны на фабрикаты. Другими словами, при наличности такихъ новыхъ условій, но-

выхъ торговыхъ путей для Сибири возникали возможность разрѣшенія ея основной проблемы—освобожденія отъ торговаго рабства.

Порто-франко для импорта въ устьяхъ рѣкъ Енисея и Оби привлекли бы иностранныхъ предпринимателей, пароходы которыхъ оба конца совершали бы съ грузами: въ Сибирь привозились бы фабрикаты, а изъ Сибири отправлялось бы сырье.

Но какъ мы и замѣчали, правительство категорически не соглашается на подобныя условія открытія торговыхъ путей черезъ Ледовитый Океанъ. Въ данномъ случаѣ правительство считается съ вліятельными интересами предпринимателей Европейской Россіи. Въ настоящее время выяснилось окончательно, что порто-франко въ устьяхъ Сибирскихъ рѣкъ и порто-франко по восточной границѣ Сибири—дѣло весьма отдаленнаго будущаго. Разсуждать на эти темы теперь значило бы разсуждать для собственнаго удовольствія...

Такое отношеніе экономической политики къ основнымъ проблемамъ сибирскаго экономическаго быта лучше всего рисуетъ суть сибирской торговли въ настоящее время: какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, а равно и въ ближайшемъ будущемъ Сибири суждено испытывать всѣ невыгоды торговаго рабства.

Торговое рабство, выгодное метрополіи, устранимо путемъ радикальнаго разрѣшенія основной проблемы сибирской торговой политики: удешевленія фабрикатовъ, удорожанія сырья. Другой выходъ—развитіе собственной промышленности, развитіе фабрикъ и заводовъ, что ослабило бы торговую зависимость Сибири отъ индустріальныхъ странъ, возможенъ только уже послѣ того, какъ будетъ удовлетворительно разрѣшена ея торговая проблема... Сибири всегда нужно помнить слова Фридриха Листа. Этотъ замѣчательный экономистъ писалъ, что страна съ исключительнымъ сельско-хозяйственнымъ производствомъ подобна человѣку, работающему съ одной рукой. Въ исключительно сельско-хозяйственной странѣ всегда царитъ произволъ и рабство, суевѣріе и невѣжество, недостатокъ культуры, средствъ и путей сообщенія, бѣдность и политическое безсиліе. Въ такихъ странахъ только незначительная часть духовныхъ и матеріальныхъ силъ находитъ себѣ примѣненіе. Мануфактуры и фабрики—матери и дѣти гражданской свободы, просвѣщенія, наукъ и искусствъ, внутренней и внѣшней торговли, прогресса въ путяхъ сообщеній, цивилизаціи и политической мощи...

Сельско-хозяйственная Сибирь несетъ на себѣ ярмо торговаго рабства, оправдывая и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ слова экономиста...

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.

Ссылка и каторга въ Сибири.

Вацлава Сѣрошевскаго.

Многіе юристы и криминологи утверждаютъ, что школа и больница замѣнятъ современемъ тюрьму. Это по ихъ мѣнію будетъ нетолько человѣчнѣе, но дешевле и умнѣе. Однако, пока это случится, вопросы преступленія и наказанія будетъ долго еще тревожить и волновать общество, какъ яркіе показатели ихъ внутренняго недуга, ихъ культурности и жизнеспособности. Они всѣхъ потрясаютъ, заставляютъ задумываться и искать исхода.

Поэтому всякій опытъ въ этой области, всякій лучъ независимаго мышленія, брошенный туда, живо занимаетъ мало-мальски развитого человѣка.

Русская государственность продѣлала въ Сибири громадный карательно-исправительный опытъ, стоющій милліоны денегъ, рѣки слезъ и море крови. Еслибъ собрать въ одно всѣ стоны, вызванные имъ, то они заглушили бы шумъ бушующаго океана, еслибъ направить толково затраченную въ немъ душевную энергію, то летучіе пески Голодной Степи зацвѣли бы раскошными садами...

Опытъ продолжался сотни лѣтъ.

Въ самомъ преданіи о завоеваніи Сибири заключается зародышъ мнѣнія, что страна эта обречена служить горниломъ искупленія и покаянія. Волжскіе разбойники, бѣжавшіе отъ правосудія „бьютъ челомъ“ сибирскими землями и народами царю Ивану Грозному, бросаютъ къ подножію его престола богатый, собранный оттуда „ясакъ“ и просятъ себѣ въ награду... прощенія. И жестокій царь, никогда никого не миловавшій, милуетъ ихъ, принимаетъ подъ свою высокую руку, снабжаетъ грамотами и привилегіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ предаются забвенію и прегрѣшенія всѣхъ тѣхъ „своевольныхъ насельщиковъ“, неугомонныхъ искателей лучезарнаго „бѣло-водья“, а также „промышленныхъ и охочихъ людей“, на-

воднившихъ надолго до набѣга казацкихъ ватагъ сибирскія земли и служившихъ имъ впослѣдствіи лучшими указчиками, развѣдчиками и оплотомъ въ ихъ полу-разбойничихъ походахъ.

Изъ укрывавшихся отъ приказнаго строя и барской крѣпости бѣглыхъ сибирскіе люди превратились вдругъ въ вольныхъ, законныхъ владѣльцевъ расчищенныхъ ими пожитій, въ собственниковъ захваченныхъ правдой-ли кривдой-ли звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, въ представителей и защитниковъ московской государственности... Нуждались-ли они въ такихъ наказахъ и привилегіяхъ, а тѣмъ болѣе въ пріѣхавшихъ вслѣдъ за ними воеводахъ и дьякахъ, судить довольно трудно. Несомнѣнно только, что съ тѣхъ поръ роль Сибири, какъ убѣжища всякой „вольницы", сильно ограничилась мѣрами правительства *) и что оно вмѣсто того, „для цѣлей заселенія и государственной корысти", направило туда своихъ супротивниковъ и преступниковъ.

Лютъ былъ правёжъ того времени. Однихъ смертныхъ казней было нѣсколько сортовъ. Татей и разбойниковъ били нещадно кнутомъ и вѣшали по одному въ городахъ, гдѣ они провинились. Также наказывали поджигателей. Женъ за убійство мужей закапывали живыми въ землю. Бунтовщиковъ вѣшали на плотахъ и, ради устрашенія другихъ, спускали внизъ по рѣкамъ. Отступниковъ отъ вѣры, еретиковъ, лжеучителей, заурядъ съ колдунами, сжигали въ деревянныхъ срубахъ. Государственныхъ преступниковъ четвертовали, колесовали, сажали на колъ, или рубили имъ головы на плахѣ. Фальшивымъ монетчикамъ отсѣкали обѣ ноги и лѣвую руку...

И въ томъ же родѣ... Цѣлая лѣстница пытокъ и увѣчій, среди которыхъ встряски на дыбѣ, жженіе каленными клещами, отрѣзываніе языка и ушей, рваніе до хряща ноздрей, ошпариваніе кипящей водой или масломъ и т. подобн. употреблялись сплошь и рядомъ. Самымъ же обычнымъ наказаніемъ было битье кнутомъ или плетью „нещадно въ проводку и съ повадкой" да сѣченіе розгами или палками „не на животъ, а на смерть"—по образнымъ выраженіямъ тогдашнихъ приговоровъ.

Въ началѣ ссылка въ Сибирь являлась какъ-бы сверхурочнымъ приложеніемъ къ второстепеннымъ политическимъ взысканіямъ и примѣнялась главнымъ образомъ къ огульнымъ преступленіямъ этого рода, къ преступленіямъ скопомъ... Чуть ли не первыми были высланы въ 1592 году для заселенія Пелымскаго острога—угличане по дѣлу убійства царевича Димитрія. Затѣмъ по поводу всякаго недо-

*) Уже въ 1683 году въ наказѣ чердынскому и соликамскому воеводамъ приказывается строить „заставы крѣпкія", чтобы удержать бѣглецовъ въ Сибирь.

вольства, всякаго волненія высылали туда цѣлыми деревнями сотни и тысячи лицъ. При царѣ Михаилѣ попали въ Сибирь сторонники двухъ претендентовъ, оспаривавшихъ у него московскій престолъ, и 180 человѣкъ запорожцевъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ сосланы были гилевщики за коломенскую смуту по поводу упадка мѣдныхъ денегъ. Въ Сибирь пошли многія сотни сторонниковъ Стеньки Разина и самозванца Симеона Алексѣевича. Въ Сибири очутились въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія тысячи украинскихъ казаковъ и поселянъ, недовольныхъ присоединеніемъ Украины. *).

Въ то же приблизительно время начинается уголовная ссылка, когда указомъ 1653 года повелѣно было смертную казнь для воровъ и разбойниковъ замѣнить ссылкою въ Сибирь. Но въ началѣ она была незначительна, между тѣмъ какъ сотнями и тысячами притекали въ Сибирь всякаго рода непокорные: стрѣльцы, раскольники, запорожцы, шведскіе военноплѣнные и польскіе конфедераты... Особенно Петръ I, ослабившій уголовную ссылку, поднялъ до высокой степени ссылку политическу и государственную.

Если массовыя высылки политически неудобныхъ для русскаго государства элементовъ и переводъ ихъ въ такія мѣста, гдѣ всякій протестъ лишался силы и смысла, были фактически началомъ сибирской ссылки—то тюремное заключеніе по сибирскимъ острогамъ болѣе важныхъ государственныхъ преступниковъ „ради вящей ихъ казни“ и „сугубой смерти“ отъ тоски и голода было несомнѣнно началомъ сибирской каторги.

Преданія и историческіе документы сохранили намъ описаніе тогдашнихъ острожныхъ сибирскихъ темницъ **).

— „Выкопана яма, а въ яму вставленъ русскій срубъ, а сверху накладены толстыя бревна; оставлено маленькое окошечко. Туда ходили и бросали въ (окошко) пищу наши дѣды своимъ сородичамъ—русскимъ плѣнникамъ“—разсказывали мнѣ якуты про содержаніе въ якутскомъ острогѣ ихъ заложниковъ. (Намскій улусъ 1892 г.)

— Чѣмъ больше хотѣли выжать отъ насъ пушнаго, тѣмъ жесточе мучили дѣтей нашихъ. Чѣмъ богаче были отцы, тѣмъ ужаснѣе держали сыновей. Кормили ихъ солью, а пить не давали, оставляли зимою безъ платья. (Багантайскій улусъ. 1886 г.). То же пишетъ П. Н. Буцинскій о содержаніи „амапатовъ“ (заложниковъ) въ Мангазейскомъ острогѣ ***). Въ такіе же ямы запирались государ-

*) Первая перепись населенія въ Сибири въ 1622 году дала на 70.000 жителей 7.400 ссыльныхъ. „Историческое обозр. Сибири“ П. А. Соловцовъ. стр. 138—152.

**) Смотри „Историческія Акты“ Т. IV, стр. 499.

***) П. Н. Буцинскій: „Мангазея“, стр. 54.

ственные преступники. Въ такой ямѣ умеръ въ 1608 году въ Пелымѣ Василій Никитичъ Романовъ. Въ такой ямѣ въ Якутскѣ томились гетманы Многогрѣшный и Самойловичъ... Въ такихъ холодныхъ темныхъ амбарахъ сидѣли въ Березовѣ Долгорукіе, въ Албазинѣ Аввакумъ и прочіе другіе въ другихъ мѣстахъ а „нѣтъ имъ числа...“ Когда въ 1666 году строили Селенгинскій острогъ, то не только соорудили тамъ „деревянныя избы съ застѣнками по московскимъ образцамъ—для пытокъ простыхъ уголовныхъ преступниковъ“, но не упустили срубить и избу съ „темными каютами для „великоважныхъ“ государственныхъ преступниковъ *)“. Такія „каюты“ были во всѣхъ почти сибирскихъ острогахъ. Тамъ держали временщики эпохи царицъ своихъ противниковъ „за великой крѣпостью, затворами и строгимъ карауломъ“, вдали отъ „дорогъ и человѣческаго голоса“, въ цѣпяхъ, нерѣдко прикованныхъ къ стѣнѣ за шею, за поясъ или съ двухъ-пудовой желѣзной „лисой“ на рукахъ **). Впослѣдствіи эти же мѣры стали примѣняться къ выдающимся злодѣямъ, убійцамъ и разбойникамъ, совершившимъ преступленіе вторично уже въ ссылкѣ и къ заключеннымъ, бѣжавшимъ многократно изъ тюрьмы. Но и въ томъ случаѣ высшія мѣры наказанія примѣнялись главнымъ образомъ къ зачинщикамъ бунтовъ, или къ атаманамъ разбойничьихъ шаекъ, грабившихъ обозы съ царской казной, или къ лиходѣямъ, обиравшимъ царскихъ плательщиковъ, пашенныхъ и торговыхъ людей, отчего, де, „казнѣ чинилась убыль и власти поношеніе“. Да иначе и быть не могло въ то грубое и жестокое время, когда человѣческая жизнь цѣнилась ни во что, когда человѣческое страданіе не принималось во вниманіе, а принималась только во вниманіе „убыль казны“. Убійства, пытки, крутыя расправы, грабежъ, притѣсненія и лихоимства, практикуемые постоянно завоевателями по отношенію къ инородцамъ, поддерживали дикія, кровожадныя навычки въ правительственныхъ кругахъ Сибири дольше чѣмъ гдѣ-либо. Правда, что въ то время рубили еще и въ Россіи руки да ноги у пойманныхъ вторично съ оружіемъ въ рукахъ конфедератовъ, что болѣе храбрыхъ плѣнниковъ истязали, обрѣзывали имъ по татарскому обычаю уши и носы, били ихъ палками и клеймили; но только въ Сибири сохранилось преданіе о тобольскомъ губернаторѣ Шепшинѣ, который привязывалъ ссыльныхъ поляковъ

*) См. С. В. Максимовъ: „Сибирь“ и каторга“, изданіе В. И. Губинскаго. Петербургъ, 1900 г., стр. 370.

**) Самозванецъ Чернышевъ, послѣ двукратнаго наказанія кнутомъ въ 1770 г., закованный по рукамъ и ногамъ былъ сосланъ въ Мангазею. Онъ не могъ двигаться и сгнилъ заживо отъ ранъ, „былъ съѣденъ червями“. Чернышевъ былъ 7-мъ по счету самозванцемъ на имя Петра III.

для собственной потѣхи къ длиннымъ круглымъ колодамъ и сбрасывалъ ихъ съ высокаго тобольскаго кремля. „Обрубокъ, катясь съ съ крутой горы, разбивалъ несчастнымъ головы и на лучшій конецъ сокрушалъ кости“ *). Только въ Сибири въ XVIII еще столѣтіи могло начальство запрещать давать пить воду сосланному въ Якутскъ на вѣчное заточеніе и посаженному на цѣпь колдуну, Максиму Мельнику, „ибо-де онъ многажды уходилъ въ воду **)“. Администрація Сибири надолго сдѣлалась для Россіи складомъ всевозможныхъ суевѣрій, дикихъ нравовъ, вопіющихъ по жестокости и нелѣпости злоупотребленій, питомникомъ взяточниковъ, держимордъ и заплечныхъ мастеровъ разнообразныхъ ранговъ ***).

Понятно, что въ области тюрьмы и ссылки явленія эти чудовищныхъ достигли размѣровъ. Пытки, дыба, хомутъ, колесо, колъ, каленое желѣзо, кнутъ, членовредительства практиковались въ Сибири не только какъ наказанія, но и при допросахъ, вплоть до 1800 года, хотя примѣненіе ихъ въ Россіи уже было ограничено закономъ 1751 года. Еще въ 1848 году высшія власти велѣли наблюдать сибирской тюремной администраціи, какое вліяніе приковываніе на стѣнную цѣпь въ сажень длиною: „будетъ имѣть на умственное состояніе и на физическое состояніе заключенныхъ“. И сибирскіе начальники скромно и обстоятельно тогда отвѣтили: „не имѣя движенія, у нихъ на лицѣ сдѣлалась блѣдность; по временамъ чувствуютъ во внутренностяхъ одувъ и давленія, а потомъ колотье; произносятъ слабый органъ голоса и при проходѣ, сколько цѣпь позволяетъ, дѣлается головокруженіе“ ****).

Еще въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія сажали въ Сибири людей, мужчинъ и женщинъ, на пять и даже на десять лѣтъ на цѣпь. Въ Якутскомъ острогѣ мнѣ показывали въ 1880 г. вбитую въ стѣну скобу и кусокъ такой цѣпи, прекрасно еще сохранившіеся. Во время моей ссылки въ Сибири жили тамъ еще люди клейменые и съ рваными ноздрями, а ручныя и ножныя оковы, тачки, плети и розги существуютъ и до днесь, несмотря на законъ 2 іюня 1903 года *****).

По этому фону общей темноты, жестокости и произвола уродливо извивается уже триста слишкомъ лѣтъ болотный ручей сибирской ссылки, отравляя и разрушая мѣстную жизнь.

---

*) См. Максимовъ, ibid., стр. 327.

**) См. Максимовъ, ibid., 380.

***) См. Н. М. Ядринцева „Сибирь какъ колонія“. Глава XII, „Управленіе Сибирью“, стр. 469—547.

****) Максимовъ, ibid., стр. 91.

*****) „Правительственный Вѣстникъ“ 1903 г. № 133.

Первыхъ татей и разбойниковъ препровождали въ Сибирь при казенныхъ обозахъ съ мукой, солью, порохомъ и свинцомъ, желѣзомъ и „лопатю“ да и всякимъ „нужнымъ припасомъ“, отправляемымъ ежегодно изъ Москвы или тобольскаго приказа въ сибирскіе дальніе остроги. Ссыльные исполняли при такихъ обозахъ службу грузчиковъ, гребщиковъ и холоповъ у конвойныхъ казаковъ. Двигались они все рѣками Турой, Тоболомъ, Обью, Кетой и волокомъ оттуда въ Касъ, притокъ Енисея, по обычному въ то время казацкому пути, описанному точно и подробно Спаѳаріемъ. И впослѣдствіи, когда проторены были кой-гдѣ кратчайшія колесныя дороги, по которымъ уже шли торговые грузы, ссыльные продолжали направляться тѣмъ же окольнымъ путемъ, гдѣ въ городахъ были устроены для нихъ тюрьмы-пристанища и „колодническіе приказы“. Они шли черезъ Вологду, Верхотурье, Тюмень въ Тобольскъ, а оттуда дальше на востокъ черезъ Тару или на югъ въ Томскій и Омскій остроги.

Существуетъ интересное описаніе этапнаго слѣдованія того времени протопопа Аввакума и польскаго конфедерата Карла Любичъ-Хоецкаго, современника Беневскаго *). По словамъ этого свидѣтеля съ Казани ссыльныхъ гнали толпой, смѣшанныхъ политическихъ съ уголовными, женщинъ и мужчинъ вмѣстѣ. Въ Россіи караулили ихъ вооруженные солдаты, въ Сибири препровождали отъ села къ селу крестьяне съ дубинами. Мѣстами обращались съ ними сносно, мѣстами жестоко; мѣстами выдали имъ скудныя кормовыя, мѣстами отбирали даже выпрошенную милостыню. То везли ихъ на подводахъ, то гнали въ стужу оборванныхъ, босыхъ и голодныхъ. То отпускали ихъ вольно, то заковывали въ кандалы и прикрѣпляли въ рядъ къ длиннымъ желѣзнымъ прутьямъ **). Все по усмотрѣнію..., по настроенію... Въ то же время упомянутый выше конфедератъ съ признательностью говоритъ о трогательномъ милосердіи русскаго и сибирскаго простонародія къ несчастнымъ колодникамъ. Вездѣ почти ихъ надѣляли обильными подаяніями.

У этого обычая есть своя исторія.

Русскіе колодники искони питались на счетъ общественной

---

*) „Pamięć dziel polskich. Podróż i nie pomyślny sukces Polakow“. Przez urodzonego Karola Lubicz-Chojeckiego. Warszawa. 1789.

**) Такія прутья просуществовали до 1832 года; я зналъ поляковъ, которые прошли въ Сибирь прикованными къ такому пруту. Шествіе было очень мучительно, особенно зимою. Затѣмъ введены были ручныя цѣпи по 8—10 человѣкъ въ рядъ. Въ 80-хъ годахъ водили въ ножныхъ только оковахъ да въ наручняхъ порознь. Теперь опять практикуется сковка по нѣсколько человѣкъ за руки.

благотворительности, подобно тому, какъ это до сихъ поръ имѣетъ мѣсто въ Китаѣ. Царь Ѳеодоръ узаконилъ даже выпускать изъ тюрьмы сидѣльцевъ по два человѣка въ день для сбора подаяній. Петръ I запретилъ въ 1711 году сборъ милостыни и постановилъ за отпускъ для этого колодниковъ—виновныхъ ссылать на каторгу. Посыпались жалобы, что заключенные „съ голоду и цынги погибаютъ“ *). Законъ продолжали обходить. Тщетно сенатъ (1722 г.) повторилъ запрещеніе; тщетно императрицы—Екатерина I, Елизавета, Анна, Екатерина II издаютъ подобные указы. Преступниковъ продолжаютъ водить „на связкахъ“ (длинныхъ цѣпяхъ) по городамъ и селамъ, по церковнымъ папертямъ и торговымъ мѣстамъ безъ одежды „а другіе пытанные, прикрывая однѣ спины кровавыми рубахами, а у иныхъ отъ ветхости рубахъ и раны битыя знать“. Народъ, особенно крестьяне и купечество, такъ легко тогда попадавшіе подъ „сыскъ“, считали подачу милостыни колодникамъ за обязательное и богоугодное дѣло. Обычай этотъ былъ выгоденъ и для заключенныхъ и для стерегущихъ ихъ, съ которыми первые обязательно дѣлились сборомъ. Поэтому запретительные законы были безсильны и только давали поводъ для пущей прижимки и лихоимства всякаго тюремнаго начальства, начиная отъ смотрителей и конвойныхъ офицеровъ и кончая сторожами да солдатами. Также подѣйствовали и позднѣйшія законодательныя мѣры въ царствованіе Александра I, пробовавшія направить тюремную милостыню на руки чиновниковъ. Увеличилась только доля послѣднихъ при дѣлежѣ незаконнаго сбора. Простонародные жертвователи учитывали надлежащимъ образомъ хорошо имъ знакомую чиновную опеку и норовили подать милостыню непосредственно арестантамъ. Когда въ 1879 году проводили по улицамъ Москвы партію политическихъ, въ числѣ которыхъ находился и я, публика по старому обычаю закидала насъ калачами, булками, яблоками. Какія-то чуйки то и дѣло прорывались сквозь цѣпь солдатъ и совали намъ въ руки деньги... Это не была овація политическимъ, такъ какъ въ это время въ Москвѣ еще не понимали и недолюбливали „студентовъ“ и „вопросовъ“. Нѣтъ,—намъ подавали милостыню, какъ „несчастненькимъ“.

То же случалось въ богатыхъ селахъ Западной Сибири. Намъ въ повозки бросали шанги, булки, калачи, яйца, даже тогда, когда насъ везли на тройкахъ и величали „дворянами“. На всемъ пути отъ Томска, слѣдовавшая вмѣстѣ съ нами уголовная партія шла въ деревняхъ и городахъ „милосердную“, и ей подавали еще болѣе,

*) Максимовъ, ibid стр. 7.

чѣмъ бросали намъ. Только въ Восточной Сибири, гдѣ былъ въ то время голодъ, не дѣйствовали ни изможденный видъ кандальниковъ, ни жалобная ихъ пѣсня. Фунтъ чернаго хлѣба стоилъ тамъ тогда 8 копѣекъ, а кормовыхъ выдавалось 10 коп. въ сутки на душу *). За правило можно принять, что голодъ царитъ во всѣхъ тюрьмахъ Россійской Имперіи и что обречены на медленную смерть отъ истощенія всѣ заключенные въ нихъ, у которыхъ нѣтъ помощи извнѣ. По отношенію къ нѣкоторымъ осужденнымъ голодъ по старой традиціи примѣняется какъ средство усмиренія, наказанія и исправленія **).

Неудивительно поэтому, что о сытости арестантовъ мало заботятся, что выдаваемыя нынѣ кормовыя установлены 70 лѣтъ тому назадъ, что организація тюремнаго продовольствія ниже критики, а контроль надъ ней фактически отсутствуетъ.

Не въ качествѣ посѣтителя, а въ качествѣ заключеннаго мнѣ пришлось побывать болѣе чѣмъ въ 20 сибирскихъ тюрьмахъ и въ 6 тюрьмахъ Россіи и Царства Польскаго; мнѣ пришлось какъ лишенному правъ арестанту пройти по этапу пѣшкомъ отъ Москвы до Иркутска. Вездѣ я встрѣчалъ все тѣхъ же спутниковъ русской тюрьмы: голодъ, тѣсноту, грязь. Даже въ варшавской военной тюрьмѣ, которая по типу отвѣчала петербургскимъ „Крестамъ“ или „Предварительной“, гдѣ не было ни тѣсноты, ни грязи—донималъ голодъ ***).

Отъ этого предписаннаго закономъ голода спасаетъ только подаліе; заработки въ тюрьмѣ до того рѣдки, незначительны, неопрѣ-

*) Эти десять коп. кормовыхъ для непривелигированныхъ и 15 коп. для привилегированныхъ установлены чуть ли не съ половины минувшаго столѣтія; уже Максимовъ упоминаетъ о нихъ (ibid. стр. 19); нормы эти существуютъ и сейчасъ; они являются высшими нормами и случается падаютъ по временамъ и мѣстностямъ, но я не слыхалъ, чтобы поднимались выше. Въ упомянутомъ 1879—80 году моего этапнаго хожденія по голодной Восточной Сибири, насъ утѣшали, что начальству сдѣланъ соотвѣтствующій объ этомъ докладъ, но отвѣта еще не послѣдовало. Я слыхалъ впослѣдствіи, что отвѣтъ пришелъ уже послѣ сезона этапныхъ шествій, что кормовыя увеличены до 12 коп. въ сутки и что вслѣдъ затѣмъ онѣ были опять уменьшены до нормы въ виду урожая.

**) Смотри воспоминанія П. С. Поливанова.

***) Мы политическіе, случайные гости этой тюрьмы, избавлены были отъ голода только по добротѣ главноуправляющаго полковника Ж. Онъ перевелъ насъ на надзирательскій паекъ, за что высшее начальство, узнавши объ этомъ, сдѣлало ему жестокій выговоръ. Нѣсколько дней пришлось все-таки пробыть на общемъ положеніи; уголовные арестанты послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ походили отъ этого пайка и режима тамъ не на людей а на тѣней.

Моя камера была шириною въ два шага и длиною въ пять.

ленны, что разсчитывать на нихъ нельзя. Да къ тому же нужны арестанту и нитки, иголки, мыло, гребешекъ, кой-какое тряпье на заплаты, бумага, марки, табакъ и проч. мелочи, безъ которыхъ самая убогая жизнь немыслима. Да къ тому же заключенные особенно сильно жаждутъ развлеченія, а развлеченія доступны только за деньги. И вотъ арестанты напрягаютъ всѣ свои силы и способности, физическія и умственныя, чтобы добыть денегъ, оплачиваются своему ближайшему начальству, чтобы добыть разрѣшеніе пропѣть „милосердную". Какъ пѣвали ее раньше по всему сибирскому тракту, такъ поютъ теперь ее по тѣмъ селамъ и городамъ въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ ссыльныхъ и нынѣ гонятъ по старинному этапному образцу. Образецъ этотъ окончательно оформился въ 20 годахъ минувшаго столѣтія, когда вдоль пути слѣдованія ссыльныхъ построены были по проекту Сперанскаго этапы и полу-этапы. Это былъ большой шагъ сравнительно съ прежнимъ способомъ пересылки арестантовъ. Этапы — двѣ большія деревянныя казармы съ двухъ сторонъ обнесеннаго высокимъ частоколомъ двора. Въ одной казармѣ почище—двѣ комнаты, по одну сторону коридора занимаетъ этапный офицеръ, а двѣ комнаты по другую сторону занимаютъ 40 человѣкъ полагающихся конвойныхъ. Въ тюремной казармѣ тоже 4 комнаты, раздѣленныя на двѣ половины коридоромъ—двѣ переднія полагаются поселенцамъ, двѣ заднія — каторжанамъ, да тамъ же глухимъ простѣнкомъ отдѣлена отъ общей маленькая камера для семейныхъ и женщинъ[1]). Полуэтапы точно также устроены, только они размѣрами меньше, и нѣтъ въ нихъ отдѣльныхъ женскихъ камеръ. На полуэтапахъ только ночуютъ, на этапахъ полагается дневка. Этапы строились въ разстояніи 50-60 верстъ; въ половинѣ этого разстоянія— полуэтапы. Партіи отправлялись разъ въ недѣлю круглый годъ; имъ полагалось пройти 500 верстъ въ мѣсяцъ, и онѣ должны были

---

[1]) Арестанты женщины по уставу на полуэтапахъ должны ночевать въ солдатской караульнѣ. (Максимовъ, ibid стр. II). Но и это даже не соблюдается: онѣ запираются въ общихъ камерахъ вмѣстѣ съ мужчинами. По закону 1826 г. женскія партіи должны слѣдовать по Сибири отдѣльно отъ мужскихъ, начиная съ Тобольска. Это тоже никогда не соблюдалось. Тюремное начальство за деньги присоединяло женщинъ къ мужскимъ партіямъ, мужчинъ къ женскимъ, такъ какъ по всему этапному пути велась, откровенно говоря, смотрителями тюремъ, этапными офицерами, солдатами и надзирателями тайная торговля пересыльными женщинами. Ихъ продавали арестантамъ и это было самое обычное дѣло. Отмѣтилъ это въ своей книжкѣ Максимовъ (стр. II), тоже наблюдалъ и я. Въ нашей партіи было нѣсколько уголовныхъ женщинъ на 300 арестантовъ; на пути то и дѣло возникали всевозможныя романическія исторіи, и одной красивой, молодой арестанткѣ въ концѣ концовъ изъ ревности распороли на одномъ изъ аповъ животъ.

двигаться изо дня въ день безъ вниманія — дождь-ли идетъ, или снѣгъ, лютый морозъ, мятель или жара нестерпимая. Плохо одѣтые, плохо питаемые арестанты сильно болѣли отъ этого, особенно зимою и осенью, отмораживали члены, простуживались, схватывали острый ревматизмъ и лихорадку... Многіе оставались по этапамъ и тюрьмамъ по пути, отчего образовались арестантскіе завалы и крайняя тѣснота. И безъ того этапы, построенные 70 лѣтъ тому назадъ съ расчетомъ на 100 ч., были тѣсны для партіи, которыя въ 80 годахъ въ среднемъ достигали 300 человѣкъ *). Люди спали не только на нарахъ, но и на полу такъ тѣсно, что нельзя было пошевелиться и пройти. Имъ не полагалось ни подушекъ, ни одѣяла. Укрываются арестанты тѣми же тулупами и халатами, въ которыхъ ходятъ днемъ. Полуэтапы представляли какое-то подобіе ада. Угарные и вмѣстѣ съ тѣмъ холодные, такъ какъ ихъ отапливали, ради сбереженія дровъ, уже по приходѣ партіи,—сырые, темные, промозглые, они мгновенно наполнялись отравленнымъ, вонючимъ воздухомъ, отвратительнымъ запахомъ прѣлой, гніющей отъ пота и сырости одежды, смрада грязныхъ человѣческихъ тѣлъ, часто заживо разлагающихся отъ сифилиса, цынги, спеціальныхъ тюремныхъ язвъ и нарывовъ. Ночью, когда камеры запирались, и въ нихъ ставили „параши“ для естественной надобности, воздухъ достигалъ зловонія выгребной ямы; сонъ въ такихъ условіяхъ превращался въ кошмаръ... Къ тому же на спящихъ набрасывались несмѣтныя тучи клоповъ и злостныхъ, кусающихся таракановъ. Отъ паразитовъ: клоповъ, блохъ, вшей, клешней—не было ни средства, ни спасенія. Они падали съ потолковъ, лѣзли изъ всѣхъ щелей, забирались въ складки платья; уничтоженные они немедленно являлись въ томъ же количествѣ, и кожа рѣдкаго арестанта не была сплошь на спинѣ и груди покрыта отвратительными волдырями и проѣдинами. Эти то насѣкомыя про-

*) Максимовъ, ibid стр. 21. Могу подтвердить, что знаменитые пять кубическихъ футовъ воздуха на заключеннаго, что ужасныя описанія тюремъ прокурора Н. Тимофѣева („Юридическ. Вѣстникъ“ 1883 г. № 6 стр. 284—305) далеко не рѣдкость и далеко не отошли въ прошлое.— Тюрьмы въ Варшавѣ такъ переполнены, что заключенные спать въ нихъ могутъ только на боку, не шевелясь, какъ сельди въ бочкѣ въ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ. То же самое случается и въ большой пересыльной тюрьмѣ въ Челябинскѣ и другихъ второстепенныхъ тюрьмахъ, а временами даже въ губернскихъ городахъ и столицахъ. Такое же переполненіе тюремъ случалось и на Сахалинѣ. Оно не временное явленіе, но нормальное состояніе русскихъ мѣстъ заключенія. Не рѣдки случаи, что на заключеннаго приходится не 5, но $2^1/_2$ фут. (куб.) воздуха, о чемъ впрочемъ упоминаютъ многіе изслѣдователи; но особенной тѣснотой отличались всегда этапы и полуэтапы, гдѣ люди часто падали въ обморокъ отъ недостатка воздуха.

носили изъ партіи на партію эпидеміи тифа и накожныя болѣзни— дѣлали это они да платье, особенно бѣлье, которое выдавалось часто въ тюремныхъ приказахъ старое и плохо вымытое, хотя по закону полагалось новое *). Въ баню на этапахъ пускали за плату и то въ видѣ большой милости, хотя по закону она полагается даромъ въ опредѣленные сроки — минимумъ разъ въ мѣсяцъ. Только въ банѣ можно удовлетворительно выстирать бѣлье, такъ какъ только тамъ есть горячая вода, хотя и въ ограниченномъ количествѣ... опять сообразно тому, сколько арестанты заплатили солдатамъ, унтерамъ и офицеру.

Неудивительно, что въ такихъ условіяхъ заболѣваемость въ тюрьмахъ достигала зимою 23% и больше, а въ мартѣ даже 40%, что смертность въ сибирскихъ тюремныхъ больницахъ колебалась между 3,2% и 16,4% по оффиціальнымъ отчетамъ **).

Въ центральныхъ сибирскихъ тюрьмахъ было не лучше, особенно съ открытіемъ навигаціоннаго сезона, когда въ городскихъ острогахъ накопливалось въ 4, 6 даже въ 8 разъ больше арестантовъ, чѣмъ полагалось по ихъ размѣрамъ. Тѣснота, духота, не-

*) Все описанное мною существуетъ и теперь въ тюрьмахъ и по этапамъ и въ виду особеннаго переполненія ихъ въ послѣднее время, даже надо думать въ высшей мѣрѣ, чѣмъ тогда. Напомню хотя бы о „нагихъ бунтахъ“ въ смоленской тюрьмѣ и въ нѣсколькихъ сибирскихъ тюрьмахъ, вызванныхъ именно скверной, старой и зараженной одеждой, выданной, вмѣсто частнаго ихъ платья, политическимъ заключеннымъ и вызвавшей у нихъ нарывы по всему тѣлу. О торговлѣ арестантскими вещами тюремнаго начальства смотри у Максимова (ibid. стр. 13). Съ тѣхъ поръ мало измѣнилось, мѣстами не измѣнилось ничего. Бѣлье въ тюрьмахъ полагается страшно грубое, „мѣшечнаго холста“, съ кострикой, такъ что до носки его приходится тщательно проминать и отколачивать. Иначе оно пилитъ тѣло, какъ напилокъ.

**) Смотри „Отчеты Медицинскаго Департ.“ за 1884 годъ. Описаніе сибирскихъ тюремныхъ больницъ и „Отчетъ инспектора тракта за 1885 г.“. (Свѣдѣнія по отчету Медицинскаго Департ. за 1882 г.). Въ Томской тюрьмѣ перебывало за 1882 годъ 1.268 больныхъ тифомъ и 1.3ii дифтеритомъ. Это на 10.245 общаго числа арестантовъ проепдшихъ за этотъ годъ сквозь тюрьму. Къ этому придется прибавить еще больныхъ воспалѣніемъ легкихъ, цынгой, ревматизмомъ, сифилисомъ, женскими болѣзнями, помѣшательствомъ и прочими тюремными par excelans недугами. Замѣчу, что 1882 годъ отнюдь не былъ въ смыслѣ заболѣваемости худшимъ, что за этотъ періодъ худшими были годы 1879, 1880 1885 и другіе, когда особенно сильно свирѣпствовали эпидеміи. Особенно много среди ссыльныхъ и заключенныхъ чахоточныхъ. Есть тюрьмы, которыя справедливо считаются „прививочными“. Въ писчебумажныхъ тюремныхъ фабрикахъ назначеніе въ сортировочный отдѣлъ равносильно смертному приговору. Тряпье, ковечно, не дезинфекцируется. Въ Мокотовской Варшавской каторжной тюрьмѣ, гдѣ есть такая фабрика, рѣдкій сортировщикъ выживаетъ дольше года и нѣтъ ни одного, который послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ не страдалъ бы бугорчаткой.

устанная толчея, шумъ, брань, ссоры, звонъ кандаловъ, грязныя, одѣтыя въ рвань фигуры, дикія возбужденныя лица бритыхъ убійцъ и разбойниковъ, пьяныхъ или играющихъ въ карты, громкое восхваленіе преступленій и ничемъ неприкрытая практика разврата и мужеложства... Раздраженіе всѣхъ противъ всѣхъ, преклоненіе только передъ деньгами и физической силой... А тутъ же рядомъ женщины, дѣти, подростки, слѣдующіе за мужьями и отцами, административно сосланные за маловажные поступки, за аграрные безпорядки, за безпаспортность, за религіозныя преступленія, за уклоненія отъ православія и т. проч...

Эпическое описаніе Кенаномъ томской тюрьмы съ ея „временными“ балаганами, крытыми ситцевой кровлей, безъ оконъ, съ прогнившими полами, даетъ лишь слабое понятіе о томъ, что творилось въ тогдашнихъ тюрьмахъ и этапахъ. Чрезмѣрная тѣснота и непрерывный наплывъ все новыхъ и новыхъ партій устраняли возможность элементарнѣйшей даже очистки. Въ Нижне-Удинскѣ насъ, пятьдесятъ человѣкъ политическихъ заперли въ маленькой камерѣ только что оставленной уголовными и, конечно, вставили парашу... Полъ былъ покрытъ липкой вонючей грязью на палецъ толщиною, окна наглухо заколочены, нары чѣмъ то засалены и мы не рѣшались ни сѣсть на нихъ, ни лечь, такъ какъ по нимъ обильно ползали большія, бѣлыя вши... Смрадъ и духота достигли такой степени, что съ многими изъ насъ, уже впрочемъ привыкшими къ тюремнымъ порядкамъ, сдѣлалось головокруженіе и рвота... Къ тому же намъ не выдали ни кормовыхъ, ни пищи... Когда мы стали стучать въ двери и требовать смотрителя, пришли солдаты и просунули къ намъ въ дверную форточку дула ружей *)...

Путешествіе баржой по рѣкамъ Волгѣ, Камѣ, Оби обходилось тюремной администраціи дешевле, но по тѣснотѣ, вони и грязи не уступало этапному. Заболѣваемость на баржахъ еще повышалась отъ худшаго питанія (не было подаяній), отъ недостатка движенія и отсутствія той передышки свѣжимъ воздухомъ, какую доставлялъ

*) Въ этой или ближайшей тюрьмѣ, хорошо не помню, незадолго до того, уголовные убили особенно жестокаго смотрителя. Отсюда репрессіи противъ всѣхъ и вся. Кража кормовыхъ практиковалась впрочемъ часто во всѣхъ тюрьмахъ и практикуется еще и теперь. Если арестанты приходятъ утромъ, до обѣда, то обыкновенно этапные конвойные отказываютъ имъ въ выдачѣ кормовыхъ на томъ основаніи, что они садятся въ острогъ, что въ острогѣ денегъ не полагается, что тамъ выдаютъ паекъ; въ острогѣ же отказывали имъ въ пищѣ на томъ основаніи, что не заготовлена для нихъ. Даже въ варшавскихъ тюрьмахъ новичекъ, не запасшійся пищей изъ дому, рискуетъ просидѣть сутки голоднымъ. Между тѣмъ по записямъ онъ будетъ фигурировать въ тюремныхъ расходахъ. Кто воруетъ эти деньги мнѣ таки не удалось узнать.

переходъ съ этапа на этапъ. Особенно умирали во множествѣ дѣти, лишенныя молока и солнца. Теперь ссыльныхъ въ Сибирь, особенно изъ южной Россіи, везутъ по желѣзной дорогѣ прямо на Самару и Челябинскъ и часть ихъ только изъ Москвы отправляютъ весною на Тюмень для слѣдованія старымъ рѣчнымъ путемъ. Партіи уходятъ въ Сибирь зимою и лѣтомъ, въ особыхъ арестантскихъ вагонахъ, гдѣ прежнія грязь, тѣснота и зловоніе не оставляютъ уже ссыльныхъ ни на мигъ. Изъ опасенія побѣговъ окна на заперти. Лѣтомъ жара, зимою угаръ вызываютъ частые обмороки и заболѣванія дыхательныхъ органовъ. Пища сквернѣйшая, въ сухомятку и въ недостаточномъ количествѣ: тѣ же десять коп. кормовыхъ, назначенныя во времена Сперанскаго. Ихъ выдаютъ на руки. О подаяніи не можетъ быть и рѣчи. Арестанты все время сидятъ въ заперти. Къ тому же арестантскій багажъ сильно ограниченъ, не позволяютъ брать больше одного пуда и десяти фунтовъ. Запасовъ партія въ городахъ дѣлать не можетъ и обречена покупать на станціяхъ все, по высокимъ желѣзнодорожнымъ цѣнамъ. Переѣздъ отъ Самары до Иркутска длится отъ трехъ до шести недѣль. Первый сибирскій привалъ въ Челябинскѣ, гдѣ партіи останавливаются дольше. Тамъ та же тѣснота, та же грязь и этапные невзгоды, что бывали и раньше. Громадное сбереженіе расходовъ по перевозкѣ ссыльныхъ не пошло имъ впрокъ. Единственная выгода—сокращеніе времени переѣзда, не особенно ихъ радуетъ. Оно желательно только для поселенцевъ, между тѣмъ какъ большинство ссылаемыхъ теперь въ Сибирь уголовныхъ—каторжане *). Тѣ никогда не торопились къ мѣсту своего назначенія. Въ былое время они умудрялись проходить въ дорогѣ до двухъ лѣтъ, что имъ зачислялось въ срокъ наказанія, а было куда легче каторги. Несмотря на всѣ этапныя невзгоды, на рискъ смерти отъ эпидеміи или вѣчной хвори отъ ревматизма, уголовные предпочитаютъ этапное шествіе самымъ усовершенствованнымъ тюрьмамъ. Въ пути они все-таки ближе къ жизни...

Да и самая каторга въ многострадальной жизни русскаго преступника является ни чѣмъ инымъ, какъ многолѣтнимъ этапомъ. Онъ никогда не знаетъ, что будетъ завтра, что съ нимъ сдѣлаетъ начальство, не переведетъ ли его оно въ другую тюрьму, не измѣнитъ ли его режима... Оно всесильно и все на его усмотрѣніи...

Первоначальная ссылка въ Сибирь не знала каторги. Самые ужасные преступники, разъ они были помилованы отъ смертной

*) На Сахалинъ теперь не ссылаютъ и всѣхъ каторжныхъ направляютъ въ Сибирь или держатъ въ каторжныхъ тюрьмахъ въ Россіи.

казни, ссылались въ сибирскіе остроги, гдѣ ихъ приписывали въ пашенные крестьяне, наравнѣ съ безвинными переселенцами изъ крестьянъ и мастеровыхъ, водворенныхъ тамъ же ради государственной надобности. Отличали первыхъ только клейма да законныя увѣчья: рваныя ноздри, обрѣзанныя уши, поврежденныя руки и ноги, смотря по степени преступленія. Въ Европейской Россіи въ то время уже употребляли колодниковъ кой-когда на общественныя работы. Но широко и систематически каторжный трудъ сталъ примѣнять только Петръ I-й. Онъ ослабилъ высылку уголовныхъ въ Сибирь, куда взамѣнъ посылалъ тысячи военноплѣнныхъ, стрѣльцовъ, раскольниковъ, вообще своихъ идейныхъ враговъ, справедливо разсчитывая, что тамъ обстоятельства, ради собственнаго спасенія, превратятъ ихъ въ смирныхъ, покладистыхъ культурниковъ.

Уголовными Петръ пользовался при постройкѣ городовъ и крѣпостей: Петербурга, Шлиссельбурга, Рогервика, Азова, Кизляра и прочихъ. При царицахъ система эта развилась и оформилась; но въ виду побѣговъ, буйствъ, вымогательствъ каторжныхъ во время работъ *), ихъ мало-по-малу переводятъ въ Сибирь, гдѣ причисляютъ ихъ къ казеннымъ и частнымъ заводамъ, фабрикамъ, рудникамъ или поселяютъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ для мѣстныхъ работъ. Тогда то вошли въ уложеніе о наказаніяхъ каторжные термины, опредѣляющіе тяжесть наказанія. Впрочемъ жизнь сыграла съ петербургскими криминологами сразу же злую шутку: логично продуманныя степени перевернулись, и работа, напримѣръ, на заводахъ, особенно солеварепныхъ и винокуренныхъ, оказалась тяжелѣе и хуже даже рудничныхъ, а строгій военный режимъ въ крѣпостяхъ превзошелъ своей жестокостью всѣ роды наказанія **).

*) Интересную выдержку о каторжныхъ Петербурга приводитъ Максимовъ (ibid. стр. 387) изъ указа Елизаветы (1756 г.) „Будучи на работахъ, за слабостью караульныхъ солдатъ, ссыльные у прохожихъ и проѣзжающихъ просятъ милостыню, чѣмъ немалое безславіе здѣшнему резидирующему городу наносятъ, ибо между тѣмъ нерѣдко случается, что и чужестранныя персоны мимо ихъ проѣзжаютъ. Имѣя же при семъ на работахъ ломы и желѣзныя пѣшни и другіе вредные инструменты, они даже разбойничаютъ на улицахъ: въ 1751 году у одного каторжнаго Никиты Алексѣева найдено въ мѣшкѣ ядро чугунное, которымъ онъ билъ за Синимъ мостомъ въ переулкѣ по головамъ трехъ купцовъ, съ двухъ сорвалъ шапки, у третьяго отнялъ шапку и рукавицы, хотѣлъ также убить маіора Тютчева, смотрѣвшаго за работами. Въ 1752 г. тотъ же Алексѣевъ, у Адмиралтейской крѣпости, близъ Невскаго проспекта, вынулъ изъ палисадника балясину и другую отъ Зимняго Дворца, пноземку ударилъ въ лобъ и содралъ съ нея атласную голубую юбку съ серебряной сѣткой“.

**) Максимовъ. ibid, стр. 53—59 и 476—487, описаніе всѣхъ родовъ каторжнаго труда.

Въ лучшемъ относительно положеніи очутились каторжные на фабрикахъ. Большинство фабрикъ въ Сибири было основано частными лицами и куплено затѣмъ казной. Таковы Тельминскія фабрики близъ Иркутска (основанныя въ 1751 году Бобровымъ), Солдатовская фаянсовая фабрика въ самомъ Иркутскѣ, Куткинская полотняная фабрика въ Тобольскѣ (основанная въ 1791 г.) и проч. Въ Омскѣ была казенная каторжная суконная фабрика для нуждъ казачьяго войска. Всѣ онѣ въ разное время закрылись съ большимъ для казны убыткомъ или были проданы ниже стоимости въ частныя руки. Изъ крѣпостныхъ казематовъ омскіе (1708) прославились больше другихъ неописуемо жестокими кровавыми расправами съ поляками въ 1783 и 1837 гг., а также пребываніемъ тамъ Ѳ. М. Достоевскаго. Ссыльными крѣпостями считались еще: Охотскъ, Нижнекамчатскъ, Петропавловскъ (Авачи), Николаевскъ на Амурѣ (Чинирrахъ), Ишимъ, Семипалатинскъ, Устькаменогорскъ и прочіе по той же военной линіи.

Изъ ссыльно-каторжныхъ заводовъ болѣе извѣстны:

Желѣзный Петровскій заводъ, основанный купцомъ Бутыгинымъ въ 1790 году; затѣмъ солеваренные заводы Усть-Кутскій, отобранный въ казну отъ Ерофея Хабарова воеводою Поярковымъ еще въ 1641 г.; затѣмъ не менѣе древнее Иркутское Усолье, Троицкія солеварни (въ Капскомъ Округѣ), Селенгинскія солеварни, и множество винокуренныхъ заводовъ, наплодившихся въ большомъ количествѣ по всей Сибири въ началѣ XIX столѣтія. Всѣ они много разъ переходили отъ казны въ частныя руки и обратно, пока не были закрыты за убыточностью и проданы на сломъ.

Ссыльно-каторжные при нихъ жили въ казематахъ или на вольныхъ квартирахъ, пользовались огородами и кой-гдѣ надѣльной землей, да получали ежемѣсячно 3 руб. ассигнаціями и 2 пуда ржаной муки. Работа продолжалась круглый годъ 12 часовъ въ сутки, исключая праздники и табельные дни. Каторжане быстро истощались на непосильныхъ работахъ, страдали цынгой, ревматизмомъ, сифилисомъ, бугорчаткой,.. болѣли и умирали, бѣгали, пьянствовали и воровали... *)

И вездѣ было то же самое. Крѣпостные казематы исчезли, каторжные фабрики и заводы сами собой закрылись. На ихъ мѣсто въ послѣднее только время возникли кой-гдѣ новыя, какъ въ Тобольскѣ суконныя фабрики, или въ Александровской центральной тюрьмѣ подъ Иркутскомъ, разнообразныя ручныя мастерскія. Въ

*) Смотр. Максимовъ, ibid. стр. 482.

солеварняхъ въ Усолье никогда не прекращались каторжныя работа. Въ 63 году тамъ работали наравнѣ съ уголовными ссыльные поляки. Въ настоящее время работаютъ политическіе всякихъ національностей, тоже совершенно уравненные съ уголовными, перемѣшанные съ ними и на общемъ съ ними крайне скудномъ, пайковомъ довольствѣ. Въ одной Александровской Центральной тюрьмѣ политическихъ въ настоящій моментъ до 800 человѣкъ.

Гнѣздо рудничныхъ каторжныхъ работъ,—Нерчинскіе рудники основаны были въ 1700 году. Устраивали ихъ по порученію казны греки подъ надзоромъ грека же Левандіана. Стоили они дорого, но не приносили никакого дохода, несмотря на громадныя ископаемыя богатства, открывавшіяся по мѣрѣ изученія окружающихъ горъ. Тамъ оказались не только залежи свинцово-серебряныхъ рудъ, но и копи мѣди, ртути, сѣры, олова, желѣза, а впослѣдствіи найдены были богатѣйшія розсыпи золота. Руды залегаютъ въ прослойкахъ горныхъ породъ, и работы искони велись шахтами. До 1712 года добыча руды и выплавка серебра производилась приписными крестьянами, переселенными изъ разныхъ мѣстъ Сибири „въ видѣ рекрутъ“ *). Пятьдесятъ лѣтъ спустя числилось при рудникахъ и заводахъ Нерчинскаго округа до 7.000 душъ, въ томъ числѣ около 1.000 ссыльныхъ преступниковъ, которыхъ съ 1721 года стали направлять сюда. Сначала это были ссыльные, отработавшіе срокъ каторги въ Россіи **), но при царицахъ каторга въ Россіи была отмѣнена, и часть каторжныхъ направлялась прямо въ такъ называемые „даурскіе рудники“. Положеніе горнорабочихъ какъ каторжныхъ, такъ и приписныхъ мало разнилось. Они работали въ тѣхъ же условіяхъ, исполняли тѣ же уроки, получали то же скудное пайковое довольство, и во всемъ зависѣли отъ милости и воли начальства. Современемъ опредѣлилась та разница, что каторжные, какъ ни какъ, работали на срокъ и въ концѣ его перечислялись въ пашенные крестьяне, между тѣмъ какъ заводскіе рабочіе, по рожденію или приписке, были обречены на безсрочныя работы. Бывали случаи, что отецъ убійца послѣ извѣстнаго времени уходилъ съ завода въ ссылку на поселеніе, а невинный его сынъ оставался на всю жизнь въ каторгѣ. Это вызывало безчисленные побѣги и умышленныя преступленія съ цѣлью попасть на срочную каторгу. Производительность принудительнаго труда была въ этихъ условіяхъ крайне низка, а содержаніе администраціи и стражи крайне дорого. Заводы не

*) Максимовъ, ibid. стр. 444.

*) По указу Петра I отъ 10 февраля 1722 года.

оплачивались *). Добыча серебра все уменьшалась и уменьшалась. Въ пятидесятыхъ годахъ минувшаго столѣтія добыча руды и выплавка серебра каторжными была прекращена, и всѣ силы ихъ направлены на разработку Карійскихъ золотыхъ пріисковъ **). Въ 1853 году послѣдніе достигли высшаго своего расцвѣта при управляющемъ Разгильдѣевѣ, когда добыто было въ годъ 172 пуда золота, цѣною тысячъ жизней каторжныхъ, засѣченныхъ на разрѣзахъ за неисполненіе непосильныхъ уроковъ, да умершихъ отъ тифа, цынги и переутомленія. Съ тѣхъ поръ добыча золота быстро понижалась, пріиски перестали оплачиваться, а въ 80-хъ годахъ промывка золота каторжными была оставлена и они направлены опять въ серебряные рудники. Въ настоящее время, каторжные приговоренные къ рудниковымъ работамъ содержатся, главнымъ образомъ, при рудникахъ: Акатуйскомъ, Зерентуйскомъ, Мальцевскомъ (женская тюрьма), Алгачинскомъ и прочихъ помельче, разсыпанныхъ въ большомъ количествѣ въ этомъ громаднѣйшемъ гнѣздѣ серебряныхъ залежей. Многія копи залиты водой, безнадежно засорены, но есть уцѣлѣвшія или очищенныя, въ которыхъ производятся работы. Въ Акатуѣ, Зерентуѣ и Мальцевѣ выстроены новыя „усовершенствованныя“ тюрьмы, гдѣ содержатся между прочимъ въ настоящее время долгосрочные политическіе ***).

Уже съ самаго начала ссылки и каторги предоставлялось тюремной администраціи по своему усмотрѣнію облегчать участь прилежныхъ, смирившихся, слабосильныхъ или оказавшихъ особую услугу государству. Результаты понятны: за деньги или весьма

*) Даже въ 1761 году, когда они подъ управленіемъ В. И. Суворова нѣсколько поправились и оживились, добыча серебра не превышала на нихъ 240 центнаровъ въ годъ. Новыя богатѣйшія залежи открывались, новыя рудники и заводы устраивались, но дохода онѣ не давали и даже не покрывали издержекъ.

**) Уже въ 1782 году, даже раньше того, разрабатывались золотыя розсыпи по р. Шилкѣ, выше Стрѣтенскаго острога. Въ 1833 г. считалось въ Нерчинскомъ горномъ округѣ 17.709 жит. приписныхъ крестьянъ, да 4.124 каторжныхъ обоего пола, 200 дѣтей, 900 ч. на пропитаніи (вольная команда), 116 временно уволенныхъ и 96 дряхлыхъ. Въ 1887 г. число каторжныхъ на рудникахъ упало до 2.507 чел., включая 800 женщинъ и дѣтей добровольно слѣдующихъ.

***) Акатуйскую тюрьму и рудникъ описалъ политическій каторжникъ Мельшинъ (Якубовичъ) въ своей замѣчательной книгѣ „Въ мірѣ отверженныхъ“. Болѣе извѣстные въ прошломъ Нерчинскіе каторжные рудники были: Акатуйскій, Зерентуйскій, Алгачинскій, Воздвиженскій, Покровскій, Благодатскій, Михайловскій, Кадемыскій, Кличинскій, Култуминскій, Шахтаминскій да три Карійскіе пріиска (Верхне, Средне и Усть-Кар.), Савинскій и Верхне-Царентуйскій. Заводы находились: въ Нерчинскомъ, Дучарскомъ, Покровскомъ Кутамарскомъ, Газимурскомъ, Александровскомъ, Шилкинскомъ станахъ.

сомнительныя достоинства избранные каторжане дѣлались надсмотрщиками своихъ сотоварищей, переписывались въ цеховые мастера, назначались на полицейскія должности или совсѣмъ отпускались „на пропитаніе“—освобождались отъ обязательныхъ работъ *). Зато тѣмъ болѣе прижимались и отлгчались работою остальные. Эти ссыльно-каторжныя невзгоды остались и впослѣдствіи, но въ 1838 году по закону впервые было ограничено время пребыванія въ работѣ и установлены разряды для осужденныхъ. Безсрочные (перваго разряда) должны пробыть въ тюрьмѣ 8 лѣтъ; присужденные къ каторжнымъ работамъ на срокъ отъ 15 до 20 лѣтъ (1-го разряда) живутъ въ тюрьмѣ четыре года; назначенные на срокъ отъ 12 до 15 лѣтъ (2-го разряда)—въ тюрьмѣ 2 года; каторжные 3-го разряда (отъ 6 до 8 лѣтъ) живутъ въ тюрьмѣ полтора года; осужденные на срокъ отъ 4 до 6 лѣтъ—живутъ въ тюрьмѣ годъ. Содержащіеся въ тюрьмѣ раздѣляются на испытуемыхъ и исправляющихся. Первые закованы въ ножные кандалы отъ 5 до 8 фун. вѣсу, имъ брѣютъ головы и на работу ихъ водятъ подъ строгимъ военнымъ карауломъ, денегъ имъ на руки не выдаютъ. Исправляющіеся ходятъ безъ оковъ, на работу отправляются подъ надзоромъ надзирателей, ихъ не брѣютъ и наконецъ имъ дозволяется, часто ввиду тѣсноты тюремъ, до опредѣленнаго закономъ срока уходить на „вольныя“ квартиры, или разрѣшается жить въ открытыхъ казенныхъ казармахъ. Имъ полагается небольшая плата за исполненіе урочной работы, но только „вольнымъ“ выдается она на руки. Многіе по усмотрѣнію начальства совсѣмъ освобождаются отъ работъ. Содержаніе въ тюрьмахъ крайне скудно; по вычисленію Ядринцева оно вмѣстѣ съ одеждой равняется 74 руб. въ годъ на человѣка (ibid. стр. 293). Содержаніе каторжныхъ: 4 фунта ржаного хлѣба въ сутки и 5 коп. деньгами на приварокъ и проч. составитъ немного больше этой суммы. Арестанты сами себѣ готовятъ и пекутъ хлѣбъ подъ надзоромъ тюремной администраціи и выборныхъ арестантскихъ старостъ. Какъ тѣ, такъ и другіе обкрадываютъ немилосердно арестантовъ, такъ

*) Такое освобожденіе не для всѣхъ было благодѣяніемъ; состоятельные каторжане могли воспользоваться 15 десятинами полагающагося имъ по закону надѣла, основывали хозяйства и иногда достигали даже благосостоянія; но бѣдные принуждены были дальше работать на заводахъ, гдѣ мѣсячный „плакатъ“ полагался 60—80 коп. (на солеварняхъ и винокурняхъ—20—40 коп.); проведшимъ пять лѣтъ каторги прибавлялось 50 коп. ежемѣсячно; проведшимъ десять лѣтъ—1 руб.; проведшихъ 15 лѣтъ отпускали „на пропитаніе“ „Пропитанные“ были по большей части дряхлые, немощные старики, побирающіеся по міру.

что питаніе ихъ много хуже разсчитаннаго по смѣтѣ Главнаго Тюремнаго Комитета... Только лѣнивый не обижаетъ арестантовъ, по собственному ихъ выраженію. За всякій пустякъ, за малѣйшую попытку защиты своихъ правъ, заключенному грозитъ цѣлый рядъ прижимокъ и прежде всего жестокая порка. Смотритель тюрьмы можетъ по своему усмотрѣнію наказывать каторжныхъ арестантовъ розгами (до 50 ударовъ), начальникъ горен. округа до 100 ударовъ; они могутъ его запереть въ свѣтлый карцеръ на срокъ до 7 сутокъ и въ темный до трехъ сутокъ *).

Плетьми каторжные могутъ быть наказаны только по судебному опредѣленію, а также по судебному только приговору могутъ быть прикованы къ тачкамъ, что замѣнилъ прежнюю стѣнную цѣпь. Все это законныя наказанія, но практикуется много больше наказаній незаконныхъ. Тюремныя права послѣднихъ трехъ лѣтъ сильно пошли назадъ и во многомъ напоминаютъ мрачныя времена „застѣнковъ“ и „ямъ“ XVI столѣтія.

Общій режимъ въ тюрьмахъ каторжныхъ крайне однообразный: утромъ молитва, завтракъ, повѣрка, выходъ на работу, возвращеніе съ работы, обѣдъ, повѣрка, сонъ... И опять на завтра то же самое... Въ воскресеніе желающіе могутъ сходить въ церковь. Книгъ не выдаютъ, такъ какъ при рѣдкихъ тюрьмахъ есть библіотеки, да и полагаются только духовно-спасительныя, которыхъ арестанты читать не любятъ.

Для своихъ хозяйственныхъ нуждъ, для пріема и дѣлежа пищи, кормовыхъ, устройства и наблюденія за кухней и пекарней, за чистотой и порядкомъ, содержащіеся въ сибирскихъ тюрьмахъ, такъ этапныхъ, какъ каторжныхъ образуютъ артели отъ 40 до 50 человѣкъ. Каждая артель выбираетъ старосту, который является ея представителемъ въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ и тюремнымъ начальствомъ. Старосту утверждаетъ смотритель тюрьмы, но смѣнить его не можетъ безъ согласія артели. Староста отвѣчаетъ передъ начальствомъ за поведеніе артели. Въ большихъ тюрьмахъ, гдѣ такихъ старостъ есть нѣсколько, полагается еще старшій староста, называемый „общимъ“. Кромѣ хозяйственныхъ обязанностей, несетъ староста еще и духовныя, является представителемъ своеобразно понятой артельной арестантской чести и солидарности.

*) Темный карцеръ нѣчто въ родѣ большого деревяннаго ящика такихъ размѣровъ, что въ немъ можно стоять или сидѣть, но невозможно лечь. Онъ запертъ на глухо и абсолютно теменъ. Въ такомъ карцерѣ политическаго Сѣрякова продержали въ харьковской центральной тюрьмѣ въ 80 годахъ—9 сутокъ. Его выводили на нѣсколько часовъ, чтобы удовлетворить законъ и запирали опять. Теперь не дѣлаютъ даже такихъ церемоній.

Товарищество и солидарность очень высоко цѣнятся въ тюремномъ быту, гдѣ прощаютъ убійство, воровство, надувательство, но не прощаютъ доноса и измѣны *). Несправедливость понятая какъ нарушеніе обычаевъ по отношенію къ одному изъ заключенныхъ и принятыхъ постановленіи тюрьмы, тоже строго преслѣдуется арестантскими артелями. Они жестоко бьютъ и даже убиваютъ своихъ провинившихся членовъ какъ рядовыхъ, такъ и старостъ. Такъ какъ въ сибирскихъ тюрьмахъ все можно купить, начиная отъ расположенія начальства и кончая картами, водкой и женщинами, то главная забота артели и артельнаго старосты направлена на добычу для артели возможно большаго количества наличныхъ денегъ. Отъ этого зависятъ всѣ тѣ мелкія и крупныя льготы, законныя и запрещенныя удовольствія, какія играютъ такую значительную роль въ жизни арестантовъ, въ поддержаніи ихъ энергіи и жизнеспособности. Тамъ, гдѣ можно собирать милостыню, подаяніе является самымъ главнымъ и самымъ крупнымъ источникомъ артельнаго дохода. Часть его раздѣляется поровну между всѣми членами артели, часть поступаетъ къ старостѣ въ качествѣ общаго запаснаго капитала. Другимъ исконно установившимся способомъ пополненія этого капитала есть продажа съ торговъ „майдана“, то есть права торговли въ розницу внутри тюрьмы или вѣрнѣе въ каждой отдѣльной ея камерѣ, гдѣ помѣщается артель. „Майданщикъ“ уплачиваетъ артели, смотря по обилію обращающихся въ тюрьмѣ денегъ, отъ 15—20 до 50 даже 100 руб. деньгами и пріобрѣтаетъ исключительное право на продажу съѣстного, платья, иголокъ, нитокъ, бумаги, конвертовъ, обуви, спичекъ, свѣчей, табаку, водки, картъ и прочаго. Ему же идетъ доля съ каждаго выигрыша. Деньги въ тюрьму попадаютъ разными путями; можно затруднить ихъ притокъ, но устранить его совершенно нѣтъ возможности. Ихъ тайно проносятъ, получаютъ черезъ тюремную стражу за разныя услуги, за подѣлки, за краденое золото и серебро и т. проч., наконецъ, за продажу и безъ того скуднаго тюремнаго продовольствія. Арестантъ пойдетъ на все и готовъ многимъ поступиться изъ самыхъ необходимыхъ удобствъ лишь бы добыть денегъ. Кто присматривался къ порядкамъ русскихъ тюремъ, тотъ пойметъ это страстное стремленіе. Необходимость добывать деньги и льготы путемъ насилія, обмана или крайняго униженія дѣйствуетъ весьма развращающимъ образомъ на арестантовъ, а распутство лихоимство и подкупность окружающихъ

*) Въ каторжныхъ тюрьмахъ доносы на товарищей чрезвычайно рѣдки. На Сахалинѣ—по словамъ Н. Новомберскаго—каторжные никогда не укажутъ на провинившагося даже противъ нихъ товарища.

большихъ и маленькихъ властей довершаютъ дѣло нравственнаго паденія арестантовъ. Даже относительно спокойные и честные люди, случайные преступники, нарушившіе законъ подъ вліяніемъ аффекта или крайней нужды, выходятъ обыкновенно изъ тюрьмы много хуже, чѣмъ попали туда. Люди же слабые, заражаясь отъ прирожденныхъ преступниковъ психическими уголовными недугами, превращаются нерѣдко въ настоящихъ злодѣевъ. Злоба, какъ результатъ жестокосерднаго обращенія, глубоко въѣлся въ ихъ слабыя души. Преклоненіе передъ силой и деньгами упрочилось. Отверженность объединила весь тюремный міръ и противупоставила его всей остальной общественности. У преступника явилось теперь свое общество, свои обычаи, свое міросозерцаніе, свои добродѣтели и свои пороки, словомъ свой отдѣльный міръ, который онъ единственно признаетъ и къ которому его влечетъ...

Такъ подготовленнаго человѣка, по прошествіи „этапнаго обученія“ и каторжнаго „университета“, какъ насмѣшливо выражаются арестанты—законъ поселяетъ вдругъ среди совершенно чуждыхъ ему людей.

Каторжныхъ по окончаніи срока работъ раньше оставляли на поселеніи въ Забайкальской Области, теперь по большей части ихъ ссылаютъ въ отдаленнѣйшіе округа Иркутской, Енисейской гг. и Якутской Области. Отправляютъ ихъ туда по этапу, главнымъ образомъ, весною и лѣтомъ, по рѣкамъ на грубо сколоченныхъ баржахъ, называемыхъ паузками.

Приходятъ на мѣста поселенцы, какъ отбывшіе каторгу, такъ и сосланные прямо изъ Россіи на поселенье—истомленные, обносившіеся и за рѣдкимъ исключеніемъ безъ гроша денегъ. Содержаніе ихъ и устройство тяжелымъ бременемъ ложится на крестьянскія или инородческія общества, къ которымъ ихъ причислили.

Но и положеніе ссыльнаго не менѣе тяжелое. Имъ полагается земельный надѣлъ. Болѣе смѣлые требуютъ его у сельскихъ обществъ а также вспомоществованія на основаніи того, что имъ „ѣсть печего“. Въ русскихъ селахъ на это не обращаютъ вниманія, и самое большее выдаютъ имъ немедленно отъ 3 до 5 руб. и билетъ на право отлучки для заработка. Въ инородческихъ улусахъ, гдѣ ссыльные представляютъ господствующую націю, съ ними больше церемонятся. Имъ назначаютъ содержаніе, иногда довольно значительное *), смотря по энергіи и опасности сосланнаго пре-

*) Въ Якутскомъ округѣ даютъ обыкновенно на душу: 2 пуда мяса, (цѣна отъ 3 до 5 руб.), 1 пудъ муки (отъ 1 до 3 руб.), 4 пуда тару (кислаго молока) (80 коп.), 1 безмѣнъ топленаго масла ($2^1/_2$ фунта отъ 50 до 75 коп.) = отъ 5 р. 30 к. до 9 р. 55 к. на душу ежемѣсячно.

ступника, по его умѣнію застращать инородцевъ. Есть такіе молодцы, что не только умѣютъ получить полный земельный надѣлъ (15 десятинъ—10 десятинъ пашни, 3 десятины сѣнокоса, 1/4 дес. усадебной и 1 3/4 лѣсу годнаго для расчистокъ, такъ какъ другой лѣсъ въ Якутской Области не цѣнится), но продолжаютъ получать прежнее вспомоществованіе. Это по большей части семейные поселенцы, бывалые и бойкіе; содержаніе всей семьи иногда обходится улусу до 20 руб. въ мѣсяцъ. Поселенецъ такой живетъ настоящимъ „бариномъ“ на взглядъ содержащей его инородческой, вѣчно голодной нищеты. Онъ мало работаетъ и требуетъ себѣ почета отъ людей, насчетъ которыхъ кормится. Жилище его дѣлается обыкновенно игорнымъ домомъ и притономъ бродячихъ и мѣстныхъ преступныхъ элементовъ. Въ этихъ притонахъ образуются шайки конокрадовъ и дорожныхъ грабителей, держащихъ въ ужасѣ иногда весь округъ. Якуты боятся и ненавидятъ „посельщиковъ“, сознаютъ вредное ихъ вліяніе на своихъ сородичей, у которыхъ послѣдніе учатся организованному воровству и разбоямъ. Изрѣдка доведенные до отчаянія инородцы жестоко мстятъ мучителямъ.

При мнѣ въ 1886 г. въ Мегенскомъ улусѣ Якутскаго Округа была перебита якутами вся семья воровъ, татаръ, состоящая изъ четырехъ человѣкъ взрослыхъ и трехъ дѣтей. Домъ, въ которомъ они жили, былъ затѣмъ подожженъ, чтобы скрыть слѣды преступленія; но слѣдствіе обнаружило его. Оно длилось годы и превратилось въ золотой рудникъ для мѣстной полиціи, исполняющей роль судебнаго слѣдователя.

Горе каторжному волку, которому какъ-нибудь повернется нога. Въ Верхоянскѣ тронуло параличемъ молодого ссыльнаго бродягу, грозу якутовъ. Онъ не могъ двигать ни рукой ни ногой и когда его умирающаго и исхудалаго, какъ кощей, привезли въ больницу, то онъ разсказывалъ, плача какъ ребенокъ, что инородцы его били по лицу, морили голодомъ и издѣвались надъ нимъ. Они возвращали ему то, что сами недавно получали отъ него. Отношенія создаются прямо ужасныя. Поселенцы, сосланные въ дальніе улусы, осужденные, такимъ образомъ, на молчаливую жизнь среди иноязычнаго населенія, обреченные на полную бездѣятельность, ввиду незнанія рыболовнаго и звѣринаго промысла и отсутствія всякой другой работы, окруженные вѣчнымъ страхомъ и ненавистью туземцевъ,—они часто совершаютъ безсмысленныя и звѣрскія преступленія, лишь бы попасть опять въ знакомую имъ острожную среду, которая въ этихъ условіяхъ кажется имъ раемъ

Въ 1884 году по дорогѣ изъ Средне-Колымска я встрѣтилъ 80-лѣтняго, совсѣмъ дряхлаго старика, который буквально з а к л е-

валъ топоромъ такого же какъ онъ самъ слабосильнаго нищаго якута „ради острожныхъ калачей", какъ говорятъ арестанты. „Мнѣ бы въ богадѣльню, да въ богадѣльню не берутъ... просился... полно говорятъ"!.. объяснялъ онъ мнѣ. Нужна дѣйствительно сатанинская злобность или звѣриное равнодушіе къ человѣческому страданію, чтобы создавать и поддерживать подобныя положенія!

Въ мѣстностяхъ, густо населенныхъ, съ русскимъ населеніемъ, подобныя драмы не разыгрываются. Поселенцы въ одиночку много смирнѣе. Зато тамъ гдѣ ихъ скопливается много, въ городахъ и крупныхъ селеніяхъ, они организуютъ шайки и отравляютъ преступнымъ ядомъ окружающее населеніе. Ни одинъ крупный грабежъ, убійство, воровство въ Сибири не обходится безъ переселенческой закваски. Ссыльные являются начальниками, организаторами и учителями всякаго рода татей. А тѣ поселенцы, которые пріобрѣли осѣдлость или занялись ремесломъ, торговлей, извозомъ, являются всегда почти пособниками, укрывателями, притонщиками и покупщиками краденнаго.

Да иначе и быть не можетъ. Крѣпко привитая въ острогѣ арестантская мораль, обязываетъ ихъ покрывать товарища, дать ему пріютъ, помочь въ бѣдѣ деньгами, пищей, указаніями. Иначе ему самому угрожаетъ опасность быть убитымъ или спаленнымъ ими. Трудное экономическое положеніе новоселовъ изъ поселенцевъ часто толкаетъ ихъ принять участіе въ дѣлежѣ награбленнаго даже при отсутствіи природныхъ хищническихъ инстинктовъ *)...

А дальше петля затягивается все туже!

Максимовъ, Ядринцевъ — каждый независимый изслѣдователь Сибири, каждый номеръ мѣстныхъ газетъ, приводятъ длинные списки преступленій бродягъ и ссыльныхъ въ прошломъ и настоящемъ. Сѣшу подтвердить тоже самое. Большинство преступленій раскрытыхъ въ мое время въ Якутской Области совершено уголовными ссыльными.

Они организовали тамъ великолѣпно конокрадство, ради чего постарались занять всѣ перевозы на рѣкахъ, непосредственно беря

---

*) См. о преступности ссыльныхъ у Ядринцева „Сибирь какъ колонія" стр. 264—288. Ссыльнымъ полагается небольшое вспомоществованіе отъ правительства, въ случаѣ, если они обзаводятся домосѣдлостью. Но такое вспомоществованіе получаютъ они чрезвычайно рѣдко и никогда почти въ полномъ размѣрѣ. Итакъ было всегда (см. Максимовъ, ibid. 116). Громадный поселенческій капиталъ находится въ безконтрольномъ чиновничьемъ распоряженіи. Поселенцы объ этомъ знаютъ, что понятно, не дѣлаетъ ихъ нравственнѣе. Ко всякимъ поученіямъ начальствъ насчетъ трудолюбія, честности и трезвости, они относятся насмѣшливо, поговаривая: „а наши-то денежки улыбаются"!..

ихъ въ откупъ у инородцевъ или черезъ „своихъ“ якутовъ. Они организовали при соучастіи подгородныхъ якутовъ, почные разбои подъ Якутскомъ, державшіе въ страхѣ весь городъ. Бѣжавшій изъ тюрьмы ссыльный татаринъ грабилъ явно на дорогѣ и убилъ днемъ сторожа въ домѣ купца Соловьева. Главный штатъ „спиртоносовъ“ (торговцевъ контрабандным спиртомъ и краденным золотомъ) состоитъ по общему признанію изъ поселенцевъ. Витимъ и Мача полны притоновъ, гдѣ гнѣздятся, главнымъ образомъ, бродяги и ссыльные. Я случайно попалъ въ такой притонъ, провелъ въ немъ сутки и лично въ этомъ убѣдился. Существуютъ спеціально сибирскія формы разбоевъ. Въ Иркутскѣ въ 1894 году гуляла въ сумерки по улицамъ „кошевка“—сибирскія просторныя сани, запряженныя тройкой бойкихъ лошадей. Сидѣвшіе въ пей молодцы, мчались съ пѣснями по улицамъ, хватали на арканъ прохожихъ, увозили и обирали ихъ. Такъ была увезена, раздѣта до гола, изпасилована и брошена за городомъ въ снѣгъ дѣвушка. Не помогали ни усиленные патрули, ни казачьи разъѣзды. Разбойники какъ-то узнавали о ихъ появленіи и пути слѣдованія и грабили стороной, часто въ сосѣдней улицѣ. Разъѣзды „кошевки“ прекратились только послѣ раскрытія и ареста шайки поселенцевъ, скрывавшейся въ старомъ, нежиломъ домѣ на главной улицѣ недалеко генералъ-губернаторскаго дворца. Открыты они были не полиціей а случайнымъ прохожимъ, замѣтившимъ въ домѣ поздно ночью огонекъ. Въ то же приблизительно время такая же „кошевка“ пошаливала въ Томскѣ, появилась на нѣкоторое время въ Красноярскѣ... О такой же „кошевкѣ“, въ Ишимѣ въ 1875 г. пишетъ Н. Ядринцевъ и о такомъ же насиліи надъ дѣвушкой. Это излюбленный способъ „срѣзчиковъ чаю“, среди которыхъ тоже видную роль играютъ ссыльные. Въ „Восточномъ Обозрѣніи“ въ № 38, 1891 года помѣщено описаніе казни бѣгло-каторжнаго Алексѣева за цѣлый рядъ убійствъ и грабежей въ Иркутскѣ и въ окрестностяхъ съ шайкой подобранныхъ товарищей. Такая же шайка оперировала въ томъ же Иркутскѣ два года спустя, и во главѣ ея опять стоялъ поселенецъ Червинскій, повѣшенный въ 1893 году... И такъ можно бы продолжать до безкопечности... Смертныя казни, конечно, не помогали. Когда я въ 1903 году проѣзжалъ черезъ Иркутскъ въ Японію, я нашелъ тѣ же знакомыя картины осаднаго положенія жителей—особенно по вечерамъ и на окраинахъ города—шайками хулигановъ. Когда пришлось мнѣ съѣздить ночью въ слободку, населенную поселенцами, меня чуть не убили: я попалъ невзначай на поворотѣ улицы подъ перекрестный огонь двухъ перестрѣли-

вавшихся компаній. Жалобы на грабежи товаровъ на Сибирской желѣзной дорогѣ не прекращаются *).

Полиція безсильна да и въ самой полиціи часто служатъ ссыльные,—писаря и городовые, фискалы и сыщики, черезъ которыхъ блюстители порядка приходятъ въ постоянное общеніе съ его первыми врагами. И вотъ результаты: убійства и грабежи въ Сибири идутъ впереди другихъ преступленій. Сибирь по личной и имущественной безопасности стоитъ на одномъ уровнѣ съ глухими окраинами Китая и Кореи. По дорогамъ ея, особенно у въѣзда въ большіе города виднѣется множество крестовъ на могилахъ убитыхъ и ограбленныхъ въ пути. Хроники мѣстныхъ органовъ переполнены извѣстіями о всевозможныхъ преступленіяхъ. Волостныя правленія завалены дѣлами о ссыльныхъ, жалобами на ихъ обманы, вымогательства, мошенничества. Растлѣнія и насилія бродягъ надъ женщинами дѣло обычное... Во всѣхъ безъ исключенія крупныхъ преступленіяхъ, если не непосредственно, то косвенно является ссыльный вдохновителемъ, учителемъ а еще чаще исполнителемъ злодѣянія.

И такъ было искони, достаточно просмотрѣть исторію сибирской уголовщины, начиная отъ разбойничьихъ рѣчныхъ ватагъ XVII столѣтія и кончая современными фабриками фальшивыхъ кредитокъ. Гдѣ основывались и скапливались поселенцы, тамъ порокъ и злодѣяніе свивали себѣ прочное гнѣздо **)...

Понятно почему туземцы,—инородцы и русскіе сибиряки,—такъ подозрительно и враждебно относятся къ попыткамъ ссыльныхъ основаться, устроиться; почему препятствуютъ имъ въ этомъ. Болѣе удобнымъ для себя они находятъ тотъ же пріемъ по отношенію къ носителямъ преступныхъ склонностей, какой практикуетъ власть въ Европейсткой Россіи: возможно быстрое удаленіе ихъ прочь изъ своей среды!—Имъ даютъ немного денегъ и гонятъ вонъ ***)...

Это несомнѣнно способствуетъ развитію бродяжества.

*) На линіи Сиб. жел. дор. накапливается громадное количество ссыльныхъ, ихъ не селятъ въ пятидесяти-верстномъ поясѣ сибирской магистрали но они приходятъ туда по билетамъ. Большая часть служащихъ особенно низшихъ чернорабочихъ поселенцы. Неудивительно, что теряются цѣлые вагоны товаровъ, что спать въ отдѣльныхъ купэ никто въ Сибири не рѣшается.

**) Я видѣлъ въ Восточной Сибири цѣлые поселенческіе поселки обезлюдѣвшіе вслѣдствіе высылки жителей Генер.-губер. Синельниковымъ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири за разбои.

***) Инородцы болѣе смирные и напуганные даютъ иногда откупные поселенцамъ 50—80 руб. Низшее извѣстное мнѣ вознагражденіе за уходъ въ Якутской области равнялось 10 руб.—Многіе поселенцы возвращаются черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и требуютъ новой получки, хотя клятвенно увѣряли въ своемъ безвозвратномъ уходѣ...

Бродяжество — бичъ Сибири и стоитъ населенію громадныхъ денегъ, такъ какъ послѣднее, изъ опасенія поджоговъ и разбоевъ, принуждено прокармливать 40.000 армію бродягъ *) подаяніемъ. Одинъ Томскъ по вычисленію „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ (1870 г. № 2) уплачиваетъ нищимъ попрашайкамъ 8.000 руб. милостыни. Въ той же мѣрѣ оплачиваютъ и другіе города и вся Сибирь по Ядринцеву (ibid стр. 293) уплачиваетъ бродягамъ 2.960.000 руб. ежегодно. Къ тому же уѣздные города содержатъ на свой счетъ городскія тюрьмы, гдѣ зимою отдыхаетъ большинство бродягъ, а губернскіе города содержатъ ихъ пополамъ съ казной.

Бродяжество въ Россіи явленіе бытовое, сложившееся исторически, но въ Сибири оно питается, главнымъ образомъ, ссылкой. Изъ общаго—числа ссыльныхъ едва треть остается на мѣстѣ приписки: остальные уходятъ въ безъизвѣстную отлучку и уже не возвращаются **). Да и иначе быть не можетъ, такъ какъ среди ссыльныхъ 42,4% дряхлыхъ ***), неспособныхъ къ труду, которымъ остается только побираться. Самый трудъ ссыльныхъ оплачивается въ Сибири крайне низко, такъ такъ они принимаются за него неохотно временно и скоро бросаютъ. Укрывающіеся преступники, набѣдокурившіе бродяги, а также люди, связанные семействомъ, или настолько робкіе и малоспособные, что не умѣютъ постоять за себя, принимаются по неволѣ за работу, но не вырабатываютъ требуемаго обычаемъ количества, не въ силахъ выработать его. Этимъ общераспространеннымъ мнѣніемъ пользуются работодатели и даютъ имъ въ половину меньше, чѣмъ хорошему „вольному“, туземному работнику ****), да къ тому же стараются закабалить ихъ, спаивая и суля въ долгъ ненужный хламъ. Такимъ образомъ все толкаетъ ссыльнаго къ бродяжеству и преступленію, а очень мало удерживаетъ его отъ нихъ. Тюрьму онъ знаетъ и не только не боится ея, а часто голодный и обиженный мечтаетъ о ней. Семьей онъ обзаводится рѣдко, такъ какъ сибиряки неохотно отдаютъ своихъ дочерей за „варнаковъ“, а процентъ ссыльныхъ женщинъ чрезвычайно малъ *****)...

---

*) По Анучину за 20 лѣтъ сослано было въ Сибирь 48.556 бродягъ, что составляетъ 2/3 всего числа ссылаемыхъ.

**) смот. Ядринцевъ, ibid. стр. 249—255.

***) Ядринцевъ. ibid., стр. 252.

****) Хорошій работникъ Иркутской губ. получаетъ 70—80 руб., да еще обувь и верхнюю одежду; поселенцу даютъ 30—40 руб. безъ платья. Поденщикъ можетъ выработать въ селеніяхъ не болѣе 50 руб. въ годъ. Имъ платили по 5 коп. съ овина за молотьбу зимою, другія работы въ томъ же масштабѣ. Въ сторонѣ отъ желѣзной дороги цѣны эти держатся и теперь.

*****) Чтобы пріохотить къ этому сибирскихъ крестьянъ, правительство обѣщало въ 1831 г. выдавать 150 руб. каждому, выдавшему свою дочь или племян-

Вотъ во что превратились на сибирскомъ опытѣ красивыя разсужденія о „духовномъ возрожденіи преступника на лонѣ природы и въ новой средѣ“. А нельзя сказать, чтобы высшія власти не стремились „сочетать задачи уголовнаго правосудія съ государственною необходимостью заселенія края *)“.—Нѣтъ, это дѣйствительно имѣлось въ виду и предписывалось многократно. Уже Любичъ-Хоецкій разсказываетъ, что приказано было сдать военноплѣнныхъ конфедератовъ въ рабочіе крестьянамъ Восточной Сибири. Но конфедераты не хотѣли работать, грубили хозяевамъ и тѣ стали упрашивать, чтобы военноплѣнныхъ у нихъ взяли. Конфедератовъ перевели въ города, гдѣ они нашли для себя болѣе подходящее занятіе, или надѣлили ихъ самостоятельно землями. Уголовные же поселенцы того времени просто бѣжали, собирались на Ленѣ и Енисеѣ въ большія ватаги и ѣздили на лодкахъ грабить селенія, купеческіе караваны, даже государевы обозы съ казной и ясакомъ **).

Въ 1799 г. было приступлено къ заселенію Забайкалія; для ссыльныхъ велѣно было построить казенные дома, сдѣлать для нихъ запасы хлѣба на $^1/_2$ года, снабдить ихъ скотомъ, сѣменами и земледѣльческими орудіями. Тѣ же мѣры были приняты въ 1806 г. при устройствѣ ссыльно-поселенцевъ въ Нижнеудинскомъ округѣ. Съ 1829 по 1835 г. устраивались поселенія въ Енисейской губерніи. Устройство 25 деревень на 5.955 ссыльныхъ обошлось казнѣ 270.000 руб., но „посельщики, едва водворенные, оставили, по большей части, свои дома и устремились къ глупой волѣ, бродяжничеству и преступленіямъ“ ***). Всего въ Енисейской губерніи на эту затѣю затрачено было полмилліона рублей. Въ 1889 г. были заведены поселки изъ административно-ссыльныхъ въ Тарскомъ уѣздѣ Тобольской губ. и по свѣдѣніямъ съ 1889 по 1898 г. оказалось, что изъ 1.378 чел. 89,6% ушли немедленно по водво-

---

ницу за поселенца, а въ 1840 г. предписано было выдавать 50 руб. приданаго всякой сибирячкѣ, рѣшившійся на бракъ съ ссыльнымъ, но и это не помогало Охотницъ находилось мало, хотя ея мужу тоже выдавались деньги въ пособіе: 15 руб. безвозвратно и 15 руб. въ долгосрочную ссуду. Въ XVII столѣтіи пашеннымъ крестьянамъ просто приказывали выдавать своихъ дочерей замужъ за ссыльныхъ, что являлось какъ бы своеобразной натуральной повинностью. Указомъ отъ 11 февраля 1825 года повелѣвается съ этой цѣлью мѣстнымъ властямъ покупать дѣтей женскаго пола у инородцевъ.

*) Саломонъ, „Островъ Сахалинъ“ Тюремный Вѣстникъ, 1901 г., № 1, стр. 20—21.

**) См. Максимовъ, ibid., стр. 105.

***) Максимовъ ibid. стр. 106.

реніи *). Но самый яркій примѣръ русскихъ колонизаціонныхъ неудачъ съ карательно-исправительными цѣлями даетъ, несомнѣнно, Сахалинъ, обширнѣйшій островъ, съ суровымъ, но здоровымъ климатомъ, отвѣчающимъ средней полосѣ Сибири; достаточно обособленный, но не уединенный; содержащій въ своихъ нѣдрахъ громаднѣйшія ископаемыя богатства: прекрасный уголь, нефть, желѣзо... островъ, покрытый роскошнѣйшими лѣсами; съ плодородной почвой вполнѣ годной въ долинахъ рѣкъ для хлѣбопашества островъ, гдѣ на югѣ зрѣетъ дикій виноградъ, грецкій орѣхъ и доспѣваетъ рисъ; островъ, къ берегамъ котораго дважды въ году приплываютъ несмѣтныя стаи сельдей, гдѣ рѣчки лѣтомъ выполняются лососиными отборныхъ сортовъ, гдѣ лобится треска, гдѣ съ сѣвера подходятъ моржи и тюлени, гдѣ въ урманахъ водятся разнообразные пушные звѣри, включая соболя и медвѣдя, гдѣ въ перелетъ садятся тучи птицъ—вотъ такой островъ былъ отданъ въ полное распоряженіе Главнаго Тюремнаго Комитета... Сторонниками уголовной колонизаціи острова въ продолженіе 20 лѣтъ затрачено было на это дѣло слишнимъ 20.000.000 руб.; вольное и невольное населеніе острова было доведено почти до 30.000 душъ (въ томъ числѣ 17.000 ссыльныхъ); основано было до 100 поселковъ, селеній и постовъ; устроено было больше 5.000 самостоятельныхъ хозяйствъ **)... И вотъ пришла война, пришла возможность ухода съ острова и количество жителей въ русской части Сахалина упало до 3.000 ч. (главнымъ образомъ солдатъ и служащихъ), а въ японской части русскихъ не осталось совсѣмъ... Все исчезло точно злой, мрачный сонъ, разсѣянный вѣтромъ... Остались только въ воспоминаніяхъ: кровавая опорская легенда, опыты людоѣдства, память самаго безстѣнчиваго казнокрадства и чиновничаго произвола ***); примѣры небывалаго обирательства безправныхъ ссыльныхъ, изувѣрское рабство женщинъ, отдаваемыхъ по усмотрѣнію начальства въ „сожительницы", и слѣдующая характеристика общественности, написанная знатокомъ сахалинской жизни: „На Сахалинѣ спокойно спятъ только живущіе въ тюрьмахъ, остальное населеніе каждую

*) „Къ закону объ отмѣнѣ ссылки". „Тюремный Вѣстникъ" 1900 № 6—7, стр. 356—357, цитировано по Н. Новембергскому „Островъ Сахалинъ" С.-Петербургъ. 1903 г. стр. 160.

**) Впрочемъ какъ хозяйства, такъ и эти селенія показались мнѣ въ 1903 г., когда я посѣтилъ Сахалинъ, крайне жалкими; дома въ большинствѣ—убогія лачуги; земли воздѣланы крайне небрежно и неумѣло; дороги и мосты въ сквернѣйшемъ состояніи, въ Александровскомъ посту—столицѣ острова—грязь, зловоніе, отсутствіе элементарныхъ культур. условій.

***) „Тюремный Вѣстникъ" 1901 г., №—1, стр. 32—24 и слѣдующіе.

минуту боится за жизнь"... „Работать не къ чему,—говорятъ на Сахалинѣ даже трудолюбивые крестьяне, все равно сожгутъ, если не убьютъ. И это вѣрно: населеніе никогда не перестаетъ себя чувствовать словно на кратерѣ вулкана" *)!

Не лучше представляются и общіе итоги всей сибирской уголовной ссылки. Милліонъ преступниковъ, сосланныхъ правительствомъ за 300 лѣтъ владѣнія Сибирью, стоившій Россіи до милліарда рублей **), не увеличилъ не то что благосостоянія, но даже населенія Сибири. Уже Сперанскій замѣчаетъ въ своихъ письмахъ, что ссылки уголовной въ странѣ не замѣтно, что она теряется совершенно въ громадной волнѣ вольной колонизаціи. Хилые, истощенные, часто прямо по годамъ своимъ (средній возрастъ ссылаемыхъ 40 лѣтъ), по болѣзнямъ неспособные къ семейной жизни и дѣторожденію, они даже въ случаѣ, если осповывались на землѣ или пристроивались въ городахъ, быстро вымирали, оставляя единственный слѣдъ въ порчѣ нравовъ, въ болѣзняхъ населенія, и въ задержкѣ развитія общественности ***). Въ Россіи

*) Н. Новембергскій, „Островъ Сахалинъ" 1903 г. С.-Петербургъ, стр. 99 и 123.

**) По расчету Ядринцева (ibid. стр. 292) пересылка одного арестанта обходилась казнѣ, включая въ счетъ и содержаніе 14.867 конвойныхъ солдатъ, постройку и ремонтъ тюремъ, этаповъ, полуэтаповъ, баржъ...—800 руб. на душу. Содержаніе же въ тюрьмѣ арестанта обходится вмѣстѣ съ одеждой 74 рубля. Опираясь на эти цифры, принимая во вниманіе, что $^3/_4$ ссыльныхъ не обзаводится осѣдлостью и хозяйствомъ, что ихъ приходится такъ или иначе содержать обществу („чего не дадутъ, то они своруютъ"); полагая, что содержаніе это не можетъ сильно разниться отъ арестантскаго, и допуская, что средняя продолжительность жизни ссыльнаго равняется въ Сибири 5 годамъ, получимъ круглымъ счетомъ милліардъ рублей. На дѣлѣ несомнѣнно больше, не считая убытковъ отъ поджоговъ и преступленій, совершаемыхъ ссыльными отъ бугорчатки, сифилиса и другихъ болѣзней, широко разносимыхъ поселенцами.

***) Особенно сильно развращаются лица, непосредственно соприкасающіяся съ ссылкой, съ людьми лишенными правъ, какъ: полиція, судебныя власти, волостные старшины и писаря; затѣмъ конвойная стража; солдаты по своей бѣдности (3 руб. въ годъ жалованіе), по тяжести службы (отвѣтственность за побѣги), по нищенскому содержанію не далеко отстоятъ отъ тѣхъ арестантовъ, которыхъ караулятъ. Постоянное общеніе съ ними дѣлаетъ ихъ такими же уголовными по взглядамъ и жестокимъ привычкамъ, какъ осужденные каторжники. „Каторжные не тѣ, что въ острогѣ, а тѣ, что кругомъ стоятъ" говоритъ до нѣкоторой степени справедливо арестантская поговорка. Я знаю нѣсколько случаевъ насилія солдатъ надъ политическими женщинами. Съ уголовными они совершенно не церемонятся. Обманъ, воровство среди этапныхъ солдатъ обычное дѣло. Они часто учиняли грабежи совмѣстно съ арестантами. Знаю такой случай, когда конвойные, провожавшіе партію безъ офицера, поссорились съ арестантами при картежной игрѣ, за-

ссыльная практика прежде всего задержала благоустройство и развитіе тюремныхъ и судебныхъ институтовъ.

Положительные результаты дала исключительно политическая ссылка: стрѣльцы и старовѣры укрѣпили и поставили на широкую ногу слабое еще въ то время земледѣліе, устроили мѣстное самоуправленіе; поляки XVII и XVIII столѣтій по свидѣтельству Палласа ввели усовершенствованныя земледѣльческія орудія и прочно поставили хлѣбопашество по Ленѣ и Енисею, гдѣ въ немъ еще въ то время сомнѣвались. Декабристы разлили широко просвѣщеніе; разбудили интересъ къ наукамъ и искусствамъ. Поляки, ссыльные XIX столѣтія, принесли въ Сибирь начало многихъ ремеселъ и рукодѣлій; основывали заводы, строили дороги; распространили и прочно поставили воздѣлку и потребленіе огородныхъ овощей, завели пчеловодство; широко способствовали распространенію грамотности, какъ учителя; смягчили многіе обычаи; дали начало сибирской живописи и музыкѣ, обучивши имъ многихъ сибиряковъ... Наконецъ, послѣдняя современная ссылка разнесла широко по Сибири современныя демократическія идеи, чего результаты несомнѣнно скажутся современемъ... Но съ точки зрѣнія всего человѣчества, съ точки зрѣнія сбереженія человѣческой энергіи и страданій, политическая ссылка оплачивается такой дорогой цѣной, что положительные ея результаты несомнѣнно ниже причиненныхъ ей же убытковъ. Америка при вольной колонизаціи безъ политической ссылки достигла куда высшихъ результатовъ, чѣмъ Сибирь при участіи послѣдней.

Вредъ ссылки въ Сибири давно признанъ, не только мѣстнымъ населеніемъ, которое не уставало въ жалобахъ и ходатайствахъ, но и сибирской администраціей. Уже въ 30-хъ годахъ минувшаго столѣтія раздавались оффиціальныя сѣтованія на непригодность уголовныхъ для заселенія края, на вредъ какой они причиняютъ странѣ *). Съ тѣхъ поръ жалобы эти все расли и крѣпли. Нѣтъ положительно ни одного губернаторскаго Высочайшаго доклада, гдѣ бы не говорилось объ этой язвѣ Сибирской жизни и не ходатайствовалось о прекращеніи или, по крайней мѣрѣ, ограниченіи ссылки. Сибирскія газеты, сибирскія общественныя учрежденія, сибирскіе города и деревни постоянно вопіяли въ одинъ голосъ. Въ 1873 г. комиссія статъ-секретаря Фриша а затѣмъ и Министерство Юстиціи сдѣлало настоятельное заявленіе о необходимости отказаться отъ

перли ихъ въ камерѣ и перестрѣляли... Офицеру же доложили, что былъ бунтъ. Эти солдаты затѣмъ разносятъ по всей странѣ привитый имъ преступный ядъ. Смотри о конвойныхъ солдатахъ Максимовъ ibid. 25—65.

*) А. П. Степановъ. „Енисейская Губернія" Спб. 1835 г. часть II, цитировано по Максимову ibid. стр. 105.

ссылки какъ наказанія и о замѣнѣ ея соотвѣтствующими видами срочнаго лишенія свободы. Къ тому же заключенію пришла и комиссія для тюремнаго преобразованія графа П. Соллогуба.

И несмотря на все это ссылка въ Сибирь существуетъ до сихъ поръ. Мало того: она шла какъ бы своимъ чередомъ, не сообразуясь ни съ общественнымъ мнѣніемъ, ни съ сознаніемъ и волей власть имущихъ государственныхъ людей.

Начало ея—какъ мы отмѣтили—политическая ссылка XVII столѣтія, мѣра временная и безпорядочная. Только въ половинѣ XVII столѣтія возникаетъ систематическая уголовная ссылка. Но въ продолженіе всего XVIII столѣтія она очень незначительна сравнительно съ политической. По мѣрѣ уменьшенія послѣдней паростаетъ первая. Въ 1807 году она достигаетъ 2.035 человѣкъ ежегодно. Къ тому времени уголовная ссылка окончательно сложилась, окрѣпла и вошла въ административные и судебные нравы. Въ двадцатыхъ годахъ она достигла 6.000 ежегодно. Съ 1824 по 1827 г. она вдругъ повысилась до 9 даже до 11 тысячъ въ годъ—результатъ высылки въ Сибирь всѣхъ заключенныхъ въ крѣпостяхъ Европейской Россіи а также направленіе туда бродягъ и маловажныхъ уголовныхъ преступниковъ, сдаваемыхъ въ рекруты. Затѣмъ количество ссылаемыхъ падаетъ до прежней нормы 6.000 въ годъ. Въ 30-хъ годахъ правильность наростанія нарушается высылкой нѣсколькихъ тысячъ политическихъ поляковъ. Въ 60-хъ годахъ, сверхъ обычное число уголовныхъ, выслано $18^1/_2$ тысячъ повстанцевъ-поляковъ и не меньше того русскихъ крестьянъ за аграрные безпорядки. Но въ то же время уголовная ссылка довольно правильно растетъ. Въ 1878 году она достигаетъ 17.790 ч. ежегодно и съ небольшими колебаніями удерживается на той высотѣ все слѣдующее десятилѣтіе, повышаясь только разъ въ 1883 году до 19.314 ч. Въ началѣ 90-хъ годовъ уголовная ссылка достигаетъ своего апогея—20.000 человѣкъ ежегодно. Все время болѣе половины ссылаемыхъ приходится на административныхъ и лицъ сосланныхъ по приговорамъ обществъ. Съ тѣхъ поръ ссылка въ Сибири слабѣетъ, благодаря усиленному вывозу преступниковъ на Сахалинъ, куда направляютъ бродягъ (1895 г.) и большую часть каторжныхъ окольнымъ, кругоморскимъ путемъ *).

Въ 1900 г. (законъ 12 іюня) отмѣняется административная ссылка по приговорамъ обществъ; зато вскорѣ начинаетъ быстро возрастать политическая ссылка; при Плеве она достигла 35.000 ч.,

*) На Сахалинъ сослано съ 1880 по 85—3.526 ч; съ 1885 по 90—5.244 ч съ 1890 по 95—6.862 ч.; 1895 по 1900—7.010 ч.

включая крестьянъ сосланныхъ за аграрные безпорядки. Во время войны всякая ссылка почти что прекратилась *), а въ послѣдніе годы ссылка политическая совершенно глушитъ уголовную и достигаетъ, по свѣдѣніямъ, небывалой цифры 50.000 человѣкъ **).

Повидимому явленіе это завершило свой циклъ. Народившись изъ политической ссылки въ бурную эпоху борьбы древней областной Россіи съ нарождающимся приказнымъ и централистическимъ строемъ, она растетъ и крѣпнетъ по мѣрѣ развитія бюрократическаго режима, являясь какъ бы отраженіемъ его въ сферѣ карательной и предохранительной.

Съ ростомъ сибирскаго общественнаго сознанія и поднятой имъ борьбы съ уголовной ссылкой, послѣдняя слабѣетъ и тонетъ, наконецъ, въ волнахъ политической бури настоящаго смутнаго времени.

Но она все еще жива; партіи уголовныхъ каторжныхъ и поселенцевъ все еще отправляются въ Сибирь. И даже если будутъ выстроены всѣ обѣщанныя и затѣянныя правительствомъ нынѣ тюрьмы, ссылка вернется раньше или позже, какъ единственная доступная для бюрократіи форма самозащиты. Вѣдь сократилъ же Петръ I по государственнымъ соображеніямъ уголовную ссылку въ Сибирь до минимума а между тѣмъ она вернулась при его наслѣдникахъ и разрослась!

Какъ бы ни многочисленны были тюрьмы, онѣ наполнятся. Неустойчивый въ преступномъ смыслѣ элементъ не можетъ быть ими ни исправленъ, ни устрашенъ. Онъ будетъ возрастать въ быстрой прогрессіи, скапливаться въ городахъ и угрожать государственной

---

*) Въ 1904 г. въ вѣдѣніи Тюменскаго прик. о ссыльныхъ и главнаго тюремнаго управленія поступило: каторжныхъ 833 м. и 17 ж., ссыльно-поселенцевъ (по суду) 235 м. 12 ж.; административныхъ 1 м. 1 ж.; добровольно слѣдующихъ 16 ж. и 48 дѣтей. Итого 1.163 чел. Во всѣхъ тюрьмахъ Россіи и Сибири къ 1 янв. 1904 г. состояло—100.134 чел., прибыло—645.839 чел., выбыло—665.088 чел.

**) Газеты и журналы въ концѣ 1907 года опредѣляли круглымъ счетомъ число политическихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ имперіи въ 100.000 и въ 100.000 количество сосланныхъ. Изъ нихъ въ Сибирь сослано къ первому января 1908 года по отчетамъ департамента полиціи 74.275 чел. Въ минувшемъ 1907 г. было по этимъ же отчетамъ сослано по судебнымъ приговорамъ на 35% а административнымъ порядкомъ на 68% болѣе чѣмъ за предыдущіе два года. („Русскія Вѣдомости“ 1 апр. 1908 г. № 76). Они есть, по нѣсколько десятковъ, въ самыхъ глухихъ сибирскихъ деревушкахъ и случается, что своимъ появленіемъ создаютъ искусственный голодъ, поѣдая всѣ мѣстные запасы неприготовленныхъ для такъ многочисленныхъ гостей и отрѣзанныхъ отъ міра захолустій.

и общественной безопасности *), въ такой же мѣрѣ въ какой онъ угрожалъ общественности Сибири въ качествѣ ссыльныхъ. Бюрократія не справится съ этимъ явленіемъ, она принуждена будетъ прибѣгнуть къ механическому удаленію на дальнія окраины преступныхъ элементовъ **). Ослабить ихъ, смягчить, излѣчить, путемъ цѣлесообразныхъ попеченій, развитія школъ и больницъ, организаціи общественнаго призрѣнія и всякаго рода страхованій отъ несчастій, безработицы, старости... можетъ только свободное и и самодѣятельное общество.

Съ освобожденіемъ его и умретъ ссылка.

---

*) Государственной безопасности угрожаетъ, происходящая отъ соприкосновенія съ большимъ количествомъ поднадзорныхъ, деморализація полиціи. Образуется нѣчто въ родѣ уголовно-полицейской каммеры, такъ хорошо извѣстной сибирякамъ и съ которой сравняться можетъ только уголовно-полицейская каммора Царства Польскаго, гдѣ въ городахъ тоже скапливается много „побытовыхъ"—уголовныхъ поднадзорныхъ.

**) Интересно какъ упорно бюрократія возвращается къ старымъ своимъ пріемамъ, негодность которыхъ доказана опытомъ и признана ею же самой Газеты сообщаютъ что въ послѣднее время мѣстныя власти пробуютъ возобновить „ссылку по приговорамъ обществъ" отмѣненную закономъ 12 іюня 1900 г Смотри „Русскія Вѣдомости" № 283 11 декабря 1907 статья „Въ провинціальной гущѣ". Главное тюремное управленіе обратилось къ губернаторамъ, начальникамъ областей и градоначальникамъ съ просьбой не настаивать на переводахъ содержащихся въ губернскихъ и городскихъ тюрьмахъ каторжныхъ арестантовъ въ каторжныя тюрьмы. Просьба главнаго тюремнаго управленія вызвана тѣмъ, что съ отмѣной ссылки на Сахалинъ тюремное вѣдомство лишилось около 5.000 мѣстъ для ссылки каторжныхъ. Число же арестантовъ этой категоріи увеличилось съ 2½ до 12-ти тысячъ при наличности 3.995 мѣстъ въ каторжныхъ центрахъ Сибири и 3.000 мѣстъ на постройкѣ Амурской казенной дороги. Въ цѣляхъ размѣщенія этого количества каторжныхъ главное тюремное управленіе вынуждено было назначить для отбытія каторжныхъ, приговоренныхъ въ исправительныя отдѣленія Владимірской, Смоленской, Орловской и Иркутской губерній, московскую Александровскую пересыльную тюрьму. Съ этой же цѣлью въ настоящее время для содержанія каторжныхъ строятся два барака на Нерчинской каторгѣ Забайкальской области и приспособлены зданія бывшей Шлиссельбургской крѣпости и бывшаго штурманскаго училища въ городѣ Николаевѣ Херсонской губерніи. При всемъ томъ вопросъ о размѣщеніи арестантовъ указанныхъ категорій не можетъ быть разрѣшенъ, такъ какъ всѣ мѣста заключеній крайне переполнены, и въ тюрьмахъ общаго устройства Европейской Россіи содержатся около 3.000 каторжныхъ, ожидающихъ перевода, а число приговариваемыхъ къ каторгѣ ежемѣсячно увеличивается на 250- 300 человѣкъ. Къ этому нужно прибавить, что всѣ мѣста заключенія переполнены; число арестантовъ въ нихъ въ началѣ текущаго года опредѣлялось цифрой 185 тысячъ при общемъ количествѣ 107 тысячъ мѣстъ (Корр. „Русск. Вѣд."). № 84 1908 г.

Города Сибири.

Г. Н. Потанина.

Города Сибири это—точки на общественномъ тѣлѣ Сибири, которыми оно воспринимаетъ лучи свѣта, идущіе съ Запада. Въ городахъ исключительно сосредоточены всѣ интеллигентныя силы этого края. Въ европейской Россіи города не стоятъ въ такомъ привилегированномъ положеніи относительно деревень, какъ въ Сибири. Земство въ европейской Россіи обогатило деревенскую среду интеллигенціей; оно усѣяло эту среду учителями, докторами и техниками. Въ Сибири, вслѣдствіе отсутствія земскихъ учрежденій, деревня живетъ безъ интеллигенціи. Поэтому вся умственная и культурная жизнь въ Сибири ограничивается городами, въ деревняхъ же сплошная умственная пустыня.

Самые крупные города въ Сибири Иркутскъ и Томскъ: каждый теперь насчитываетъ до 70.000 жителей. Въ теченіе прошлаго девятнадцатаго столѣтія жизнь этихъ двухъ городовъ протекала подъ столь различными условіями, что теперь они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Иркутскъ до открытія университета въ Томскѣ считался умственной столицей Сибири, тогда какъ Томскъ всегда признавался ея торговымъ центромъ.

Писатель семидесятыхъ годовъ Максимовъ дѣлилъ русскіе города на два типа, на города буржуазные и города бюрократическіе, или, какъ онъ выражался, на славянофильскомъ жаргонѣ, на „излюбленные“ и „не излюбленные“. Одни создаются торговой жизнью страны, вырастаютъ спонтанейно и процвѣтаютъ на прочномъ основаніи; другіе же насаждаются администраціей и бытіе ихъ зависитъ отъ каприза бюрократіи. Буржуазные города отличаются каменными купеческими домами съ цѣпными собаками на дворѣ, съ тяжелыми замками на амбарахъ, съ воротами, которыя запираются въ 9 часовъ вечера, съ необитаемыми комнатами, съ хозяевами, тѣснящи-

мися въ заднихъ аппартаментахъ, воздухъ которыхъ насыщенъ смѣсью запаховъ отъ лампаднаго масла и рыбнаго пирога. Жизнь такихъ городовъ не нуждалась въ умственныхъ развлеченіяхъ; она довольствовалась именинами, свадьбами, попойками, рысаками и кулачными боями. Бюрократическіе или чиновничьи города имѣютъ тщедушный видъ, иногда сплошь состоятъ изъ деревянныхъ домиковъ; но здѣсь бываютъ любительскіе спектакли, иногда даже концерты; эти города являются разсадниками модъ. Въ исключительныхъ случаяхъ оба типа сливаются въ одномъ городѣ, и тогда происходитъ взаимное вліяніе двухъ элементовъ, буржуазнаго и чиновничьяго.

Такое дѣленіе городовъ на два типа можно замѣтить и въ Сибири. Яснѣе всего это выразилось въ Тобольской губерніи, гдѣ губернскій городъ, чиновничій Тобольскъ, совсѣмъ захудалъ бы, если бы его немного не поддерживали рыбопромышленники, тогда какъ уѣздный городъ Тюмень прочно устроилъ свое существованіе, окруживъ себя заводами. Въ Тобольскѣ проявлялось хоть какое-нибудь влеченіе къ просвѣщенію и наукѣ, Тюмень довольствовалась эмпирическимъ знаніемъ, которое ей приносили мастера кожевенныхъ и другихъ заводовъ. Не было въ Сибири города, который бы такъ соотвѣтствовалъ буржуазному „излюбленному“ типу характеристики Максимова; это былъ классическій „излюбленный“ городъ. Жизнь въ Тюмени это былъ театръ Островскаго, импровизированный самою жизнью.

Почти такой же контрастъ представляли два города Енисейской губерніи: чиновный Красноярскъ и буржуазный, золотопромышленный Енисейскъ. Если взять западную половину Сибири во всемъ ея объемѣ, то изъ двухъ крупнѣйшихъ городовъ ея, Омскъ, нужно признать представителемъ бюрократическихъ городовъ, а Томскъ буржуазныхъ. И какъ нѣтъ въ Сибири города, въ которомъ сильнѣе выразился буржуазный характеръ, какъ Тюмень, такъ нѣтъ чище представителя бюрократическихъ городовъ, какъ Омскъ. Въ восточной половинѣ былъ до недавняго прошлаго одинъ крупный городъ Иркутскъ, въ которомъ счастливо соединились оба элемента—и бюрократія и буржуазія.

Хотя сибирскіе чиновники вносили въ Сибирь большею частью показную цивилизацію, но между ними попадались иногда и подлинно просвѣщенные люди, которые имѣли на мѣстное общество благотворное вліяніе, особенно въ резиденціяхъ генералъ-губернаторовъ. Въ этомъ отношеніи судьба благопріятствовала Иркутску болѣе, чѣмъ другой генералъ-губернаторской резиденціи, Омску. Иркутскъ имѣлъ двухъ выдающихся генералъ-губернаторовъ: Спе-

ранскаго и Муравьева-Амурскаго; списокъ омскихъ генералъ-губернаторовъ не можетъ представить ни одного имени въ уровень съ этими двумя иркутскими администраторами. Оба они, и Сперанскій и Муравьевъ-Амурскій, выдвигали мѣстныя силы; Сперанскій былъ связанъ личной дружбой съ тогдашнимъ инспекторомъ училищъ всей Сибири, сибирскимъ уроженцемъ, Словцовымъ; дѣятельнаго помощника по составленію сибирскихъ административныхъ проектовъ онъ нашелъ въ другомъ талантливомъ сибирякѣ Батенковѣ, извѣстномъ декабристѣ.

Муравьевъ-Амурскій уступалъ Сперанскому въ силѣ обаянія, произведеннаго на сибирское общество. Сперанскій въ своихъ взглядахъ на реформы болѣе руководился интересами общества, Муравьевъ—интересами государства. Сперанскій, по мнѣнію Муравьева, сдѣлалъ непростительное упущеніе, не поднявши во время своего управленія Сибирью вопроса о присоединеніи Амура къ Россіи и приравнивалъ это упущеніе къ государственной измѣнѣ. Подобно Сперанскому, Муравьевъ также не брезговалъ мѣстными сибирскими силами, но расположенный отдавать больше предпочтенія нуждамъ государства, чѣмъ общества, онъ оставилъ въ тѣни болѣе выдающихся сибиряковъ и выдвигалъ тѣхъ, которые по своимъ способностямъ и благодаря своей честности могли оказать ему услуги въ узко-административной сферѣ. Такъ, онъ замѣтилъ способности въ одномъ молодомъ топографѣ Вагановѣ, который выдвинулся изъ простыхъ казаковъ омской казачьей линіи, и потомъ отправленный Муравьевымъ на Амуръ, былъ убитъ тунгусами, и въ Шишмаревѣ изъ забайкальскихъ казаковъ, который впослѣдствіи былъ консуломъ въ Ургѣ. Такихъ любимцевъ Муравьевъ быстро двигалъ по службѣ и давалъ имъ пріютъ и столъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. Но начинавшіе становиться популярными въ сибирскомъ обществѣ писатели Вагинъ и Загоскинъ остались для Муравьева не замѣченными. Позднѣе графъ А. Игнатьевъ также старался пользоваться услугами сибиряковъ, какъ, напр., Загоскина и Ядринцева.

Ни одинъ городъ въ Сибири не былъ поставленъ въ такія условія, какъ Иркутскъ; ни въ Томскѣ, ни въ Омскѣ никогда не было такого хорошаго подбора чиновниковъ, какой былъ въ Иркутскѣ, благодаря его генералъ-губернаторамъ; нигдѣ мѣстное богатое купечество не подвергалось такому сильному воздѣйствію чиновничьей среды, какъ въ столицѣ Сибири; эти чиновники иногда съ университетскимъ образованіемъ, наѣзжавшіе изъ европейской Россіи, поднимали въ мѣстномъ обществѣ не только запросы внѣшней культуры, но пріучали его интересоваться и русской литературой и вопросами общественной и государственной жизни.

Другое обстоятельство, еще болѣе важное въ смыслѣ культурнаго воздѣйствія, заключалось въ интеллигентной ссылкѣ. Въ жизни Иркутска было два момента, когда онъ въ своей средѣ увидѣлъ блестящую и немалолюдную ссыльную интеллигенцію. Первый моментъ—это появленіе въ Иркутскѣ группы декабристовъ; въ Иркутскѣ поселились князья Трубецкой и Волконскій, а также Поджіо. Въ 20 верстахъ отъ Иркутска, въ селѣ Урикѣ, отбывалъ свой срокъ ссылки декабристъ Лунинъ. Кромѣ того, въ одной изъ ближайшихъ къ городу деревень проживалъ сосланный по независимому отъ декабристовъ дѣлу, но родственный имъ по духу, Раевскій, который имѣлъ значительное воспитательное значеніе для иркутскаго общества. Ссыльные князья жили въ собственныхъ домахъ; ихъ дома были самыми просвѣщенными салонами, какіе когда-либо были въ Иркутскѣ; у нихъ собирался цвѣтъ образованнаго иркутскаго общества. Въ Петербургъ посылались изъ Иркутска доносы на вредное вліяніе декабристовъ; изъ какой среды шли доносы, изъ среды ли уроженцевъ Иркутска или изъ среды пришлыхъ чиновниковъ, не извѣстно, но доносы отпугивали иркутское общество отъ посѣщенія салоновъ; чтобы устранить этотъ страхъ генералъ-губернаторъ Муравьевъ сдѣлалъ визиты сосланнымъ князьямъ, и салоны сохранили свое вліятельное положеніе. Декабристъ Поджіо давалъ уроки въ иркутскихъ семьяхъ, и изъ его учениковъ можно назвать братьевъ Бѣлоголовыхъ, Андрея и Николая, извѣстнаго доктора, друга доктора Боткина, и литераторовъ Щедрина-Салтыкова и Елисѣева.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, съ воцареніемъ Императора Александра II, декабристы получили свободу выѣзда изъ Сибири и оставили Иркутскъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ отъѣзда въ Иркутскѣ появляется не менѣе блестящая плеяда интеллигентныхъ и даже ученыхъ ссыльныхъ, состоящая изъ польскихъ повстанцевъ; тутъ были зоологъ Дыбовскій, геологи Чекановскій и Черскій, ботаникъ Ксіенжопольскій и археологъ Витковскій. Дыбовскій во время ссылки занялся промѣрами Байкала и изученіемъ фауны этого озера, особенно фауны ракообразныхъ и моллюсковъ; впослѣдствіи онъ занимался изслѣдованіями фауны въ Камчаткѣ и, наконецъ, получилъ каѳедру въ Краковѣ. Чекановскій за время своей ссылки сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ своими геологическими изслѣдованіями и путешествіями около Байкала, въ системѣ средняго теченія Енисея и на отдаленномъ сѣверѣ восточной Сибири. Черскій подробно изучилъ горы по обѣ стороны Байкала и заложилъ фундаментъ геологическаго изученія этого озера. Всѣ члены этой группы послужили украшеніемъ географическаго общества въ

Иркутскѣ, оживили его дѣятельность и своими трудами создали блестящій эпизодъ въ исторіи этого общества. Многіе сибирскіе города испытали на себѣ благотворное вліяніе интеллигентныхъ ссыльныхъ, но ни въ одномъ изъ нихъ подобное вліяніе не достигало такихъ значительныхъ размѣровъ, какъ въ Иркутскѣ. Въ особенности былъ свободенъ отъ этой просвѣтительной заразы другой генералъ-губернаторскій городъ Сибири—Омскъ.

Города восточной половины Сибири въ торговомъ отношеніи отличались отъ городовъ западной тѣмъ, что послѣдніе отвозили въ европейскую Россію громоздкіе сырые матеріалы для заводской обработки, такъ называемый жировой товаръ и другія произведенія сельской промышленности, тогда какъ города восточной половины Сибири доставляли въ европейскую Россію дорогіе и удобные для перевозки предметы: золото, мѣха и чай. Иркутскъ былъ центромъ мѣховой торговли; черезъ него тянулись чайные обозы изъ Кяхты; онъ былъ также центромъ, гдѣ жили золотопромышленники; послѣднюю роль онъ дѣлилъ съ другими городами, а именно: съ Красноярскомъ, Енисейскомъ и Томскомъ, но ни въ какомъ другомъ городѣ не жило столько и такихъ золотопромышленныхъ тузовъ, какъ въ Иркутскѣ. Купцы западной половины Сибири со своими тяжелыми и громоздкими, но дешевыми товарами, ѣздили сбывать ихъ на Ирбитскую ярмарку, гдѣ и покупали для своей половины Сибири продукты московской мануфактуры; купцы же восточной половины Сибири проѣзжали со своими легкими для провоза, но дорогими мѣхами и чаями до Нижегородской ярмарки и здѣсь закупали фабрикаты. Такимъ образомъ иркутскіе купцы имѣли случай ежегодно проѣзжать на тысячу верстъ дальше на западъ, чѣмъ купцы западныхъ сибирскихъ городовъ, и очень близко подъѣзжать къ столицамъ государства, особенно къ Москвѣ. Для усвоенія если не духовной, то, по крайней мѣрѣ, внѣшней культуры, иркутскіе отправители сибирскихъ товаровъ были поставлены выгоднѣе, чѣмъ жители западныхъ сибирскихъ городовъ.

Всѣ эти приведенныя обстоятельства содѣйствовали культурной шлифовкѣ иркутскаго купечества и имѣли своимъ результатомъ то, что ни одинъ городъ Сибири не могъ похвалиться такой блестящей, такой просвѣщенной буржуазіей, какъ Иркутскъ, прославившій себя крупными денежными пожертвованіями на общественныя учрежденія и въ нисходящихъ поколѣніяхъ давшей рядъ просвѣщенныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, литературы и общественной дѣятельности.

Ни одинъ сибирскій городъ не можетъ представить такого длиннаго списка замѣчательной буржуазіи, какъ Иркутскъ, въ которомъ находятся имена Сибиряковыхъ, Трапезниковыхъ, Баснинныхъ, Бѣ-

логоловыхъ, Пономаревыхъ. Фамилія Сибиряковыхъ, раньше другихъ выдвинувшаяся изъ рядового иркутскаго купечества, послѣ своего выступленія въ первые ряды, насчитываетъ три поколѣнія. Одинъ изъ Сибиряковыхъ старшаго поколѣнія былъ вождемъ оппозиціи противъ всесильнаго иркутскаго губернатора Трескина и велъ съ нимъ смертельную борьбу. Въ послѣднемъ своемъ поколѣніи, современномъ намъ, эта фамилія выставила трехъ братьевъ: Александра, Константина (скульптора) и Иннокентія и сестру Анну. Всѣ они стали извѣстны, какъ крупные жертвователи на общественныя цѣли. А. М. Сибиряковъ пожертвовалъ 800.000 руб. на содержаніе, въ память его покойной сестры Кладищевой, народной школы въ Иркутскѣ, которая теперь и существуетъ подъ названіемъ Кладищевской школы, 100.000 руб., на ученовспомогательныя средства для томскаго университета и 50.000 руб. для выдачи премій за лучшія сочиненія по исторіи Сибири. Кромѣ того, А. М. Сибиряковъ сдѣлалъ своей спеціальностью изученіе путей сообщенія въ Сибири; съ этою цѣлью онъ изъѣздилъ Сибирь отъ Печеры до верховьевъ Амура, принималъ участіе въ расходахъ по снаряженію экспедиціи Норденшильда и т. д. Сестра Сибиряковыхъ, А. М. Сибирякова, щедро помогала учащейся въ Петербургѣ сибирской молодежи, но особенно крупныя суммы жертвовалъ на нужды просвѣщенія младшій братъ Иннок. М. Сибиряковъ; кромѣ того, что онъ пожертвовалъ крупныя суммы 400.000 руб. на курсы Лесгафта и 400.000 на основаніе фонда, изъ котораго должны выдаваться пенсіи рабочимъ на золотыхъ пріискахъ, потерявшимъ способность работать; нѣтъ въ Сибири просвѣтительнаго предпріятія, которое обошлось бы безъ денежнаго пособія И. М. Сибирякова; на его средства сдѣланы пристройки при музеяхъ въ Иркутскѣ, Минусинскѣ и Томскѣ; при его денежной помощи строились въ Сибири школы, открывались библіотеки, издавались книги о Сибири; онъ субсидировалъ бѣдныхъ сибирскихъ литераторовъ, щедрой рукой раздавалъ стипендіи сибирякамъ студентамъ и курсисткамъ. Другая, дѣлающая честь городу Иркутску, купеческая фамилія Трапезниковы. Основатель богатства Трапезниковыхъ оставилъ въ наслѣдство своему городу на открытіе и содержаніе ремесленнаго училища капиталъ около милліона рублей; поздпѣйшій Трапезниковъ кончилъ курсъ въ медицинской школѣ въ Парижѣ и состоитъ профессоромъ въ институтѣ экспериментальной медицины въ Петербургѣ. Третій не менѣе знаменитый торговый домъ въ Иркутскѣ прежняго времени—Баснины, Трапезниковъ и Басниныъ, современники сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля, возмущенные безпредѣльнымъ произволомъ иркутскаго губернатора Трескина, составили противъ него

заговоръ и добились того, что петербургское правительство назначило ревизію сибирскаго управленія, поручивъ ее Сперанскому, ревизія котораго составила эпоху въ жизни всей Сибири. Баснины отличались своей просвѣщенностью. Библіотека Басниныхъ была извѣстна, какъ самая богатая въ Сибири въ свое время. Въ ихъ домѣ были собраны и коллекціи по естественной исторіи; первый списокъ полужесткокрылыхъ былъ составленъ энтомологомъ Ошанинымъ по коллекціи Баснина. Изъ братьевъ Бѣлоголовыхъ Андрей вмѣстѣ съ другимъ иркутскимъ купцомъ Поповымъ издавали первую частную газету въ Сибири „Амуръ"; другой братъ Николай былъ докторомъ и литераторомъ. Иркутскій купецъ Пономаревъ завѣщалъ милліонъ на нужды просвѣщенія въ городѣ и Иркутской губерніи. Завѣщаніе его представляетъ любопытный памятникъ по тѣмъ предосторожностямъ, которыя завѣщатель принимаетъ, чтобы оградить жертвуемый городу капиталъ отъ посягательства родственниковъ. Завѣщаніе Пономарева—гордость иркутской буржуазіи; ни въ какомъ другомъ городѣ въ Сибири въ средѣ буржуазіи пониманіе своего долга въ отношеніи родного города не доходитъ до той высоты, какъ въ Иркутскѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ завѣщаніе Пономарева, и ни одинъ сибирскій городъ не имѣетъ такой славной буржуазіи.

Духовные запросы въ иркутскомъ обществѣ появились ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Сибири. Уже въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Иркутскѣ былъ домъ купца Дудоровскаго, въ которомъ собирались лучшіе люди въ городѣ. Кромѣ того, въ Иркутскѣ организовался кружокъ для бесѣдъ о политикѣ и литературѣ, имѣвшій предсѣдателя. По классификаціи того времени это было, конечно, тайное общество. Такой же кружокъ организовался позднѣе въ шестидесятыхъ годахъ; предсѣдателемъ его былъ чиновникъ Юрьевъ, одно время занимавшій должность вице-губернатора, сибирякъ; секретаремъ кружка былъ Загоскинъ, впослѣдствіи редакторъ либеральной иркутской газеты „Сибирь". Кружокъ устраивалъ засѣданія, содержаніе которыхъ заносилось въ протоколы. Хотя на засѣданіяхъ обсуждались вопросы литературы и политики только въ предѣлахъ академическихъ, тѣмъ не менѣе существованіе кружка въ тѣ времена могло быть только подпольнымъ. Въ области просвѣтительныхъ предпріятій иркутское общество шло впереди другихъ сибирскихъ городскихъ обществъ. Въ Иркутскѣ появилась первая частная газета „Амуръ"; въ Иркутскѣ купцомъ Шестуновымъ была открыта первая въ Сибири публичная библіотека. Въ Иркутскѣ прежде, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ въ Сибири, появилось и стало развиваться общественное мнѣніе. Иркутская

газета „Сибирь“ сдѣлала первую попытку объединить всю Сибирь, привлекая вниманіе къ областнымъ вопросамъ. Нигдѣ въ Сибири обыватель не питаетъ такого уваженія къ мѣстной старинѣ, какъ въ Иркутскѣ; болѣе, чѣмъ какой другой горожанинъ, иркутянинъ чтитъ имена своихъ общественныхъ дѣятелей и заботится о реноме своего города. Иркутскъ первый въ Сибири пересталъ выбирать въ городскіе головы купцовъ толстосумовъ и выбралъ Сукачева, эстетика, составившаго первую картинную галлерею въ Сибири, человѣка съ университетскимъ образованіемъ. Въ хорѣ сибирскихъ городскихъ думъ, протестовавшихъ противъ ссылки въ Сибирь, голосъ Иркутской городской думы былъ всегда энергичнѣе другихъ. Иркутское общественное собравіе, самое чувствительное въ Сибири къ своему достоинству. Исторія мѣстнаго ученаго общества (Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества) есть исторія постоянной глухой борьбы съ мѣстной высшей властью за достоинство науки, исторія постепеннаго завоеванія автономіи ученаго общества и превращенія его изъ бюрократическаго придатка къ генералъ-губернаторской канцеляріи въ дѣйствительное собраніе ученыхъ, не признающее другого авторитета, кромѣ авторитета науки. Нигдѣ въ Сибири административная власть не дисциплинирована такъ чувствительнымъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ въ Иркутскѣ, по крайней мѣрѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ она не обращается съ общественнымъ мнѣніемъ съ большей осторожностью, чѣмъ здѣсь. Иркутску льстили, называя его сибирскими „Аѳинами“ и философъ-ботаникъ Коржинскій, профессоръ Томскаго университета, увидѣвъ Иркутскъ и присмотрѣвшись къ иркутскому обществу, высказывалъ мнѣніе, что открытіе университета въ Иркутскѣ, а не въ Томскѣ для сибирскаго университета было бы выгоднѣе; находясь въ Иркутскѣ, коллегія профессоровъ нашла бы скорѣе нравственную поддержку въ отзывчивомъ къ просвѣщенію и свободѣ иркутскомъ обществѣ, тогда какъ въ томской индиферентной средѣ университетская семья чувствуетъ себя сиротой.

По внѣшнему виду Иркутскъ одинъ изъ лучшихъ городовъ въ Сибири. Городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки Ангары, въ 60 вер. отъ выхода изъ озера Байкала (т.-е. въ томъ же разстояніи, какъ Петербургъ отъ выхода Невы изъ Ладожскаго оз.). Горная рѣчка Ушаковка съ прозрачной водой, струящейся по камешкамъ, бѣжитъ по сѣверной окраинѣ города и отдѣляетъ его отъ Знаменскаго предмѣстья. На южной окраинѣ города Ангара отдѣляетъ городъ отъ Глазковскаго предмѣстья. Московскій поѣздъ, слѣдуя по лѣвому берегу Ангары въ 5 верстахъ отъ города минуетъ Иннокентьевскій монастырь, гдѣ лежатъ мощи сибирскаго святого

Иннокентія, привлекающія къ себѣ паломниковъ изъ дальнихъ угловъ Сибири, потомъ переходитъ по мосту черезъ р. Иркутъ и пробѣгаетъ черезъ все Глазковское предмѣстье. Въ это время зритель изъ окна вагона видитъ, какъ на противуположномъ берегу Ангары передъ его глазами пробѣгаетъ вся линія набережной города. Городская набережная обращена лицомъ на югъ, облита свѣтомъ и потому впечатлѣніе получается такое, будто поѣздъ проходитъ подъ парадньмъ фасадомъ города, и зритель сразу получаетъ представленіе о величинѣ города. Но выгодное положеніе набережной, обращенной лицомъ на югъ, портится тѣмъ, что линія набережной образуетъ не вогнутую линію, какъ набережная въ Генуѣ, а выпуклую; поэтому набережная Ангары въ Иркутскѣ не могла сдѣлаться мѣстомъ торговой жизни и любимымъ мѣстомъ фланирующей толпы; городская набережная безлюдна и плохо отстроена. Удачнѣе выгнута линія набережной въ Глазковскомъ предмѣстьѣ; она хотя обращена на сѣверъ, но образуетъ вогнутую линію и впослѣдствіи, если бы она обстроилась богатыми каменными домами, составила бы самый красивый участокъ города, но она искалѣчена тѣмъ, что по ней проведено полотно желѣзной дороги, и все полотно набережной отошло въ полосу отчужденія.

Внутри городъ производитъ сенсацію своей магистральной улицей, которая носитъ банальное имя Большой. Она недурно отстроена, обставлена торговыми магазинами и вся сплошь состоитъ изъ каменныхъ построекъ, такъ какъ послѣ пожара 1879 года деревянныя постройки на ней запрещены, а которыя существовали до пожара, были уничтожены огнемъ. Благодаря пожару, истребившему деревянный хламъ, иркутская Большая является самой шикарной улицей въ Сибири. Двѣ, три параллельныя улицы уже далеко уступаютъ Большой; нѣсколько лучше ихъ отстроена Амурская улица, пересѣкающая Большую. Въ Большой улицѣ сконцентрированъ весь архитектурный блескъ города.

Большая улица сильно выигрываетъ отъ своей прямизны. Упираясь однимъ концомъ въ набережную Ангары, другимъ въ Ушаковку, она дѣлитъ городъ на двѣ половины; къ западу отъ Большой улицы, въ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны дугою береговъ Ангары и Ушаковки, съ другой хордой этой дуги, которую образуетъ Большая, заключается самая старая часть города. Это древній иркутскій острогъ, когда-то обнесенный деревянными стѣнами и башнями, иркутскій „Кремль“. Здѣсь самыя старыя зданія, старый соборъ, монастырь, архіерейскій домъ.

Монументальныя новыя зданія въ городѣ: новый соборъ, театръ

и музей Географическаго Общества. Театръ и музей составляютъ гордость города. Театръ, самый большой въ Сибири, построенъ на средства жертвователей, собранныя генералъ-губернаторомъ Горемыкинымъ; онъ вмѣщаетъ до тысячи зрителей, находится въ вѣдѣніи городского самоуправленія; репертуаромъ театра завѣдуетъ театральная дирекція—институтъ, какого нѣтъ ни въ какомъ другомъ городѣ Сибири. Музей построенъ по проекту архитектора барона Розена на сборы, частью собранные мѣстной администраціей, частью по иниціативѣ самихъ жертвователей. Иркутскъ выдѣляется изъ семьи сибирскихъ городовъ своими больницами; онъ имѣетъ три большихъ больницы: городскую, построенную на средства богача золотопромышленника Кузнецова, больницу для хроническихъ больныхъ - на средства Медвѣдниковыхъ и дѣтскую—на средства золотопромышленника Базанова; по величинѣ зданій, по числу кроватей и по внутренней обстановкѣ этихъ больницъ ни въ одномъ сибирскомъ городѣ ничего нѣтъ подобнаго.

Историческихъ монументовъ, за исключеніемъ деревянныхъ „Амурскихъ воротъ“, построенныхъ по случаю возвращенія въ городъ графа Муравьева послѣ Амгунскаго договора, т.-е. послѣ присоединенія Амура къ Россіи, въ городѣ нѣтъ, но собирается сборъ на постановку памятника гр. Сперанскому, а также среди бурятъ идетъ подписка на памятникъ ученому буряту Дорчжи Банзарову.

Изъ просвѣтительныхъ учрежденій самое сильное вліяніе на воспитаніе иркутскаго общества имѣли Отдѣлъ Географическаго Общества со своимъ музеемъ и театръ. Первый служилъ пропагандѣ научныхъ знаній, воспитывалъ уваженіе къ наукѣ, а также былъ единственной ареной для выраженія политическихъ симпатій и мнѣній; театръ развивалъ артистическіе вкусы въ населеніи; благодаря дирекціи, Иркутскъ имѣлъ всегда хорошій драматическій театръ съ такими исполнительницами, какъ Горева и Киселева, и ни одинъ сибирскій городъ не имѣлъ такой оперы, какъ Иркутскъ, что сдѣлало Иркутскъ самымъ музыкальнымъ городомъ въ Сибири въ смыслѣ разборчивости вкуса. Въ 1901 г. Отдѣлъ Географическаго Общества праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своего существованія; это былъ праздникъ не только ученой семьи, но всего города и даже цѣлой области. Торжественное юбилейное собраніе ученаго общества съ его гостями, съ рѣчами делегатовъ, съ чтеніемъ адресовъ и привѣтственныхъ телеграммъ, было устроено въ театрѣ. Это гостепріимство, оказанное дирекціей театра сѣятелямъ научныхъ знаній въ Сибири, эмблематизировало союзъ науки и искусства.

*

Томскъ представляетъ противоположность аристократическому Иркутску. Характеръ томской жизни плебейскій; это городъ Титъ-Титычей и задолженныхъ имъ мѣщанъ. Здѣсь не было тѣхъ благотворныхъ для перевоспитанія мѣстнаго общества условій, какія сложились для Иркутска. Списокъ томскихъ губернаторовъ состоитъ изъ самыхъ заурядныхъ именъ; въ немъ не было ни одного имени въ родѣ такихъ, напримѣръ, тобольскихъ губернаторовъ, какъ Арцимовичъ и Деспотъ-Зеновичъ. Не было и такой плеяды интеллигентныхъ ссыльныхъ, какъ въ Иркутскѣ; это особенно справедливо по отношенію къ старому времени; Томскъ видѣлъ трехъ интересныхъ ссыльныхъ: декабриста Батенкова, петрашевца Толя и М. А. Бакунина, но всѣ они имѣли въ Томскѣ кратковременное пребываніе, особенно Толь, а Бакунинъ столько же прожилъ потомъ и въ Иркутскѣ, сколько въ Томскѣ. Средства воздѣйствія на мѣстное общество въ Томскѣ были другого достоинства или другой силы, да и природа воспринимателя воздѣйствій другая. Иркутскій купецъ—поставщикъ на западъ элегантныхъ продуктовъ востока: золота, соболей, чая, томскій купецъ отправляетъ кожи, сало, шерсть, щетину. Иркутянинъ негоціантъ, томичъ прасолъ; онъ ходитъ въ фартукѣ. Негоціантъ ищетъ удовольствій въ чтеніи книгъ, въ бесѣдѣ съ учеными, въ путешествіи съ просвѣтительной цѣлью; выскочка изъ прасоловъ находитъ ихъ только въ удовлетвореніи своихъ животныхъ потребностей; первый видитъ удовольствіе въ употребленіи своихъ денежныхъ средствъ на просвѣтительное предпріятіе; выскочка изъ прасоловъ въ сжиганіи сторублевыхъ бумажекъ на свѣчкѣ. Въ томскомъ купечествѣ не образовалось такихъ традицій, которыя мы находимъ въ Иркутскѣ и которыя побуждаютъ къ большимъ пожертвованіямъ на пользу мѣстнаго населенія.

Блестящій расцвѣтъ томской золотопромышленности въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія прошелъ для города почти безслѣдно. Въ городѣ появилось нѣсколько милліонеровъ, но единственная память о ихъ существованіи осталась только въ названіи одной Милліонной улицы, да и эта память по злой ироніи судьбы или по недоразумѣнію осталась не за тѣмъ концомъ улицы, на которомъ находились ихъ дома. Всѣ эти томскіе золотопромышленные тузы тридцатыхъ годовъ—Филимоновы, Отопковы, Сосулины, Гороховы—прожгли свои капиталы на пирахъ и на безвкусныхъ затѣяхъ, тѣша только свое тщеславіе случайно разбогатѣвшихъ выскочекъ. Исключеніе составилъ одинъ только Поповъ, пожертвовавшій городу 200.000 для основанія городского банка съ тѣмъ, чтобы прибыли банка шли на женское образованіе. Позднѣйшее поколѣніе еще менѣе оставило слѣдовъ въ Томскѣ; старики, по крайней мѣрѣ, про-

живали свои капиталы если и глупо, то въ родномъ городѣ; молодое же поколѣніе прокучивало свои деньги въ Монако и другихъ подобныхъ притонахъ кутящей буржуазіи за границей.

Вслѣдствіе такой некультурности томской буржуазіи томскій списокъ пожертвованій на городскія общественныя нужды поразительно малъ сравнительно съ иркутскимъ. Одинъ капиталъ Кладищевской народной школы покроетъ всю сумму пожертвованій томскихъ купцовъ на пользу своихъ горожанъ. 200,000 Попова, положенныхъ въ основаніе городского банка, единственная крупная жертва; томскій золотопромышленникъ Цибульскій пожертвовалъ 100.000 на томскій университетъ, но это послѣднее пожертвованіе нельзя относить къ чести томской буржуазіи; Цибульскій былъ не настоящій томичъ; это былъ такой же чужестранный жертвователь въ пользу Томска, какимъ чужестранцемъ для Иркутска былъ Хаминовъ, на средства котораго основаны двѣ женскія гимназіи въ Иркутскѣ. Передъ тремя солидными больницами Иркутска томская буржуазія парадируетъ со своей миніатюрной больницей Некрасова, которая при томъ же открыта только два года назадъ. Всѣ учебныя заведенія (за исключеніемъ женской гимназіи) основаны или на счетъ казны, или на счетъ самоуправленія. Нѣтъ ни одного, которое было бы обязано своимъ существованіемъ какому-нибудь одному лицу, какъ напримѣръ школа Кладищевой или Пономаревская школа въ Иркутскѣ. Одно только коммерческое училище построено на сборы, сдѣланные томскимъ купечествомъ; только въ этомъ одномъ случаѣ это купечество проявило свою дѣятельность, но и въ этомъ случаѣ Томскъ не былъ впереди; промышленное училище въ Иркутскѣ было создано также частной агитаціей, но за тридцать лѣтъ до открытія коммерческаго въ Томскѣ. Есть въ Томскѣ ремесленное училище, устроенное на средства купца Королева, но въ параллель этому въ Иркутскѣ имѣется два ремесленныхъ училища, содержимыя на купеческія пожертвованія: одно содержится на средства Медвѣдниковскаго банка, другое на капиталъ Трапезникова. Вотъ результатъ тѣхъ условій, въ которыхъ жило томское общество до открытія университета въ 1887 г. Теперь эти условія измѣнились; въ двухъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетѣ и технологическомъ институтѣ Томскъ получилъ органы, воздѣйствіе которыхъ должно привести томское общество къ такому же духовному преображенію, какое испытало на себѣ иркутское общество. Или даже преобразованіе томскаго общества должно совершаться глубже, серьезнѣе, потому что томская коллегія профессоровъ обладаетъ болѣе могущественной силой духовнаго воздѣйствія, чѣмъ штабъ генералъ-

губернатора изъ чиновниковъ. Но воздѣйствіе томской высшей школы еще молодо, а воспринимающая среда слишкомъ заскорузла; поэтому слѣды воздѣйствія слабы, почти незамѣтны. До какой степени не вліятельна въ Томскѣ интеллигенція и до чего неподатлива еще къ духовному преображенію томская толпа, показали октябрскіе дни 1905 года; въ Иркутскѣ, гдѣ сила общественнаго мнѣнія способна принудить и высшую власть въ краѣ, и некультурные низы населенія подчиняться голосу разсудка, никогда бы не случилось того, что произошло въ Томскѣ. Удары озвѣрѣвшей томской толпы были направлены не противъ только неправильно распредѣленнаго богатства; ясно было, что руководители томскихъ вандаловъ вдохновлялись ненавистью къ просвѣщенію и наукѣ; они разграбили домъ городского головы А. И. Макушина, который въ своей муниципальной дѣятельности придерживался либеральной демократической партіи въ думѣ и старался поднять школьное дѣло въ городѣ; они разгромили общество книгопечатниковъ, растрепали и развѣяли по улицѣ библіотеку общества; они грозились разгромить технологическій институтъ и заставили всѣхъ профессоровъ бѣжать изъ зданія института.

Чтобы не оказаться несправедливымъ и не преувеличить вину томской буржуазіи, необходимо отмѣтить разницу въ эксплоатаціи природныхъ богатствъ, болѣе благопріятную для иркутянъ, чѣмъ для томичей. Мѣховая торговля, золотопромышленность, чайная торговля имѣютъ дѣло съ привиллегированными товарами, дающими большіе барыши. Эти товары давали барыши, о которыхъ томскіе торгаши хлѣбомъ и кожами не могли мечтать и доставляли иркутянамъ важныя связи въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ средѣ бюрократіи и столичной буржуазіи. Доставители товаровъ для иркутской торговли, тунгусъ-содолевщикъ, рабочій на золотыхъ пріискахъ, чайный торговецъ изъ Маймачена не пользовались защитой русскихъ законовъ въ той же степени, какъ крестьяне, поставщики на томскій рынокъ, и это давало иркутской буржуазіи возможность составлять капиталы, какіе и не снились томичамъ. Поэтому томская жизнь всегда была болѣе сѣрою, блѣдною, болѣе провинціальною, чѣмъ въ Иркутскѣ, а томичъ былъ плебеемъ сравнительно съ щеголеватымъ иркутяниномъ. Сообразно съ этимъ и томская филантропія имѣетъ мѣщанскій, грошовый характеръ. Просвѣтительныя учрежденія Томска построены на мелкіе кружечные сборы. Самый величественный памятникъ томской филантропіи—зданіе и учрежденія школьнаго общества или, какъ оно оффиціально называется, Общество попеченія о начальномъ образованіи. Зданіе общества построено на деньги, пожертвованныя томскимъ

купцомъ Валгусовымъ и И. М. Сибиряковымъ. Сумма въ 15.000 р., пожертвованная Валгусовымъ мизерна, сравнительно съ пожертвованіями, которыя отваливали на городскія нужды иркутскіе купцы. Болѣе существенное значеніе для расцвѣта дѣятельности этого общества имѣла дружная работа его почтенныхъ членовъ. Основателемъ и долгое время искуснымъ руководителемъ общества былъ томскій книгопродавецъ П. И. Макушинъ. Для объединенія томской интеллигенціи и для воспитанія гражданской солидарности это общество сыграло такую же роль, какъ для Иркутска Отдѣлъ Географическаго Общества съ его музеемъ, для Минусинска Мартьяновскій музей, для Красноярска—книжный складъ. Общество просуществовало около двадцати лѣтъ, воодушевляемое девизомъ, написаннымъ на его знамени: „Ни одного неграмотнаго“. Его праздники нерѣдко обращались въ праздники городской интеллигенціи; въ жизни общества были моменты подъема гражданскихъ чувствъ. Реакціоперы иронически называли это общество „трехрублевымъ парламентомъ“, и оно дѣйствительно было демократическимъ учрежденіемъ. Въ зрительномъ залѣ зданія общества устраивались спектакли для народа, народныя чтенія, музыкальныя утра, на рождественскихъ праздникахъ елки для городскихъ школъ, балы для рабочихъ, наконецъ лекціи для народа и одинъ годъ даже цѣлые курсы. Зданіе общества было народной аудиторіей. Общество содержало въ городѣ двѣ безплатныя библіотеки для народа. Это общество было первое въ Сибири; по его примѣру возникли подобныя общества и въ другихъ городахъ Сибири. Аудиторія этого общества служила мѣстомъ единенія городской интеллигенціи съ городской массой и воспитывала интеллигенцію служить народу; общество имѣло много искреннихъ друзей, у которыхъ иногда привязанность превращалась въ культъ учрежденія.

Другое такое же демократическое учрежденіе въ Томскѣ, Общество физическаго развитія дѣтей, обязано своимъ существованіемъ энергіи доктора Пирусскаго, который въ этой области является для Сибири такимъ же новаторомъ, какимъ былъ П. И. Макушинъ въ исторіи обществъ попеченія о народномъ образованіи

Демократизація интеллигенціи въ Иркутскѣ запоздала противъ Томска; тамъ также появилось общество распространенія народнаго образованія, но гораздо позднѣе, чѣмъ въ Томскѣ. Появилась дѣятельность и въ направленіи доктора Пирусскаго, но въ самое недавнее время. Да и успѣховъ такихъ иркутскія учрежденія этого рода не достигали, какъ въ Томскѣ. Хорошо развивалось въ Томскѣ и дѣло воскресныхъ школъ, ихъ посѣщало болѣе тысячи

человѣкъ взрослыхъ и дѣтей. Какъ на внѣшнія свидѣтельства благородной дѣятельности интеллигенціи Томска могутъ указать, хотя бы и скромные по величинѣ, „народные дворцы“: зданіе общества попеченія о начальномъ образованіи, въ которомъ помѣщаются безплатная народная библіотека, музей прикладныхъ знаній и залъ для театральныхъ представленій, дѣтскій манежъ, построенный обществомъ физическаго развитія и Гоголевскій домъ, съ тремя большими залами для воскресныхъ школъ, четырехъэтажное зданіе, обошедшееся въ 80.000 руб. Постановкой внѣшкольнаго образованія Томскъ счастливо отличился отъ Иркутска. Томскъ обладаетъ кромѣ того институтомъ, котораго пѣтъ или по крайней мѣрѣ долго не было ни въ какомъ городѣ Сибири—при городской думѣ состоитъ училищная комиссія, въ составъ которой входятъ всѣ учительницы и учителя городскихъ народныхъ школъ. Томское самоуправленіе всегда было качествомъ ниже иркутскаго; томскіе головы никогда не отличались самостоятельнымъ голосомъ, не умѣли говорить съ высшей властью съ достоинствомъ, какъ это иногда случалось въ Иркутскѣ. Только за нѣсколько лѣтъ до конституціи дѣло нѣсколько стало измѣняться; была выбрана „интеллигентная дума“ и городскимъ головой былъ избранъ докторъ А. И. Макушинъ, о которомъ можно сказать, что это былъ самый дѣловитый голова въ Сибири, служившій городу не изъ-за тщеславія, а по любви къ городскому дѣлу, добросовѣстно изучившій его во всѣхъ деталяхъ. Новая дума намѣтила рядъ улучшеній по городу: снабженіе города водой, замощеніе улицъ, электрическое освѣщеніе, канализація и т. п. Часть намѣченной программы удалось исполнить: устроенъ водопроводъ, магистральная улица вымощена и уставлена электрическими фонарями. Новая дума и новый голова особенно заботились о распространеніи образованія въ городѣ.

Подобно Иркутску, Томскъ имѣетъ болѣе торговое, чѣмъ промышленное значеніе. Впрочемъ, промышленность въ Томскѣ немного значительнѣе. Тогда какъ въ Иркутскѣ заводы (пивоваренные и пр.) обслуживаютъ только городъ, заводы Томска разсылаютъ свои продукты въ округъ, какъ напр. спичечный заводъ Кухтерина, стеклянный г-жи Королевой. Торговое значеніе Томска въ прежнее время заключалось въ томъ, что онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ, изъ котораго снабжались необходимыми товарами золотые промыслы восточной Сибири. Въ настоящее время черезъ Томскъ идутъ продовольственные продукты богатаго приалтайскаго края и южной части Тобольской губ. въ бѣдную продовольствіемъ Иркутскую губернію. Торговое значеніе Томска опредѣлилось его положеніемъ въ такой точкѣ меридіана, которая является наилучшимъ

пунктомъ для провоза товаровъ изъ западной половины Сибири въ восточную, ибо всякое пересѣченіе томскаго меридіана къ югу отъ Томска встрѣтитъ скалистыя горы, всякое пересѣченіе къ сѣверу отъ города—лѣсныя трущобы, зыбуны и болота. Поэтому торговое значеніе Томска въ будущемъ незыблемо до извѣстной степени. Къ несчастію для города положеніе его въ отношеніи и водпаго и рельсоваго пути не вполнѣ счастливое; пароходы идущіе въ городъ изъ Оби, въ малую воду нѣсколько верстъ не доходятъ до города и останавливаются у пристани Черемошники, а поздней осенью и еще ранѣе,—у дер. Гладкой. Желѣзная дорога не проходитъ черезъ городъ и онъ сообщается съ нею посредствомъ вѣтки въ 80 верстъ длиной, которая упирается въ сибирскую магистраль у станціи Тайга.

Городъ расположенъ на правомъ берегу Томи, частью на низменности, частью на возвышенностяхъ, прорѣзанныхъ долиной р. Ушайки, раздѣляющей городъ на двѣ половины: сѣверную и южную. Благодаря неровности земной поверхности, на которой стоитъ городъ, внутри его виды калейдоскопично разнообразны и мѣстами живописны, и въ то время, какъ общій видъ со стороны не производитъ впечатлѣнія изъ центра города, съ Воскресенской горы, узкимъ мысомъ вдающейся въ середину города, открывается пространная панорама на сѣверную половину города съ подпимающимися въ серединѣ новымъ соборомъ. Соборъ ни извнѣ ни внутри не представляетъ ничего оригинальнаго; въ немъ нѣтъ ничего мѣстнаго ни въ общемъ замыслѣ, ни въ исполненіи подробностей; это не продуктъ пробужденнаго мѣстнаго творчества, а шаблонное произведеніе клерикально-бюрократической воли.

Въ 1887 г. открытъ Томскій университетъ, а въ 1890 г. технологическій институтъ. Это обстоятельство превратило Томскъ въ умственную столицу Сибири и измѣнило физіономію города. До этого вся сибирская молодежь уѣзжала довершать свое образованіе въ европейскую Россію, и это въ сибирскую жизнь вносило дисгармонію; въ городахъ отсутствовала молодая жизнь. Съ открытіемъ университета эта постылая черта исчезла, особенно въ Томскѣ. Въ настоящее время насчитывается студентовъ въ университетѣ и въ институтѣ около 3.000.

Присутствіе высшей школы съ персоналомъ изъ профессоровъ должно плодотворно повліять на мѣстное общество. Это перерожденіе Томска въ европейскій городъ ускорится, когда высшая школа перестанетъ играть роль посторонняго тѣла въ общественномъ организмѣ Сибири, перестанетъ быть бюрократическимъ учрежденіемъ, не связаннымъ съ мѣстной средой взаимными симпатіями,

а напротивъ, обратится въ органъ общественнаго тѣла Сибири, который правильно функціонируетъ, когда тѣло здорово, и недомогаетъ, когда оно находится въ угнетенномъ состояніи.

Омскъ, третій по величинѣ городъ въ Сибири, до настоящаго времени, которое можно назвать эпохой преобразованія городской жизни въ Сибири, уступалъ городамъ Томску и Иркутску какъ въ просвѣщеніи, такъ и въ богатствѣ. Онъ не имѣлъ тѣхъ счастливыхъ условій, въ какихъ жили другіе два города. Списокъ омскихъ генералъ-губернаторовъ не блещетъ именами; изъ администраторовъ наибольшую память о себѣ оставилъ Капцевичъ; нездоровал традиція о немъ прожила съ двадцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ и въ шестидесятыхъ еще живо чувствовалась въ Омскѣ. Это былъ узкій аракчеевецъ, пытавшійся экспериментами надъ подчиненнымъ ему народомъ доказать возможность осуществленія безразсудныхъ плановъ Аракчеева—превратить Россію въ сплошное военное поселеніе. Хорошее воспоминаніе оставилъ только генералъ губернаторъ Казнаковъ, которому Сибирь обязана открытіемъ Томскаго университета; эта заслуга дѣлаетъ его имя симпатичнѣе сибирякамъ, чѣмъ имя Муравьева Амурскаго. У неблестящихъ администраторовъ и свита ихъ была неблестящая; поэтому омское населеніе осталось безъ тѣхъ благодѣтельныхъ воздѣйствій, какія выпали на долю Иркутска. Да если бы и были въ Омскѣ интеллигентныя генералъ-губернаторскія свиты, онѣ не нашли бы здѣсь воспріимчивой почвы. Омскъ былъ всегда бѣднымъ городомъ, лишеннымъ всякаго торговаго значенія. Богатаго купечества въ городѣ совсѣмъ не было, да и мѣщанское общество было сравнительно съ другими городами не большое. Значительный процентъ городского населенія составляли отставные чиновники и отставные офицеры и солдаты. Въ Омскѣ была самая дешевая жизнь на всемъ разстояніи отъ Петербурга до Иркутска, и въ то же время, благодаря генералъ-губернаторской резиденціи, здѣсь было веселѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ губернскомъ городѣ; здѣсь бывали концерты, спектакли, балы и фейерверки. Поэтому омскіе чиновники, вышедши въ отставку, никуда не уѣзжали и оставались здѣсь жить; изъ другихъ городовъ Сибири, даже изъ Иркутска и Оренбурга, отставные чиновники съѣзжались сюда доживать свой вѣкъ на пенсію. Это обиліе чиновниковъ служащихъ и отставныхъ превращало Омскъ въ городъ Акакіевъ Акакіевичей. Солидной торговли въ городѣ не было; магазины торговали только офицерскими вещами, эполетами, портупеями да дамскими блондами, лентами и кружевами. Было всего два, три свѣчныхъ заводовъ, занятыхъ поставкой свѣчъ въ омскія канцеляріи. Каменныя зданія всѣ были

казенныя; это были канцеляріи, казармы, лазареты и дома съ квартирами для офицеровъ. Всѣ остальныя постройки были деревянныя и въ шестидесятыхъ годахъ былъ всего одинъ каменный купеческій домъ. Въ клубѣ изъ буржуазіи былъ принятъ всего одинъ только членъ—винный откупщикъ. Нигдѣ въ Сибири не было такого отчужденія интеллигентнаго общества отъ массы, какъ въ Омскѣ; интеллигенція здѣсь не служила мѣстному населенію. Въ омскомъ клубѣ была Ядринцевымъ произнесена первая публичная рѣчь о необходимости открытія сибирскаго университета, и эта рѣчь при тогдашнемъ составѣ омскаго общества прозвучала, какъ диссонансъ. Въ Омскѣ никогда не было такого общественнаго учрежденія, которое концентрировало бы на себѣ симпатіи населенія цѣлаго округа, въ родѣ томскаго школьнаго общества или въ родѣ иркутскаго музея географическаго общества.

Теперь, когда жизнь въ Сибири повсюду перекраивается на новый ладъ, когда характеры сибирскихъ городовъ измѣняются, и Омскъ на пути къ преобразованію. Въ шестидесятыхъ годахъ это былъ глухой городъ въ торговомъ отношеніи; на Иртышѣ, на которомъ стоитъ городъ, не было никакого судоходства, между Семипалатинскомъ и Омскомъ не ходило ни одного парохода, и омскія цѣны не уравнивались съ семипалатинскими; въ Семипалатинскѣ была одна цѣна на пшеницу, въ Омскѣ другая. Обозы изъ Москвы въ Иркутскъ проходили въ 50 верстахъ мимо Омска. Теперь черезъ Омскъ проведена желѣзная дорога, и пароходы стали ходить между Омскомъ и Семипалатинскомъ. За Омскомъ начинаетъ упрочиваться слава будущаго торговаго центра. Московскіе купцы избрали его складочнымъ мѣстомъ своихъ товаровъ, а иностранныя фирмы устроили здѣсь свои конторы, отчасти для продажи сельскохозяйственныхъ машинъ, отчасти для покупки масла. Изъ военнаго лагеря Омскъ стремится превратиться въ купеческій пакгаузъ, дробь барабана хочетъ смѣниться щелканіемъ счетъ.

Губернскій городъ Тобольскъ былъ когда-то административнымъ центромъ всей Сибири, когда Сибирь составляла одну губернію. Это „матерь“ сибирскихъ городовъ; если Томскъ за его торговое значеніе можно назвать сибирской Москвой, то Тобольскъ это сибирскій Кіевъ; какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ въ Тобольскѣ есть Софійскій соборъ, въ которомъ хранятся самыя старыя немногочисленныя сибирскія церковныя реликвіи; эта своя сибирская „Софія“ должна напоминать, что Тобольскъ послѣ Кіева и Новгорода—третій этапъ въ исторіи распространенія русскаго христіанства. Тобольскъ давно утратилъ свое первенствующее въ Сибири значеніе и превратился бы въ заурядный губернскій городъ, если бы не находился вблизи

отъ района крупной сѣверной рыбопромышленности. Въ началѣ сибирской исторіи Тобольскъ былъ административнымъ торговымъ и умственнымъ центромъ; такое значеніе онъ пріобрѣлъ еще во время татарскаго господства. Здѣсь была резиденція сибирскаго хана; сюда направлялись торговые караваны изъ китайскаго Туркестана съ произведеніями городовъ Кашгара и Яркенда; здѣсь начинала завязываться татарская цивилизація. Это значеніе Тобольскъ удерживалъ за собою нѣкоторое время и послѣ занятія Сибири русскими, но потомъ и торговая и умственная жизнь Сибири ушла на югъ. Тобольскъ утратилъ значеніи центра даже для Тобольской губерніи, по онъ находится на южной границѣ обширнаго сѣвернаго края, рыбное и лѣсное богатства котораго лежатъ пока мертвымъ капиталомъ; необходимо создать сбытъ продуктовъ этого богатства, и тогда города и села въ низовьяхъ Иртыша и Оби, Тобольскъ, Самарово, Березовъ и Обдорскъ, обратятся въ промышленные пункты. Экономическое будущее Тобольска и прилегающаго къ нему сѣвернаго края зависитъ отъ разрѣшенія портофранко въ устьѣ Оби.

Тюмень самый заводскій городъ въ Сибири; начало тюменской заводской промышленности относится еще ко времени татарской, до-ермаковской культуры Сибири. Еще въ періодѣ татарскаго господства въ Сибири тюменскіе жители уже занимались выдѣлкою кожъ; тогда же, вѣроятно, было положено и начало ковроваго производства. Положеніе города въ томъ пунктѣ московскаго тракта, гдѣ начинается длинный водный путь (по Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби) послужило къ тому, что эти зачатки не заглохли, а развились. Тюмень лежитъ на границѣ между земледѣльческимъ, степнымъ югомъ губерніи и сѣверной мѣстной ея частью, т. е. въ такихъ же условіяхъ, какъ и центральный мануфактурный округъ въ европейской Россіи. Тюмень самый типичный буржуазный городъ въ Сибири; какъ Омскъ чистѣйшей воды Акакій Акакіевичъ, такъ Тюмень чистѣйшей воды Титъ-Титычъ. Ядринцевъ въ своемъ фельетонѣ срисовалъ портретъ одного своего знакомаго тюменца подъ именемъ Кондрата и сдѣлалъ это имя нарицательнымъ для всей Сибири. Къ наукѣ тюменскій заводчикъ относился, какъ Тарасъ Бульба; отправляя сына въ университетъ, онъ требовалъ, чтобы тотъ вернулся съ дипломомъ, иначе грозилъ лишить наслѣдства, а когда сынъ возвращался съ знаніемъ новыхъ способовъ обработки, отецъ не давалъ ему возможности примѣнить знанія и настаивалъ, чтобы онъ возвратился къ старосвѣтской тюменской культурѣ.

Какъ Тюмень—представитель обрабатывающей промышленности въ Сибири, такъ Курганъ, лежащій къ югу отъ Тюмени, типичный

производитель сибирскаго сырья. Юго-западный уголъ тобольской губерніи, въ которомъ расположенъ городъ Курганъ, представляетъ самый густой по населенію районъ во всей Сибири. Вслѣдствіе густоты населенія Курганскій уѣздъ еще до отмѣны ссылки въ Сибирь былъ освобожденъ отъ ссылки. Въ настоящее время Курганъ служитъ центромъ мѣстнаго района маслодѣлія; городъ въ этомъ отношеніи является передовымъ для всей маслодѣльной Сибири, онъ находится на западномъ концѣ линіи городовъ, которые принимаютъ участіе въ сбытѣ масла (Курганъ, Омскъ, Барнаулъ и Бійскъ). Въ Курганѣ живетъ А. Н. Балакшинъ, который успѣшно пропагандируетъ маслодѣльныя артели; организація, во главѣ которой стоитъ г. Балакшинъ, покрыла югъ Тобольской губерніи артельными маслодѣльными заводами, издаетъ ежегодный отчетъ объ успѣхахъ этого дѣла и хлопочетъ о непосредственномъ сбытѣ масла на рынки Лондона и Парижа.

Лежащій рядомъ съ Курганомъ Петропавловскъ, равно, какъ и Семипалатинскъ, расположенный на берегу Иртыша въ 700 верстахъ выше Омска, имѣютъ одно общее—это города съ большимъ татарскимъ населеніемъ. Петропавловскъ и Семипалатинскъ образуютъ крылья фронта, которымъ Сибирь обращена къ мусульманскому міру Туркестана. Въ эти два города выходили туркестанскіе караваны на верблюдахъ изъ Ташкента и Кашгара. Петропавловскъ одно время падалъ; когда была проведена желѣзная дорога изъ Екатеринбурга въ Тюмень, продукты киргизской степи и туркестанскіе товары пошли на пароходахъ по Иртышу въ Тюмень, а путь на Петропавловскъ и Курганъ закрылся, потому что оказался дороже; многіе татары выселились тогда изъ Петропавловска въ Акмолы и друг. города; многіе дома въ Петропавловскѣ долго стояли съ заколоченными ставнями. Но когда сибирская желѣзная дорога прошла черезъ Петропавловскъ, городъ снова оживился и уѣхавшіе возвратились.

Эти два города—колоніи казанскихъ татаръ съ примѣсью сартовъ изъ Туркестана. Въ этихъ двухъ пунктахъ происходитъ общеніе татарскаго міра съ киргизскимъ, результатомъ котораго оказывается только усвоеніе киргизами татарскаго образа жизни; напр., киргизскія женщины, обыкновенно не скрывающія лица отъ мужчинъ, начинаютъ носить чадру. Прогрессивныя идеи черезъ этотъ проводникъ, т. е. черезъ татарскій міръ не могли проникать въ киргизскую среду, потому что татары до послѣдняго времени были самыми закоснѣлыми старовѣрами въ русскомъ государствѣ. Только въ послѣдніе два года появилась журналистика на татарскихъ нарѣчіяхъ, распространяющая прогрессивныя идеи, которыя усвои-

ваются теперь и жителями двухъ сибирскихъ городовъ съ татарскимъ населеніемъ.

Самый большой городъ на Оби, Барнаулъ, лежитъ въ верхней части теченія этой рѣки, въ 200 верстахъ отъ сѣверныхъ предгорій Алтая. Въ немъ насчитывается до 30.000 жителей. Современная жизнь въ Барнаулѣ рѣзко отличается отъ той, какую вело барнаульское общество въ прошлое время. Нѣкогда это былъ центръ алтайскихъ горныхъ инженеровъ; здѣсь находилось управленіе алтайскаго горнаго округа, которое завѣдывало алтайскими металлическрми заводами, рудниками и золотыми промыслами. Алтайскій округъ имѣлъ своего рода конституцію; разъ въ годъ начальники заводовъ, рудниковъ и золотыхъ промысловъ съѣзжались въ Барнаулъ и составляли „горный совѣтъ“; на совѣщаніяхъ этого совѣта вырабатывалась смѣта на предстоящій годъ горныхъ работъ и смѣта повинностей, налагаемыхъ на крестьянское населеніе въ пользу заводовъ. Совѣщанія эти были не что иное, какъ тайный заговоръ инженеровъ для обкрадыванія казны и обиранія сельскаго населенія. Жилось инженерамъ тогда очень весело. Барнаульское общество дѣлилось тогда на три яруса; самый верхній ярусъ занимали инженеры, которые въ свою среду принимали только немногихъ горныхъ чиновниковъ; въ этотъ верхній ярусъ допускались лишь лица, кончившія курсъ въ горномъ институтѣ. Средній ярусъ занимали горные и уѣздные чиновники, купцы и пѣхотные офицеры; наконецъ, нижній ярусъ составляли горные урядники; это были люди съ самымъ низкимъ образовательнымъ цензомъ, но люди съ хорошими доходами. Какъ хорошо жили инженеры, объ этомъ свидѣтельствуютъ преданія. Путешественникъ конца восемнадцатаго столѣтія Палласъ съ удивленіемъ разсказываетъ, что онъ за столомъ нашелъ здѣсь артишоки. Мебель, экипажи, костюмы и столъ—все здѣсь было изысканно, какъ нигдѣ въ Сибири. Инженерныя дамы не только въ Парижѣ заказывали себѣ шить платья, даже посылали въ Парижъ мыть бѣлье. Даже у урядниковъ за столомъ зимой подавались апельсины. Въ салонахъ инженеровъ слѣдили не только за модами, но и за новостями въ наукѣ и литературѣ. До пяти разъ въ годъ изъ Барнаула отправлялся въ Петербургъ караванъ съ золотомъ подъ начальствомъ одного изъ инженеровъ, который возвращался изъ столицы со всякаго рода новостями. Ни одинъ городъ въ Сибири не имѣлъ съ Петербургомъ такихъ частыхъ и правильныхъ обновляющихъ мѣстную жизнь сношеній, и эта особенность давала право барнаульскимъ инженерамъ говорить, что Барнаулъ—уголокъ Петербурга. Инженеры имѣли и благородныя увлеченія; кто-нибудь собиралъ коллекціи

аквамариновъ, другой увлекался конным спортомъ и рисовалъ портреты съ конскихъ перловъ; третій набивалъ руку въ архитектурномъ вкусѣ и т. д. Въ шестидесятыхъ годахъ уже можно было встрѣтить въ гостиныхъ Барнаула сочиненія Герцена, но вліяніе Герцена на мозги барнаульскихъ инженеровъ было также поверхностно, какъ вліяніе Вольтера на придворныхъ Екатерины II.

Въ шестидесятыхъ годахъ горное хозяйство Кабинета въ Алтаѣ было ликвидировано; казенные заводы и рудники закрыты, и управленіе округа вмѣсто горнаго богатства начало эксплоатировать земельный фондъ; изъ серебросплавильщика оно превратилось въ помѣщика, сдающаго свою землю въ аренду. Инженеры получили отставку. Вмѣсто псевдолюбителей науки и литературы округъ населился псевдоагрономами, людьми, будто бы знающими помѣщичье хозяйство, заштатными Ноздревыми и Собакевичами. И блескъ барнаульской жизни потухъ.

Какъ разъ въ это время построилась тюменская желѣзная дорога; это дало выходъ алтайскимъ запасамъ хлѣба въ европейскую Россію. Быстро развилась хлѣбная торговля; внезапно выросъ хлѣбный тузъ въ Барнаулѣ—купецъ Жернаковъ. Въ районѣ между устьемъ Томи и Бійскомъ на Оби образовались хлѣбныя пристани, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занялъ Барнаулъ; нѣкоторыя села, какъ напр. Бердское, Камень, Усть-Чарымъ выросли въ селенія съ десятью, пятнадцатью тысячами жителей. Нѣсколько позднѣе появилось маслодѣліе, а также стала развиваться торговля сельско-хозяйственными машинами. Барнаулъ изъ горнопромышленнаго города обратился въ складъ хлѣба, масла и сельско-хозяйственныхъ машинъ. Обозы съ углемъ и рудой исчезли, а пристани завалены боченками, мѣшками, жнеями, сѣнокосилками и плугами.

Бійскъ лежитъ при сліяніи рѣкъ Біи и Катуни, составляющихъ Обь, въ 100 верстахъ выше Барнаула. Это самый южный на Оби центръ маслодѣлія и продажи сельскохозяйственныхъ машинъ; кромѣ того Бійскъ играетъ значительную роль въ торговлѣ съ Монголіей. Изъ Бійска по долинѣ Алтая идетъ путь въ Монголію, такъ называемый „чуйскій трактъ“, получившій названіе отъ р. Чуи, по долинѣ которой трактъ достигаетъ границы Китая. Трактъ ведетъ въ города Хобдо и Улясутай, въ которыхъ бійскіе купцы имѣютъ лавки и приказчиковъ; каждое лѣто и сами хозяева выѣзжаютъ въ Монголію. Торговля эта выгодна, и бійскіе купцы, ведущіе ее и извѣстные въ Бійскѣ подъ именемъ „чуйцевъ“, занимаютъ въ этомъ городѣ самое выдающееся положеніе. Ихъ каменные дома, главнымъ образомъ, придаютъ Бійску городской видъ; они главные жертвователи на бійскія учебныя заведенія. Но такъ

какъ эти чуйцы по большей части разбогатѣвшіе приказчики, люди, не компетентные въ педагогическомъ дѣлѣ, то они ограничиваются только тѣмъ, что жертвуютъ, не вмѣшиваясь въ жизнь созданныхъ на ихъ деньги учрежденій. А между тѣмъ такіе города, какъ Бійскъ, Минусинскъ и Троицкосавскъ, лежащіе близъ границы Монголіи, могли бы для монголовъ сыграть роль „окопъ въ Европу“.

Минусинскъ, расположенный близъ южной границы енисейской губерніи, подобно Бійску, ведетъ торговлю съ Монголіей, но въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ; во-первыхъ, онъ соединенъ дешевымъ воднымъ путемъ только съ Красноярскомъ, тогда какъ Бійскъ имѣетъ по водѣ сношеніе до Тюмени; во-вторыхъ отъ Монголіи Минусинскъ отдѣленъ горами, черезъ которыя и въ настоящее время товары перевозятся только по вьючнымъ тропамъ; чуйскій трактъ, соединяющій Бійскъ съ Монголіей, раздѣленъ въ телѣжный путь, и бійскія телѣги теперь доходятъ до китайскихъ городовъ Хобдо и Улясутая, тогда какъ усинскій трактъ, соединяющій Минусинскъ съ Монголіей, вѣроятно еще долго будетъ оставаться вьючнымъ. Вслѣдствіе этого участіе Минусинска въ Монгольской торговлѣ менѣе значительно сравнительно съ Бійскомъ.

Въ Минусинскѣ находится знаменитый Мартьяновскій музей, обязанный своимъ началомъ и развитіемъ трудамъ и энергіи одного частнаго лица Н. М. Мартьянова, подобно тому, какъ школьное общество, основанное П. И. Макушинымъ въ Томскѣ послужило сигналомъ для открытія подобныхъ обществъ въ другихъ сибирскихъ городахъ, и успѣхъ Мартьяновскаго музея вызвалъ подражанія въ другихъ мѣстахъ Сибири; были основаны музеи въ Красноярскѣ, Тобольскѣ, Нерчинскѣ, Читѣ и др. Подобно школьному обществу въ Томскѣ и отдѣлу географическаго общества въ Иркутскѣ, и минусинскій музей сталъ центромъ мѣстныхъ симпатій съ тою, однако, разницей, что ему удалось сосредоточить въ себѣ не только симпатіи ближайшей среды, но и симпатіи всей Сибири. Ото всѣхъ концовъ Сибири слали Мартьяновскому музею пожертвованія и деньгами и коллекціями. Сибирская журналистика, будировавшая общество къ пожертвованіямъ на общественныя учрежденія, старалась оттѣнить свое преимущественное вниманіе къ Мартьяновскому музею сравнительно съ иркутскимъ, пользовавшимся покровительствомъ иркутскаго генералъ-губернатора. И дѣйствительно нельзя указать ни на одно учрежденіе въ Сибири, которое бы такъ всецѣло, такъ исключительно было обязано своимъ существованіемъ обществу, безъ содѣйствія администраціи, какъ Мартьяновскій музей. Самъ сибирскій университетъ не могъ собрать столько симпатій,

благодаря тому, что онъ отчасти—созданіе администраціи. Мартьяновъ потратилъ тридцать лѣтъ своей жизни на организацію своего музея, который въ настоящее время является первымъ въ Сибири по полнотѣ своего плана. Къ сожалѣнію, музей находится въ малолюдномъ захолустномъ городѣ; если бы онъ находился въ большомъ городѣ, его воспитательное значеніе было бы шире. Въ настоящее время городъ Минусинскъ насчитываетъ не болѣе 15.000 жителей и, не смотря на существованіе въ немъ такого учрежденія, общественная жизнь въ немъ не отличается отъ вялой жизни другихъ городовъ. И во время агитацій въ пользу Мартьяновскаго музея сочувствіе къ нему сильнѣе выражалось въ красноярскомъ обществѣ, чѣмъ въ минусинскомъ.

Губернскій городъ Енисейской губерніи Красноярскъ, лежащій на 300 верстъ сѣвернѣе Минусинска, принадлежитъ къ числу городовъ, расцвѣтъ которыхъ въ значительной степени обязанъ золотопромышленности; въ то время, какъ золотой промыселъ, питавшій Томскъ, упалъ и уже для Томска не имѣетъ значенія главнаго источника, въ тайгѣ южной части Енисѣйской губерніи пріиска еще работаютъ и поддерживаютъ Красноярскъ. Лучшими своими общественными учрежденіями Красноярскъ обязанъ своимъ золотопромышленникамъ. Городская лѣчебница, женская гимназія, городская библіотека, музей, Пушкинскій народный домъ построены при значительномъ содѣйствіи красноярскихъ золотопромышленниковъ Кузнецовыхъ.

Еще болѣе сѣверный городъ—Енисейскъ до паденія золотопромышленности въ сѣверной тайгѣ былъ богаче Красноярска, но теперь съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ. По своему положенію на южномъ краю сибирской тундры, Енисейскъ долженъ бы выполнить ту же миссію по отношенію туруханскаго сѣвера, какая предстоитъ Тобольску въ отношеніи обдорскаго края.

Изъ городовъ Забайкалья самое оригинальное по значенію и характеру поселеніе—городъ Троицкосавскъ съ торговой слободой Кяхтой, находящейся въ 5 верстахъ отъ города. Мощь этого мѣстечка заключалась собственно въ Кяхтѣ. Кяхта состоитъ изъ десяти-пятнадцати домохозяевъ; каждый изъ нихъ почти милліонеръ; это комиссіонеры по чайной торговлѣ. До проведенія сибирской желѣзной дороги всѣ чаи, предназначенные для Россіи, китайскіе караваны вывозили въ Кяхту, и кяхтинскіе купцы направляли ихъ отсюда далѣе въ Москву. Площадь въ 50 саженъ шириной отдѣляетъ русскую слободу Кяхту отъ Маймачена, т.-е. отъ такой же торговой слободы, только населенной китайцами. Кяхта и Троицкосавскъ прежде имѣли общаго градоначальника; впослѣдствіи градо-

начальникъ былъ замѣненъ полицеймейстеромъ. Въ настоящее время чаи изъ китайскихъ портовъ направляются на устье Амура и во Владивостокъ и поднимаются на пароходахъ вверхъ по Амуру; вслѣдствіе этого чайныя конторы пришлось перенести изъ Кяхты въ Срѣтенскъ. Кяхта стала падать.

Во время расцвѣта чайной торговли идейной жизни въ Кяхтѣ не было. Нажитые капиталы тратились только на шампанское. Отъ этого богатства не осталось бы никакихъ слѣдовъ, если бы графъ Муравьевъ-Амурскій не назначилъ градоначальникомъ въ Кяхту Деспота-Зеновича. Этотъ послѣдній подбилъ кяхтинскихъ богачей открыть въ Троицкосавскѣ реальное училище и женскую гимназію; онъ привилъ въ нѣкоторыхъ домахъ вкусъ къ чтенію журналовъ, основалъ даже газету „Кяхтинскій Листокъ“. Особенно память и привитые Деспотомъ-Зеновичемъ вкусы долго сохранялись въ кяхтинскомъ семействѣ Лушникова.

Китайскій Маймаченъ, расположенный въ 50 саженяхъ отъ Кяхты находится уже на территоріи Китайской имперіи. Отсюда идетъ телѣжная дорога въ Калганъ и можно черезъ всю Монголію проѣхать въ тарантасѣ. Чаи изъ Калгана только частью идутъ въ Кяхту на верблюдахъ, значительная же часть ихъ везется на монгольскихъ и китайскихъ телѣгахъ. Такая доступность Монголіи въ этомъ пунктѣ даетъ Кяхтѣ преимущество передъ Бійскомъ и Минусинскомъ, изъ которыхъ доступъ въ Монголію не такъ легокъ; равными условіями можетъ похвастаться только Зайсанскъ въ верховьяхъ Иртыша, но этотъ городокъ не имѣетъ равнаго ни торговаго, ни просвѣтительнаго значенія. Для умственнаго общенія русскаго міра съ монгольскимъ лучше всего поставлена Кяхта; къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность въ Кяхтѣ началась только въ послѣднее время; здѣсь открыто филіальное отдѣленіе географическаго общества, которое, благодаря своему сочлену доктору Талько-Грицевичу, является очень дѣятельнымъ учрежденіемъ; оно не рѣдко издаетъ свои „извѣстія“ и посылаетъ ученыя экскурсіи въ Монголію.

Въ Якутской области самый большой городъ Якутскъ имѣетъ только 7.000 жителей. Какъ во всѣхъ другихъ сѣверныхъ городахъ, въ противуположность южнымъ сибирскимъ, населеніе въ Якутскѣ слабо возрастаетъ. Половина населенія города якуты; многіе изъ нихъ самостоятельно занимаются торговлей; на базарѣ города Якутска есть ряды, въ которыхъ торгуютъ якуты. Якутскій языкъ часто слышенъ и на улицѣ и въ домахъ; многіе русскіе говорятъ по-якутски. Прежде якутскій языкъ былъ еще распространеннѣе; были случаи, что русскіе крестьяне, переселившіеся

въ Якутскую область, забывали родной языкъ и усвоили якутскій. И въ самомъ Якутскѣ въ старое время по-якутски говорили въ гостиныхъ чиновниковъ; даже въ нѣмецкихъ семействахъ барышни научались говорить по-якутски. Якутскъ по справедливости можетъ быть названъ якутской столицей; здѣсь сосредоточивается якутская интеллигенція. Въ Якутскѣ есть якутскій клубъ, члены котораго якуты. Въ этомъ клубѣ якуты-купцы играютъ въ карты, а молодежь танцуетъ кадриль и остальные, самые новѣйшіе танцы.

Якуты рѣдко переодѣваются въ европейское платье, и въ лавкахъ сидятъ, и въ русскіе дома въ гости ходятъ въ національномъ костюмѣ; женщины также предпочитаютъ якутскій костюмъ европейскому и въ клубѣ танцуютъ въ родномъ костюмѣ.

Въ якутскомъ клубѣ иногда давались спектакли на якутскомъ языкѣ. Такъ однажды было дано представленіе изъ нѣсколькихъ актовъ, въ которомъ была передана исторія одного якутскаго эпическаго героя Маньчара. Другое представленіе заимствовало свое содержаніе изъ народной сказки, такъ какъ въ немъ много было пѣнія, то якуты называли его якутской оперой. Клубъ временами выпускалъ листокъ, составленный изъ произведеній якутскихъ литераторовъ; листокъ этотъ назывался „Рѣчь якутскаго клуба“.

Двѣ другія крупныя народности Сибири, киргизы и буряты можетъ быть болѣе затронуты русскимъ просвѣщеніемъ и въ ихъ средѣ больше лицъ, прошедшихъ курсъ высшей школы, но эти исключительныя личности разсѣяны среди своихъ соплеменниковъ; нѣтъ у нихъ концентраціи, нѣтъ ни киргизскаго, ни бурятскаго умственнаго центра. Изъ всѣхъ сибирскихъ инородцевъ только одни якуты какъ будто разрѣшили этотъ вопросъ, или по крайней мѣрѣ имѣютъ задатки разрѣшить его.

Нужды Сибири.

Г. Н. Потанина.

Въ нуждахъ Сибири нужно различать нужды общія у области съ остальными частями имперіи и нужды мѣстныя, предъявляемыя только одной сибирской жизнью. Въ изданіи, посвященномъ изложенію нуждъ Сибири, первое мѣсто слѣдуетъ уступить выясненію мѣстныхъ областныхъ нуждъ, а нужды общія могутъ быть отодвинуты на второй планъ. Вопросъ о мѣстныхъ нуждахъ раскалываетъ сибирскую журналистику на два лагеря. Подъ сибирской журналистикой въ этомъ случаѣ я разумѣю всѣ газеты и журналы, издающіеся въ Сибири или для Сибири, безъ различія, кто издаетъ ихъ, уроженецъ Сибири или не уроженецъ. Одна часть сибирской журналистики первостепенное значеніе придавала общерусскимъ вопросамъ, а спеціально сибирскіе вопросы считала маловажными, а иногда даже отрицала самое существованіе ихъ.

Другая часть отдавала предпочтеніе изученію чисто мѣстныхъ вопросовъ. Журналистовъ первой категоріи можно назвать централистами, второй—автономистами. Голосъ послѣдней группы почти всегда тонулъ въ общей сибирской журналистикѣ, и это всякому будетъ понятно, если онъ обратитъ вниманіе на составъ сибирской интеллигенціи; она въ подавляющемъ количествѣ состоитъ изъ пришлыхъ, не сибирскихъ элементовъ.

Особенныя мѣстныя нужды вызываются особенностями во внѣшнемъ бытѣ и въ народномъ духѣ мѣстнаго населенія. Поэтому въ сибирской прессѣ временами дебатировался вопросъ, имѣетъ ли Сибирь особенности въ сравненіи съ европейской Россіей. По отношенію къ этому вопросу Сибирь дѣлится на двѣ части, на Сибирь инородческую и на Сибирь русскую. Относительно инородческой Сибири централисты не спорятъ; они признаютъ существованіе у нихъ бытовыхъ особенностей, признаютъ за инородцами право на

дальнѣйшее развитіе этихъ особенностей и на культурное обособленіе отъ остальной имперіи. Не столь безспорнымъ кажется имъ вопросъ о русскихъ жителяхъ Сибири. Отличается ли русское населеніе Сибири какими бытовыми особенностями, вызывается ли этими особенностями необходимость для русской Сибири особаго законодательства, требуется ли для нея особый законодательный корпусъ? Сибирскіе автономисты рѣшаютъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, централисты оспариваютъ такое рѣшеніе.

Опираясь на отсутствіе этнографическихъ особенностей русскаго населенія Сибири отъ великорусскаго населенія европейской Россіи, противники сибирскихъ автономистовъ допускаютъ необходимость особыхъ законодательныхъ учрежденій для нѣкоторыхъ крупныхъ инородческихъ племенъ, для киргизъ, бурятъ, якутовъ и пр., но русское населеніе Сибири, по ихъ мнѣнію, не довольно выдѣляется изъ великорусскаго племени вообще и должно жить общею съ нимъ законодательной жизнью. Автономисты, не оспаривая мнѣнія, что для русскаго племени въ Сибири не существуетъ особаго національнаго вопроса, тѣмъ не менѣе настаиваютъ на существованіи особенностей въ экономической и общественной жизни Сибири. Эти особенности существуютъ одинаково какъ для русскаго племени, такъ и для инородцевъ, почему сибирскіе автономисты и настаиваютъ на необходимости учрежденія одного общаго законодательнаго корпуса для всей Сибири съ подчиненіемъ ему инородческихъ учрежденій, снабженныхъ сравнительно съ общей сибирской думой ограниченной законодательной властью, а появившійся въ сибирской журналистикѣ проектъ снадбить законодательными учрежденіями только инородческія племена, русскихъ же жителей Сибири оставить въ вѣдѣніи центральной государственной думы, находятъ лишеннымъ органической симметріи.

Особенности сибирской жизни частью временныя, потому что устраненіе ихъ зависитъ отъ центральной законодательной власти, другія постоянныя, коренящіяся въ организмѣ сибирскаго населенія. Къ временнымъ относятся обращеніе Сибири въ штрафную колонію, ужасающая отсталость въ просвѣщеніи и въ экономической жизни, постоянная потеря молодыхъ умственныхъ силъ, вслѣдствіе отсутствія въ краѣ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній и т. п. Эти отрицательныя стороны сибирской жизни устранимы и если не въ близкомъ, то въ отдаленномъ будущемъ Сибирь будетъ уравнена съ другими областями Россіи, но какая бы полная нивеллировка ни была достигнута, этимъ не будетъ уничтоженъ залогъ обособленія Сибири. Сибирь слишкомъ большой придатокъ къ территоріи Европейской Россіи; русскіе люди, обитающіе на этомъ придаткѣ, не

могутъ не чувствовать, что они живутъ въ особыхъ условіяхъ. У территоріи Сибири, какъ ни сходна она во многихъ чертахъ съ Европейской Россіей, собственно съ сѣверной ея частью, все-таки свой физическій организмъ, и люди, живущіе въ зависимости отъ этого особаго организма, должны чувствовать солидарность между собой и въ то же время чувствовать, что эта солидарность связываетъ ихъ между собой прочнѣе, чѣмъ съ жителями другихъ областей имперіи. Цементомъ для такого сплоченія областныхъ жителей могутъ служить одни экономическіе и культурные интересы безъ національной подкладки.

У инородческихъ племенъ эта солидарность усиливается, конечно, національными особенностями. Пробужденные русскимъ освободительнымъ движеніемъ, инородческія племена Сибири предъявляютъ свои права на культурное самоопредѣленіе. У русскихъ въ Сибири право на такое самоопредѣленіе централистами отрицается. Объ отдѣльно русско-сибирской жизни и о литературѣ для удовлетворенія ея потребности гадать не полагается. Проблески сепаратизма въ области литературы и искусства кажутся дѣтскими фантазіями, лишенными реальной почвы, причемъ подъ реальной почвой разумѣется традиція, принесенная изъ метрополіи въ колонію, а не та новая обстановка, въ которой очутились колонисты на новой родинѣ.

Извѣстная теорія, что потребности тѣла и духа формулируются подъ вліяніемъ физическихъ условій населяемой страны, должна быть примѣнена и къ Сибири. Если физическія условія Сибири тѣ же, что въ Европейской Россіи, то сибирская культура и сибирское искусство должны создать тождественныя произведенія съ произведеніями Европейской Россіи, но если эти внѣшнія вліянія другія, то и творческая дѣятельность сибирскаго ума и воображенія должны пробить особое русло.

Главный факторъ въ природѣ, который обусловливаетъ физіономію страны, климатъ. Онъ обусловливаетъ флору страны и ея пейзажъ, фауну и наконецъ культуру человѣка. Изученіе сибирскаго климата показало, что разница между нимъ и климатомъ Европейской Россіи громадна. Климатъ Сибири въ высшей степени континентальный, сухой, тогда какъ въ Европейской Россіи сильно чувствуется вліяніе океана, хотя и не такъ, какъ въ западной Европѣ. Контрастъ между климатомъ Сибири и Европейской Россіи если и не болѣе, то по крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ между климатомъ Европейской Россіи и западной Европы.

Правильное понятіе о сибирскомъ климатѣ и о разницѣ между климатомъ Сибири и Европы впервые далъ К. Веселовскій въ его

капитальномъ сочиненіи „Климатъ Россіи“. Весь сѣверъ нашего полушарія получаетъ влагу изъ Атлантическаго океана; дождевыя тучи и въ Россіи и въ Сибири приносятся юго-западными вѣтрами, т. е. со стороны Атлантики. Воздухъ, густо насыщенный океаническими испареніями, вступивъ съ юго-западнымъ вѣтромъ на материкъ и слѣдуя далѣе внутрь, постепенно начинаетъ осаждать свою влагу на земную поверхность и чѣмъ далѣе проникаетъ онъ въ глубь материка, тѣмъ бѣднѣе становится онъ испареніями, тѣмъ онъ суше. Въ Москвѣ воздухъ суше, чѣмъ въ Петербургѣ, въ Казани суше, чѣмъ въ Москвѣ, въ Томскѣ суше, чѣмъ въ Казани, еще суше онъ въ Иркутскѣ, и, наконецъ, самый сухой климатъ мы находимъ въ Якутскѣ. Эта особенность Сибирскаго климата сильно и разнообразно отражается на природѣ и на человѣкѣ. Вымытое бѣлье, вновь построенный домъ въ Сибири скорѣе просыхаютъ, чѣмъ къ западу отъ Урала. Фортепьяно, завезенныя въ Иркутскъ, вскорѣ разсыхаются и особая столярная мастерская спеціально занята переборкой разсыпающихся инструментовъ. Періоды цвѣтенія растеній болѣе сжаты, весна протекаетъ въ Сибири быстрѣе, и вообще растительный сезонъ короче. Цвѣтенія различныхъ видовъ болѣе сближены и весенній коверъ Сибири пестрѣе.

Малое содержаніе паровъ въ сибирскомъ воздухѣ дѣлаетъ его необыкновенно прозрачнымъ. Миддендорфъ, путешествовавшій въ сѣверо-восточной Сибири въ 1843 и 1844 годахъ, разсказываетъ, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ замѣтилъ, что онъ не видитъ въ телескопъ, который онъ возилъ въ Сибирь, тѣхъ звѣздъ, которые онъ видѣлъ въ Сибири; онъ подумалъ, что стекла въ телескопѣ попорчены и отправилъ инструментъ къ оптику, чтобы заново отшлифовать стекла; но оптикъ возвратилъ телескопъ назадъ; оказалось, что шлифовка стеколъ была въ полной сохранности, и все дѣло объясняется тѣмъ, что небо другое, что ранѣе Миддендорфъ смотрѣлъ на прозрачное якутское небо, а теперь передъ нимъ было тусклое петербургское. Этой же прозрачностью сибирскаго неба Миддендорфъ былъ склоненъ, отчасти, объяснить и пресловутый анекдотъ, который разсказываетъ другой путешественникъ Врангель, какъ во время наблюденія астронома надъ покрытіемъ Юпитеромъ одного изъ своихъ спутниковъ, юкагиръ, посмотрѣвъ въ ту часть неба, куда былъ направленъ телескопъ, простымъ глазомъ увидѣлъ явленіе и закричалъ: „большая звѣзда съѣла маленькую!“ Морской офицеръ, которому было поручено разставить маяки по берегамъ Байкала, имѣлъ возможность разставить ихъ на разстояніяхъ, о которыхъ на другихъ моряхъ не мечтаютъ; въ прозрачномъ воздухѣ этого озера свѣтъ маяка ви-

день на разстояніи 60-70 верстъ. Вслѣдствіе той же прозрачности, пейзажъ въ Сибири яснѣе, очертанія горъ отчетливѣе; литераторъ Сѣрошевскій возвращался въ Россію изъ Якутской области изъ своей тринадцатилѣтней ссылки, проѣзжая черезъ Уралъ былъ удивленъ неотчетливостью его горныхъ видовъ по сравненію ихъ съ Якутскими; сначала онъ думалъ, что горы подернуты туманомъ, но потомъ убѣдился, что такой пейзажъ—постоянное здѣсь явленіе и причина этому здѣшній воздухъ, менѣе прозрачный, чѣмъ въ Якутскѣ. Сибирское небо если уступаетъ въ глубинѣ лазури южному небу, то во всякомъ случаѣ превосходитъ по своей красотѣ небо казанское, московское и пр., словомъ небо въ пунктахъ, лежащихъ на одной широтѣ съ Сибирью къ западу отъ нея. Гости Сибири, явившіяся въ нее съ запада, находятъ ея вечернія зори и лунныя ночи красивѣе западныхъ. Звѣзды ночного неба въ Сибири кажутся крупнѣе.

По теплопрозрачности сибирскій климатъ до нѣкоторой степени приближается къ альпійскому. Въ Иркутскѣ во время декабря поверхность предметовъ испытываетъ такую силу солнечныхъ лучей, что снѣгъ на крышахъ таетъ и образуется капель. Альпійскія растенія спускаются здѣсь въ долины ниже, чѣмъ въ Швейцаріи. Въ ближайшихъ окрестностяхъ города Иркутска въ лѣсу растутъ рододендроны, а на поляхъ альпійскій палевый макъ, который спонтанейно засѣвается и въ садахъ самого города. Нѣкоторые наблюдатели находятъ, что цвѣты сибирскихъ полей роскошнѣе и окраска ихъ ярче. И дѣйствительно, тролліусы въ Сибири окрашены въ оранжевый цвѣтъ, а не въ желтый, какъ въ Европей ской Россіи; па эту разницу указываютъ и ихъ сибирскія названія: „огоньки“, „жарки цвѣты“ и „рудо-желтые цвѣты“, т. е. кровавожелтые.

Также и желтый козлобородникъ (Tragopogon) въ Сибири переходитъ въ оранжевый. Отличные фотографическіе снимки съ сибирскихъ видовъ не всегда обязаны своимъ отчетливымъ исполненіемъ только искусству мастеровъ; сибирскій фотографъ имѣетъ добросовѣстнаго помощника въ лицѣ прозрачнаго сибирскаго воздуха. Дань удивленія могуществу сибирскаго солнца А. П. Чеховъ уплатилъ очаровательнымъ художественнымъ описаніемъ одной сибирской картинки. Онъ слѣдилъ, какъ сибирская женщина мѣсила тѣсто; солнце черезъ окно обливало своими лучами и тѣсто и ея руки и художнику-писателю казалось, будто сибирячка мѣситъ тѣсто на солнечныхъ лучахъ.

Сибиряки привыкли къ яркому свѣту своего солнца и любятъ солнопекъ; деревянные дома въ Иркутскѣ и Томскѣ поражаютъ своимъ обиліемъ оконъ; простѣнки между окнами уже самихъ

оконъ—типическая черта томскихъ и иркутскихъ деревянныхъ построекъ; новые люди въ Сибири, прошедшіе изъ-за Урала, протестуютъ противъ этого солнцепоклонничества туземцевъ, но томскій врачъ-гигіенистъ Макушинъ становится на сторону сибиряковъ и находитъ такіе изрѣшеченные окнами сибирскіе фасады гигіеничными. Этотъ геліотропизмъ еще сильнѣе выражается у дѣтей. Сибирскія дѣти, завезенныя въ туманный Петербургъ для помѣщенія въ образцовыя учебныя заведенія столицы, сильно жалуются на слабость петербургскаго свѣта и въ первые дни одолѣваютъ мать жалобами: „Мама, здѣсь не славно! *) Солнца нѣтъ!“

Какъ для глаза ощущенія тоновъ красокъ, тѣней и деталей рисунка, такъ для уха сибирскій воздухъ дѣлаетъ болѣе отчетливыми ощущенія звука. Свистки пароходовъ и паровозовъ въ сибирскомъ воздухѣ раздаются чище. Миддендорфъ говоритъ, что въ якутскомъ зимнемъ воздухѣ шаги человѣка, идущаго по снѣгу, слышны на разстояніи двухъ верстъ.

Особенности сибирскаго климата неизбѣжно должны отразиться на искусствѣ, если оно возникаетъ на сибирской почвѣ. Въ живописи, надо предполагать, Сибирь дастъ хорошихъ колористовъ. Въ томъ же направленіи скажется вліяніе природы и на сибирской музыкѣ, какъ въ композиціи, такъ и въ техникѣ.

Но не только русское творчество, подчиняясь вліянію сибирскихъ физическихъ условій, дастъ новое видоизмѣненіе, а и самъ русскій человѣкъ въ своей физической природѣ на новой родинѣ несомнѣнно долженъ видоизмѣниться. Вѣру въ то, что изъ русскаго человѣка въ Сибири образуется новый этнографическій типъ, уже высказывалъ Пыпинъ. Воздѣйствіе сибирскаго климата уже отмѣчено на организмахъ культурныхъ растеній. Относительно пшеницы наблюдатели открыли, что зерно сибирской пшеницы вырабатываетъ болѣе клейковины, чѣмъ русская. О клеверѣ пишутъ, что въ сибирскихъ условіяхъ клеверъ теряетъ въ развитіи листьевъ, но за то сибирское сѣмя клевера ядренѣе, почему агрономы рекомендуютъ сибирскимъ крестьянамъ культуру клевера не въ разсчетѣ на умноженіе корма для скота, а для продажи сѣмянъ, такъ какъ нѣмецкіе сельско-хозяева предпочитаютъ сѣмена клевера изъ восточныхъ частей Россіи своимъ. Если растенія испытываютъ вліяніе сибирскаго климата, то, вѣроятно, подчиняются ему и животныя, а вмѣстѣ съ ними и человѣкъ. Сдѣлано наблюденіе, что въ сухихъ климатахъ у людей развивается нервная раздражительность и слабѣе бываетъ развита лимфатическая система.

*) Сибирскій провинціализмъ: не хорошо!

Въ климатѣ Сибири прочный залогъ обособленія сибирскаго населенія какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Нѣкоторые публицисты, принимавшіе участіе въ сибирской полемикѣ о культурномъ самоопредѣленіи Сибири, выдвигали противъ своихъ противниковъ автономистовъ идею о нивеллирующемъ вліяніи цивилизаціи, особенно о вліяніи желѣзныхъ дорогъ, стирающихъ вліяніе культурныхъ и національныхъ особенностей. Но смѣна азіатскаго халата на европейскій сюртукъ еще не означаетъ упраздненіе національности и можно быть узкимъ націоналистомъ въ сюртукѣ и благороднымъ космополитомъ въ халатѣ. Правильнѣе та мысль, что цивилизація нивеллируетъ народы только въ внѣшней культурѣ и то можетъ быть только въ извѣстной степени, но въ области духа ведетъ къ расхожденію типовъ; цивилизація даетъ выходъ наружу скрытымъ богатствамъ народнаго духа. Клевету на желѣзныя дороги, будто они уничтожаютъ народныя особенности, а не развиваютъ ихъ, уже отпарировалъ въ свое время покойный украинскій публицистъ Драгомановъ (въ своей книгѣ „Россія и Польша“).

Когда проводятъ дорогу черезъ сибирскую тайгу, то дѣлаютъ просѣку, и чтобы осушить полотно дороги, и справа и слѣва отъ нея роютъ рвы для стока воды; выброшенная изъ рвовъ земля образуетъ два вала, которые тянутся непрерывно и справа и слѣва вдоль дороги. На этихъ отвалахъ земли вырастаетъ высокая и густая трава, во время цвѣтенія превращающая оба отвала въ непрерывные цвѣтники. Восхищеніе, въ которое приводятъ роскошь и блескъ этой растительности, подало поводъ сибирскому поэту Омулевскому написать стихотвореніе, которое начинается словами:

И направо цвѣты, и налѣво цвѣты
Будто зашелъ я въ запущенный садъ...

Но стоитъ ступить два шага въ сторону отъ этихъ цвѣтниковъ, т.-е. въ тайгу, оставшуюся въ прежней неприкосновенности, и вы не увидите ничего, кромѣ зыбуна и мочаговъ, мховъ и осоки; а между тѣмъ сѣмена для придорожныхъ отваловъ дала тайга, т.-е. растенія тѣхъ же видовъ, роскошно окрашенные цвѣты которыхъ превращаютъ отвалы въ „запущенный садъ“. Но въ тайгѣ они разсѣяны отдѣльными былинками между мочагами, разъединены большими разстояніями и потому не замѣтны. Улучшеніе путей сообщенія и проведеніе ихъ въ захолустья, не затронутые просвѣщеніемъ дѣлаютъ съ интеллектуальными силами населенія то же самое, что дорога, проложенная черезъ тайгу, дѣлаетъ съ таежной флорой.

Что же касается до нивеллирующаго дѣйствія дорогъ, то, конечно, никакая желѣзная дорога не въ состояніи отмѣнить воздѣй-

ствій климата на человѣка. Климатъ самый упорный, самый закоснѣлый сепаратистъ и ничто не помѣшаетъ ему вопреки шовинистскимъ, обрусительнымъ и т. п. вожделѣніямъ образовывать расу, если въ немъ самомъ есть особенности.

Буквально, а не иносказательно „въ воздухѣ виситъ“ сибирскій сепаратизмъ. Это вполнѣ безспорная истина, если разговоръ идетъ не о политическомъ, а о культурномъ сепаратизмѣ. Всякая область, какъ бы скромны не были ея размѣры, въ предѣлахъ культуры, искусства и умственной жизни имѣетъ право на самостоятельное, независимое отъ остальныхъ частей государства, развитіе своихъ силъ. Если область мало чѣмъ отличается отъ другихъ, то и это немногое не должно заглохнуть, и оно должно получить обработку, должно быть сдѣлано годнымъ для всеобщаго употребленія. Тѣмъ болѣе право это имѣютъ области съ такой обширной территоріей, какъ Сибирь, отличающейся многими физическими и общественными особенностями. Относительно инородческихъ племенъ Сибири этотъ вопросъ стоитъ иначе, противники сибирскихъ автономистовъ не возражаютъ противъ культурнаго и даже національнаго самоопредѣленія этихъ племенъ. Это право за нерусскимъ населеніемъ нужно признать во первыхъ въ узкихъ интересахъ самихъ этихъ племенъ; для нихъ необходимо общественное возрожденіе для своей защиты въ борьбѣ за существованіе; во вторыхъ умственная и общественная дѣятельность этихъ племенъ, развиваясь оригинально, внесетъ что-нибудь новое въ общую сокровищницу человѣческаго духа. Если эта производительность не будетъ плодовита, то все таки ея плоды будутъ интересны; это будутъ оригинальныя произведенія, продукты сибирскаго ума, воспитаннаго картинами тундры и тайги.

Если мы вѣримъ, что для человѣческаго общества будутъ интересны своеобразныя рѣшенія инородческаго ума, то почему не думать, что будетъ имѣть свою цѣнность и то, что будетъ выработано въ сибирской атмосферѣ русскимъ умомъ? Что будетъ создано, изобрѣтено, продумано и прочувствовано русскимъ человѣкомъ, переодѣвшимся въ остяцкую малицу и якутскіе торбаса или русскимъ человѣкомъ, превратившимся въ горца въ алтайскихъ и саянскихъ ущельяхъ?

Въ умѣ русскаго жителя Сибири живетъ неизгладимое сознаніе, что онъ живетъ не на родинѣ того ядра русскаго народа, которое создало русское государство, русскую литературу, русскую политическую жизнь, и ему не побороть въ себѣ желаніе продолжать творческую работу русскаго племени въ формахъ не старыхъ, а новыхъ, соотвѣтствующихъ его новой обстановкѣ. Это преломленіе русскаго народнаго духа подъ лучами сибирскаго солнца не обѣд-

нить, а только обогатить русскую жизнь. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что съ распространеніемъ просвѣщенія въ Сибири и съ пробужденіемъ чувства гражданскаго долга, у русскихъ уроженцевъ Сибири появились сепаратистическія идеи, т.-е. что они стали выдѣлять свои обязанности передъ сибирскимъ населеніемъ отъ обязанностей передъ русскимъ государствомъ. Чувство обособленности, которое неизбѣжно должно было явиться на новой территоріи должно было вызвать законное и полезное стремленіе къ соревнованію съ другими русскими областями. Должна была появиться мѣстно-патріотическая пресса, свои „литературныя мечтанія"; желаніе, чтобы народились свои поэты, свои художники, свои музыканты, свой театръ. Вмѣстѣ съ этимъ литературнымъ и артистическимъ сепаратизмомъ долженъ сказаться и сепаратизмъ въ публицистикѣ; должно появиться обсужденіе мѣстныхъ экономическихъ и общественныхъ нуждъ, обнаруженіе отрицательныхъ сторонъ мѣстной жизни, раскрытіе неравноправія съ другими областями, и затѣмъ защита интересовъ мѣстнаго населенія, стремленіе достигнуть уравненія въ правахъ и культурныхъ успѣхахъ съ другими областями, протестъ противъ всякой несправедливости, учиняемой въ отношеніи области

Въ этихъ формахъ, дѣйствительно, и проявилась областная центробѣжная сила Сибири. Въ тридцатыхъ годахъ появляются первые литераторы сибиряки; въ это время появляются повѣсти изъ сибирской жизни и нѣкоторыя изъ нихъ написаны уже сибиряками. Эти первыя сибирскія повѣсти почти лишены общественнаго значенія и совсѣмъ лишены художественнаго и потому для историка русской литературы не имѣютъ никакого интереса, но исторія развитія самосознанія Сибири должна упомянуть о нихъ, какъ о первыхъ приступахъ сибирской мысли къ работѣ. Время съ тридцатыхъ годовъ до шестидесятыхъ было періодомъ литературнаго пробужденія Сибири, но количество литературныхъ произведеній за этотъ тридцатилѣтній періодъ было ничтожно и достоинство того, что Сибирь поставила на книжный рынокъ за это время очень низко. Литературная весна Сибири не похожа на весну сибирской природы. Эта литературная нищета Сибири и такіе длинные роды этой литературы легко объясняются составомъ сибирскаго общества. Сибирь „мужицкое море", такъ называлъ ее ея уроженецъ публицистъ Г. З. Елисѣевъ; крестьянство образуетъ широкіе низы сибирскаго общества, надъ нимъ слой интеллигенціи, которая не прикрѣплена къ области, такъ какъ она не вырастаетъ изъ нѣдръ мѣстнаго общества, а пополняется изъ Европейской Россіи и потому чувствуетъ себя чуждой области; значительнѣйшая часть этой интеллигенціи,

состоящал изъ чиновниковъ, черезъ каждыя десять лѣтъ смѣняется, переводится въ Европейскую Россію, на свою старую родину. Купечество также не отлагаетъ прочную интеллигенцію, не даетъ устойчивыхъ фамилій. Промышленныхъ предпріятій, которыя бы надолго прикрѣпляли богатую фирму къ области, въ Сибири мало.

Сибирская буржуазія преимущественно состоитъ изъ лицъ, занимающихся торговлей, а капризы торговли то внезапно возводятъ фамилію изъ низовъ общества въ самые верхи его, то послѣ двухъ, трехъ поколѣній снова возвращаютъ ее въ низы. Вслѣдствіе этой неустойчивости сибирской интеллигенціи некому было пробудить въ сибирскомъ крестьянствѣ интересъ къ просвѣщенію, и оно, богатое, обезпеченное, сравнительно съ крестьянствомъ Европейской Россіи, до сихъ поръ не выдѣлило интеллигенцію изъ своихъ собственныхъ рядовъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, вмѣстѣ съ Ядринцевымъ, нарождается сибирская публицистика; начинаютъ выходить патріотическія газеты: „Сибирь“ въ Иркутскѣ, „Восточное Обозрѣніе“ въ Петербургѣ, редактируемое самимъ Ядринцевымъ и „Сибирская Газета“ въ Томскѣ. Ядринцевъ поднимаетъ рядъ областныхъ сибирскихъ вопросовъ, протестуетъ противъ приниженнаго и подчиненнаго положенія области, протестуетъ противъ ссылки, которая оскорбляетъ чувство сибирскаго патріота, противъ эксплоатаціи областного богатства въ исключительно государственномъ интересѣ, противъ колоніальной политики правительства. Ядринцевъ создалъ сибирскую журналистику, сообщилъ ей серьезный тонъ, поставилъ ее на путь общественнаго служенія. Въ это время сибирская литература обогатилась беллетристикой новаго характера (романъ „Шагъ за шагомъ“ Омулевскаго, романъ „Николай Негоревъ“ Кущевскаго, разсказы изъ народнаго быта Наумова). Въ нихъ уже отражается броженіе общественной мысли, чего въ произведеніяхъ прежняго періода не было, но дрожжи и на этотъ разъ были не свои, не сибирскія. Сибирская интеллигенція еще жила исключительно общими интересами съ остальной Россіей, мѣстные вопросы только впервые ставились Ядринцевымъ, а потому отраженія чисто мѣстныхъ желаній, чисто мѣстныхъ заботъ и печалей въ сибирской беллетристикѣ той эпохи нечего было и ждать.

Ядринцевъ имѣлъ друзей, которые около него составили кружокъ сибирскихъ сепаратистовъ. Исповѣданіе этого кружка, главнымъ образомъ, заключалась въ культурномъ сепаратизмѣ; молодые друзья Ядринцева ставили своей задачей проводить мысль о выдѣленіи Сибири въ области искусства и въ кругу общественныхъ идей. Они мечтали осуществить сепаратизмъ въ живописи,

музыкѣ, въ театрѣ, литературѣ, въ патріотизмѣ, въ матеріальной культурѣ и въ духовной жизни. Такой культурный сепаратизмъ не только не вредитъ для общаго отечества, напротивъ, онъ желателенъ, потому что превращаетъ безжизненную мертвую область въ живой организмъ, одаренный творчествомъ.

Культурный сепаратизмъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ привести, конечно, къ идеѣ о полномъ отдѣленіи области отъ государства. Въ отношеніи интересовъ человѣческаго прогресса вообще и политическій сепаратизмъ ничего не заключаетъ въ себѣ пагубнаго, но съ точки зрѣнія государственной власти, наблюдающей за цѣлостью государства, онъ правильно представляется опаснымъ. Есть грань, которая, съ точки зрѣнія государственной власти, отдѣляетъ въ областномъ сепаратизмѣ легальное отъ нелегальнаго.

Молодые друзья Сибири шестидесятыхъ годовъ не умѣли отдѣлить культурный сепаратизмъ отъ политическаго, или не хотѣли изъ чувства брезгливости къ голосу разсудка въ гражданскомъ дѣлѣ; въ своихъ думахъ о будущемъ Сибири они не могли разсортировать легальное и нелегальное. Первые же дни существованія кружки сибирскихъ сепаратистовъ были омрачены судебнымъ преслѣдованіемъ.

Въ 1864 г. правительство открыло существованіе сепаратистовъ въ Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ. Найдены были двѣ рукописныя прокламаціи, въ которыхъ говорилось объ отдѣленіи Сибири отъ Россіи и сибирское общество приглашалось даже къ вооруженному возстанію. Одна была найдена въ Омскѣ, другая въ Иркутскѣ. Первою была открыта омская, съ нея и сыръ боръ загорѣлся. Омскій кадетъ Г. Усовъ нашелъ въ письменномъ столѣ своего старшаго брата, казачьяго офицера Ѳед. Ник. Усова, завалявшійся между бумагами листокъ почтовой бумаги, на которомъ былъ набросанъ проектъ воззванія къ сибирскому населенію. Кадетъ унесъ прокламацію въ кадетскій корпусъ, какъ любопытную вещицу, ничего не сказавъ своему брату. Корпусное начальство случайно нашло прокламацію въ карманѣ кадета и передало ее жандармамъ. Было назначено слѣдствіе, послѣдовалъ рядъ обысковъ, во-первыхъ, въ квартирѣ казачьяго офицера Усова, во-вторыхъ, у его друзей въ Томскѣ; затѣмъ рядъ арестовъ лицъ, имена которыхъ были найдены въ захваченной перепискѣ, а также въ Красноярскѣ и Иркутскѣ. При обыскѣ въ одной квартирѣ въ Иркутскѣ была найдена другая прокламація. Болѣе десятка молодыхъ людей было арестовано и свезено въ Омскъ, гдѣ была образована слѣдственная комиссія. Громко пронеслось по сибирскимъ городамъ извѣстіе о дѣлѣ, которое преувеличенно было озаглавлено: „Дѣло

о злоумышленникахъ, возымѣвшихъ намѣреніе отдѣлить Сибирь отъ Россіи и основать въ ней республику на манеръ сѣверо-американскихъ штатовъ".

Самое преступное, что было открыто слѣдствіемъ въ этомъ дѣлѣ, это были, конечно, прокламаціи. Кто ихъ авторъ, осталось для судей невыясненнымъ. Объ иркутской прокламаціи Шашковъ разсказалъ, что онъ привезъ ее изъ Петербурга. Впослѣдствіи въ кругу сепаратистовъ появилось преданіе, что эта прокламація, написанная въ сильно грубыхъ выраженіяхъ, была сочинена иркутскимъ купцомъ Степаномъ Поповымъ, который въ молодости былъ либераломъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Бѣлоголовымъ былъ пайщикомъ въ изданіи первой частной въ Сибири газеты „Амуръ", выходившей въ Иркутскѣ, а кончилъ свою карьеру ханжей и сотрудникомъ епархіальныхъ вѣдомостей. Объ омской прокламаціи, можетъ быть, зналъ что-нибудь Ядринцевъ, который былъ знакомъ съ О. Н. Усовымъ и часто бывалъ у него въ Омскѣ, но я никогда не имѣлъ съ нимъ разговора объ этомъ.

Прокламаціи не были напечатаны, остались въ рукописи и никто не распространялъ ихъ, кромѣ кадета, самовольный поступокъ котораго нельзя вмѣнять въ вину составителямъ прокламаціи и приравнивать къ серьезной политической пропагандѣ.

Другое обвиненіе, тяготѣвшее надъ сепаратистами, состояло въ томъ, что они распространяли устно, въ разговорахъ со своими знакомыми о возможномъ въ будущемъ отдѣленіи Сибири отъ Россіи. Конечно, никакихъ активныхъ дѣйствій, никакого подготовленія къ этому отдѣленію не предпринималось; кромѣ развѣ стараній пріобрѣсть шрифтъ для того, чтобы напечатать прокламаціи. Разговоры объ отдѣленіи велись не въ видѣ конспирацій, а для того, чтобы сдѣлать общеизвѣстной, широкораспространенной мысль, что въ отдаленномъ будущемъ Сибирь можетъ существовать особо отъ Европейской Россіи. Сепаратисты хотѣли привлечь вниманіе сибирскаго общества къ мѣстнымъ областнымъ нуждамъ, хотѣли пробудить въ немъ мѣстный патріотизмъ.

Казалось, что какую картину будущаго благополучія области ни нарисуй, она не увлечетъ сибирскаго общества, не заставитъ его задуматься надъ судьбой своей области. Представленіе же о независимомъ сибирскомъ государствѣ вызоветъ радикальный переворотъ въ умахъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста и заставитъ ихъ работать. Даже и самыя прокламаціи, конечно, были написаны исключительно съ цѣлью произвести только сенсацію въ сибирскомъ обществѣ. Сепаратисты думали: пусть сибирское общество сразу отвергнетъ идею объ отдѣленіи Сибири, но возникнетъ громкое дѣло, обратитъ вни-

маніе общества на идею и оно задумается объ униженномъ положеніи своей области, а это-то и главное. Одно дѣло написать на знамени только: отмѣна ссылки, освобожденіе отъ экономическаго порабощенія фабричной Москвой и прекращеніе абсентеизма молодыхъ людей, словомъ, только перечесть сибирскіе вопросы, и другое дѣло — приписать къ этимъ требованіямъ еще отдѣленіе Сибири; совсѣмъ иное впечатлѣніе: воззваніе какъ будто произнесено болѣе мужественнымъ голосомъ. На эти рукописныя сибирскія прокламаціи ни историкъ, ни судья не могутъ смотрѣть, какъ на подготовленіе къ отдѣленію Сибири отъ Россіи; это было подготовленіе къ возбужденію въ сибирскомъ обществѣ критическаго отношенія къ положенію колоніи.

И еще было одно обвиненіе, но его нужно совсѣмъ снять съ сепаратистовъ. Ихъ обвиняли въ составленіи тайнаго общества подъ названіемъ „Сибирскій кружокъ“. Поводъ къ обвиненію былъ такой. Въ шестидесятыхъ годахъ сибиряковъ, выѣхавшихъ учиться въ Петербургъ, почти не было, но въ 1859 г. въ Петербургѣ уже былъ небольшой кружокъ Щукина, у котораго онъ и собирался разъ въ недѣлю. Собиралось человѣкъ шесть, семь, въ томъ числѣ сибиряковъ было только четыре. Съ отъѣздомъ Щукина въ Сибирь кружокъ разсыпался и возобновился съ пріѣздомъ Ядринцева. Назвать этотъ Ядринцевскій кружокъ тайнымъ обществомъ было большимъ преувеличеніемъ. Это были обыкновенные, въ политическомъ отношеніи невинные студенческіе журфиксы, на которые студенты собирались выпить пива и попѣть студенческія пѣсни. Были приложены старанія, чтобы соединить на этихъ журфиксахъ всѣхъ сибиряковъ изъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній; не набралось и тридцати.

Такъ какъ привлекали всѣхъ, какихъ бы кто взглядовъ ни держался, лишь бы сибирякъ былъ родомъ, то большинство кружка состояло изъ безпечныхъ въ гражданскомъ отношеніи буршей. Правда, всѣ они были настроены революціонно, но это настроеніе имѣло исключительно лирическій, преходящій характеръ. Два, три человѣка старались занять эту веселую компанію общественной задачей, но эта задача не была нелегальной; ставили въ обязанность каждому вернуться на родину, посвятить свою жизнь на изученіе ея нуждъ, на распространеніе въ Сибири прогрессивныхъ идей и на созданіе въ ней новыхъ условій жизни, выработанныхъ наукой Запада. Да и это все совершалось исключительно въ области разговоровъ. Единственная попытка перейти отъ разговоровъ къ дѣлу заключается въ проектѣ издать, какъ начало издательской для Сибири дѣятельности, особый сибирскій календарь, не подпольный, а подцензурный, по-

литически-благонадежный календарь. Впослѣдствіи въ восьмидесятыхъ годахъ Ядринцевъ устраивалъ такія будто-бы „тайныя общества“ еженедѣльно; въ его квартирѣ въ Петербургѣ по четвергамъ сибиряки, преимущественно молодежь, собирались на журфиксы и настроеніе собиравшейся тогда молодежи было, разумѣется, гораздо революціоннѣе, чѣмъ въ шестидесятыхъ годахъ.

Дѣло сепаратистовъ кончилось судебнымъ приговоромъ; одинъ изъ нихъ былъ присужденъ на 5 лѣтъ на каторгу, остальные пошли въ ссылку съ лишеніемъ правъ; ссылаемые были размѣщены по уѣзднымъ городамъ Архангельской и Олонецкой губерній. Такъ поплатились сибирскіе сепаратисты за свое увлеченіе служеніемъ Сибири, за свое стремленіе къ изученію нуждъ Сибири и ихъ удовлетворенію. До ссылки сибирскіе сепаратисты были почти совсѣмъ не свѣдущи въ мѣстныхъ сибирскихъ дѣлахъ; литература о Сибири только что ставила вопросы о сибирскихъ нуждахъ и разработка ихъ вся ожидалась только въ будущемъ.

Можно сказать, что Ядринцевъ и его друзья потерпѣли кару исключительно за одну свою любовь, выразившуюся въ однихъ только помыслахъ. Лѣтъ черезъ пять Ядринцевъ получилъ свободу, возвратился изъ ссылки въ Петербургъ и только тогда началась его работа по выясненію сибирскихъ нуждъ. Онъ началъ поднимать одинъ сибирскій вопросъ за другимъ и детально ихъ разрабатывать. Политическій сепаратизмъ былъ оставленъ въ сторонѣ, но послѣ ряда лѣтъ работы Ядринцева надъ сибирскими вопросами сепаратизмъ въ области взаимныхъ отношеній метрополіи и колоніи оказался проведеннымъ глубже и патріотизмъ колоніи сталъ лучше вооруженнымъ для борьбы съ эгоизмомъ метрополіи.

Самая главная нужда Сибири, къ удовлетворенію которой больше всего стремился Ядринцевъ, заключается въ установленіи правильныхъ взаимныхъ отношеній между метрополіей и колоніей. Отношенія между Европейской Россіей и Сибирью исторически установились такъ, что властная метрополія постоянно эксплоатировала покорную и безгласную колонію. Цѣнные и негромоздкіе продукты Сибири, удобные къ вывозу, какъ соболи, золото, были обращены въ государственную регалію. Колонія обращена въ мѣсто ссылки для преступныхъ элементовъ Европейской Россіи; такимъ образомъ метрополія очищала себя отъ неудобныхъ членовъ за счетъ колоніи. Въ угоду московскимъ фабрикантамъ колонія обратилась въ рынокъ для потребленія московскихъ фабрикантовъ; конкурренція съ Москвой мѣстныхъ промышленниковъ была невозможна въ виду могущества московскаго капитала; конкурренція иностранцевъ устранялась правительственными мѣрами; разрѣшенія порто-франко на

морскихъ берегахъ Сибири всегда вызывали отчаянные протесты московскихъ биржевиковъ; колонія остается вѣчно въ плачевномъ положеніи рынка сырья для Европейской Россіи, промышленность въ ней въ застоѣ. Правительство ни само не принимаетъ мѣръ къ устраненію наживательства московскихъ богачей на счетъ сибирскаго жителя, ни устраиваетъ на мѣстахъ колоніи органовъ, которые могли бы устранить или ослабить эту эксплоатацію. Край управляется чиновниками, присылаемыми изъ Европейской Россіи и хотя для пополненія сибирской интеллигенціи уроженцами Сибири открыты технологическій институтъ и два факультета университета, но и въ настоящее время верхніе слои сибирскаго общества чуть не сплошь состоятъ изъ пришлыхъ элементовъ; какъ низшіе слои сибирскаго общества правительство пополняло подонками общества Европейской Россіи, такъ и въ верхніе слои очо вливало элементы по большей части недоброкачественные. Аристократическія фамиліи высылали въ Сибирь своихъ неудачныхъ сыновей, страдавшихъ идіотизмомъ или пьянствомъ или несносныхъ по буйному характеру, бреттеровъ, шулеровъ и т. п., предполагая, что въ такой отдаленной и невѣжественной провинціи и эти дегенераты русской аристократіи будутъ терпимы и начальствомъ и обществомъ и если не сдѣлаютъ карьеры, то будутъ получать жалованье, ничего не дѣлая. Такіе enfants terribles навязывались петербургскими фамиліями даже золотопромышленнымъ администраціямъ. Дефектные экземпляры нерѣдко встрѣчались и между губернаторами; снижали на губернаторскихъ мѣстахъ и подолгу сошедшіе съ ума генералы, какъ, напримѣръ, Лохвицкій въ Якутскѣ или Заримко въ Томскѣ.

Какъ Европейская Россія сбывала въ Сибирь бракъ своихъ мануфактурныхъ произведеній, такъ она колонизовала Сибирь забракованными жизнью людьми. И эти дары свои метрополія посылала своей колоніи взамѣнъ того, что Сибирь отдавала ей или, по крайней мѣрѣ, продавала по принудительнымъ низкимъ цѣнамъ свои лучшіе товары: дорогіе мѣха и золото, а также и свои лучшія молодыя силы. За отсутствіемъ высшихъ спеціальныхъ училищъ въ краѣ, сибирскіе молодые люди должны были уѣзжать учиться за тысячи верстъ въ университеты и институты Европейской Россіи — дефекты сибирской жизни, который въ настоящее время устраненъ только отчасти; и теперь еще сибиряки ѣдутъ въ Европейскую Россію для изученія многихъ спеціальныхъ знаній, которыхъ высшая школа г. Томска не дастъ. Оставивъ родину въ молодые годы, не успѣвъ втянуться въ мѣстную общественную жизнь, молодые люди, очутившись въ чужой области, вовлекаются въ обще-

ственные интересы новой среды, отъ оставленной родины отвыкаютъ и сродняются съ новой средой. Кромѣ того, ихъ приковываютъ къ новому мѣсту и лучшія культурныя условія жизни, и они остаются тамъ, не возвращаются на родину. Вслѣдствіе этого, Сибирь, выдѣляя въ ряды русской интеллигенціи своихъ питомцевъ, оставалась безъ образованныхъ слугъ для удовлетворенія своихъ потребностей и вмѣсто своихъ собственныхъ сыновъ получала чиновниковъ, учителей, техниковъ, инженеровъ изъ Европейской Россіи. Вполнѣ будетъ справедливымъ сказать, что метрополія изъ природы мертвой и живой все свое дурное отправляла въ колонію, а все лучшее въ колоніи забирала себѣ.

Проработавъ болѣе десяти лѣтъ надъ сибирскими вопросами, Ядринцевъ всѣ свои взгляды на нужды Сибири и рѣшенія сибирскихъ вопросовъ, къ какимъ онъ пришелъ, изложилъ въ своей книгѣ „Сибирь, какъ колонія“, которая первымъ изданіемъ вышла въ 1882 г. Послѣ того прошло 25 лѣтъ. Главное все было сдѣлано Ядринцевымъ, который трудился надъ сибирскими вопросами почти одиноко, безъ видныхъ помощниковъ; послѣдующимъ поколѣніямъ предоставляется разработка подробностей.

Многообразныя нужды Сибири обобщаются одной идеей—уравненіе колоніи съ метрополіей во всѣхъ областяхъ жизни. Правительственныя мѣры, искусственно подавляющія интересы колоніи въ угоду метрополіи, должны быть упразднены; противъ условій, исторически сложившихся въ ущербъ колоніи и къ выгодѣ метрополіи правительство должно принять покровительственныя для колоніи мѣры. Нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи были уже сдѣланы правительствомъ и нѣкоторые сибирскіе вопросы уже лишились той болѣзненной остроты, которую они имѣли при жизни Ядринцева. Такъ, наприм., самый кричащій вопросъ при Ядринцевѣ былъ вопросъ о ссылкѣ. Теперь ссылка отмѣнена, но отмѣнена не радикально; она осталась для преступленій противъ вѣры и для политическихъ преступленій. Такъ какъ разлагающее дѣйствіе людей, подвергающихся этой ограниченной ссылкѣ, направляется только на убѣжденія населенія, а на сибирскіе нравы развращающаго дѣйствія имѣть не могутъ, то Сибирь могла бы мириться съ этой ссылкой, но какъ бы то ни было это все таки для Сибири опасный прецедентъ, который можетъ соблазнить правительство опять расширить ссылку. Эта возможность для правительства частично расширить ограниченную ссылку до сихъ поръ окончательно не устранена. Лазейку для этого представляютъ построенныя въ Сибири тюрьмы для каторжныхъ работъ; правительство можетъ расширить тюрьму; наплывъ ссыльныхъ въ ка-

торгу въ сибирскія тюрьмы увеличится; по окончаніи срока работъ ссылаемые будутъ, конечно, поселяемы въ Сибири. Поэтому ссылка и теперь виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ Сибирью.

Другой больной вопросъ въ Сибири — абсентеизмъ молодежи. Какъ мѣру противъ этого зла Ядринцевъ пропагандировалъ въ сибирскомъ обществѣ идею объ открытіи университета. И въ этомъ вопросѣ правительсто пошло на встрѣчу нуждамъ Сибири; оно открыло университетъ и, кромѣ того, технологическій институтъ. Но такъ какъ сибирскій университетъ состоитъ только изъ двухъ факультетовъ и технологическій институтъ не охватываетъ всѣхъ отраслей техники, то томскія высшія школы не могутъ снабжать Сибирь филологами, математиками, историками, натуралистами, агрономами, лѣсничими и т. д. и уроженцамъ Сибири за многими знаніями приходится уѣзжать въ Европейскую Россію. Въ одномъ Петербургѣ насчитывается до 500 сибиряковъ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Третій крупный сибирскій вопросъ—экономическое порабощеніе Сибири московской мануфактурой—былъ менѣе другихъ затронутъ Ядринцевымъ, такъ какъ онъ придерживался ученія соціалистовъ и не находилъ нужнымъ много отдавать вниманія вопросу, въ которомъ больше всего заинтересована была сибирская буржуазія. Это самый сложный, самый мудреный сибирскій вопросъ, способный вызвать партійныя разногласія, и для правительства наиболѣе трудно разрѣшимый. Отмѣна ссылки затруднялась только финансовыми соображеніями; съ прекращеніемъ ссылки надо было строить новыя тюрьмы; въ обществѣ же метрополіи рѣшеніе этого вопроса въ пользу колоніи особенно сильнаго протеста не возбуждало; протестовало въ журналистикѣ только нѣсколько голосовъ во имя гуманности; эти журналисты отстаивали ссылку потому, что находили ее менѣе жестокимъ насиліемъ надъ человѣкомъ, чѣмъ одиночное заключеніе въ пенитанціарной тюрьмѣ. Правительство не придавало значенія этимъ заступникамъ за право метрополіи спускать общественные отбросы въ колонію; у него было одно затрудненіе — денежный расходъ. Другой вопросъ, открытіе высшей школы въ колоніи тоже смущалъ правительство только вопросомъ о средствахъ. Тутъ требованіе сибирскаго населенія никакого протеста въ метрополіи не вызывало; много что два, три обскуранта подали свой голосъ противъ; большая часть общества метрополіи доброжелательно отнеслось къ рѣшенію правительства въ пользу Сибири.

Иной вопросъ улаженіе столкновенія экономическихъ интересовъ московской биржи и Сибири. Здѣсь затрагиваются карманы московскихъ биржевиковъ и промышленниковъ. Всякая попытка рас-

положить голоса въ правительственныхъ сферахъ въ пользу открытія порто-франко въ устьяхъ океаническихъ рѣкъ Сибири или уничтоженіе перелома желѣзнодорожнаго тарифа въ Челябинскѣ поднимаетъ на московской биржѣ и въ рядахъ аграріевъ и хлѣботорговцевъ ропотъ, который оказывается, понятно, гораздо могущественнѣе голосовъ гуманистовъ, протестовавшихъ противъ отмѣны ссылки, или обскурантовъ, кричавшихъ противъ сибирскаго университета.

Своекорыстіе метрополіи проявилось и въ вопросѣ о поземельномъ фонѣ Сибири, который возникъ недавно въ связи съ вопросомъ о переселенцахъ. Когда Ядринцевъ начиналъ свою публицистическую дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ этотъ переселенческій вопросъ — четвертый крупный по счету изъ сибирскихъ вопросовъ—имѣлъ совсѣмъ другое значеніе. До шестидесятыхъ годовъ переселеніе въ Сибирь было ничтожно; крѣпостное право не давало крестьянамъ свободы переселенія; тогда населеніе въ Сибири было жидко, разстоянія между деревнями были большія, торговыя сношенія были вялы, рѣки были мертвы и не оживлены судоходствомъ, города были немноголюдны; жидкость и разсѣянность населенія считались причиной, задерживающей успѣхи культуры въ Сибири. Отсутствіе переселенній, которыя могли бы сгустить населеніе въ Сибири, составляло печаль и заботу сибирскихъ патріотовъ того времени, и когда крѣпостное право пало и крестьянская масса двинулась въ Сибирь, сибирскіе патріоты радостно привѣтствовали начало новой колонизаціи. Но правительство стало принимать мѣры, чтобы сдерживать переселенческую волну; жандармы высаживали переселенцевъ изъ вагоновъ и возвращали назадъ. Сибиряки не сочувствовали этой политикѣ правительства, проводимой въ интересахъ аграріевъ и даже протестовали въ журналистикѣ. Позднѣе, когда переселенческая волна усилилась, отношеніе сибирской публицистики къ переселенческому движенію измѣнилось; начались конфликты между старожилами и новоселами, появились жалобы на утѣсненіе въ землѣ и, наконецъ, выросъ вопросъ о правахъ и претензіяхъ на сибирскій поземельный фондъ. Оказывается, что вопросъ о сибирскомъ поземельномъ фондѣ заинтересовалъ русскихъ аграріевъ; политика метрополіи, руководимая ея аграріями, думаетъ въ использованіи сибирскаго поземельнаго фонда найти рѣшеніе вопроса о малоземельѣ въ метрополіи. Прежде правительство ставило переселенческому движенію рогатки, скупилось отпускать деньги въ пособіе переселенцамъ, дѣлало секреть изъ этихъ ассигновокъ, чтобы не подзадорить крестьянъ къ переселенію, издавало книжки о Сибири, которыя имѣли цѣлью тенденціознымъ описаніемъ страны расхолаживать крестьянъ, стремящихся въ Сибирь.

При новомъ курсѣ политики, наоборотъ, администрація мусспруетъ переселеніе.

Справедливость требуетъ, чтобы при рѣшеніи вопроса объ эксплуатаціи сибирскаго поземельнаго фонда принимались въ расчетъ не одни интересы метрополіи, желающей снабдить землей безземельныхъ крестьянъ, ослабить земельную нужду въ метрополіи, уменьшить опасность погромовъ для аграріевъ, а также и интересы сибирскихъ старожиловъ, какъ русскихъ жителей Сибири, такъ и сибирскихъ инородцевъ. Непремѣнно долженъ быть выслушанъ по этому вопросу голосъ сибирскаго населенія, потому что въ будущемъ подъ создаваемыми новымъ положеніемъ условіями придется жить населенію колоніи, а не населенію метрополіи.

Въ Маріинскомъ уѣздѣ поселилась въ тайгѣ община старообрядцевъ; община состояла изъ людей, сошедшихся изъ разныхъ мѣстъ; они здѣсь жили по паспортамъ, не приписанные къ новому мѣсту жительства. Они построили деревеньку, расчистили тайгу подъ пашни и создали культурный уголокъ. Но явился чиновникъ, которому было поручено нарѣзать участки для переселенцевъ. Онъ проводитъ межи для новаго переселенческаго поселка и замежевываетъ въ надѣлъ этому поселку и всю ту землю, которую старообрядцы расчистили, удобрили и уже не разъ засѣвали, оставивъ въ ихъ пользованіи однѣ ихъ усадьбы. Вотъ точная копія той судьбы, которая постигаетъ инородческія племена въ ихъ столкновеніи съ переселенцами; разница только въ томъ, что исторія обезземеленія инородцевъ разыгрывается въ грандіозныхъ размѣрахъ. То самое, что этотъ чиновникъ совершилъ надъ бѣдными старообрядцами, злой геній сибирскихъ инородцевъ совершаетъ со всѣми инородческими племенами.

Инородцы, какъ старинные обитатели Сибири, считали всѣ сибирскія земли своимъ владѣніемъ. Частной земельной собственности не было. У бродячихъ инородцевъ, т.-е. у звѣроловческихъ племенъ не было понятія и о родовыхъ земляхъ; у скотоводовъ существовало понятіе о правѣ рода на землю; каждый родъ имѣлъ право на опредѣленныя зимовки и лѣтовки; перекочовки рода ограничивались извѣстнымъ пространствомъ, но и у скотоводовъ не было межевыхъ знаковъ. Явились русскіе. Правда, они тоже не принесли въ Сибирь институтъ частной поземельной собственности, а если и принесли, то очень поздно и притомъ въ небольшихъ размѣрахъ, но съ приходомъ русскихъ появились въ Сибири общинныя земли. Разница, внесенная русской колонизаціей, заключается, во-первыхъ, въ томъ, что участки общинныхъ земель, состоящіе изъ пашенныхъ земель, выгона и сѣнокосныхъ луговъ меньше, чѣмъ

при родовомъ земленользованіи, во-вторыхъ въ томъ, что границы участка точно оформлены межевыми знаками.

Исторія Сибири собственно есть исторія колонизаціи ея, т. е. исторія заселенія ея русскими, а исторія колонизаціи Сибири есть ни что иное, какъ исторія постепеннаго захвата русскими земель у инородцевъ. Сначала количество земли, захваченной русскими колонистами у инородцевъ, было, конечно, не велико, но съ годами оно постепенно увеличивалось съ постояннымъ ростомъ русской колонизаціи; а въ послѣднее время, когда притокъ русскихъ переселенцевъ внезапно усилился, захватъ инородческихъ земель сталъ принимать головокружительные размѣры. Значительная часть переселенцевъ селится въ районахъ, занятыхъ уже давно русскимъ племенемъ, и селясь между старожильскими селеніями, они тѣснятъ старожиловъ, но часть переселенцевъ надвигается также и на стойбища инородцевъ; они тѣснятъ киргизовъ, бурятъ въ Забайкальи, алтайцевъ въ Алтаѣ, остяковъ въ Тобольской и Томской губ. При столкновеніи съ этими двумя средами, съ средой инородческой и средой русскихъ старожиловъ, переселенцы встрѣчаютъ сопротивленіе не одинаковой силы. Въ районахъ, занятыхъ русскими старожилами, они натыкаются на межевые знаки, ограждающіе надѣлы селеній. У земель, занятыхъ подъ стойбища и пастбища кочевниковъ, межевыхъ знаковъ нѣтъ. Новоселы, селясь въ районѣ, занятомъ русскими старожилами, чувствуютъ, что они могутъ своего земельнаго конкурента, этого старожила потѣснить немножко, но сдвинуть его съ мѣста, прогнать не могутъ. Старожилы уменьшатъ разбросанность своихъ пашенъ, стянутъ ихъ ближе къ своему селенію, приблизятся къ деревенскому порядку европейской Россіи, изъ пашни селенія образуютъ одно сплошное пахотное поле, окружающее деревню, но они не бросятъ своей деревни и не уйдутъ на другое мѣсто; правда, бывали такіе случаи, что старожилы, при наплывѣ новоселовъ, переселялись даже не въ одиночку, а цѣлымъ селеніемъ въ другія мѣста, но эти случаи рѣдки. Въ инородческихъ же стойбищахъ, напротивъ, это общее правило. Палатка, въ которой живетъ кочевникъ и которую онъ еженедѣльно или ежемѣсячно переноситъ на новую землю, не можетъ внушить переселенцу мысль о томъ, что земля, на которой стояла вчера палатка, составляетъ такое же прочное достояніе этого кочевника, какъ и сама палатка. Русскій старожилъ потому менѣе уступчивъ, чѣмъ инородецъ, что ему не такъ то легко перенести свою избу на новое мѣсто, тогда какъ кочевникъ безъ особеннаго труда перемѣщаетъ свою палатку съ мѣста на мѣсто, и при напорѣ переселенцевъ удаляется въ болѣе отдаленныя части страны. Такимъ

образомъ подъ конецъ оказывается, что вся территорія, которая когда то была занята инородцами, оказывается въ рукахъ русскихъ. а инородцы оказываются загнанными въ пустыню. Положеніе ихъ хуже, чѣмъ старообрядцевъ: тамъ чиновникъ все таки остановился передъ усадьбами; здѣсь нѣтъ никакого задерживающаго захватъ обстоятельства. Загнанные въ неудобныя для культуры части страны, инородцы бѣднѣютъ, страдаютъ отъ болѣзней и вымираютъ, нѣкоторые молча, безъ протеста, другіе издавая крикъ отчаянія въ родѣ, напримѣръ, телеграммы, которую нынѣшнимъ лѣтомъ послали министру внутреннихъ дѣлъ западныя дючины алтайцевъ, и смыслъ которой былъ: „Намъ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ".

Разработкой перечисленныхъ пяти вопросовъ (отмѣна ссылки, университетскій вопросъ, защита отъ московской эксплоатаціи, вопросы переселенческій и инородческій) Ядринцевъ положилъ начало общественному самосознанію Сибири. Въ публицистикѣ Ядринцева впервые раздался голосъ Сибири, обращенный къ метрополіи. Въ настоящее время главная потребность Сибири усилить этотъ голосъ, сдѣлать его болѣе ощутительнымъ и внушительнымъ. Ядринцевъ дифференцировалъ чувство обще-русскаго патріотизма на чувство къ общему отечеству и на чувство къ своей области Сибири; его публицистическая дѣятельность не упразднила въ сердцахъ сибиряковъ общаго русскаго патріотизма, внутри этого патріотизма онъ только отпочковалъ новое чувство мѣстнаго патріотизма. Это мѣстное чувство Ядринцевъ воспитывалъ въ своихъ землякахъ посредствомъ критики отрицательныхъ сторонъ сибирской жизни. Нѣкоторыя изъ желаній Ядринцева исполнились, но много еще осталось впереди, и это составитъ работу слѣдующихъ поколѣній. Такъ какъ дѣло рукъ человѣческихъ несовершенно, то и въ будущемъ всегда найдутся отрицательные факты, и сибирскимъ поколѣніямъ предстоитъ много дѣла въ смыслѣ развитія культурнаго сепаратизма Сибири. Результаты, достигнутые сибирской публицистикой, состояли или въ устраненіи дефектовъ сибирской жизни (отмѣна ссылки) или въ созданіи необходимыхъ для страны учрежденій (университетъ).

Ядринцевъ оставилъ слѣдующимъ поколѣніямъ не одни только образцы разрушительной критики сибирской жизни, но завѣщалъ также руководящую идею созидательной дѣятельности. Онъ пропагандировалъ самостоятельность сибирскаго общества. Оно не должно только получать съ благодарностью новыя блага, оно должно само создавать новыя условія, само должно открывать полезныя учрежденія, само украшать сибирскую жизнь и стараться сдѣлать Сибирь не только для жизни сносной, но и соблазнительной. Онъ

былъ не доволенъ такимъ положеніемъ, при которомъ прогрессивныя формы жизни проникаютъ въ Сибирь помимо воли и сознанія мѣстнаго общества; про такой прогрессъ онъ говорилъ, что это не прогрессъ, а эндосмозъ.

Для концентрированія творчества умственныхъ силъ сибирскаго общества могутъ служить два учрежденія: университетъ и органъ для законодательной работы (областная дума). На долю послѣдняго выпадаетъ практическое рѣшеніе намѣченныхъ жизнью сибирскихъ вопросовъ; автономная сибирская дума должна создать матеріальное благоденствіе Сибири, а университетъ ея духовную жизнь. Эти два учрежденія должны стремиться къ завершенію культурной независимости Сибири отъ метрополіи; они должны сдѣлаться цѣлью и любимыми дѣтищами сибирскаго общества, которое должно всѣ силы употребить, чтобы довести ихъ до возможно высшей степени процвѣтанія и могущества.

Но, чтобы университетъ дѣйствительно, сталъ душою сибирскаго общества нужно, чтобы онъ сдѣлался представителемъ всей науки во всемъ ея цѣломъ, а не представлять собою только половину науки, какъ Томскій университетъ, состоящій только изъ двухъ факультетовъ: медицинскаго и юридическаго, т. е. факультетовъ болѣе утилинарнаго характера. Факультеты же физико-математическій и историко-филологическій, т. е. факультеты, которые могутъ смягчить утилитарный характеръ университета и превратить его въ храмъ чистой науки, до сей поры еще не открыты. Вопросъ о двухъ факультетахъ уже поднятъ въ журналистикѣ, въ наказахъ депутатамъ въ Государственную Думу и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Мотивомъ къ ходатайству объ открытіи двухъ недостающихъ факультетовъ должны служить не столько практическія соображенія о нуждахъ среднеучебныхъ заведеній, сколько духовныя нужды самого университета. Университетъ долженъ быть школой не только юношества, но всего общества въ данной области; онъ долженъ стать руководителемъ интеллигентныхъ силъ области, а для этого онъ долженъ стать храмомъ всесторонняго знанія, соотвѣтственно разностороннимъ духовнымъ запросамъ окружающей среды. Неполный университетъ не можетъ охватить всю жизнь области, а потому и связь его съ областью будетъ не полная и не прочная.

Идея о сибирской областной думѣ впервые была высказана на совѣщаніи пяти бюро пяти томскихъ просвѣтительныхъ и ученыхъ обществъ, занимавшихся обсужденіемъ вопросовъ о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири; пожеланіе учрежденія областной думы было вставлено въ проектъ положенія о введеніи земства, выраба-

танномъ на этомъ совѣщаніи. Та же мысль объ областной думѣ заявлена и въ основныхъ положеніяхъ „Сибирскаго областнаго союза“, который былъ организованъ въ Томскѣ одновременно съ земскимъ совѣщаніемъ. Позже эта идея вызвала обсужденіе этого вопроса въ сибирской прессѣ и между прочимъ въ „Сибирскихъ вопросахъ“, издаваемыхъ г. Сукачевымъ въ Петербургѣ. Она была затронута въ статьѣ П. А. Голубева „Томскій проектъ земскаго положенія для Сибири“ (Спб. Вопр. 1905 г. № 1) и потомъ въ статьѣ редактора журнала П. М. Головачева: „Сибирская областная дума“ („Сиб. Вопр.“, 1907 г. № 14). Г. Головачевъ совершенно правильно утверждаетъ, что Государственная Дума тѣсна для того, чтобы представить въ себѣ все многообразіе интересовъ такой пестрой и по культурѣ и по языку страны, какъ Сибирь. Въ первую думу, кромѣ киргизъ, не было избрано ни одного инородца: былъ одинъ, но это не былъ настоящій инородецъ, а самый заправскій русскій крестьянинъ, числящійся въ административныхъ спискахъ въ званіи инородца. Не имѣли представителя ни сибирскіе татары, ни алтайцы, ни остяки, ни буряты и т. д. Во вторую думу попалъ одинъ алтаецъ, но опять не было ни остяка, ни самоѣда, ни тунгуса. И если бы законное право на представительство инородцевъ было бы удовлетворено, то что бы эти представители стали дѣлать въ Думѣ, которая вотъ уже въ третій разъ собирается обсуждать только общегосударственные вопросы. Ни въ первой, ни во второй Думѣ не обсуждался ни сибирскій вопросъ въ частности, ни вопросъ о русскихъ областяхъ вообще, и та часть сибирскихъ депутатовъ, которые вошли въ Думу защищать не программу партій, какія существуютъ въ сибирскихъ городахъ среди городской интеллигенціи и въ болѣе низкихъ примыкающихъ къ ней городскихъ рядахъ, а интересы колоніи отъ натиска метрополіи, чувствовали себя въ Государственной Думѣ праздными зрителями и слушателями. Они чувствовали, что ихъ настоящее мѣсто не въ Государственной Думѣ, а въ областной; только въ этой послѣдней они могли бы обнаружить во всей полнотѣ свою работоспособность, и только обращаясь къ метрополіи изъ областной думы они могли бы заговорить внушительно.

Для разработки спеціальныхъ нуждъ Сибири необходимо учрежденіе сибирской областной думы, общей для всей Сибири. Въ отдѣльныхъ частяхъ Сибири, на которыя она расчленяется, должны быть учреждены болѣе мелкіе, болѣе или менѣе автономные органы. Такіе же органы необходимы и для инородческихъ племенъ, при чемъ интересы каждаго племени должны быть объединены учрежденіемъ для каждаго племени одной общей думы. Такъ, всѣ бурятскія

„вѣдомства“ и „степныя думы“ должны быть объединены одной общей бурятской думой, Киргизы должны получить свою думу для цѣлаго киргизскаго народа; алтайскія дючины, разсѣянныя какъ въ Бійскомъ, такъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, должны слиться въ лицѣ одной алтайской думы.

Въ доконституціонное время выразителемъ нуждъ Сибири была одна только журналистика. Въ Сибири не было даже земскаго представительства, и потому предъявлять свои нужды черезъ посредство представителей Сибирь не имѣла возможности. Со введеніемъ конституціи явилась возможность доводить свои желанія до всеобщаго свѣдѣнія посредствомъ наказовъ депутатамъ Государственной Думы. Пользуясь между прочимъ какъ пособіемъ, этими наказами можно составить слѣдующій перечень пожеланій, заявляемыхъ правительству сибирскимъ населеніемъ.

На первый планъ и журналистикой и нѣкоторыми наказами выдвигается дарованіе Сибири самаго широкаго самоуправленія. Выдвигается требованіе учрежденія въ Сибири автономной областной думы съ соотвѣтствующими исполнительными органами и съ выдѣленіемъ сибирскихъ финансовъ изъ финансовъ государственныхъ, съ предоставленіемъ этому областному парламенту завѣдывать всѣмъ хозяйствомъ колоніи. Областной думѣ должно быть передано завѣдываніе лѣснымъ, горнымъ и воднымъ богатствомъ области. Ей же передается распоряженіе поземельнымъ фондомъ Сибири. Аграрный вопросъ, такъ сильно волнующій метрополію, касается Сибири только рикошетомъ; существенно въ Сибири его нѣтъ. Сибирское крестьянство единодушно протестуетъ противъ разрѣшенія вопроса усиленнымъ переселеніемъ въ Сибирь; крестьяне боятся, что чрезмѣрное переселеніе создастъ и въ Сибири малоземелье; областная интеллигенція, идя слѣдомъ за сибирскимъ крестьянствомъ, видоизмѣняетъ вопросъ въ вопросъ о томъ, кому вѣдать областнымъ земельнымъ фондомъ, центральному ли правительству или мѣстному самоуправленію, и склоняется къ рѣшенію въ послѣднемъ смыслѣ, или по крайней мѣрѣ требуетъ соглашенія центральнаго правительства съ мѣстными органами распоряженія народнымъ хозяйствомъ. Соотвѣтственно съ этимъ и переселенческое дѣло должно вестись съ участіемъ мѣстныхъ органовъ, за которыми въ этомъ случаѣ слѣдуетъ признать рѣшающій голосъ. Кабинетскія земли должны быть возвращены въ крестьянское пользованіе, относительно другой поземельной собственности, въ небольшихъ размѣрахъ существующей въ Сибири, вопросъ въ будущемъ долженъ быть рѣшенъ областной думой. Земли и угодья, неразумно щедро розданныя прежнимъ государственнымъ режимомъ и хапжескими городскими управами

церквамъ, монастырямъ и архіерейскимъ домамъ, подлежатъ экспропріаціи и возвращенію къ прежнимъ владѣльцамъ. Чулымманскій монастырь въ Алтаѣ долженъ быть лишенъ земельныхъ владѣній, которыя должны вновь поступить въ пользованіе мѣстныхъ инородцевъ. Равнымъ образомъ горячія воды въ долинѣ Тукки должны быть изъяты изъ владѣнія иркутскаго духовенства.

Всѣ искусственныя мѣры, придуманныя метрополіей къ тому, чтобы помѣшать стремленіямъ колоніи сравнять свою промышленность и торговлю съ метрополіей, необходимо упразднить, какъ, напримѣръ, челябинскій переломъ желѣзнодорожнаго тарифа, учрежденный съ цѣлью воспрепятствовать сибирскому хлѣбу конкурировать съ хлѣбомъ метрополіи на всемірномъ рынкѣ, или, напримѣръ, закрытіе порто-франко на устьяхъ Оби и Енисея въ угоду владѣльцамъ русскихъ фабрикъ стеариновыхъ свѣчъ, опасающихся ввоза свѣчъ изъ Англіи. Сибири должно быть предоставлено право пользоваться извѣстнымъ процентомъ съ доходовъ государственной казны отъ золотопромышленности, съ таможенъ, устроенныхъ на сибирско-азіатской границѣ, и съ другихъ регалій и государственныхъ монополій.

Дальній востокъ Сибири, т.-е. амурско-приморскій край представляетъ аванпостъ Сибири противъ Японіи, онъ нуждается въ учрежденіяхъ, которыя обезпечили бы краю самый быстрый и вѣрный успѣхъ въ процвѣтаніи культуры. Поэтому дальній востокъ долженъ быть снабженъ политическими учрежденіями, болѣе свободными, чѣмъ остальная Сибирь.

По отношенію къ интересамъ сибирскихъ инородцевъ, учрежденіе областной думы выгодно, во-первыхъ, потому, что въ Государственной Думѣ трудно устроить представительство всѣхъ мелкихъ сибирскихъ племенъ, тогда какъ въ областной могутъ быть представлены и немноголюдныя вымирающія племена, а это необходимо потому, что мелкія племена часто отличаются своеобразными условіями жизни и нуждаются въ неотложномъ разсмотрѣніи ихъ нуждъ подъ страхомъ скораго исчезновенія племени. Во-вторыхъ, интересы инородцевъ будутъ лучше ограждены, если надъ ними будутъ наблюдать двѣ думы, Государственная и областная, а не одна Государственная. Когда будетъ существовать областная дума, къ ней перейдетъ почти все народное хозяйство; въ сибирской областной думѣ большинство будетъ принадлежать русскому племени, и потому нужно ожидать, что въ случаяхъ, гдѣ интересы инородцевъ столкнутся съ интересами русскихъ, русское большинство не всегда окажется на сторонѣ справедливости. Тогда инородцамъ представляется возможность аппеллировать къ центральной думѣ, которая, не заинте-

рсованная въ эксплоатаціи богатствъ, находящихся на территоріи, занятой инородцами, такъ какъ все хозяйство колоніи отойдетъ къ областной думѣ, разрѣшитъ конфликтъ колоніи со своими инородцами въ пользу послѣднихъ. При отсутствіи же областной думы все народное хозяйство будетъ въ вѣдѣніи Государственной Думы, и та своекорыстная политика, которая пугаетъ въ будущей областной думѣ, сдѣлается возможной, вѣрнѣе сказать, сдѣлается неизбѣжной въ Государственной думѣ, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ инородцы уже не будутъ имѣть защиты въ другой, поставленной выше, коллегіи.

Вторая важнѣйшая потребность Сибири—широкое распространеніе просвѣщенія. До японской войны Сибирь не имѣла международнаго значенія. Никому до нея не было дѣла, она жила въ углу, отгороженномъ со всѣхъ сторонъ. Съ одной стороны неприступный сѣверный океанъ, съ другой такою же неприступностью отличавшіяся два государства, Китай и Японія со своею политикою закрытыхъ дверей, наконецъ, съ третьей—метрополія со своей дворянской политикой, которая смотрѣла на Сибирь, какъ на неважный придатокъ къ имперіи, полезный только, какъ мѣсто, отведенное для государственныхъ отваловъ; Сибирь, писалъ нѣкогда Сперанскій изъ Сибири, интересна только, какъ мѣсто ссылки и разработки нѣкоторыхъ полезныхъ ископаемыхъ. Острогъ и рудникъ—этимъ исчерпывается значеніе Сибири для Россіи. Міровая жизнь происходила на западѣ, Россія была обращена фронтомъ къ Европѣ, Сибирь находилась у нея въ тылу, огражденная своими неприступными границами, и лѣнивая русская политика думала, что можно безнаказанно держать Сибирь въ состояніи вѣчнаго жалкаго прозябанія, не пробуждая въ ней гражданской жизни и умственной самодѣятельности. Но японская война измѣнила положеніе вещей. Сибирь получила международное значеніе. Она предназначена играть роль буфера между Европейской Россіей и Японіей. Но для того, чтобы служить надежнымъ буферомъ, она должна преобразиться изъ безжизненнаго тѣла въ живой, дѣятельный организмъ, способный къ самозащитѣ. Такимъ можетъ его сдѣлать только широкое распространеніе просвѣщенія. Между тѣмъ, старый режимъ всѣ свои силы тратилъ на насильственную руссификацію инородцевъ, а просвѣщеніе русской массы всѣми мѣрами задерживалось. Сибирь, какъ область, находившаяся въ тылу государства, менѣе всего пользовавшаяся заботами министерства народнаго просвѣщенія, оказывается теперь самой невѣжественной, самой малограмотной провинціей въ имперіи. Куломзинъ во время своего проѣзда черезъ Сибирь собралъ свѣдѣнія о народныхъ школахъ Си-

бири и представилъ докладъ о состояніи народнаго просвѣщенія въ ней. Докладъ былъ напечатанъ, но для распространенія въ публикѣ не допущенъ и остался секретомъ, доступнымъ только для государственныхъ людей высшаго ранга, какъ-будто печальное состояніе просвѣщенія Сибири можетъ быть оцѣнено и оплакано только ими одними. Въ числѣ характеризующихъ это положеніе фактовъ въ докладѣ указывается, что на цѣлую Енисейскую губернію изъ государственнаго казначейства отпускалось всего 900 рублей. Удивляться ли послѣ этого, что „русская Америка“ безграмотна.

Въ виду своего новаго положенія Сибирь должна употребить героическія усилія, чтобы наверстать потерянное время. Она должна затратить всѣ свои силы, чтобы умножить средства народнаго образованія, покрыть Сибирь правильной непрерывной сѣтью сельскихъ школъ, а также, создать многочисленныя средства для внѣшкольнаго образованія, общества попеченія о начальномъ образованіи въ селахъ, развить систему сельскихъ библіотекъ, народныхъ чтеній въ деревняхъ и пр., учредить стипендіи при гимназіяхъ и высшихъ школахъ для крестьянскихъ дѣтей, словомъ направить всѣ свои силы къ тому, чтобы сдѣлать университетъ и вообще высшую школу учрежденіями, предназначенными для крестьянъ. Только когда сибирскій университетъ превратится въ „мужицкій университетъ“, только когда исполнится эта завѣтная мечта Ядринцева, Сибирь получитъ свою подлинную интеллигенцію, неподкупно преданную интересамъ мѣстнаго населенія. Въ настоящее время въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Сибири и въ ея высшей школѣ большинство учащихся—дѣти сибирскихъ чиновниковъ и купцовъ, а крестьянскихъ дѣтей ничтожный процентъ. Поэтому естественно, что высшая школа выпускаетъ очень мало сибирскихъ патріотовъ, ставящихъ себѣ въ обязанность служить сибирскому крестьянству. Необходимо создать условія, при которыхъ масса крестьянскихъ дѣтей проходила бы черезъ сибирскія среднія учебныя заведенія, чтобы юноши изъ деревень заполонили скамьи университета и вотъ только тогда Сибирь не будетъ имѣть предателей, а будетъ получать изъ высшей школы образованныхъ, безкорыстныхъ и непоколебимыхъ защитниковъ ея интересовъ, воодушевленныхъ благородною любовью къ сибирскому крестьянству.

Высшая школа Сибири должна быть пополнена отдѣлами, которыхъ въ ней не достаетъ, такъ чтобы классификація наукъ, чистыхъ и прикладныхъ, была представлена въ ней во всю свою длину, безъ пробѣловъ, и въ первую голову должны быть открыты два философскихъ, отсутствующихъ въ Сибири факультета: физико-математическій и историко-филологическій.

Руссификаторскимъ мѣрамъ въ отношеніи сибирскихъ инородцевъ нужно положить конецъ. Православныя миссіи должны существовать исключительно на средства жертвователей, преданныхъ церкви; правительство должно быть освобождено отъ субсидированія духовныхъ миссій. На инородческихъ территоріяхъ должны быть основаны правительственныя школы съ преподаваніемъ на инородческомъ языкѣ; особенное вниманіе должно быть обращено на распространеніе образованія инородческихъ женщинъ.

Для крупныхъ народностей, для киргизовъ и бурятъ должны быть основаны гимназіи съ преподаваніемъ на родномъ для дѣтей языкѣ. Сибирской жизни нужно придать такой строй, чтобы всякое племя, какъ бы мало оно ни было, татары, буряты, остяки, самоѣды, имѣли бы шансы на общественное и культурное возрожденіе и самоопредѣленіе.

Учрежденіемъ областной думы и передачей въ ея завѣдываніе областныхъ финансовъ будетъ достигаться уравненіе колоніи съ метрополіей въ области промышленности; учрежденіемъ обширной системы учебныхъ заведеній съ университетомъ во главѣ достигнется уравненіе съ метрополіей въ области просвѣщенія. Необходимо также не забыть и объ уравненіи колоніи съ метрополіей въ области судебныхъ учрежденій. Необходимо введеніе суда присяжныхъ, института выборныхъ судей и независимыхъ отъ администраціи судебныхъ слѣдователей, упраздненіе крестьянскихъ начальниковъ съ передачей ихъ судебныхъ функцій судебной власти, а хозяйственныхъ земскому самоуправленію. Ссылка должна быть окончательно упразднена; для какихъ бы то ни было преступленій не должно быть исключеній; ссылка въ Сибирь за политическія дѣянія и за дѣянія противъ вѣры должна быть такъ же прекращена, какъ и за дѣянія уголовныя. Тюрьмы сибирскія должны быть разсчитаны только на сибирскій процентъ преступниковъ; онѣ не подлежатъ расширенію сообразно метрополіи.

Университетъ и областная дума должны создать новую Сибирь. Въ настоящее время Сибирь представляетъ безформенную массу, которая питается сокомъ европейской цивилизаціи посредствомъ политическаго и культурнаго эндосмоза. Университетъ и областная дума должны оформить эту аморфную массу и оживить ее, обратить ее въ „критически мыслящій“ коллективный организмъ, преслѣдующій опредѣленныя цѣли, управляющій своимъ собственнымъ прогрессомъ.

Сибирское общество еще не организовано. Интересы русскаго населенія Сибири за триста лѣтъ пребыванія его на новыхъ мѣстахъ обособились отъ интересовъ метрополіи, но это обособленіе сознано

немногими умами въ Сибири; инородческія племена не сцементированы съ русскимъ населеніемъ Сибири сознаніемъ общихъ интересовъ, которые объединяютъ всѣ части населенія, обитающаго въ Сибири. Въ Сибири образовались за послѣдніе два, три года политическія партіи, но это отголоски политическаго броженія, происходящаго въ метрополіи; и въ Сибири процессъ образованія партій происходитъ только въ пришлой средѣ, образующей верхній слой сибирскаго общества. Въ Сибири есть соціаль-демократическая партія, но не только верхніе, а и нижніе ряды этой партіи составляются изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, прибывшихъ въ Сибирь изъ метрополіи, и только тамъ, гдѣ есть большія желѣзнодорожныя мастерскія. Число адептовъ соціаль-демократическаго ученія среди народной массы въ Томскѣ значительно меньше, чѣмъ въ Омскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ, но только томскій составъ партіи можно назвать зародышемъ будущей дѣйствительно сибирской соціаль-демократической партіи.

Опытъ организовать сибирское общество, объединить его на почвѣ мѣстныхъ интересовъ колоніи посредствомъ учрежденія „Областного сибирскаго союза", сдѣланный въ Томскѣ въ 1905 г., оказался преждевременнымъ; часть сибирской интеллигенціи, состоящая изъ уроженцевъ Сибири, оказалась для этого слишкомъ малочисленною и разсѣянною по территоріи, а масса сибирскаго населенія, огражденная отъ воздѣйствія интеллигенціи полицейскими мѣрами, не могла принять участія въ этомъ опытѣ, хотя идея союза должна бы встрѣтить въ ней сочувствіе. Сепаратизмъ не чуждъ сибирскому крестьянству; но его сепаратизмъ не идейный, какъ сепаратизмъ сибирской интеллигенціи, а стихійный. Сибирскіе крестьяне отличаютъ себя отъ „рассейскихъ", какъ они называютъ жителей метрополіи; случается имъ иногда относиться къ „рассейскимъ" и враждебно, когда бываютъ столкновенія на почвѣ права собственности, напр., земельной, но они не обобщаютъ своихъ чувствъ и не возводятъ ихъ въ протестъ противъ метрополіи, какъ это дѣлаетъ сибирская интеллигенція. Сибирскимъ крестьянамъ еще чужда идея о сибирской областной думѣ и выраженіе „автономія Сибири" вызоветъ въ сибирскомъ крестьянинѣ протестъ, потому что автономію онъ пока не можетъ иначе понять, какъ полное отдѣленіе отъ государства. У сибирскаго крестьянства нѣтъ стремленія къ политическому сепаратизму, а культурный — онъ можетъ смѣшать съ политическимъ. Это неумѣнье отличить культурный сепаратизмъ отъ политическаго и непониманіе значенія слова „автономія", которое замѣчается даже и въ верхнихъ слояхъ городского населенія, есть явленіе только времени; въ будущемъ, съ

развитіемъ политической свободы, городскія массы и крестьянство примкнутъ къ своей областной интеллигенціи.

Что можетъ ожидать Россія, если Сибирь будетъ обращена въ самоуправляющуюся колонію? Какіе результаты получатся для русской жизни вообще отъ примѣненія къ Сибири политической свободы, отъ свободнаго развитія соціальныхъ особенностей Сибири? Давно уже установлены главныя особенности Сибири: отсутствіе дворянства, крѣпостного права и традицій, которыя еще живутъ въ метрополіи. Сибирь—рай мужиковъ. Демократическій составъ сибирскаго общества заключалъ въ себѣ нѣкоторую угрозу дворянской политикѣ, которая господствовала въ метрополіи, и потому правящіе классы Россіи косо смотрѣли на Сибирь. Страхъ, какъ бы на демократической почвѣ Сибири не пробудился демократическій духъ и не развился до импозантныхъ размѣровъ, заставлялъ власть урѣзывать сибирскую жизнь и затруднять свободное ея развитіе, отказывая въ удовлетвореніи ея назрѣвающихъ нуждъ. Идея сибирскаго университета встрѣтила протестъ со стороны столповъ дворянской партіи; и это понятно. Въ мужицкой области университетъ долженъ быть мужицкимъ. Ядринцевъ думалъ, что сибирскій университетъ силою вещей сдѣлается мужицкимъ, и когда однажды онъ это высказалъ въ разговорѣ съ Г. З. Елисѣевымъ, то этотъ демократъ-писатель сказалъ ему: „какъ же, позволятъ вамъ устроить мужицкій университетъ!“ И дѣйствительно, журналистъ дворянской партіи кн. Мещерскій поднялъ голосъ противъ учрежденія сибирскаго университета.

Въ той же дворянской политикѣ Сибирь встрѣчала помѣху и въ введеніи земскаго самоуправленія. Боялись, что дарованіе земскихъ учрежденій создастъ изъ Сибири такой же опасный примѣръ такого же быстраго развитія крестьянской массы, какой Россія уже имѣетъ въ лицѣ вятскаго земства. Въ дворянской средѣ высказывалось опасеніе, какъ бы сибирское земство,—такъ какъ дворянскій надзоръ въ немъ будетъ отсутствовать,—не превратилось бы въ убѣжище оппозиціонныхъ силъ Россіи и всѣхъ недовольныхъ существующимъ режимомъ, и въ очагъ общей русской революціи. Тѣмъ болѣе господствующій классъ несочувственно относится къ мысли дарованія Сибири большей политической свободы, чѣмъ какая существуетъ въ метрополіи.

Конечно, демократическій кабинетъ, который, не долго ждать, долженъ встать во главѣ Россіи, отнесется къ Сибири иначе; онъ не только не замедлитъ введеніе самоуправленія въ Сибири, но и дастъ ихъ въ размѣрахъ, не стѣсняемыхъ временными условіями общественнаго строя метрополіи, потому что въ противномъ случаѣ

значитъ предоставить сибирскому обществу продолжать чувствовать себя въ положеніи человѣка, который долженъ итти въ гору, скованный наручнями съ рахитикомъ. Опасности отъ дарованія Сибири широкой политической свободы не можетъ быть. Метрополія достаточно могущественна, чтобы во всякое время воспрепятствовать активному вмѣшательству колоніи во внутреннія дѣла метрополіи и ограничить дѣятельность колоніи только нравственной поддержкой демократическимъ элементамъ метрополіи.

Общественный бытъ Сибири еще не сложился въ опредѣленныя формы; онъ находится еще въ періодѣ броженія; какую кристаллическую форму приметъ ея бытъ — объ этомъ можно только гадать. Въ этомъ отношеніи интересно сравнить сибирское общество съ уральской казачьей общиной, которая также продуктъ творчества русской демократіи, какъ и Сибирь, продуктъ вольно-народной колонизаціи. Общинный духъ, проникающій жизнь великорусскаго племени, покрылъ лицо русской земли безконечнымъ числомъ земельныхъ общинъ, но ни одна изъ нихъ не достигла такого совершенства, такой кристаллизаціи, какъ уральская казачья община. Въ лицѣ ея мы имѣемъ общину съ населеніемъ въ 100.000 душъ обоего пола, съ территоріей въ 600 верстъ длиной, земли и угодья которой находятся въ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ этихъ ста тысячъ душъ, съ огромнымъ рыбнымъ богатствомъ рѣки, которое эксплуатируется общиной только въ полномъ сборѣ, а не въ разбивку, съ хозяйственнымъ управленіемъ, которое регулируетъ эксплуатацію природы, регламентируетъ рыбную ловлю, сѣнокошеніе, даже сборъ ягодъ, устраняетъ конъюнктюры, благопріятныя для отдѣльныхъ лицъ и мѣшаетъ появленію капиталистическихъ парвеню. Уральская казачья община представляетъ замѣчательное созданіе русснародпаго соціализма. Это шедевръ въ музеѣ, въ которомъ собраны образчики творчества великорусскаго племени въ области соціальныхъ построеній.

Сибирь представляетъ полный контрастъ этой реликвіи русской общественности, реликвіи, которая является самымъ консервативнымъ общежитіемъ на Руси. Уральская казачья община — довершенная кристаллизаціонная форма. Сибирь — растворъ; ея кристаллизація въ отдаленномъ будущемъ. Великорусскій общинникъ, переваливъ черезъ Уралъ, не принесъ съ собой тогда же поземельной общины; просторъ земли сдѣлалъ то, что русская община при переходѣ черезъ Уралъ разсыпалась. Изъ земледѣльца коллективиста сибирскій крестьянинъ обратился въ земледѣльца индивидуалиста. Кромѣ того, въ первое столѣтіе по занятіи Сибири большинство колонистовъ занялось звѣроловствомъ; частью для этого промысла люди соединялись въ

артели, и иногда въ значительныя артели, какъ это было на сѣверовостокѣ Сибири (такъ называемыя „чуны", отъ слова „чуны" сани для перевозки припасовъ), но многіе уходили въ одиночку и— проводили по нѣскольку мѣсяцевъ въ тайгѣ, черни, или урманѣ, не имѣя общенія съ остальнымъ міромъ. Одинъ историческій памятникъ XVIII в. сохранилъ разсказъ о тарскомъ жителѣ, который удалился въ долину р. Убы въ Алтаѣ, построилъ избу и прожилъ въ пейтральной пустынѣ этой долины, въ 200 верстахъ отъ ближайшаго русскаго селенія, около десяти лѣтъ, только временами прерывая свое одиночное заключеніе выходами въ деревню купить соли. Такіе схимники звѣропромышленности, звѣроловы-молчальники и звѣроловы-столпники были несомнѣнно не рѣдкость въ старой Сибири. Индивидуализмъ сибирскихъ крестьянъ былъ давно отмѣченъ наблюдателями; кажется, впервые это подмѣтилъ наблюдательный глазъ Бакунина; по крайней мѣрѣ, я впервые это мнѣніе слышалъ отъ Бакунина въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда встрѣтился съ нимъ въ Томскѣ. Съ тѣхъ поръ эта аттестація сибирскаго крестьянина стала общимъ мѣстомъ.

Для развитія областного самосознанія уральская казачья община и Сибирь каждая имѣютъ свои выгоды и невыгоды. Уральская община имѣетъ небольшую территорію (сравнительно съ Сибирью), это дало ей возможность жить плотнѣе и скорѣе кристаллизоваться. Населеніе общины, кромѣ того, объединяется сборами въ г. Уральскѣ для рыболовства, для наемки на полевую службу и т. д.; этихъ сборовъ бываетъ нѣсколько въ году. Вслѣдствіе этихъ сборовъ, члены общины пріобрѣтаютъ солидарность и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе воспитываются въ чувствѣ обособленности отъ остального русскаго міра. Уральскій сепаратизмъ сильнѣе сибирскаго. Въ противоположность этому Сибирь при своей громадной территоріи сильно разбросана, солидарности между ея частями въ народной массѣ нѣтъ и объединеніе происходитъ только въ интеллигенціи, а не въ народной массѣ, какъ на Уралѣ. Но тѣ же небольшіе размѣры территоріи или, что почти то же, небольшіе размѣры общины имѣютъ и свою невыгоду; община выдѣляетъ изъ себя интеллигенцію, молодые люди уѣзжаютъ въ университетскіе города для пріобрѣтенія знаній, получаютъ ихъ и становятся спеціалистами, по окончаніи же курса не находятъ на крошечной территоріи своей общины примѣненія своихъ знаній; они размѣщаются по заводамъ, госпиталямъ и гимназіямъ внѣ уральской Россіи; вслѣдствіе этого община постоянно теряетъ самыхъ способныхъ своихъ членовъ. Община страдаетъ такимъ же абсентизмомъ свѣжихъ умственныхъ силъ, какъ и Сибирь, но послѣдняя въ этомъ отношеніи менѣе безнадежна. Большіе размѣры Сибири

дают ъ ей въ этомъ отношеніи преимущество; ранѣе и она теряла свои таланты, такіе, напр., какъ Менделѣевъ, но съ открытіемъ университета и технологическаго института и съ развитіемъ промышленности терять она въ прежней мѣрѣ уже не будетъ. Менѣе облагодѣтельствованная въ смыслѣ объединенія народной массы, Сибирь поставлена въ лучшія условія относительно объединенія интеллигенціи.

Взглядъ на Сибирь, какъ на среду, гдѣ русскій творческій духъ можетъ свободно развернуть свои крылья, не связанныя традиціями, которыми они были связаны въ метрополіи, нерѣдко подавалъ поводъ сравнивать Сибирь съ сѣверо-американскими штатами. Дѣйствительно, Сибирь по отношенію къ Европейской Россіи играетъ роль, до нѣкоторой степени сходную съ ролью штатовъ въ отношеніи Англіи,—конечно, исключительно въ области экономическихъ условій. Въ области же политики громадное несходство. Англійскіе колонисты сразу получили хорошія политическія учрежденія и вскорѣ развили небывалую въ свѣтѣ политическую свободу; можетъ быть поэтому они не развили своего искусства; нѣтъ американской школы живописи, американской музыки, американскаго театра; Америка пробавляется произведеніями искусства Западной Европы; въ Америкѣ искусство всегда было только предметомъ развлеченія, а не средствомъ политической борьбы; оно въ этой службѣ искусства не нуждалось. Въ Европѣ искусство, какъ и наука, было орудіемъ, иногда скрытымъ орудіемъ, для завоеванія лучшихъ условій жизни. Такъ какъ въ жизни искусства Россія пошла по пути Европы, то и артистическая жизнь Сибири построится, вѣроятно, по европейскому типу.

Сходство же заключается въ томъ, что и англійскіе и русскіе колонисты нашли на новыхъ мѣстахъ земельный просторъ; въ Сибири, конечно, поземельный фондъ меньше, потому что значительная часть территоріи занята тундрой. Жизнь въ колоніи сдѣлала англичанъ болѣе выраженными индивидуалистами, чѣмъ они были на старой родинѣ; въ томъ же смыслѣ Сибирь повліяла на русскихъ колонистовъ; русскій общинникъ превратился въ индивидуалиста, хотя, конечно, въ индивидуалиста въ русскомъ духѣ, у котораго склонность къ коллективизму сохранилась въ скрытомъ видѣ; при наступленіи извѣстныхъ условій онъ опять становится коллективистомъ, какимъ былъ на родинѣ.

Какъ и американцамъ, развитію политической свободы въ русской колоніи также мало мѣшаютъ традиціи и внутренній составъ общества, и единственнымъ препятствіемъ къ завоеванію свободы служитъ только невѣжество народной массы, на которое опирается враждебная свободамъ власть.

Сибирь—подарокъ, который народная масса поднесла Россіи. Ее завоевалъ не генералъ, не воевода, а атаманъ казачьей вольницы. Довершили завоеваніе тоже выходцы изъ народа, Поярковы, Похабовы, Хабаровы, Атласовы, и т. п. землепроходцы. Затѣмъ хлынула въ Сибирь „вольнонародная колонизація". Правительство шло въ хвостѣ народнаго предпріятія. Воеводы являлись уже на насиженное атаманами завоевательныхъ ватагъ мѣсто. Правительственная колонизація также запоздала сравнительно съ вольнонародной. Въ этой послѣдней слились представители вольнолюбиваго сѣвера и вольнолюбиваго юга: казаки съ Волги и съ Дона. Южане господствовали, повидимому, въ верхнихъ слояхъ, они представляли боевой элементъ колонизаціи, играли выдающуюся роль въ городахъ и сообщали имъ конструкцію казачьяго круга, но главная масса колонизаціонной волны шла изъ прежнихъ народоправствъ, на что указываетъ нарѣчіе, которымъ говоритъ сибирское крестьянство. Въ этой колонизаціонной толпѣ былъ всякій народъ, были здоровые элементы, были и люди съ темнымъ прошлымъ, не только среди первыхъ, но и между вторыми было много людей съ общественной иниціативой, съ организаторскими способностями, людей находчивыхъ и изобрѣтательныхъ.

Съ теченіемъ времени вольнонародная Сибирь смѣнилась воеводскою, хотя вольнонародная Сибирь сдалась не безъ борьбы; мѣстами города бунтовали противъ пазлѣвшаго воеводы, хватали его, заковывали въ кандалы, бросали въ тюрьму, объявляли кругъ, избирали временное правительство, а въ Москву отписывали, что крамолу противъ царя истребили. Однако, воеводскій режимъ укрѣпился и потомъ перешелъ въ губернаторскій. На составѣ колонизаціи укрѣпленіе власти отразилось такъ; колонизированіе Сибири здоровыми элементами было совершенно прекращено, а колонизація темныхъ элементовъ усилена.

Слѣдовало бы ожидать, что русскій народъ построитъ на новомъ мѣстѣ зданіе болѣе стройное, какое-нибудь усовершенствованное народоправство. Но онъ этого не сумѣлъ сдѣлать. Для того, чтобы сооружать жизнь на новыхъ началахъ, ему недоставало просвѣщенія, его отписки въ Москву показываютъ, какъ мизеренъ былъ политическій цензъ, этихъ сибирскихъ kuasi-республиканцевъ.

Строительная работа народной массы въ Сибири потерпѣла фіаско. И это вѣроятно потому, что масса не вполнѣ освободилась отъ традиціонныхъ вкусовъ. То, что она должна была сдѣлать, предстоитъ исполнить будущимъ поколѣніямъ Сибири, которыя будутъ для этого вооружены и воспитаны лучше. Ихъ работа пойдетъ конечно, параллельно съ работой въ другихъ частяхъ государства

но имъ предстоитъ выдающаяся роль въ разработкѣ одной спеціальной идеи, выдвинутой современнымъ политическимъ броженіемъ Россіи,—идеи объ автономіи областей. Идея эта зародилась, наиболѣе разработана и наиболѣе распропагандирована въ областяхъ, гдѣ существуетъ національный вопросъ. Въ центральныхъ областяхъ обширной Великороссіи этотъ вопросъ возникъ только въ самое послѣднее время; исключеніе составляетъ Сибирь, гдѣ онъ поднятъ значительно раньше. Въ центральныхъ областяхъ, очевидно, стремленіе къ автономіи не можетъ исходить изъ національнаго начала, а будетъ опираться на другое основаніе. Съ этой стороны Сибирь представляетъ большой интересъ; въ ея русской части нѣтъ національнаго вопроса, а потребность въ автономіи чувствуется сильнѣе, чѣмъ въ какой другой части Великороссіи. Поэтому Сибирь въ развитіи автономистскаго движенія въ великорусскихъ областяхъ будетъ передовымъ застрѣльщикомъ.

75943

Изданіе книгоиздательства А. Ф. Девріена

ПО ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЮ.

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

РОССІЯ.

Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русскихъ людей. Подъ общимъ руководствомъ **П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго,** вице-президента И. Р. Геогр. Общ. и акад. **В. И. Ламанскаго**, предсѣдателя отдѣленія этнографіи И. Р. Геогр. Общ., подъ редакціею **В. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго.**

ТОМЪ ВТОРОЙ. *Среднерусская черноземная область.* (Описаніе губ.: Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Воронежской и Курской). Съ 123 политипажами, 35 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 10 мал. картами. Ц. 3 р. 25 к., въ папкѣ 3 р. 50 к., въ перепл. 3 р. 75 к.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. *Озерная область.* (Описаніе губерній: Петербургской, Псковской, Новгородской и Олонецкой). Съ 119 политипажами, 37 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 8 малыми картами. Цѣна 1 руб. 90 коп., въ папкѣ 2 руб. 15 коп., въ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб. 40 коп.

ТОМЪ ШЕСТОЙ. *Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье.* (Описаніе губерній: Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Астраханской). Съ 98 политипажами, 35 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 10 малыми картами. Цѣна 2 руб. 50 к., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 к., въ переплетѣ 3 руб.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ. *Малороссія.* (Опис. губ.: Черниговской, Полтавской и Харьковской). Съ 100 политип., 40 діагр., картогр., схемат. профилями, 1 большой справ. и 10 мал. картами. Ц. 2 руб. 50 к., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 к., въ пер. 3 р.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ. *Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія.* (Описаніе губ.: Витебской, Минской, Могилевской и Смоленской). Съ 111 политип., 37 діагр., картогр. и схем. проф., 1 большой справ. и 10 мал. картами. Ц. 3 р. 75 к., въ мягкой папкѣ 4 р., въ перепл. 4 р. 25 к.

ТОМЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ. *Западная Сибирь.* (Описаніе губ.: Тобольской и Томской). Съ 104 политип., 34 діагр., картогр. и схематич. проф., 1 большой справ. и 9 малыми картами. Ц. 3 р. 75 к., въ мягкой папкѣ 4 р., въ перепл. 4 р. 25 к.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ. *Киргизскій край* (Описаніе областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской). Съ 123-мя политипажами, 35 діаграммами, картограммами, схематическими профилями, 1 большой справочной и 8 малыми картами. Цѣна 2 р. 50 к., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 к., въ перепл. 3 р.

Въ печати находится томъ **четырнадцатый — Новороссія.**

Содержаніе каждаго тома слѣдующее: 1) Формы поверхности и строеніе земной коры въ предѣлахъ разсматриваемой области. Климатъ. Растительный и животный міръ. 2) Историческія судьбы области. Распредѣленіе населенія по территоріи, его этнографическій составъ, бытъ и культура. Промыслы и занятія населенія. Пути сообщенія. 3) Наиболѣе замѣчательныя мѣста и мѣстности. Мѣстности, расположенныя вблизи желѣзныхъ дорогъ. Мѣстности, расположенныя вблизи судоходныхъ рѣкъ, озеръ и морей. Мѣстности, расположенныя вблизи почтовыхъ трактовъ.

Томы этого сочиненія выходятъ въ свѣтъ не въ послѣдовательномъ порядкѣ, потому что, вслѣдствіе обширности программы всего изданія, составленіе и обработка матеріала поручена редакціей многочисленнымъ сотрудникамъ, живущимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Выходитъ изъ печати ранѣе тотъ томъ, матеріалъ коего былъ ранѣе собранъ. Отъ такого порядка все изданіе ничуть не пострадаетъ, такъ какъ каждый отдѣльный томъ представляетъ собой самостоятельное цѣлое.

Каждый томъ продается отдѣльно. Томъ первый—*Московская промышленная область и Верхнее Поволжье*—распроданъ. Подписка на все изданіе не принимается, но лица, желающія получать каждый новый томъ, по выходѣ такового, по почтѣ съ наложеннымъ платежемъ, благоволятъ объ этомъ извѣстить издателя.

Рекомендовано Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. для фундам. и ученич. старш. возр. библ. средн. учебн. завед. и для **раздачи** воспитанникамъ въ **награду**, а также для библ. учит. институт. и семинарій и для ученич. библ. низшихъ учил. и допущено въ безпл. читальни.—**Рекомендовано** Уч. Комит. Мин. Землед. и Госуд. Им. для библ. подвѣдомств. Министерству учебныхъ заведеній.—Учен. Комит. Мин. Финансовъ **рекомендовано,** какъ пособіе для преподавателей географіи и учениковъ старш. клас. коммерческихъ учебныхъ заведеній Вѣд. Мин. Фин., а равно и **для награжденія** наиболѣе успѣвающимъ по географіи ученикамъ.—Главн. Упр. Военно-Учебн. Завед. **рекомендовано** для фундамент. и ротн. библ. военныхъ и юнкерскихъ училищъ и для фундамент. библіот. кадетскихъ корпусовъ.

Изданія книгоиздательства А. Ф. Девріена

Въ сердцѣ Азіи.

Памиръ. — Тибетъ. — Восточный Туркестанъ.

Путешествіе **Свена Гедина** въ 1893—1897 гг. Перев. съ шведскаго А. и П. Ганзенъ. 2 объемистыхъ тома, съ 257 рис. въ текстѣ и 3 картами. Цѣна обоихъ томовъ 6 р. 50 к., въ коленкор. перепл. 8 р.

Таримъ. — Лобъ-Норъ. Тибетъ.

Путешествіе по Азіи 1899—1902 гг. **Свена Гедина**. Переводъ-извлеченіе съ шведскаго. Съ 126 рис. въ текстѣ и картой. Ц. 3 р., въ перепл. 3 руб. 60 коп.

Китай и Китайцы.

Жизнь, бытъ и нравы современнаго Китая. Соч. **Эрнста фонъ-Гессе-Вартега**. Переводъ со второго исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія А. и П. Ганзенъ. Большой томъ. Съ 32 отд. гравюрами и 114 рис. въ текстѣ. Ц. 4 р. 50 к., въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.

Японія и Японцы.

Жизнь, бытъ и нравы современной Японіи. **Эрнста фонъ-Гессе-Вартега**. Перев. со 2-го исправл. и допол. нѣм. изданія, съ разрѣшенія автора, М. О. Шрейдера, под. редакц. Д. И. Шрейдера. Съ 28 отд. гравюрами и 106 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е, испр. и дополн. Ц. 3 р. 75 к., въ коленкоровомъ перепл. 4 р. 50 к.

Край гордой красоты.

Кавказское побережье Чернаго моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Сочиненіе **С. Васюкова.** Съ 37-ю страничными рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р., въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к.

Полные каталоги книгоиздательства А. Ф. Девріена высылаются по первому требованію безплатно.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Цѣна 2 рубля.

БИБЛІОТЕКА
ТЮМЕНСКАГО
ПРИКАЗЧИЧЬЯГО
КЛУБА.